КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XC.

1905 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 11 іюля 1905 г.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность [1]).

ГЛАВА X.

Опала.

(1821—1831).

Бѣдственное положеніе Каразиныхъ и просьбы о помилованіи. Письмо къ имп. Николаю I и облегченіе участи семьи. Сельскія занятія съ 1826 г. Семейная жизнь. Знакомство съ М. П. Погодинымъ (1829). Избраніе въ Предсѣдатели Уголовной Палаты (1828—1830). Поѣздка въ Москву и столкновеніе съ А. X. Бенкендорфомъ. (1831). Пятое наказаніе и высылка изъ Москвы. Письмо къ императору Николаю I (1831).

Ссылка В. Н. Каразина продолжалась до конца 1826 г., слѣдовательно около 6 съ половиною лѣтъ. О жизни въ тотъ періодъ времени Каразина мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Сохранившіяся «Дневныя записки» съ 1821 г. не обнародованы, а переписка, будучи обставлена тяжелыми формальностями, прекратилась. Можно сказать только, что запрещеніе выѣзда изъ деревни очень пагубно отразилось на хозяйственныхъ дѣлахъ В. Н. Каразина. Въ 1824 г. часть села Кручика перешла за долги въ чужія руки. «Сего 1824 г. іюля мѣсяца въ 22 день чиновники земскаго суда, прибывъ съ секретаремъ и приглашенными дворянами въ село Кручикъ, ввели во владѣніе большей половины онаго, поручика графа Подгоричани-Петровича. А еще въ прошедшемъ году остальная часть села взята въ казенный присмотръ»... доносилъ кручанскій священникъ епископу Павлу Саб-

---

[1]) См. Кіевск. Стар., № 6.

батовскому [1]). Въ 1825 г. онъ, находясь больной въ постели и уже думая о близкой смерти, писалъ въ Таганрогъ къ императору Александру I, прося его «сжалиться надъ несчастнымъ семействомъ», въ виду совершенно разстроившагося хозяйства. Письмо это не дошло по назначенію. Въ іюнѣ 1826 г. Каразинъ отправилъ новую просьбу о помилованіи императрицѣ, при чемъ адресовался отъ имени своей жены [2]). Въ какомъ положеніи находились Каразины къ этому времени, свидѣтельствуетъ «записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ» отъ 1-го марта 1826 г. «Каразинъ, писалъ онъ въ Петербургъ, такъ обремененъ долгами, что собственное его имѣніе, с. Кручикъ, необходимо подвергнется конфискаціи и продажѣ съ публичнаго торга на уплату его долговъ, почему мнѣ нужно разрѣшеніе, гдѣ долженъ будетъ имѣть пребываніе Каразинъ, когда село Кручикъ обратится въ продажу?» [3])

Государыня обратилась съ запросомъ къ барону Ив. Ив. Дибичу (генералъ-адъютанту), который снесся съ гр. Кочубеемъ. Послѣдній письмомъ отъ 16-го іюля далъ требуемыя справки о дѣятельности Каразина въ Петербургѣ, о его сношеніяхъ съ государемъ Александромъ Павловичемъ, о причинахъ его заточенія въ Шлиссельбургѣ и ссылкѣ въ деревню. «Я съ своей стороны присоединить себѣ позволяю, писалъ Кочубей, что не можетъ, кажется, быть препятствія удовлетворить просьбѣ г-жи Каразиной... Заточеніе мужа ея въ деревнѣ можетъ быть дѣйствительно для семейства его разорительно, между тѣмъ какъ полагать можно, что собывшееся съ нимъ и лѣта успокоили пылкое его воображеніе» [4]). Но просьба А. В. Каразиной, равно какъ и видимое сочувствіе Кочубея, не раздѣлявшаго убѣжденія въ виновности Василія Назаровича, не произвели желаннаго дѣйствія: 4-го августа было получено письмо изъ Петербурга «дежурнаго генерала» съ рѣшительнымъ отказомъ государя на просьбу Каразина [5]). Но въ тотъ же день распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ были потребованы отъ разныхъ лицъ «подписки о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, при чемъ Василію На-

---

[1]) „Харьковскій Сборникъ“, 1887 г., стр. 59.

[2]) Записки къ импер. Николаю I („Русск. Стар.“—1870 г. т. II, 567.

[3]) „Русск. Стар.“ 1900 г. іюль, 154 стр.

[4]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I т. VI, стр. 545.

[5]) Письмо къ Императору Николаю I „Русская Старина“, 1870 г. т. II, стр. 567.

заровичу было разрѣшено объяснить въ особомъ всеподданнѣйшемъ письмѣ несчастную его исторію по поводу этихъ обществъ» [1]).

25-го числа того же мѣсяца Каразинъ узналъ о состоявшемся разрѣшеніи и... съ радостью принялся за письмо къ новому государю. Семья пришла въ ужасъ отъ намѣренія Василія Назаровича. По примѣру прежнихъ лѣтъ *можно было ожидать новаго увлеченія* его и еще бо́льшаго ухудшенія безотраднаго положенія Каразиныхъ. Два письма удалось перехватить и уничтожить «бѣдному напуганному несчастіями семейству», какъ объяснялъ Василій Назаровичъ въ 3-емъ письмѣ. Наконецъ, третье письмо, «писанное въ квартирѣ Ушинскаго тайкомъ отъ жены» [2]), дошло по назначенію. Характеръ письма Василій Назаровичъ объяснилъ самъ въ началѣ его: «я стану продолжать писать, хотя дрожащею рукою и исполненный глубочайшаго *должнаго* благоговѣнія, но съ тою же самою свободою, которая одушевляла мои бумаги въ продолженіе двадцати лѣтъ, писанныя къ моему незабвенному благотворителю, блаженной памяти августѣйшему брату вашему, государь!» Стараясь оправдать свои мысли и дѣйствія, за которыя пришлось несть столь тяжкія и долгія испытанія, Василій Назаровичъ указывалъ на справедливость своихъ указаній и на то, что результатомъ невниманія къ нимъ явилось 14-ое декабря; что планы его въ 1820 году нашли сочувствіе «нѣсколькихъ извѣстныхъ государю особъ», что всѣ стремленія его клонились къ благу любимаго отечества, ибо, указывая на «странное направленіе умовъ», писалъ Каразинъ «не о себѣ и о *своихъ* я помышлялъ, но о томъ только, какъ бы менѣе всѣмъ существомъ моимъ, хотя бы оно вдребезги разбилось, ударить въ сердце государево». Кончивъ апологію своихъ дѣйствій, Каразинъ съ жаромъ началъ излагать свои мысли о необходимости итти впередъ по пути прогресса: Василій Назаровичъ вновь забылъ о себѣ и своихъ, стремясь «ударить въ сердце государево». «Я хотѣлъ всецѣльно, и сколько отъ ничтожнаго частнаго человѣка могло зависѣть, предупредить—не только казавшуюся мнѣ близкою революцію, не и всѣ возможныя впослѣдствіи времени революціи, обративъ вниманіе государя *не-деспота* на противорѣчія между разливающимся черезъ всѣ сословія въ народѣ просвѣщеніемъ и формами правленія, которыя могли быть приличны прошедшимъ лишь вѣкамъ: противорѣчія, кои необходимо, по об-

---

[1]) Тамъ же, стр. 560.

[2]) Письмо Филадельфа Васильевича Каразина. Г. П. Данилевскій. „Украинская Старина“ Харьковъ, 1886, стр. 167.

щимъ законамъ моральнаго міра, производятъ и всегда будутъ производить одно *дѣйствіе»*, намекалъ Каразинъ на одинаковое не прогрессирующее положеніе вещей при новомъ государѣ: «Ничто не поможетъ, нѣтъ никакого средства, не достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо, или дать ему противное движеніе». «Гдѣ, кромѣ Карамзина, найдемъ историковъ, которые одобряли бы самовластіе?» Здѣсь, какъ бы спохватившись, Василій Назаровичъ добавляетъ. «Но я употребляю во зло, можетъ быть, столь милостиво дарованное мнѣ позволеніе? Для того, можетъ быть, пишу, чтобы увеличить еще вину мою, предоставить ее во всей ея наготѣ?» [1]). Дѣйствительно, трудно было бы ожидать послѣ подобнаго письма улучшенія участи В. Н. Каразина, который, оправдывая «антиправительственныя» дѣйствія свои (какими ихъ по крайней мѣрѣ считали въ Петербургѣ въ 1820 г.), открыто выражалъ порицаніе современному положенію вещей, которое надо также принять къ свѣдѣнію. Но вопреки опасенію самого В. Н. Каразина, императоръ Николай Павловичъ, прочитавъ письмо и приложенные къ нему списки съ поданныхъ Кочубею и имп. Александру въ 1820 г. записокъ и писемъ, помиловалъ опальнаго: въ резолюціи барона Дибича отъ 28-го окт. 1826 г. относительно дальнѣйшей судьбы Каразина было сказано: «Высочайше позволяется ему пребывать и въ Москвѣ, буде желаетъ, но съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, къ нему не принадлежащаго [2]). Въ Петербургъ В. Н—чу былъ воспрещенъ въѣздъ до самой смерти. Позднѣе гр. А. К. Бенкендорфъ приписывалъ освобожденіе Вас. Наз—ча своему ходатайству [3]).

Занятія Василія Назаровича послѣ освобожденія отъ стѣснительнаго положенія (т. е. 1826 года) были продолженіемъ его занятій до 1820 г. Домоводство, примѣненіе открытій по химіи и физикѣ къ потребностямъ человѣка, новые опыты по метеорологіи, собираніе историческихъ матеріаловъ, работы въ области литературы и дѣятельная переписка съ незабывавшимъ уважаемаго В. Н. Каразина обществомъ—наполняли жизнь кручанскаго помѣщика; разница лишь въ томъ, что правитель дѣлъ неупраздненнаго de iure филотехническаго общества пересталъ представлять ему и печатать отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, благодаря чему мы не можемъ съ точностью обозначить время тѣхъ

---

[1]) Русск. Стар. 1870 г. т. II, стр. 567.
[2]) Шильдеръ. „Импер. Алекс. I“, с. IV, приб. X.
[3]) „Русская Стар.“ 1903 г., апр. стр. 20.

или иныхъ его работъ, какъ это было удобно дѣлать, имѣя передъ собой отчеты филотехническаго общества.

Объ опытахъ своихъ по сельскому хозяйству, домоводству, которыхъ В. Н. не оставлялъ ни на минуту, онъ печаталъ впослѣдствіи (съ 1838 по 1841 г.г.) въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Такъ, мы видимъ здѣсь статьи его «О посадкѣ картофеля на поляхъ», гдѣ рекомендуется сажать больше картофеля, какъ необыкновенно полезнаго въ смыслѣ перемѣны растительности на пахати и въ смыслѣ удобренія почвы листомъ картофеля, дающей лучшіе урожаи зернового хлѣба. Рекомендуется посадка однихъ «глазокъ» картофеля, съ цѣлью сбереженія пропадающаго въ землѣ клубня, и *застѣваніе* полей сѣменами картофеля. Въ другомъ мѣстѣ предлагается, *на основаніи собственныхъ опытовъ*, продавать заграницу не хлѣбъ, идущій тамъ на выработку спирта, а самый спиртъ, уменьшивъ, такимъ образомъ объемъ продукта въ пять разъ. Въ виду очевидныхъ большихъ выгодъ, В. Н. задумалъ проектъ торговли съ иностранцами спиртомъ въ большихъ размѣрахъ. «Большой тутъ премудрости не надо! Слишкомъ за годъ началась уже переписка съ чужестранными негоціантами по сему предмету. Заводъ почти готовъ. Составимъ общество для опыта, назначивъ акцію въ сто рублей асс. Есть на лицо четыре члена, которые будутъ ожидать извѣщенія отъ желающихъ въ харьковскую справочную контору» [1]). Проектъ впрочемъ такъ и остался проектомъ. Общество, повидимому, не состоялось, и выгоды «собственныхъ опытовъ» Каразина никого не тронули. Опытами по винокуренію Каразинъ, какъ мы видѣли, занимался еще съ 1806 года. Теперь въ Кручикѣ стоялъ цѣлый заводъ, вырабатывавшій алкоголь. Заводъ этотъ перешелъ послѣ смерти Каразина къ его зятю-преемнику Сявцилло, а потомъ къ зятю Сявцилло— Земборскому, у котораго и пропалъ совсѣмъ. Крестьяне, глубокіе старики, разсказываютъ еще теперь, какъ Каразинъ отправлялъ «нѣмцамъ» цѣлыми обозами—«алкоголій» въ высокихъ бѣлыхъ металлическихъ цилиндрахъ. Невдалекѣ отъ барскаго дома дѣйствовала лабораторія, вырабатывавшая разные химическіе продукты. Начало этой лабораторіи относится, конечно, къ болѣе раннему времени: вѣроятно ея учрежденіе было въ связи съ учрежденіемъ филотехническаго общества. Крестьяне кручанцы разсказываютъ теперь, что мастерами въ лабораторіи были плѣнные французы (по одной версіи 11, по другой 30), которыхъ Каразинъ послѣ войны 1812 года пріютилъ у себя. Для французовъ этихъ

---

[1]) «О торгѣ за границу хлѣбными спиртами» «Х. Г. В.» *1838 г.* № 50, стр. 421—425.

было выстроено особое общежитіе; тѣ изъ нихъ, которые не знали никакого ремесла, окапывали глубокими рвами (1 кв. саж.) лѣса В. Н. Каразина; эти рвы до сихъ поръ удивляютъ своей необычной глубиной. Большинство же иностранцевъ работали въ лабораторіи или занимались какимъ либо мастерствомъ—дѣлали косы, кирпичи, горшки, вырабатывали прекрасную юфть (кожу), которой, какъ мы видѣли, хвалился Вас. Наз. въ собраніи филот. общества. У опытныхъ мастеровъ въ лабораторіи учились и свои крестьяне-кручанцы, становившіеся потомъ на мѣсто учителей. Отецъ одного старика, разсказывавшаго мнѣ о «рабпаторіи»—Иванъ Катко, былъ однимъ изъ такихъ лаборантовъ.

Занимаясь разными опытами по упорядоченію домоводства, Каразинъ, между прочимъ, описалъ приготовленіе дерева для столярныхъ работъ особымъ способомъ; онъ вываривалъ доски въ спеціальныхъ длинныхъ металлическихъ ящикахъ, послѣ чего дерево ссаживалось, дѣлалось болѣе легкимъ, не трескалось и становилось почти недоступно влагѣ; предвидя дороговизну подобной обработки матеріала, Каразинъ придумалъ совсѣмъ простой и дешевый способъ. Онъ промывалъ доски въ проточной водѣ, хотя въ послѣднемъ случаѣ онѣ уступали въ добротности вываренньмъ [1]). Интересны опыты надъ приготовленіемъ хорошихъ дровъ. Ихъ Каразинъ или получалъ естественной сушкой деревъ въ теченіе зимы, весны и лѣта, или болѣе скорой искуственной. Для этого онъ заключалъ нарубленныя дрова въ металлическіе цилиндры съ замазанными наглухо крышками, чрезъ которыя проходила металлическая же трубка. Въ эту трубку проходилъ дымъ и пары жидкости, которые сгущались въ холодильникѣ и давали составъ, названный Каразинымъ *коптиломъ* и составляющій существенную часть копченыхъ съѣстныхъ припасовъ: ложечки этой жидкости достаточно было прибавить въ воду, гдѣ варится окорокъ, чтобы онъ превосходно прокоптился. Дрова, приготовленныя описаннымъ способомъ, теряли двѣ трети вѣса, жарко горѣли и не дымили, а на приготовленіе ихъ расходовалось всего небольшое количество соломы [2]). Опыты надъ полезнѣйшимъ употребленіемъ дерева продолжались, вѣроятно, долгое время; по крайней мѣрѣ такъ надо судить по техно-хозяйственному трактату «О сженіи угля съ расчетомъ» (напеч. въ «Х. Губ. Вѣд.» за 1841 г. №№ 8, 9, 10 и 11). Опыты эти начались еще до 1820 года, ибо еще въ проѣздъ Гумбольда черезъ Москву (1817 г.)

---

[1]) „О приготовл. дерева на столярн. работу“ 1838 г. № 10, стр. 93—94.

[2]) „Х. Г. В.“ 1838, стр. 55—57, № 6.

Каразинъ уже подарилъ ему жабу бальзамированную извлеченнымъ имъ отъ обработки дерева пирогонономъ. Жаба настолько сохранилась, что «ее можно было почесть за живую». То же дерево при обжиганіи на уголь давало цѣлыя два ведра прекраснаго древеснаго уксуса и смолы, пропадающихъ обыкновенно въ воздухѣ въ видѣ дыма, а между тѣмъ на эти самые продукты, въ свою очередь, приходилось жечь много лѣса, которымъ не безъ основанія такъ дорожилъ Каразинъ. Чтобы проектъ не остался глухой проповѣдью, Вас. Наз. указывалъ на большія выгоды отъ примѣненія рекомендуемыхъ имъ мѣръ (30% экономіи), предлагалъ даромъ дать желающимъ выработанные имъ чертежи заводовъ, печей и приспособленій. Причина такого безкорыстія одна и та же—страстное желаніе принести пользу дорогому отечеству вообще и полуденному краю въ частности. Во всѣхъ упомянутыхъ статьяхъ, да и во всей научно-литературной дѣятельности В. Н. Каразина сквозитъ эта идея. Василій Назаровичъ прежде всего оставался *общественнымъ* дѣятелемъ. «Добрые украинцы!—восклицаетъ въ одной изъ указанныхъ статей Каразинъ,—испытайте насадить хоть по полосѣ картофеля въ хлѣбныхъ поляхъ вашихъ. Увидите, какъ это полезно»! «Далъ бы Богъ, чтобы у насъ въ полуденныхъ губерніяхъ, хоть бы въ сосѣдствѣ городовъ, небольшими попытками, ввелось воздѣлываніе въ поляхъ коренистыхъ растеній! И скотоводство, и земледѣліе нашли бы въ томъ *большія* выгоды: и неурожаи не были бы страшными»! («Х. Г. В.» 1838, стр. 82—83). «Какъ обрадованы будутъ поселяне этимъ для нихъ открытіемъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, рекомендуя *уѣзднымъ начальствамъ* ознакомить крестьянъ съ полезнымъ совѣтомъ сѣять картофель: «мало-по-малу введется у нихъ и *турнепъ* для корму скота и сахаристая свекловица... между тѣмъ, какъ избытокъ картофлей замѣнитъ драгоцѣннѣйшее хлѣбное зерно, которое, не какъ картофель!.. можетъ пролежать десятилѣтія въ ямахъ и насыщать потомковъ въ несчастные годы» («Х. Г. В.» 1841, стр. 215).

Лѣсоистребленіе въ южной Россіи очень безпокоило Каразина. Съ 1805 года онъ старался искоренить порокъ неосмотрительнаго отношенія къ рубкѣ деревъ, заставляя своихъ крестьянъ сажать деревья на межахъ пахатей, совѣтуя въ брошюрахъ, газетныхъ статьяхъ—бережливое отношеніе къ лѣсамъ или, по крайней мѣрѣ, полную утилизацію срубленнаго дерева. Ко времени проѣзда государя черезъ Харьковъ, въ 1817 году, Каразинъ приготовилъ докладъ филотехническому обществу (въ засѣданіи котораго, онъ надѣялся, будетъ присутствовать государь)—„Рѣчь о важности лѣсоводства наипаче для Россіи“, гдѣ раскрывалъ картину оголѣнія Россіи отъ лѣсовъ и вредныя послѣдствія этого

факта. Печальному положенію лѣсовъ родины, Каразинъ указывалъ исходъ, обращая вниманіе на выгоду лѣсоразведенія, и въ виду поднятія цѣнности земли, а иногда и утилизаціи никуда негодной почвы; нѣкоторые помѣщики дѣйствительно достигли такихъ результатовъ: «Умершій зміевской помѣщикъ Иванъ Яковлевичъ Д-скій оставилъ своимъ дѣтямъ до семи сотъ десятинъ бора, которымъ онъ покрылъ сыпучіе нѣкогда пески, и многія изъ сосенъ уже строевыя деревья о сю пору. Д-скій, по ходатайству гражданскаго губернатора Бахтина, былъ награжденъ за это орденомъ св. Владиміра» [1]). Очень вѣроятно, что эта награда—слѣдствіе хлопотъ В. Н. Каразина во имя общей идеи, которому Бахтинъ во многомъ сочувствовалъ и содѣйствовалъ. Рядомъ съ хлопотами о лѣсоразведеніи Вас. Наз. занимался акклиматизаціей новыхъ родовъ деревъ, выписываемыхъ имъ при посредствѣ заграничныхъ комиссіонеровъ. Помѣщикамъ указывалъ на то-же занятіе и безкорыстно предлагалъ свои хлопоты всѣмъ желающимъ слѣдовать его примѣру: «Я лично берусь за труды выписки сѣмянъ и высадковъ» («Харьк. Вѣд.» 1838, № 15, стр. 148).

О химическихъ и техническихъ опытахъ Каразина, примѣнительно къ потребностямъ домоводства, мы находимъ свѣдѣнія также въ статьяхъ, печатанныхъ позднѣе. Въ лабораторіи Каразина приготовлялась особая крупа изъ картофельнаго крахмала съ яйцами, превосходившая своимъ вкусомъ и питательностью всѣ роды крупъ, макароны на мясномъ отварѣ, крахмалъ, солодило или діастазъ, спиртъ; приготовлялось коровье масло при помощи селитры и сахара, хорошо, въ такомъ случаѣ, сохранявшееся и пріобрѣтавшее лучшій вкусъ, кофе изъ цикорія и лѣсного проса, близко подходившаго вкусомъ къ настоящему кофе;

---

[1]) О прекрасной личности Ив. Ив. Бахтина сообщаетъ намъ свѣдѣнія Фил. Вас. Каразинъ. Василій Назаровичъ просилъ имп. Александра назначить этого человѣка на мѣсто губернатора Артакова; когда указъ состоялся, Вас, Наз., до его объявленія, снялъ потихоньку копію и прочелъ ее за обѣдомъ у Бахтина въ присутствіи всѣхъ гостей; затѣмъ вышелъ въ переднюю, принесъ оттуда бутылку клико и предложилъ присутствующимъ выпить за здоровье новаго губернатора.—Выборъ Вас. Наз-ча былъ очень удаченъ. Иванъ Ивановичъ въ продолженіе своей 13-тилѣтней службы содѣйствовалъ университету, а послѣ отставки, харьковцы въ знакъ признательности поднесли любимому губернатору 40 тыс. рублей въ уплату его долговъ. Имя Бахтина было вырѣзано на мраморной доскѣ, висѣвшей въ залѣ дворянскаго собранія. Графъ Потоцкій съ глубокимъ уваженіемъ аттестовалъ личность Бахтина (въ рескриптѣ отъ 19 апр. 1804 года Завадовскому) „Русс. Стар.“ 1875 г. т. XIV стр. 278—279.

эссенціи изъ разныхъ огородныхъ душистыхъ травъ для кушаній; свѣчи изъ стеарина, воска и «апосидора» (сколько его въ околѣвающихъ овцахъ и другой падали полуденныхъ стадъ!.. Но онъ у насъ даже и волкамъ не всегда идетъ въ пользу); оттопленные мозги разныхъ животныхъ для французской помады, дешевое мыло изъ животнаго сала и растительныхъ маслъ; разные аптекарскіе препараты, эссенціи цѣлебныхъ растеній, масло шпанскихъ мухъ, соду, селитру, скипидаръ, нашатырь, мѣдный купоросъ; деготь изъ коры древесной, эссенціи для душистыхъ ваннъ [1]), краски изъ различныхъ богатыхъ красящимъ сокомъ растеній, (марены, дроку), сахарную кислоту (acidum oxalicum), необходимую для красильныхъ фабрикъ и выписываемую изъ-за границы, добывался «пирогононъ»; эссенція дубильной кислоты, доведенная до густоты патоки, употреблялась самимъ Каразинымъ для выдѣлки прекрасной перчаточной кожи изъ шкуръ зайцевъ [2]). Все вышеописанное не было одними мыслями Вас. Наз-ча; каждый продуктъ былъ имъ самимъ выработанъ и слѣдовательно наглядно представлялъ возможность обработки его; ибо Каразинъ рекомендовалъ обществу то или другое производство; кромѣ упомянутыхъ удачныхъ опытовъ, вѣроятно, Каразинъ работалъ еще очень много по подобнымъ же предметамъ, не достигая благополучныхъ результатовъ; о томъ мы находимъ намеки въ его статьяхъ [3]). Но, кажется, рѣдко принимались обществомъ свѣдѣнія, доставляемыя трудами и заботами Каразина. Мы имѣемъ указанія на одно изобрѣтеніе, получившее примѣненіе—это лекарство Каразина противъ холеры [4]).

---

[1]) „Парижанки ими будутъ наслаждаться“: „des bains russes? des bains à exstraits? mais c'est delicieux“!..

[2]) „Хар. Губ. Вѣд.“ 1840 г. № 39, 40, 41, стр. 339—345, 351—353 и 363—365.

[3]) Москвитянинъ, ч. III, № 6 1842 г., стр. 387.

[4]) Дѣло было въ 1830 году, когда въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи свирѣпствовала холера. Рецептъ своего средства Вас. Наз. послалъ въ Москву М. П. Погодину: «Поздравляю васъ отъ всего сердца на новомъ поприщѣ благотворенія»,—писалъ Вас. Наз. Погодину, который принималъ разныя мѣры во время эпидеміи: издавалъ особое прибавленіе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» имъ редактированнымъ, „Вѣдомость о состояніи города Москвы“, чтобы предупредить панику населенія отъ разныхъ ложныхъ слуховъ, занимался сборомъ и распредѣленіемъ пожертвованій пострадавшимъ семьямъ и проч. „Донесите, пожалуйста князю Дмитрію Владиміровичу (московск. ген.-губ.), ибо полагаю, что вы ему докладываете лично, что я послалъ подъ адресомъ г. издателю „Московскихъ Вѣдомостей“ средство про-

Приборы для опытовъ вычерчивалъ и составлялъ самъ В. Н. Каразинъ. Отличительная ихъ черта—удивительная простота. Всякій приборъ исполнялъ сразу нѣсколько назначеній: служа для обработки какого-либо продукта сельского хозяйства, онъ, въ тоже время, сохранялъ многіе полезные составные элементы, обыкновенно пропадавшіе въ воздухѣ или выбрасываемые. При добываніи спирта изъ вишенъ, сохранялась алая краска ихъ, при сушкѣ дровъ въ простыхъ жестяныхъ цилиндрахъ собиралось цѣнное «коптило», при сженіи угля добывалась одновременно смола, уксусъ и проч. Способности В. Н. Каразина въ техникѣ сказались особенно ярко въ проектѣ, даже сооруженіи паровой лодки (еще въ 1809 г.) и въ идеѣ отапливать зданія водяными парами. Теперь въ безчисленномъ множествѣ случаевъ пользуются этой идей, но едва ли кто знаетъ, что первая мысль о томъ принадлежитъ В. Н. Каразину. Проектъ свой Вас. Наз. посылалъ въ Петербургъ, въ комиссію для перестройки зимняго дворца, съ детально вычерченными частями; но комиссія «сдала проектъ въ архивъ», а въ 1841 году нѣмецъ Кипферлингъ выдавалъ за свое изобрѣтеніе проектъ В. Н. Каразина [1]).

тивъ холеры, которое вѣрно, лишь бы только было употреблено надъ разнемогающимся еще. Это русская баня. Предохранительное же для пріема внутрь, которое я вамъ, какъ другу, рекомендую, состоитъ въ горькой водѣ, по утрамъ на тощій желудокъ принимаемой. Смѣсь изъ одной части полыня, или одного трилистника, и двухъ частей хмелю въ томъ видѣ, какъ онъ хлѣбниками и пивоварами употребляется; наливается кипяткомъ и поставить немножко попрѣть. Сей смѣси одной щепотки на чашку кипятку довольно. Но послѣ должно простудить и пить холодное". (Н. Барсуковъ „Ж. и Тр. М. П. Погодина", т. III, стр. 216—217). Въ „Сѣв. Пчелѣ" 1860 г. № 92 находимъ письмо моск. ген.-губернатора Дмитрія Голицина отъ 21 окт. 1830 г.; „М. Г. мой Василій Назаровичъ! Письмо ваше ко мнѣ отъ 15 окт. и приложенныя при ономъ бумаги объ изобрѣтенномъ вами способѣ леченія болѣзни холеры я препроводилъ къ г. управляющему министерствомъ вн. дѣлъ на тотъ конецъ, дабы онъ представилъ изъясненный въ бумагахъ способъ леченія разсмотрѣть медицинскому совѣту управляемаго имъ министерства»... Въ примѣчаніи къ послѣднему письму Фил. Вас. Каразина значится: «Докторъ Маркусъ одобрилъ этотъ способъ леченія холеры, какъ видно изъ замѣтки рукой Вас. Назаровича на этомъ письмѣ».

[1]) Въ доказательство авторства Каразина идеи о паровомъ отопленіи приведемъ слѣдующее свидѣтельство самого Каразина: «Когда дошло къ намъ въ Харьковъ прискорбное извѣстіе о пожарѣ зимняго дворца, то я 5 генваря 1838 года отправилъ въ С.-Петербургъ мою идею о безопасномъ отопленіи; въ февралѣ-же мѣсяцѣ того года пре-

Опыты, конечно, стоили не малыхъ затратъ денегъ и сильно подтачивали разстроенное состояніе неугомоннаго Каразина, а широкой цѣли своей—поднятія хозяйства въ южной Россіи Каразинъ не достигалъ даже отчасти. Сколько ученыхъ и изобрѣтателей и теперь спѣшатъ спасти свои идеи за границей отъ нашей обломовщины! Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія безучастіе русскаго общества къ научнымъ новостямъ, хотя бы чисто прикладного къ жизни характера, было еще сильнѣе; вотъ какъ *оффиціально* отозвался о научныхъ занятіяхъ В. Н. Каразина харьковскій подполковникъ Бахметовъ на запросъ сенатора Горюли, отъ 28 авг. 1829 года: «Нынѣ г. Каразинъ занимается составленіемъ разныхъ проектовъ, но съ меньшею дѣятельностью и большею осторожностью. Они большею частью относятся къ сему краю и представляютъ, такъ же какъ и прежде написаные, произведенія пылкаго воображенія и остраго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожности по неосновательности». Изъ того же донесенія можно заключить, что Каразинъ «проживалъ въ деревнѣ со своимъ семействомъ и рѣдко пріѣзжалъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время» [1]). Между прочимъ Вас. Наз. «прочно занимался личнымъ наблюденіемъ за воспитаніемъ собственныхъ дѣтей и самъ училъ ихъ». Въ 1825 году онъ хлопоталъ о напечатаніи сочиненія сына его Василія, въ то время студента физико-матем. факультета харьковскаго университета «Иліодометръ, для повѣрки часовъ». Книгу эту, состоящую изъ двухъ частей, издалъ Вас. Наз. въ томъ же году. Хлопоталъ о напечатаніи статьи того же сына «О лунѣ» въ Украинскомъ журналѣ» (1824 г.) [2]).—«Кругъ знакомыхъ Каразина,—докладывалъ Бахметовъ,—состоитъ въ лучшемъ обществѣ здѣшней губерніи и незамѣтно, чтобы какіе либо предосудительные люди были съ нимъ въ связи». Дѣйствительно, переписка съ видными лицами не прекращалась. «Живя въ деревнѣ, Вас. Наз. велъ громадную

проводилъ и чертежи. То и другое мнѣ возвращено вслѣдствіе моей прозьбы по полученіи Берлинскаго извѣстія (Кипферлинга), для изданія въ печать; въ чемъ могу удостовѣрить всякаго двумя благосклонными письмами Е. С. Г. А. Х. Б. (вѣроятно: Его Сіятельства графа Александра Христофоровича Бенкендорфа). Первое отъ 31-го генваря 1838, за № 361, а второе отъ 24 марта 1842 годовъ, за № 1818». («Нѣсколько предложеній добраго гражданина», Одесса, 1842. Предувѣдомленіе, стр. 3—4.

[1]) Русская Старина 1903 года, апрѣль, стр. 12.

[2]) «Украинская Старина», стр. 149. Русск. Стар. 1903, апр., стр. 19.

переписку,—говоритъ его сынъ,—писалъ въ годъ до 1200 писемъ. И, что замѣчательно, въ то время, какъ онъ писалъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ грамотный его слуга и тутъ же копировалъ его письма. Одно время списывалъ слуга его Яковъ Котенко. Послѣднимъ списывателемъ его писемъ былъ крѣпостной человѣкъ его Ѳедоръ Манжеренко, послѣ приказчикъ села Кручика» [1]). Къ сожалѣнію масса писемъ погибла во время пожара деревенскаго дома въ 1836 году. Но достаточно важнымъ доказательствомъ уваженія и признательности харьковскаго общества, которому Василій Назаровичъ принесъ въ жертву свое благосостояніе и посвятилъ жизнь свою, служитъ заочное избраніе его въ 1824 году «въ совѣстные судьи въ Харьковѣ», и это тогда еще, когда надъ Каразинымъ висѣло запрещеніе выѣзда изъ деревни. Избраніе Василія Назаровича не было утверждено.

Лѣтомъ 1828 года Каразинъ ѣздилъ въ Петербургъ, но сколько времени онъ былъ тамъ, неизвѣстно. Проѣздомъ черезъ Москву онъ познакомился съ извѣстнымъ М. П. Погодинымъ, въ то время редакторомъ «Московскаго Вѣстника». Съ перваго знакомства они сблизились такъ, что Каразинъ изъ Царскаго Села писалъ Погодину (отъ 28 іюня 1828 г.): «Обязательная ваша привѣтливость въ проѣздъ мой черезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти». Результатомъ этого сближенія было то, что Каразинъ имѣющуюся у него «Статистику Петровскаго времени [2]), которая досталась ему черезъ жену, внучку знаменитаго историка Петра Великаго, Ивана Ивановича Голикова, передалъ Погодину для изданія. Погодинъ былъ очень радъ своему научному пріобрѣтенію. Вмѣстѣ съ Каразинымъ, онъ началъ дѣйствовать въ пользу изданія, которое было сопряжено съ большими издержками. Подъ объявленіемъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» объ изданіи Статастики, въ числѣ издателей на первомъ мѣстѣ подписался «Василій Каразинъ, статскій совѣтникъ, правитель дѣлъ Харьковскаго Филотехническаго общества, разныхъ Россійскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ дѣйствительный и почетный членъ». Но Василій Назаровичъ, вѣроятно, участвовалъ въ изданіи, главнымъ образомъ, своими хлопотами (ибо, выпуская Статистику, Погодинъ объявилъ себя одного издателемъ, объясняя,

---

[1]) „Украинская Старина“, стр. 150.

[2]) Составлена около 1727 года тогдашнимъ оберъ-секретаремъ Правительствующаго Сената статскимъ совѣтникомъ Кирилловымъ. (Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», часть третья, стр. 291. Спб. 1803).

что Каразинъ отказался отъ участія [1]). Между прочимъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ обѣщалъ Каразину лично, что эту статистику будетъ рекомендовать университетамъ черезъ попечителей, чѣмъ до нѣкоторой степени обезпечивался сбытъ изданія [2]). Когда появились первые листы отпечатанной статистики Петрова времени, В. Н. Каразинъ задумалъ новое предпріятіе, осуществить которое думалъ совмѣстно съ М. П. Погодинымъ. Это изданіе «Отечественнаго Архива». Цѣль изданія—сохранить гибнувшіе историческіе документы, находящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ, съ полной точностью перепечатывая ихъ на страницахъ журнала. Изданіе «посвящено единственно сему предмету (т. е. сообщенію и опубликованію въ свѣтъ документовъ по русской исторіи), съ сохраненіемъ дипломатической точности, указаніемъ источниковъ, повѣркою оныхъ, съ наблюденіемъ систематическаго порядка, по крайней мѣрѣ, *совмѣстно съ таковымъ собраніемъ*; словомъ что-нибудь похожее на *богатыя свѣдѣніями Бишинговы и Шлецеровы* изданія для Германіи». Въ первые томы изданія В. Н. Каразинъ предполагалъ помѣстить драгоцѣнныя рукописи, наполнявшія его сельскую библіотеку, отчасти имъ самимъ собранныя, отчасти унаслѣдованныя черезъ жену отъ И. И. Голикова. По мѣрѣ того какъ общество узнаетъ объ изданіи, оно само будетъ присылать отовсюду имѣющіеся матеріалы для печати. Первоначальные расходы по изданію Каразинъ думалъ предложить Ал. Серг. Ширяеву, извѣстному тогда московскому книгопродавцу и содержателю Университетской книжной лавки на Страстномъ бульварѣ. Этотъ Ширяевъ уже издавалъ на свои средства статистику Кириллова, которую Каразинъ хотѣлъ считать первымъ томомъ «Отечественнаго Архива». Коммерческую сторону предпріятія Каразинъ разработалъ такъ: 60% чистой выручки шло доставившему печатанные документы; 16%—Ширяеву за комиссію и 24%—Погодину за хлопоты съ типографіею, граверами и литографами (изданіе предполагалось быть иллюстрированнымъ картами, планами и картинами. Ширяевъ отказался отъ участія въ проектѣ В. Н. Каразина 13-го августа 1828 года). Каково было отношеніе къ тому М. П. Погодина, мы не знаемъ, но изданія не было, и послѣ пожара въ Кручикѣ мы лишились богатѣйшихъ историческихъ матеріаловъ, составляшихъ библіотеку Вас. Наз—ча [3]). Мысль объ изданіи историческихъ документовъ не

---

[1]) Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, часть III, стр. 288. 1893. СПБ.

[2]) Тамъ же; часть вторая, стр. 203—206.

[3]) Русскій Архивъ, 1893 года, январь, стр. 97—98.

въ первый разъ таилась у В. Н. Каразина. Въ 1818 году на страницахъ «Благонамѣреннаго» [1]) онъ предлагалъ изъ Кручика повторить пріемъ историка Ив. Ив. Голикова—объявить по всей Россіи о присылкѣ для напечатанія хранящихся въ частныхъ домахъ письменныхъ документовъ. Но что значилъ въ то время голосъ какого то помѣщика богодуховскаго уѣзда [2]).

Дружба съ Погодинымъ продолжалась у Вас. Наз—ча до конца жизни; Погодинъ всегда бывалъ у Каразина, когда приходилось бывать вблизи Харькова [3]), переписывался съ нимъ по разнымъ вопросамъ частнаго и общественнаго характера. «Приверженность Погодина къ славянамъ, впервые возбужденная Шлецеромъ, возрастала благодаря знакомству и сближенію его

---

1) № XII, Смѣсь, стр. 324—329.

2) «Нѣтъ, думаю, человѣка во всей Малой Россіи, который имѣлъ бы болѣе Каразина способностей и средствъ къ пріобрѣтенію матеріаловъ по всѣмъ частямъ о здѣшнемъ краѣ... На него моя крѣпкая надежда»,—писалъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ въ 1827 году, намѣреваясь привлечь въ «Моск. Вѣстн.» В. Н. Каразина. (Барсуковъ, „Ж. и Тр. Пог.", т. II, стр. 109.

3) Барсуковъ расказываетъ со словъ Погодина о посѣщеніи имъ В. Н. Каразина: Погодинъ вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ Щепкинымъ рано утромъ пріѣхалъ къ Каразинымъ, которые были рады гостямъ «безъ памяти». Но телѣжка дала Погодину и его спутнику себя почувствовать. «Растрясло насъ жестоко», замѣчаетъ онъ, «и мы свалились, какъ ни перемогались». Отдохнувши, Погодинъ сталъ знакомиться съ окружающимъ и глаза его „разбѣжались на драгоцѣнную библіотеку, которой должно посвятить недѣлю, а я спѣшу". Затѣмъ гулялъ по саду, по рощѣ, устроенной въ деревнѣ. „Просвѣщенный человѣкъ", замѣчаетъ Погодинъ о хозяинѣ, „знаетъ всякую траву, вездѣ памятники, вездѣ доказательства просвѣщенія". Каразинъ читалъ гостямъ разныя свои письма къ министрамъ, въ которыхъ, по мнѣнію Погодина „много излишняго и вреднаго для него".

Въ эту же ночь на той же телѣжкѣ путешественники выѣхали въ Харьковъ... Здѣсь Погодинъ получилъ письмо отъ Каразина слѣдующаго содержанія „Бога вы не боитесь; какъ можно такимъ образомъ посѣщать друзей въ Украинѣ! Пуще всего для меня больно то, что я не догадался попотчивать васъ покоемъ, въ которомъ вы, проѣхавъ всю ночь на почтовой телѣжкѣ, имѣли прекрайнюю нужду. Я воображалъ, что вы имѣли покойнѣе экипажъ, слѣдовательно, по обыкновенію, спали и выспались, на пескахъ особливо, отъ Харькова до Ольшаны, и отъ Богодухова до насъ. Уложивъ васъ во второмъ уже часу, тутъ я узналъ, увидѣвъ вашу повозку, что ни тѣмъ было начинать, чтобы водить васъ по своему парку и читать". (Барсуковъ, т. II, стр, 318).

съ Венелинымъ и Каразинымъ», пишетъ біографъ Погодина [1]). «Во время пребыванія Каразина зимою 1828 года въ Москвѣ, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ о славянскомъ вопросѣ, и обрывокъ изъ этихъ бесѣдъ сохранился въ *Дневникѣ* его: «Къ Каразину обѣдать. Планъ его основать сербское государство, подъ покровительствомъ Россіи, куда бы стеклись всѣ австрійскіе славяне» [2]). Проекты и мысли Василія Назаровича находили себѣ сочувствіе у М. П. Погодина. Въ 1868 году, печатая въ издаваемомъ имъ журналѣ «Русскій» [3]) проектъ уже покойнаго Каразина, поданный князю Чарторижскому о возвращеніи политическаго существованія славянскимъ народамъ, находящимся подъ игомъ иноплеменниковъ, Погодинъ замѣтилъ: «Читатели! Это писано въ 1804 году! Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностью горячаго автора, котораго близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ» [4]). Погодинъ и Каразинъ дѣйствовали опять рука-объ-руку и въ заботахъ по изданію «Москвитянина», «Молодика» и по разнымъ литературнымъ вопросамъ.

Въ концѣ 1828 года и началѣ 1829—В. Н. Каразинъ былъ снова въ Москвѣ. Объ этомъ судимъ по издаваемымъ въ это время за его подписью книгамъ въ Москвѣ и печатаемымъ въ періодическихъ изданіяхъ сочиненіямъ его. Въ декабрѣ 1828 года была имъ составлена статья «О удобнѣйшемъ способѣ сохранять и перевозить питательныя и цѣлебныя вещества», которую издавалъ въ началѣ 1829 г.; въ томъ же году онъ издавалъ VI т. «Актовъ Филотехническаго Общества» и печаталъ въ «Историческомъ, статистич. и географ. журналѣ» замѣчанія свои «О древностяхъ Слободско-Украинской губерніи» и т. п. Жилъ въ это время за Арбатскими воротами въ домѣ генералъ-маіора Базилевича—какъ значится его собственной рукой въ экземплярѣ «Актовъ фил. общ—ва», поднесенномъ графу В. П. Кочубею 12-го апрѣля 1829 года [5]).

27 сентября 1828 года, слободско-украинское дворянство, руководясь обширными знаніями Каразина, его честностью и неутомимой дѣятельностью на пользу Украйны, постоянно обращавшей на себя вниманіе общества, избрало Василія Назаровича

---

[1]) Тамъ же, стр. 203—206.

[2]) Дневникъ 1828 г. подъ 6-мъ декабря.

[3]) „Русскій" 1868 г., № 15, стр. 289—294.

[4]) Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», книга третья, стр. 290—291.

[5]) Этотъ экземпляръ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

въ предсѣдатели уголовной палаты [1]). Извѣстіе объ этомъ избраніи оживило Каразина; онъ уже видѣлъ передъ собою картину будущей дѣятельности на пользу горячо любимой родины, радовало его и вниманіе харьковскаго общества, какъ видно понявшаго самоотверженные труды его. Постановленіе дворянства пошло на утвержденіе законнымъ порядкомъ и какъ въ воду кануло; прошелъ 1828 годъ и половина слѣдующаго. Каразина не безъ основанія безпокоилъ исходъ дѣла: не такъ давно (въ 1824 году) избраніе его въ совѣстные судьи не было утверждено; можно было ожидать и теперь того же. Между тѣмъ Василій Назаровичъ очень дорожилъ возможностью расширить кругъ своей общественной дѣятельности и рѣшилъ самъ похлопотать объ утвержденіи себя въ должности. 22 іюня 1829 года была потребована въ Правительствующій Сенатъ копія съ формулярнаго списка о службѣ Каразина за подписью губернскаго предводителя дворянства [2]). 6-го іюля 1829 года Каразинъ отправилъ оффиціальную просьбу управлявшему въ то время министерствомъ юстиціи князю А. А. Долгорукому, объ исправленіи своего послужного списка, именно: Василій Назаровичъ указалъ на упущенія въ характеристикѣ его дѣйствій по отношенію къ Харьковскому университету [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Каразинъ написалъ письмо частнаго характера Долгорукому съ изъясненіемъ причинъ своего прошенія и прибавленіемъ нѣкоторыхъ писемъ вліятельныхъ лицъ, характеризующихъ его какъ человѣка: «Не излишнимъ, вѣроятно, будетъ и приватно, *собственно для васъ* назначенное письмо при моемъ оффиціальномъ прошеніи. Дѣло мое не изъ числа обыкновенныхъ, и оно вашему сіятельству совсѣмъ неизвѣстно. Почему я счелъ *необходимостью* приложить *при семъ письмѣ* (не при прошеніи) то, что можетъ служить къ объясненію онаго, ибо понятіемъ, которое о просителѣ будетъ имѣть вашъ *просвѣщенный* разумъ и ваше *чистое* сердце (такъ разумѣютъ о нихъ вообще въ Россіи), я дорожу, весьма мало *дорожа предстоящимъ мѣстомъ*. Оно, признаюсь, не можетъ быть для меня лестнымъ, послѣ всего со мною случившагося и утраченнаго въ продолженіе пятидесяти шести лѣтъ.—Но выполнять свято его обязанности я тѣмъ не менѣе почту своею славою, равно какъ и зависимость отъ такого начальника, какъ вы—большою честью.

---

1) „Украинская Старина" Г. П. Данилевскаго. Харьковъ, 1866 г. стр. 148.

2) Неизданные документы, извлеченные проф. Д. И. Багалѣемъ изъ архива Мин. Нар. Просв. Тоже: „Украинская Старина", стр. 148.

3) Тамъ же: «Русская Старина», 1903 г., апрѣль, стр. 78.

Это не слова одни, будьте въ томъ увѣрены. Я не льстилъ и царямъ, — и вотъ единственная причина, что я, при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, каковыя, вѣроятно, не возобновятся ни для кого въ мірѣ, не пошелъ далеко!..» [1]). Письмо было писано въ Богодуховѣ; черезъ день изъ Кручика Василій Назаровичъ посылалъ дополненія къ письму отъ 6-го іюля: «Послѣ отправленія 6-го числа сего мѣсяца, къ вашему сіятельству, конверта моего, относительно до представленія меня въ кандидаты предсѣдателя уголовной палаты Слободско-Украинской губерніи и моего послужного списка по сему поводу, я нашелъ еще одну бумагу, которую долгомъ ставлю препроводить *также приватно* для свѣдѣнія вашего,—это прошеніе мое послѣ оставки блаженной памяти государю императору. И я предпочитаю представить его въ оригиналѣ («который, по прочтеніи былъ мнѣ возвращенъ, такъ какъ шелъ не общимъ путемъ») того самаго времени, дабы отвратить всякое сомнѣніе. Оно содержитъ въ сокращеніи всю исторію предпріятія моего о харьковскомъ университетѣ. Ваше сіятельство, извольте согласиться, что ложь не могла имѣть мѣсто въ таковомъ послѣднемъ объясненіи подданнаго съ государемъ! Не приказный это документъ, конечно... Онъ передается отъ совѣсти къ совѣсти, и просвѣщенный умъ вашъ дастъ ему полную вѣру»... Говоря затѣмъ о своихъ заслугахъ по Мин. Нар. Просв., которыя могутъ быть оффиціально подтверждены на основаніи документовъ [2]), Вас. Наз. продолжаетъ, намекая на Семеновскую исторію 1820 года: «Правительство, лишивъ меня («безвиннаго») по единому подозрѣнію *всего*, въ томъ числѣ доказательствъ моихъ заслугъ, равно какъ и моей невинности, поступивъ со мною, къ стыду вѣка, безъ суда, не сохраняя даже никакой формы, обязано меня вознаградить при нынѣшнемъ случаѣ, котораго я отнюдь не искалъ и о немъ никогда не помышлялъ. Я былъ неоднократно кандидатомъ въ совѣсные судьи; теперь кандидатъ предсѣдателя уголовной палаты. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ имѣя на своей сторонѣ общественное мнѣніе, стану ожидать моего приговора—отъ васъ, какъ отъ генералъ-прокурора, въ разумѣ Петра Великаго. Это дѣло не частное и не бездѣлица! Меня можно вновь запереть, можно конечно назвать сумасшедшимъ, или и убить ненаказанно, но я имѣю шестерыхъ сыновъ съ талантами—куда дѣвать ихъ? Дабы намъ никогда не было стыдно передъ Европою, покажемъ ей, что и мы *европейцы*!..

[1]) „Русская Старина“, 1903, апрѣль, стр. 78.

[1]) О прошеніи и упоминаемыхъ документахъ говорилось въ отдѣлѣ занятій Каразина по народному просвѣщенію.

Съ сею надеждою, милостивый государь, съ надеждою, что меня взыщуть, а не отвергнуть по прошествіи многихъ лѣтъ («въ которыя безъ славы и корысти я продолжалъ быть полезнымъ отечеству по силамъ моимъ). Благодѣтельному графу Виктору Павловичу (Кочубею) извѣстны частію мои труды по сельскому быту, наукамъ и прочіе. Отъ васъ, сіятельнѣйшій князь, зависить приказать мнѣ сообщить вамъ все то, что по сей части васъ интересуетъ» [1]) и проч.—Характеръ и тонъ этихъ писемъ обратили на себя вниманіе. У Каразина чрезъ земскій судъ богодуховскаго уѣзда потребовали подлинныхъ документовъ, доказывающихъ его участіе въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета. Вас. Наз. представилъ рядъ бумагъ слободско-украинскому губернатору, который 16 сентября отправилъ ихъ при оффиціальной бумагѣ въ министерство юстиціи. Въ числѣ отправленныхъ документовъ (поименованныхъ въ письмѣ къ какому-то Михаилу Ивановичу отъ 22 сент. 1829) были копіи съ жалобы Капустянскаго, изюмскаго предводителя («грубая сія жалоба да будетъ первымъ доказательствомъ» участія моего въ дѣлѣ основанія университета — писалъ Каразинъ), съ постановленія Сумскаго дворянства о благодарности В. Н. Каразину (сент. 1802 г.) съ рѣчи, напечатанной въ Вѣстн. Евр. 1803 г. авг. (къ харьковскимъ дворянамъ 1802 г,), и рядъ писемъ къ В. Н. Каразину разныхъ высшихъ должностныхъ лицъ [2]).

Но не успѣли оправдывающіе В. Н. Каразина документы прійти въ Петербургъ, какъ состоялось рѣшеніе Правительствующаго Сената (19 сент. 1829 г.), которымъ принимался отказъ перваго кандидата въ предсѣдатели Уголовной Палаты Гиржева (Каразинъ былъ вторымъ кандидатомъ), но не утверждалось избраніе и кандидатура В. Н. Каразина. Указъ Сената 19 сентября 1829 г. на имя Слоб.-Укр. гражданскаго губернатора Каховского, относительно В. Н. Каразина, гласилъ такъ: «Касательно представленнаго нынѣ кандидатомъ ст. сов. Каразина, то Правительствующій Сенатъ, усматривая изъ рапорта вашего, что изъ дѣлъ предмѣстниковъ вашихъ видно, что по Высоч. повелѣ-

---

[1]) Русская Старина, 1903 г., апрѣль, стр. 9—12.

[2]) Отношеніе статсъ-секретаря т. сов. Мих. Ник. Муравьева отъ 12 ноября 1802 г. за № 1924, къ мин. нар. просв.: письмо гр. П. П. Коновницына къ Каразину; копія съ записки въ концѣ 1804 г. представленной мин. вн. д. въ оправданіе своихъ дѣйствій и оффиц. отношеніе къ Каразину за № 5483, 1815 г. управл. военн. мин. кн. Горчакова I-го и мин. вн. д. О. Козодавлева. Упоминается еще о нѣсколькихъ документахъ, обозначенныхъ лишь литерами. (Неизд. документы, хранящ. у пр. Д. И. Багалѣя).

нію, объявленнаго въ предписаніи бывшаго начальника Главнаго Штаба Е. И. Вел., отъ 10 мая 1821 г ему Каразину назначено было непремѣнное мѣстопребываніе въ помѣстьѣ его Слоб.-Укр. губ., съ запрещеніемъ выѣзда изъ онаго и съ подтвержденіемъ о наблюденіи, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть сношеніе и чѣмъ будетъ самъ заниматься, а по таковому же высочайшему повелѣнію, объявленному въ предписаніи начальника Главнаго Штаба отъ 5 января 1826 г. разрѣшено Каразину право жить, гдѣ пожелаетъ, съ дозволеніемъ имѣть пребываніе и въ Москвѣ, кромѣ однакожъ С.-Петербурга впредь до позволенія, и съ тѣмъ, чтобы воздержался отъ всякаго сужденія, до него неприпадлежащаго, а потому Правит. Сенатъ и не можетъ представить его въ кандидаты на Высочайшее утвержденіе Предсѣдателемъ въ Палату Уголовнаго Суда и *полагаетъ поставить на видъ Дворянскому Собранію неумѣстность таковаго выбора*» [1]). Итакъ, дѣло кончилось не только неуспѣхомъ В. Н. Каразина, но и выговоромъ харьковскимъ дворянамъ за его избраніе.

Тѣмъ не менѣе управлявшій Министерствомъ Юстиціи тов. мин. Д. Дашковъ нашелъ требованія В. Н. Каразина о пополненіи формулярнаго списка вполнѣ справедливыми и заслуживающими вниманія, почему 13 ноября 1829 года послѣдовала изъ департамента Мин. Юстиціи на имя Слободско-Украинскаго гражд. губ. Каховского оффиціальная бумага, въ которой предлагалось послѣднему составить вмѣстѣ съ губ. предв. дворянства новый, исправленный послужной списокъ В. Н. Каразина, соотвѣтственно съ данными присланныхъ имъ въ министерство бумагъ [2]) Каховской въ свою очередь, 13 дек. 1829 г., отнесся къ губернскому предводителю Времеву съ предложеніемъ исправить формуляръ Каразина [3]). Времевъ поручилъ это исправленіе самому Каразину, какъ это видно изъ приписокъ послѣдняго къ копіи первоначальнаго списка (10 янв. 1830 г.). В. Н. внесъ между прочимъ извѣстныя уже намъ данныя о «художникахъ» и слѣдующія біографическія о себѣ свѣдѣнія. «Въ 1811 г. былъ учредителемъ Высочайше потомъ одобреннаго Филотехническаго общества; получилъ благодарность изъявляющіе отзывы министровъ:

---

[1]) Дѣло Харьк. Губ. Пред. Двор. о ст. сов. Василіи Каразинѣ, кандидатѣ въ Предс. Пал. Уг. Суда здѣшней губерніи, и полковникѣ Веселовскомъ, избранномъ въ сіе званіе. 1829—1830 гг. № 65. Листъ 16 Архивъ Харьк. Деп. Двор. Собр.

[2]) Дѣло объ отношеніи гражданскаго губерн. о дополненіи форм. списка ст. сов. В. Каразина 1829 г. 15 л. № 22 по Описи дѣлъ Губ. Предв. 1828—1835 гг. Листъ 4 и 5. Арх. Харьк. Двор. Собр.

[3]) То же дѣло, листы 1, 2 и 3-й.

внутреннихъ дѣлъ (за учрежденіе и успѣшный ходъ Филотехническаго общества) 1815 г. 15 апр.; военныхъ силъ (за представленіе объ облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, которое одобрено учрежденнымъ нарочно для разсмотрѣнія сего комитетомъ, и о умноженіи въ государствѣ селитры) 1815 г. августа 20; полиціи (за представленіе особливой идеи о хлѣбныхъ магазинахъ) 1817 г. Вторично былъ избранъ депутатомъ Слободско-Украинскаго дворянства для Всеподданнѣйшаго ходатайства о неразрушимости привилегій сей губерніи 1819 г. февр.[1]). 14 января Каразинъ благодарилъ Времева за исправленіе послужного списка и просилъ выдать себѣ копію съ него[2]). Въ началѣ 1830 г. исправленный формуляръ за утвержденіемъ собранія губернскаго дворянства былъ отправленъ въ силу указа Сената отъ 19 сент. 1829 г. не въ это учрежденіе, а въ Министерство Юстиціи, причемъ свое постановленіе собраніе мотивировало тѣмъ, что «отдавать справедливость заслугамъ есть одинъ изъ признаковъ прямо благородной души», и что «господинъ Каразинъ изъ сего подвига (основанія университета) собственно для себя не стяжалъ никакой награды[3]).

Въ то время какъ въ Сенатѣ проходила кандидатура Каразина, сенатору ген.-лейт. Горголи поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи Каразина, какъ въ частной его жизни, такъ и въ соотношеніяхъ съ другими, «узнать объ его занятіяхъ и съ какими людьми наиболѣе стоитъ онъ въ связяхъ, т. е. съ честными и скромными или съ безпокойными и строптивыми. «Статскій совѣтникъ Каразинъ, сказано было въ рапортѣ подполковника Бахметева Горголи отъ 28 августа 1829 года, вообще извѣстенъ, какъ человѣкъ одаренный пылкимъ умомъ и способностью изъясняться, какъ словесно, такъ и письменно, имѣя, сверхъ природныхъ дарованій, хорошія свѣдѣнія въ наукахъ и образованность. Поведеніе его ни съ какой стороны *порицанія не заслуживаетъ*: въ частной жизни его ничего худого не замѣчено.—Занятія его въ быту частномъ состояли въ составленіи проектовъ по частямъ мануфактурной, агрономической, особаго образа управленія крестьянами и нѣкоторыхъ перемѣнъ въ государственныхъ постановленіяхъ, въ коихъ онъ излагалъ политическія мнѣнія свои. Успѣхъ ни въ чемъ не благопріятствовалъ г-ну Каразину: по части сельскаго хозяйства ни одно изъ его

---

[1]) То же дѣло, л. 7, 8 и 9.

[2]) То же дѣло, л. 12.

[3]) Архивъ Харьк. Губ. Правл. за 1829 г. Дѣло за № 279, стр. 16—17.

мнѣній не оказалось возможнымъ къ приведенію его въ дѣйствіе, одинъ онъ дѣлалъ въ томъ опыты и состояніе его весьма разстроено. Образъ мыслей его, въ отношеніи къ правительству, понудилъ принять противъ него мѣры строгости, дабы удержать въ пристойныхъ границахъ». Общество въ которомъ вращался Каразинъ заслужило одобреніе Бахметева. Горголи, въ письмѣ къ графу А. Х. Бенкендорфу, прибавлялъ со своей стороны, что Каразинъ, «не касаясь способностей его ума, въ поведеніи своемъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ничего предосудительнаго, проживаетъ въ деревнѣ съ своимъ семействомъ и рѣдко пріѣзжаетъ въ губернскій городъ, да и то на короткое время»; что осенью 1829 года онъ находился въ Харьковѣ «для помѣщенія сына своего въ учебное заведеніе университета, а также по случаю ожиданія имъ высочайшаго утвержденія, по избранію дворянства въ предсѣдатели уголовной палаты. Впрочемъ, на здѣшнее дворянство имѣетъ онъ вліяніе очень малое» [1])—Несмотря на такую вполнѣ удовлетворительную аттестацію, вопросъ о предсѣдательствѣ Каразина въ Палатѣ Уголовнаго Суда, какъ мы видѣли, не получилъ осуществленія.

1830 и 1831 годы Василій Назаровичъ, кажется, никуда далеко не отлучался; по прежнему, живя въ Кручикѣ, онъ интересовался жизнью, переписывался съ друзьями. Между прочимъ хлопоталъ сколько могъ (въ 1830 г) у вліятельныхъ лицъ Петербурга по поводу назначенія въ харьковскій округъ новаго попечителя. Въ интересахъ харьковцевъ онъ просилъ «не опредѣлять того или другого сверху, безъ сношенія съ университетомъ» [2]) Посылалъ въ томъ же году Погодину свое средство противъ холеры, тогда свирѣпствовавшей въ Москвѣ. Въ Украйнѣ въ 1830 г. былъ неурожай; Каразинъ откликнулся и на это событіе. Онъ послалъ Слоб.-Укр. губернатору Каховскому рецептъ, какъ увеличить питательность хлѣба на $^1/_4$ и даже $^1/_3$ при тщательномъ выполненіи его; для этого предлагалось ставить хлѣбъ не на водѣ, а на отварѣ исландскаго моха (въ большомъ количествѣ росшаго въ Слоб. Укр. губ.), который въ большомъ количествѣ содержитъ въ себѣ студень (желатинъ). Губернаторъ принялъ къ свѣдѣнію предложеніе, обратился къ губ. предв. дворянства, кото-

---

[1]) Письмо Горголи къ Бенкендорфу 31 авг. 1829 г. Рус. Стар. 1903 г. апр., стр. 12.

[2]) Письмо Каразина къ Селиванову отъ 20 марта и 23 апр. 1830 г. Копіи, хранятся у пр. Д. И. Багалѣя.

рый въ копіяхъ разослалъ рецептъ уѣзднымъ предводителямъ для распространенія. [1]).

Въ концѣ 1831 г. Каразинъ пріѣхалъ въ Москву для опредѣленія своего сына (Александра Вас.) на службу въ министерство иностр. д., о чемъ просилъ гр. Нессельроде; тотъ благосклонно отвѣтилъ на просьбу. Но Каразинъ, не довѣряя злой своей судьбѣ, все-таки безпокоился за успѣхъ дѣла и, предполагая, что сыну могутъ повредить, писалъ 13 ноября 1831 года шефу жандармовъ А. Х. Бенкендорфу; «Возвратясь домой, немедленно пишу къ вамъ трепещущею рукою. Ради Бога Всемогущаго не повредите моему сыну у графа Карла Васильевича (Нессельроде); если уже повредили, исправьте это какъ-нибудь. Сжальтесь надо мною: оставьте мнѣ послѣднее это утѣшеніе. Ради Бога, ради самого Бога сжальтесь! Я, который не привыкъ никому раболѣпствовать, мысленно простираюсь у ногъ вашихъ: умоляю васъ! довольно, уже довольно»!.. Чѣмъ объяснить такое письмо? *Можетъ быть*, нѣсколько разъяснитъ дѣло слѣдующая приписка Вас. Наз—ча въ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 15 ноября: «Въ смертельномъ страхѣ просилъ о сынѣ, четвертомъ изъ семерыхъ моихъ дѣтей, кои несчастны *по милости* Александра Христофоровича (ибо самъ государь, высокою его особою, не можетъ имѣть противъ меня, давно пораженнаго, ничего, вовсе ничего)!—Но буде (предположимъ) я ошибаюсь въ моемъ мнѣніи, да оправдится Александръ Христофоровичъ предъ честнымъ семействомъ *такъ*, какъ оправдываются обыкновенно честные истинно благородные люди, т. е. *благодѣяніемъ*. Это самое я и намекалъ въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, но былъ встрѣченъ и провоженъ бранью предъ лицомъ лакеевъ въ передней!..» Фактъ казался бы намъ совершенно яснымъ если бы не письмо Бенкендорфа, отвѣчавшаго Каразину 13 ноября: «Изъ письма вашего отъ 13 ноября, писалъ Бенкендорфъ, имѣлъ я удовольствіе узнать, что вы имѣете сына,—обстоятельство, которое до сего времени мнѣ не было извѣстно. Но если бы я и узналъ, что у васъ есть сынъ, то, не имѣя никакой причины вредить ему въ мнѣніи Карла Васильевича, я прошу васъ покорнѣйше вѣрить, что наносить вредъ ближнему есть дѣло всегда чуждое моему образу мыслей». На основаніи подобнаго отвѣта Бенкендорфа, Н. Дубровинъ рѣшаетъ, что жалобы Каразина совершенно безпричинны (Русс. Ст. 1903,

---

1) „Дѣло о предложенномъ отъ ст. с. Каразина средствѣ употребить исландскій мохъ въ неурожайное время на хлѣбъ 1830 г". на 7 листахъ Архивъ харьк. Двор. Деп. Собр. по описи дѣлъ Губ. Предв. за № 27.

апр. стр. 13). Очевидно, что кто-то кривилъ душой, и мы склонны думать, что неискрененъ былъ Бенкендорфъ. Изъ докладной или объяснительной записки В. Н. Каразина отъ 20 ноября того же года видно, что Бенкендорфъ нѣсколько разъ докладывалъ государю о Каразинѣ и всякій разъ со вредомъ для него. (Тамъ же, стр. 15.) Что Василій Назаровичъ постоянно просилъ возможности увидѣться лично съ государемъ и что, по его мнѣнію, «никто, кромѣ Александра Христофоровича не, могъ полагать сему препоны»; что еще въ 1830 году Каразинъ «просилъ объ этомъ. По прошествіи десяти мѣсяцевъ» получилъ онъ письмо, въ которомъ Бенкендорфъ извѣщалъ о приказаніи своемъ отобрать у Каразина все, что онъ имѣетъ сказать государю, черезъ генералъ-адъютанта Адлерберга (стр. 16). Недоброжелательство свое къ Каразину Бенкендорфъ довольно ясно показалъ своимъ грубымъ пріемомъ. О всѣхъ приведенныхъ мотивахъ Каразинъ упомянулъ въ оффиціальномъ показаніи. Что касается тѣхъ словъ Бенкендорфа, гдѣ онъ говоритъ о совершенномъ своемъ незнакомствѣ съ семьей и обстоятельствами жизни Каразина, то Вас. Наз. такъ писалъ о томъ въ частномъ письмѣ къ флигель-адъютанту московскаго полиціймейстера С. Н. Муханову: «Александръ Христофоровичъ отпирается теперь отъ всякаго знакомства со мною, не зная де и имени, имѣю ли я дѣтей и проч.; лучше всего спросите супругу вашу, она можетъ вамъ сказать, что имя мое было довольно извѣстно въ домѣ Маріи Дмитріевны. Тесть вашъ ко мнѣ милостивъ, равно какъ и графиня. У насъ найдутся и письма отъ нихъ пріятельскія въ украинской деревнѣ» (стр. 17). Не оправдываетъ Бенкендорфа и отношеніе его къ Каразину послѣ 20-го ноября.

На конвертѣ письма Бенкендорфа Каразину отъ 15-го ноября было написано: «Господину Каразину», Москва на Воздвиженкѣ, д. Кошкина. Такой адресъ возмутилъ Василія Назаровича, и онъ, не распечатывая конверта, возвратилъ его присланному жандарму при собственной запискѣ. «Необыкновенная надпись! —писалъ онъ. Она заставляетъ меня думать, что не болѣе приличія соблюдено и въ самой бумагѣ. Почему долгомъ благороднаго человѣка почитаю ее возвратить, не распечатавъ». Указывая на то, что онъ получилъ шесть рескриптовъ государя, изъ которыхъ четыре были собственноручно надписаны, съ обозначеніемъ титула, имени и отчества, что недавно, именно въ 1829, 1830 и 1831 году, получилъ рядъ писемъ «отъ первѣйшихъ особъ имперіи», въ которыхъ незабыта вѣжливость, Каразинъ писалъ: «Отъ его высокопревосходительства зависитъ приказать мнѣ, что нужно чрезъ своего адъютанта, а подобныхъ отношеній я не приму, *имѣя честь быть* русскимъ дворяниномъ,—не говорю о моихъ заслу-

гахъ отечеству и о личномъ уваженіи, коимъ я въ немъ пользуюсь отъ всѣхъ знающихъ мое имя благонамѣренныхъ особъ. Довольно же и того, что я снесъ до сихъ поръ!» Получивъ такую записку, Бенкендорфъ поручилъ исправлявшему должность московскаго оберъ-полицiймейстера флигель-адъютанту, полковнику Муханову пригласить къ себѣ Каразина и вручить ему пакетъ лично. Василій Назаровичъ, 20-го ноября, явился къ Муханову вмѣстѣ съ женою, которую просили удалиться. Мухановъ предложилъ Каразину вскрыть и прочесть адресованное ему письмо. Тотъ отказался это сдѣлать. Мухановъ заявилъ, что *заставитъ* исполнить свое требованіе. Василій Назаровичъ не стерпѣлъ, схватилъ конвертъ и порвалъ его на мелкіе куски. Мухановъ потребовалъ письменнаго объясненія такихъ дѣйствій; Василій Назаровичъ написалъ, что уничтожилъ пакетъ для того, чтобы не читать оскорбительныхъ для себя выраженій, указывалъ на недоброжелательное отношеніе Бенкендорфа и на свое бѣдственное семейное положеніе: «дѣти мои довольно уже со мною несчастны... Дочь, одаренная всѣмъ отъ природы и не бѣдная, сохнетъ въ дѣвствѣ; ей теперь 26 лѣтъ. Она не имѣла ни одного жениха понынѣ. Сынъ съ рѣдкими способностями, что доказалъ онъ книгою Иліодометръ, изданною имъ на 18-мъ году возраста.—Жена въ горести; все имѣніе разорено слѣдствіемъ моего заключенія, истинно безвиннаго.—Но о семъ много писать довольно»... «Мнѣ до сихъ поръ запрещены: 1) въѣздъ въ Петербургъ, впредь до повелѣнія, какъ сказано въ 1825 (1826) году, и сего повелѣнія я жду и испрашивалъ черезъ его высокопревосходительство (Бенкендорфа), ибо черезъ него были препровождены мои бумаги къ Е. И. В.; 2) издаваніе чего-либо изъ сочиненій моихъ, даже до земледѣлія» и проч. относящихся». Когда Вас. Наз. писалъ объяснительную записку, Мухановъ «стоялъ» у него «надъ шеею, читая вслѣдъ каждое слово, каждую литеру»; второпяхъ Каразинъ не высказался вполнѣ и въ тотъ же день сѣлъ и написалъ дополнительное письмо. Здѣсь онъ оплакивалъ свою участь, заживо погребеннаго въ Россіи», говорилъ о неисполненныхъ своихъ мечтахъ основать въ Болгаріи университетъ такой именно, какимъ въ свое время думалъ видѣть Харьковскій. На слѣдующій день, 21-го ноября, Вас. Наз. докончилъ дополнительную записку «Я и не мыслю тянуться съ Александромъ Христофоровичемъ,— Богъ съ нимъ. Пускай себѣ стращаетъ народъ... Но да помилуетъ онъ меня, наконецъ; ему охотно предоставляю честь должнаго за меня ходатайства и готовъ доставить ему записку о себѣ. Вотъ и примиреніе. Но онъ кричалъ, размахивая руками: «Этому не бывать, не бывать». Почему жъ не бывать, милостивый государь? Чѣмъ я грѣшнѣе прощаемыхъ теперь измѣнниковъ польскихъ? *Я*,

котораго цѣлая жизнь («позволено въ такомъ случаѣ сказать о себѣ гордо самую истину») *есть цѣпь полезныхъ дѣлъ, который себя никогда ничѣмъ недостойнымъ не запятналъ*. «Смѣлъ-де, уменъ-де слишкомъ, дерзко-де пишетъ», слѣдовательно, за это и погубить его. А? милостивые государи. Бога убойтесь! Вашъ покорнѣйшій слуга»... Затѣмъ приписалъ въ P. S.: «худо, право, что мы въ Россіи не хотимъ узнать другъ друга. Безъ *нарочнаго* высочайшаго повелѣнія у насъ нѣтъ и достоинствъ. И чуть-чуть кто сидитъ повыше у должности, тотъ готовъ толкать въ затылокъ всякаго, кто ему ни представляется. Это болѣе нежели *азіатизмъ*!» Вотъ о этихъ то письмахъ Бенкендорфъ немедленно сообщилъ государю, не умолчавъ конечно и о фактѣ уничтоженія конверта. 23-го ноября состоялась резолюція государя: «*Выслать съ жандармскимъ офицеромъ обратно на обыкновенное мѣсто жительства*». Московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ, сообщилъ харьковскому губернатору, чтобы онъ имѣлъ Каразина *подъ строгимъ присмотромъ*. Послѣдній выѣхалъ изъ Москвы 11-го декабря и опять появился въ своемъ Кручикѣ. Изъ письма Бенкендорфа къ Филадельфу Каразину можно заключить, что Василію Назаровичу былъ снова запрещенъ въѣздъ и въ Москву, разрѣшенный въ 1826 г. [1]).

21-го декабря того же года сынъ Вас. Наз-ча—Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ «служащій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ» (какъ значилось въ подписи), частнымъ письмомъ просилъ Бенкендорфа о заступничествѣ за отца передъ государемъ; письмо было послано въ силу очень стѣсненнаго положенія семьи Каразиныхъ: «несчастная, добрая наша мать, бѣдная сестра наша, всѣ мы—погибли, если онъ не будетъ помилованъ! На пребываніи его въ Москвѣ основывалась вся надежда наша на поправленіе разстроеннаго, скуднаго нашего достоянія. Теперь же все будетъ потеряно для насъ» [2])!... Письмо Фил. Вас-ча было доложено императору Николаю, который написалъ на немъ резолюцію: «Нужно мнѣ знать, по какому поводу велѣно было при императорѣ Александрѣ выслать Каразина изъ Петербурга». Бенкендорфъ поручилъ графу Чернышову собрать нужныя справки, который и предложилъ выписку изъ письма гр. В. П. Кочубея [3]), запрошеннаго въ 1826 году по тому же предмету.

---

[1]) Письмо отъ 15 янв. 1832 года, за № $^{268}/_{58}$. Русс. Стар. 1903, апр. 20—24.

[2]) Тамъ же, стр. 18—19.

[3]) Къ Ив. Ив. Дибичу, отъ 16 іюля 1826 г. *Шильдеръ*, „Имп. Ал. I“ т. IV, стр. 545. Мы по частямъ уже цитировали это письмо:

Изложивъ содержаніе письма гв. Чернышова, Бенкендорфъ писалъ Филадельфу Вас. Каразину 15 января 1832 года: «Государь императоръ, сообразивъ свѣдѣнія сіи съ послѣднимъ крайне предосудительнымъ поступкомъ отца вашего, учиненнымъ имъ во время нынѣшняго высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, изволилъ заключить, что отецъ вашъ, конечно, не умѣлъ восчувствовать оказанную ему его величества милость дозволеніемъ жить въ Москвѣ, и потому его величество, не находя справедливаго повода къ отмѣнѣ нынѣ высочайшаго рѣшенія о немъ императора Александра Павловича, не изъявилъ своего соизволенія на возвращеніе отца вашего въ Москву»... Далѣе, Бенкендорфъ оправдывалъ себя отъ обвиненій во враждебности къ Каразину, доказывая это, какъ ходатайствомъ за него передъ государемъ въ 1826 году о разрѣшеніи жить въ Москвѣ, такъ и представленіемъ государю письма его сына на послѣднюю резолюцію; затѣмъ оправдывался отъ обвиненія въ невѣжливости: письмо было надписано «Г. Каразину» «по неизвѣстности въ канцеляріи (Бенкендорфа) имени и чина» Вас. Наз-ча.

Между тѣмъ самъ Каразинъ, доставленный въ свое имѣніе, не остался спокойнымъ; уже 31-го декабря 1831 года онъ отправилъ на имя императора письмо. Здѣсь Вас. Наз., во первыхъ, жаловался на обнародованіе «дѣйствій тайной экспедиціи» касательно его, которыя были *провозглашены* въ харьковскомъ соборѣ въ присутствіи съѣхавшагося на выборы предсѣдателя уголовной палаты дворянства (11-го января 1830 года; однимъ изъ кандидатовъ былъ Каразинъ); во-вторыхъ, жаловался на Бенкендорфа, который «не отвѣчалъ ни на одно прошеніе... и оффиціальное, то, которое препровождено на имя управляющаго министерствомъ юстиціи, но которое къ нему по связи дѣлъ перешло, оставилъ безъ всякаго отвѣта». «Симъ образомъ затворилъ онъ мнѣ и послѣдній оставшійся путь къ особѣ... государя...» (рѣчь м.-б. идетъ о перепискѣ по утвержденію избранія Каразина въ предсѣдатели уголовной палаты), въ-третьихъ, указывалось на незначительность проступка, за который высланъ былъ виновный изъ Москвы: «что и за святыня кувертъ этотъ!.. Онъ содержалъ партикулярный отвѣтъ на партикулярное письмо: и печать и № (371, а не 4600 по крайней мѣрѣ, еслибы онъ принадлежалъ къ бу-

---

Въ Русск. Стар. 1903, апр. стр. 19—20 прибавка такая въ концѣ. „Освобожденіе его (Каразина) изъ крѣпости и отправленіе на жительство въ Харьковскую деревню послѣдовали по высочайшему повелѣнію, объявленному бывшимъ начальникомъ главнаго штаба княземъ Волконскимъ“.

магамъ по должности), то доказывали»... Въ заключеніе Каразинъ просилъ помилованія ради семьи своей. На письмо не послѣдовало никакого отвѣта.

ГЛАВА XI.

Послѣдніе годы жизни.

(1831—1842).

Разстройство состоянія и тяжбы до 1833 г. Дѣло съ гр. Подгоричани. Помощь со стороны Харьковскихъ профессоровъ и города Харькова (1834). Столкновеніе съ княземъ Трубецкимъ (1834). Разрѣшеніе въѣзда въ Москву (1835). Исторія съ аттестатомъ сына В. Н-ча—Александра Каразина (1835). Пожаръ сельской библіотеки (1836) и судьба Кручика. Сотрудничество въ журналахъ (1837—1842). Проектъ учебно-воспитательнаго заведенія для „женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ" (1838—1841). Участіе въ жизни Харькова. Просьбы объ облегченіи участи. Письмо къ Бенкендорфу въ ноябрѣ 1839 г. Послѣдняя попытка выступить снова на сцену оффиціально-служебной дѣятельности въ качествѣ помощника библіотекаря Харьковскаго университета. Участіе въ „Москвитянинѣ" и „Молодикѣ".

Хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина шли, между тѣмъ, все хуже и хуже. Уже давно ему приходилось вѣдаться съ судами за свои громадные долги. Еще въ 1804 году ихъ было свыше 40,000 рублей [1]). Въ 1819 году нѣкій Иванъ Куликовскій предъявилъ Каразину какую то (данную ему Куликовскому) закладную; въ 1823 году часть Кручанской земли была взята за долги подъ казенный присмотръ. Въ томъ же 1823 году гр. Подгоричани-Петровичъ искалъ по просроченной закладной, данной В. Н. Каразинымъ дѣду Подгоричани-Куликовскому—30,000 рублей [2]). 22 іюля 1824 г. «чиновники земскаго суда, прибывъ съ секретаремъ и приглашенными дворянами въ село Кручикъ, ввели во владѣніе бóльшей половины онаго поручика графа Подгоричани-Петровича» [3]). Въ 1825 году Подгоричани взыскивалъ съ Каразина «по заемному письму» деньги. *Изъ указа правительствующаго Сената 30-го мая 1827 года за № 2348 на донесеніе Слобод-*

---

[1]) Прошеніе В. Н. Каразина отъ—ноября 1804 г. государю Александру I-му. „Русс. Старина" 1903, апрѣль, стр. 9—10.

[2]) Рукописи Чирикова. Историческій Архивъ при харьк. унив.

[3]) Донесеніе свящ. П. Базилевича епископу Павлу Саббатовскому „Харьковскій Сборникъ" 1887 г., стр. 59.

ско-Украинскаго губернскаго правленія видно: что къ этому времени графъ Подгоричани-Петровичъ взыскивалъ съ Каразина 24,331 рубль и по долговымъ обязательствамъ послѣдняго дѣду Подгоричани-Куликовскому болѣе 10,000 руб. «На основаніи устава о должникахъ» имѣніе Каразина было передано во временное владѣніе кредитору, а потомъ губернское правленіе хотѣло вовсе продать его съ публичныхъ торговъ, но встрѣтило затрудненія въ послѣднемъ намѣреніи и обратилось къ Правительствующему Сенату за разъясненіемъ. Съ Каразина искали еще и другіе кредиторы. Онъ заложилъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія 59 душъ своихъ крестьянъ, но такъ какъ не выплачивалъ залога, то крестьяне подверглись вмѣстѣ съ ихъ участками земли описи и продажѣ, при чемъ у Каразина осталось для удовлетворенія прочихъ кредиторовъ 140 душъ (и 149 душъ были во временномъ владѣніи графа Подг.-Петр). По предъявленію заемныхъ писемъ Каразина безъ залога—графа Подгоричани.-П.-- 9998 р., поручика Андрея Ковалевскаго 5524 р., тит. сов. Жезлова 9000 р., ком. сов. Парпура 23.456 р. и дѣйств. стат. сов. Квитки 12,400 рублей — 97 душъ крестьянъ изъ оставшихся у Каразина были описаны (равно какъ и «прочія угодія»), а 43 души осталось «на особыя Каразина долги», именно чиновнику 8 класса Шуману 1000 р., коллежской совѣтницѣ Дзюбиной 2173 р., колл. сов. Каменеву 16,097, графу Подгоричани 1000, колл. сов. Шаде 2800 и именитому гражданину Борисову 2250 р.

Въ 1828 году было возбуждено дѣло по заемному акту, данному Каразинымъ филотехническому обществу (на имя 3-хъ членовъ его—Квитки, Позднянскаго и Хорвата) во время его основанія въ 1811 году. Дѣло возникло такимъ образомъ. За долги, главнымъ образомъ графу Подгоричани, судъ постановилъ продать часть имѣнія, бывшаго еще во владѣніи В Н. Каразина. Но когда приступили къ описи и оцѣнкѣ всего имѣнія В. Н. Каразина, онъ заявилъ о неправильности дѣйствій земскаго суда, такъ какъ-де часть имѣнія, падлежащая продажѣ въ уплату долга Подгоричани, заложена въ 10,000 рублей филотехническому обществу (de iure не упраздненному). По праву всякаго частнаго лица (еще съ царствованія имп. Екатерины II-й) переносить разборъ дѣла по желанію въ земскій (съ 1796-го года верхній и нижній земскіе суды слились, вѣрнѣе, остался de facto одинъ *нижній* земскій судъ) или уѣздный судъ [1]), Каразинъ перенесъ дѣло въ Богодуховскій уѣздный судъ. Разборъ начался 21 авгу-

---

[1]) „Земскіе суды" статья... Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 24, стр. 532.

ста 1828 года и кончился 15 сентября того же года. Судъ заявилъ, что представленный Каразинымъ для остановки судебнаго дѣла по искамъ Подгоричани документъ (о фил общ.), не можетъ быть признанъ причиной уважительной для прекращенія судебнаго разбирательства: актъ филотехническаго общества былъ безсроченъ и въ немъ значилось, что уплата производится по первому предъявленію его членами общества должнику, а такового предъявленія, со дня утвержденія акта (25 авг. 1811 г.) «до сего времени» (1827 г.?) не было; кромѣ того самый долговой актъ находился въ рукахъ должника. Тогда Каразинъ заявилъ о своей несостоятельности уплатить всѣ долги, если имѣнье его будетъ продано по частямъ. Послѣ этого заявленія (на основаніи устава о банкротахъ 2 части 18 отд.) судъ и исполненіе приговора остановилось. (Такъ какъ вопросъ о банкротахъ—вопросъ преюдиціальный, то дѣло, до окончательнаго рѣшенія уѣзднаго суда, перешло въ губернское правленіе для опредѣленія свойствъ несостоятельности [1]). Губернское правленіе постановило: 1) Продать цѣликомъ имѣнія В. Н. Каразина, чтобы однимъ должникамъ не дать преимущества при уплатѣ долговыхъ обязательствъ въ ущербъ требованій другихъ; 2) Составить новую опись всему имѣнію движимому и недвижимому и подвергнуть публичной продажѣ; 3) Представить на усмотрѣніе Богодуховскаго уѣзднаго суда просроченную (10-ти лѣтняя давность) закладную филотехническаго общества; 4) На всякое имущество Каразина, которое только у него не состоитъ въ залогѣ, наложить запрещеніе до продажи его, а доходъ съ такихъ имуществъ до продажи ихъ обратить, примѣняясь къ статьямъ устава о банкротахъ 1 части, на удовлетвореніе кредиторовъ; 5) Назначить новые сроки для продажи имущества Каразина и подвергнуть ей, на основаніи справокъ, 149 душъ крестьянъ мужскаго пола съ семействами, 781 десятинъ 2106 кв. саж. пахатной земли, 223 дес. 200 саж. лѣса по рѣкѣ Мерлу и 149 дес. неудобной земли.—Сроки продажи были назначены 27 іюня (1829 г.?), 31-го іюля и черезъ 3 мѣсяца отъ дня напечатанія объявленія о продажѣ и несостоятельности въ «Петербургскихъ» или «Московскихъ Вѣдомостяхъ».—Что касается третьяго пункта рѣшенія губернскаго правленія, то Богодуховскій уѣздный судъ призналъ закладной листъ не подлежащимъ «уваженію», какъ потому, что онъ просроченъ, такъ и потому, что «относительно такихъ документовъ ничего не говорится въ существующихъ законополо-

---

[1]) „Банкротство". Тамъ же, т. 5, стр. 6.

женіяхъ». (Рѣшеніе 16-го сентября 1828 года)[1].—Чѣмъ кончилось на этотъ разъ дѣло—неизвѣстно. Чириковъ (покойный, помощн. библ. Харьк. ун-та), единственный изслѣдователь тяжебныхъ дѣлъ В. Н. Каразина, о процессѣ 1828 года ничего болѣе не говоритъ.

Въ началѣ 1833 года Каразина собрались объявить несостоятельнымъ должникомъ: онъ не могъ уплатить графу Подгоричани-Петровичу срочныхъ 2400 рублей[2]) (не въ возвратъ ли заложенной ему земли?) Денегъ у Василія Назаровича вовсе не было. На этотъ разъ харьковское общество пришло на помощь своему ревностному сочлену: профессоры и преподаватели въ императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что Василію Назаровичу Каразину слѣдуетъ внести въ харьковскую гражданскую палату, въ возвратъ графу Подгоричани, пошлинныхъ 2,384 рубля, коихъ онъ, по стѣсненному своему положенію въ назначенный срокъ представить не можетъ, не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ, столь близкомъ для нихъ обстоятельствѣ, но движимые сердечной благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому, единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству, просятъ взнесть въ помощь г. Каразину собранную ими сумму», 1280 рублей[3]), а черезъ нѣсколько дней 17 января 1838 года харьковскій городской голова Антонъ Матузокъ увѣдомилъ предсѣдателя гражданской палаты, что «по желанію гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина о учрежденіи въ г. Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли; черезъ сіе г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе», просилъ принять въ уплату долга Василія Назаровича 1200 рублей «сей малый знакъ истинной признательности»[4]). Благодаря такой, въ то время, можетъ быть, безпримѣрной поддержкѣ общества, «отторгнутое имѣніе» возвратилось въ руки Каразина. Радость свою онъ выразилъ въ

---

[1]) Рукописи Чирикова.

[2]) „Украинскяя Старина“, стр. 150.

[3]) Письмо попечителя харьковскаго учебнаго округа Вл. Филатьева къ предсѣдателю гражданской палаты Я. И. Капинцову отъ 12 января 1833 г. „Украинская Старина“ стр. 150,—151.

[4]) „Украинская Старина“, стр. 151. Харьк 1866.

письмѣ къ Тимофею Ивановичу Селиванову въ февралѣ 1833 года [1]).

Въ 1834 году Василій Назаровичъ задумалъ во 2-й разъ издавать изъ своего Кручика журналъ, подъ названіемъ «Гражданинъ вѣрноподданный» («Собесѣдникъ изъ Украины» 1806 года, кажется, вовсе не выходилъ). Характеръ журнала, его цѣль и назначеніе намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что онъ былъ рукописный и составлялъ его одинъ Каразинъ. Журналъ этотъ, вѣроятно, скоро прекратилъ свое существованіе, судя по слѣдующему эпизоду, встрѣтившему первые его выпуски.—Во 2-омъ № «Гражданина вѣрноподданнаго» были какія то замѣчанія насчетъ управленія харьковской губерніей. Этотъ номеръ Каразинъ, между прочимъ, послалъ харьковскому губернатору, въ то время, князю Петру Ивановичу Трубецкому; результатъ этого поступка былъ самый плачевный для Каразина. 29-го марта 1834 года на имя богодуховскаго исправника Мерапди послѣдовало слѣдующее предписаніе гражданскаго губернатора: «Помѣщикъ Богодуховскаго уѣзда с. с. Каразинъ черезъ почту прислалъ ко мнѣ второй № журнала, который онъ ведетъ письменно подъ названіемъ «Гражданинъ вѣрноподданный» и въ которомъ, вопреки истребованной отъ него, Каразина, подпискѣ по распоряженію правительства отъ него отобранной, въ томъ, чтобы ему отнюдь не дозволять себѣ входить къ мѣстному начальству съ бумагами особаго содержанія, кромѣ только по собственнымъ его дѣламъ, онъ предоставляетъ себѣ въ неприличныхъ выраженіяхъ дѣлать замѣчанія о моихъ распоряженіяхъ по управленію высочайше ввѣренной мнѣ губерніи. Къ прекращенію на будущее время таковыхъ дѣйствій со стороны г. Каразина, я предписываю вашему высокоблагородію, отправясь лично въ имѣніе помѣщика Каразина, объявить ему, чтобы впредь не осмѣливался доставлять ко мнѣ журналовъ или писемъ, подобныхъ вышеозначенному, для чтенія которыхъ, при исполненіи моей обязанности, не могу и не желаю безполезно терять время, при чемъ обязываетесь предупредить г. Каразина, что если и за силою вышеупомянутой данной имъ подписки онъ вновь станетъ утруждать меня бумагами, подобными послѣдне присланному имъ журналу, упустивъ въ семъ случаѣ и требуемое отъ него уваженіе ко мнѣ въ моемъ званіи начальника губерніи, то я не премину представить высшему начальству о поступленіи за сіе съ нимъ, какъ съ ослушникомъ законной власти, по всей строгости существующихъ постановленій».—Мерапди поѣхалъ въ Кручикъ, объявилъ Каразину

---

[1]) Одно изъ неизданныхъ писемъ Каразина къ Селиванову.

предписаніе начальства и отобралъ отъ него требуемую подписку, въ концѣ коей Василій Назаровичъ собственноручно подписалъ: «Сію и всякую предложенную мнѣ отъ начальства подписку охотно даю, никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступая отъ его предписаній» [1])...

Къ ударамъ самолюбію Каразина присоединилось новое несчастіе: въ 1835 году имѣніе его Кручикъ должно было итти съ торговъ, и онъ черезъ слободско-украинскаго губернатора просилъ о разрѣшеніи переселиться въ имѣніе жены и дѣтей—сельцо Анашкино, Звенигородскаго уѣзда, московской губерніи; при этомъ Каразинъ просилъ и оффиціальнаго позволенія жить по временамъ въ самой Москвѣ, гдѣ у него былъ свой домъ и куда былъ ему воспрещенъ въѣздъ императоромъ Николаемъ резолюціей отъ 23 ноября 1841 года. 29 мая 1835 года докладывалъ государю о просьбѣ Каразина графъ Бенкендорфъ; 2-го іюня состоялось рѣшеніе; императоръ написалъ: «Согласенъ, но подъ строгимъ надзоромъ, чтобъ никуда не отлучался» [2]).

21 окт. 1835 г. сынъ В. Н—ча Александръ Каразинъ [3]) обратился съ прошеніемъ въ правленіе харьк. ун—та о выдачѣ ему аттестата (диплома) на званіе дѣйствительнаго студента, необходимаго для поступленія на службу. Аттестатъ былъ изготовленъ по окончаніи А. Каразинымъ курса университета еще въ 1833 г., но не былъ выданъ по особому распоряженію попечителя Филатьева [4]). 23 окт. 1835 г. явился въ канцелярію правленія В. Н. Каразинъ съ упомянутымъ сыномъ. Присутствіе перваго несколько объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ про-

---

[1]) Д. П. Миллеръ. „В. Н. Каразинъ и князь П. И. Трубецкой". Историческій Вѣстникъ, 1900 г. іюнь, стр. 887—889. т. 80.

[2]) Русская Старина, 1903, апр., стр. 24.

[3]) Изъ чернового аттестата Александра Каразина видно, что онъ числился студентомъ по физ.-мат. отд. фил. фак. Харьк. Ун. съ 23 іюня 1829 г. по 30 іюня 1831 г.; потомъ послѣ обученія въ Моск. ун. съ 31 авг. 1831 по 21 іюня 1832 г. вторично поступилъ въ Харьк. ун. по тому же факультету 6 сент. 1832 г. на 3-ій курсъ и находился въ немъ по іюль 1833 г.

[4]) Въ предлож. попеч. Филатьева ректору Харьк. ун—та отъ 1 сент. 1833 г. за № 960: «пріостановить выдачу аттестатовъ на званіе дѣйстй. студентовъ поступившихъ изъ Моск. ун—та, въ томъ числѣ и Каразину, по случаю нѣкоторыхъ относительно ихъ свѣдѣній, требуемыхъ г. Управляющимъ Мин. Нар. Просв.»... Дѣло Правленія И. Х. Ун. о выдачѣ с. с. Каразину свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи сына его и о проч. 1839 г. Фундаментальн. библ. Харьк. ун., шк. рук. $^{10}/_{8}$.

шеніи Александръ Каразинъ предлагалъ выдать аттестатъ или ему лично или подъ расписку отца. Когда принесена была нужная бумага, В. Н. Каразинъ, по словамъ рапорта исп. обяз. секретаря правленія, «выхватилъ аттестатъ изъ рукъ державшаго оный Назарова и своевольно положилъ оный къ себѣ въ карманъ, говоря со вспыльчивостью, что сей документъ будетъ ему опорою противу всѣхъ несправедливостей, оказанныхъ сыну его Александру въ семъ учебномъ заведеніи, коего г. Каразинъ называетъ себя основателемъ; и что никто у него не можетъ истребовать сего документа [1]). Исп. обяз. секретаря Туранскій потребовалъ возвращенія документа и указалъ на то, что въ противномъ случѣ онъ донесетъ о происшедшемъ начальству. Каразинъ въ отвѣтъ «*насмѣшливо*» (по словамъ рапорта) предложилъ исполнить намѣреніе. Дѣло происходило въ 6-мъ часу вечера, въ присутствіи нѣсколькихъ мелкихъ чиновниковъ; въ тотъ же вечеръ (23 окт.) былъ представленъ рапортъ о происшедшемъ ректору университета И. Я. Кронебергу. Послѣдній немедленно (въ тотъ же день) препроводилъ дѣло къ попечителю округа (гр. Ю. А. Головкину) съ просьбой заставить Каразина возвратить «самовольно взятую бумагу и тѣмъ оградить университетъ отъ подобныхъ похищеній» [2]). 24 окт. попечитель отнесся за содѣйствіемъ къ губернатору (кн. Трубецкому [3]). 25 числа Каразинъ уже все зналъ объ исходѣ дѣла и писалъ длинное опроверженіе рапорта, представленнаго попечителю. «Въ доносѣ нѣтъ и тѣни справедливости»—писалъ онъ; по всей вѣроятности ректоръ, преслѣдующій Каразиныхъ «болѣе десяти лѣтъ», «заставилъ секретаря подать рапортъ, чтобы имѣть поводъ подать свой попечителю». Рѣшительно опровергался фактъ выхватыванія изъ рукъ бумаги: «это нелѣпость! Назаровъ принесъ ее (бумагу) *изъ другой комнаты*, оторвалъ уголокъ и отдалъ, а я положилъ въ боковой карманъ. Послѣ чего еще съ полъ часа пробылъ въ канцеляріи, помогая Назарову и другимъ отыскивать свидѣтельства о происхожденіи обоихъ моихъ сыновей (за коими, *а не за аттестатомъ* я пріѣзжалъ)». Каразинъ писалъ, что оба (т. е. подлиный и пробный оттискъ) аттестата онъ получилъ утромъ (а не вечеромъ, какъ было въ рапортахъ), что «основателемъ университета» онъ себя не называлъ, что взятый имъ доку-

---

[1]) Дѣло Правленія И. Х. Ун. «о самоуправномъ взятіи Каразинымъ аттестата» 1835 г. Ф. Б. Х. Ун. $^{10}/_{24}$.

[2]) «Дѣло о поступкѣ, сдѣланномъ с. с. Каразинымъ въ канцеляріи Правл. Харьк. Ун» 1835 г. Ф. Б. Харьк. Ун. шк. рук. $^{10}/_{3}$, листъ 1-й и 2-й.

[3]) То же Дѣло, л. 3 и 4-й.

ментъ не представляетъ ничего цѣннаго для начальства, но дорогъ «для растерзаннаго отцовскаго сердца». Въ заключеніе, В. Н. просилъ не слушать «езуита» Кронеберга, взять обратно у губернатора «уничижительную» бумагу и позволить себѣ оставить если не весь оттискъ аттестата, то по крайней мѣрѣ часть, съ напечатаннымъ именемъ сына [1]). Между тѣмъ губернаторъ не замедлилъ дѣйствіями, и 30 октября В. Н. Каразинъ явился въ канцелярію правленія университета съ адъютантомъ кн. Трубецкого Лосевымъ и въ присутствіи послѣдняго возвратилъ взятый аттестатъ сына. Вмѣстѣ съ аттестатомъ Каразинъ пытался передать для попечителя (въ запечатанномъ конвертѣ) свое оправдательное письмо, но «не могъ никакими просьбами и убѣжденіями» заставить чиновниковъ принять его. Неудача преслѣдовала Каразина въ квартирѣ попечителя, его канцеляріи и канцеляріи университетской. Въ тотъ же день, на глазахъ у Лосева, «приставленные къ дверямъ солдаты схватили меня за груди»,—писалъ Каразинъ 5 февр. 1836 г. тому же попечителю гр. Головкину,—«Иванъ де Яковлевичъ (Кронебергъ) намъ приказалъ васъ не впускать», изъ нѣсколькихъ милліоновъ жителей округа *мнѣ одному*, его почетному члену и учредителю, воспрещенъ входъ въ его зданія публично и съ *тяжкою* обидою». Возвращенная бумага оказалась изрѣзанною и кругомѣ по полямъ исписанною примѣчаніями [2]). Хотя нравственное униженіе и пришлось перенести В. Н—чу, однако онъ рѣшилъ оправдаться хотя бы во мнѣніи попечителя. Въ началѣ февраля [3]) 1836 года Каразинъ обратился съ просьбой къ кн. Трубецкому снестись съ попечителемъ и убѣдить послѣдняго пріобщить оправдательное письмо его (Каразина) къ «Дѣлу о востребованіи» злополучнаго аттестата. Этимъ надѣялся В. Н. снять съ имени своего «безславіе» въ глазахъ потомства [4]). Кн. Трубецкой нашелъ просьбу Каразина достойной уваженія и

---

[1]) То же Дѣло, л. 6 и 7-ой.

[2]) Примѣчанія эти не безъинтересны; они до нѣкоторой степени проливаютъ свѣтъ на описываемый фактъ. Прим. 1-е: «Примѣчаніе отца безвинно несчастнаго студента, написанное 24 окт. 1835 г. Въ 4-хъ прочихъ примѣчаніяхъ стремленіе доказать, что аттестатъ ни на что не нужная бумага, и представляетъ изъ себя лишь пробный неудачный оттискъ настоящаго аттестата. Прим. 2-е передъ вырваннымъ клочкамъ бумаги: «Здѣсь была подпись повытчика, которую онъ самъ, вручая мнѣ эту никому не нужную макулатуру, отодралъ». Предъидущее дѣло, лист. 8.

[3]) «Дѣло о поступкѣ» Каразина, листъ 7.

[4]) «Дѣло о поступкѣ, сдѣланн. Каразинымъ въ Канц. Пр.» 1835 г. л. 6 и 7.

послалъ письмо его попечителю; послѣдній увѣдомилъ о полученіи документа, а на подлинномъ письмѣ Каразина значится карандашемъ резолюція—оставить безъ отвѣта. Письмо, дѣйствительно, сохранилось при дѣлѣ, и потомство имѣетъ возможность произнести справедливый приговоръ В. Н—чу. Въ 1839 г. Каразинъ снова просилъ выдать дорогой ему аттестатъ уже умершаго сына (Александра) и свидѣтельство о дворянскомъ его происхожденіи, но въ выдачѣ перваго снова получилъ отказъ [1]).

Зиму 1836 года Василій Назаровичъ жилъ въ Харьковѣ (на Екатеринославской улицѣ въ домѣ Панкратьева) [2]). Тогда же случилось новое несчастіе для Василія Наз—ча. Зять его, докторъ Сявцилло [3]) (полякъ родомъ) «поѣхалъ изъ города къ нему въ деревню, нашелъ деревенскій домъ нетопленымъ и велѣлъ его протопить. Неловкіе слуги затопили разомъ во всѣхъ печахъ. Зять хозяина деревни пошелъ по хозяйству, а когда вернулся, увидѣлъ домъ объятымъ пламенемъ; потерявшись, вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ спасенію постройки, Сявцилло велѣлъ запрягать лошадей, сѣлъ и уѣхалъ» [4])... Въ этомъ роковомъ пожарѣ сгорѣла вся замѣчательная библіотека В. Н. Каразина, которой нѣкогда восхищался М. П. Погодинъ, всѣ автографы и рѣдкія важныя рукописи, и до 5,000 томовъ книгъ, по разнымъ отраслямъ знанія, хозяйству и проч. (Данилевскій). Между прочимъ, сгорѣло, вѣроятно, не мало еще ненапечатанныхъ трудовъ И. И. Голикова (изъ которыхъ лишь «Статистика Петрова времени» да статья «О Китаѣ» («Благонамѣренный». 1819 г. № VI, ч. V, отд. «Прозы», стр. 337—351) были напечатаны; въ примѣчаніи къ послѣдней Голиковской статьѣ (стр. 347) Каразинъ обѣщалъ издать въ свѣтъ рядъ рукописей Голикова, которыя не были напечатаны и, по всей вѣроятности, сдѣлались жертвою огня въ 1836 году.—О печатныхъ литературныхъ и историческихъ рѣдкостяхъ библіотеки можемъ судить по письму Каразина къ графу Аракчееву отъ 12 ноября 1816 года [5]). Здѣсь перечисляются рѣд-

---

[1]) „Дѣло о выдачѣ с. с. Каразину свидѣтельства о происх. сына его" 1839 г. л. 2, 3, 4 и 5.

[2]) Письмо В. Н. Каразина къ Т. И. Семенову отъ 6 ноября 1836 года. О томъ же см. Украинскую Старину, стр. 149.

[3]) А не Севцило, какъ передаетъ Г. П. Данилевскій. Такъ называютъ его и крестьяне-кручанцы, такъ значится и въ собственныхъ его купчихъ, хранящихся въ конторѣ гутянскаго свеклосахарн. завода Кенига.

[4]) Украинская Старина 149.

[5]) „Украинскій Вѣстникъ" 1817 г., декабрь, отд. I.

кіе экземпляры сочиненій церковныхъ историковъ—Евсевія, Оригена, Григорія Назіанина, Степенная книга митроп. Кипріана и проч. Въ «Благонамѣренномъ» за 1818 годъ [1]) находимъ указаніе на существованіе, напр., въ библіотекѣ «Примѣчаній на Вѣдомости» («любопытнѣйшее изданіе съ 1730 по 1741 годъ и далѣе—родъ ученой энциклопедической газеты»), настолько рѣдкихъ, что еще въ 1754 году «Ломоносовъ, которому знаменитый покровитель его поручилъ разыскать для него экземпляръ *«Примѣчаній»*, отвѣчалъ ему: «уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ спрашиваютъ; однако сыскать не могли, за тѣмъ, что ихъ по малу было напечатано и не по мѣрѣ Россійскаго Государства (соч. Ломоносова. Т. I, стр. 335, изд. 1791 г.)».—О содержаніи сельской библіотеки можно также судить по напечатаннымъ въ «Молодикѣ» на 1844 года случайно сохранившимся отъ пожара рукописямъ.—Крестьяне-кручанцы, разсказывая о пожарѣ Каразинской библіотеки, называли ее «книжнымъ магазиномъ»—свидѣтельство о ея размѣрѣ. Они даже пріурочиваютъ смерть Вас. Наз—ча къ гибели библіотеки: Каразинъ послѣ пожара «съ досады умеръ». Дѣйствительно, Василій Назаровичъ очень жалѣлъ о своей невознаградимой потерѣ. Г. П. Данилевскій разсказываетъ: «Я помню, въ зимній бурный вечеръ, худого сѣдого старичка, который заѣхалъ на хуторъ моего отца и плакалъ, разсказывая о пожарѣ... Это былъ В. Н. Каразинъ». Отъ пожара библіотеки уцѣлѣли однако семь томовъ собственноручныхъ записокъ и копій съ «Писемъ В. Каразина»—съ 1821 по 1842 годъ [2]). Эти документы теперь неизвѣстно гдѣ находятся; у родственниковъ и потомковъ В. Н. Каразина ихъ нѣтъ.

Съ точностью неизвѣстно, когда Каразинъ принужденъ былъ оставить Кручикъ. Въ 1837 году Василій Назаровичъ адресовалъ еще свою статью «О вѣроятной причинѣ всеобщаго измѣненія температуры» въ Журн. Мин. Нар. Просв. изъ «Богодуховскаго уѣзда» [3]), а съ 1838 года всѣ статьи и письма Каразина помѣчены г. Харьковомъ [4]), Москвой или Одессой. Въ описи судебныхъ дѣлъ, веденныхъ В. Н. Каразинымъ, составленной Чириковымъ (въ рукописяхъ), значится подъ 1838 годомъ за № 22: «Дѣло ст. сов. Кара-

---

[1]) Часть IV, декабрь, въ отд. „Смѣси“, стр. 25.
[2]) Украинская Старина, стр. 150.
[3]) 8 мая 1837 г. Ж. М. Н. Пр. 1837 г., октябрь, стр. 691.
[4]) См. напр. письма къ Тройницкому 1838 г. („Русскій Архивъ“ 1894, I, 563). Статья „Польскій вопросъ“ 1839 года (Русская Стар. 1870, II, 596). Рядъ статей въ Харьковск. Вѣдомостяхъ 1838, 1839, 1840, и 1841 г.г. Письма помѣщенныя въ Русс. Стар. 1903 г. (апрѣля, 26, 27). Статьи въ „Молодикѣ“ на 1844 г. (стр. 45, 230) и мн. др.

зина съ помѣщикомъ Топчіевымъ о имѣніи» и подъ 1839 годомъ за № 10: «Дѣло о выдачѣ графу Егору Подгоричани-Петровичу данной на утвержденіе за нимъ съ публичнаго торгу имѣніе, принадлежащее статскому совѣтнику Каразину богодуховскаго уѣзда въ с. Кручикѣ». Г. П. Данилевскій говоритъ: «Село Кручикъ досталось теперь (1866 г.), *по покупкѣ отца*, по наслѣдству двумъ дочерямъ зятя В. Н. Каразина, Ольгѣ Ив. и П. Ив. Севцилло, въ замужествѣ г-жѣ Мягкиной и г-жѣ Зимборской» [1]). Теперь Кручанскія владѣнія В. Н. Каразина раздробились на множество частей, изъ которыхъ ни одна не принадлежитъ родственникамъ его [2]).

Въ сентябрѣ 1837 года Василій Назаровичъ былъ въ Одессѣ, (жилъ на Преображенской ул. въ домѣ Попова). Тамъ между прочимъ сотрудничалъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», издателемъ котораго былъ А. Г. Тройницкій. Послѣдній, на страницахъ издаваемыхъ имъ журналовъ [3]), проводилъ неустанно идею объ усиленіи черноморской *вывозной* торговли Россіи. В. Н. Каразинъ тоже мечталъ объ усиленіи вывозныхъ средствъ отечества; онъ самъ торговалъ съ чужими краями изъ своего Кручика, и учрежденіе филотехническаго общества имѣло главнымъ образомъ цѣль торговать съ иностранцами продуктами, на мѣстѣ обработанными; вотъ почему онъ послалъ Тройницкому для напечатанія свою статью: «Отрывокъ изъ разсужденія о Черноморской торговлѣ», гдѣ указывалъ русскимъ помѣщикамъ на возможность выгодно торговать съ Европой разными продуктами хозяйства, почти не использованными на мѣстѣ. 5-го марта слѣдующаго года Вас. Наз. настаивалъ передъ Тройницкимъ о напечатаніи этой статьи, почему то ненапечатанной, и послалъ новую: «Объ алкоголѣ»: «Я такой дуракъ въ 66 лѣтъ: изъ шкуры лѣзу ни за копѣйку, на всѣхъ навязываю свой патріотизмъ. Но что то зараза эта, не какъ восточная язва, рѣдко къ кому пристаетъ», объяснялъ свои дѣйствія Вас. Наз. [4]). Тройницкому же Каразинъ посылалъ одну критическую замѣтку на переводъ А. Фабромъ

---

[1]) Часть имѣнія, гдѣ былъ домъ и учрежденія Вас. Наз—ча, досталась Егору Арсеньевичу Зимборскому; сынъ его Данило Егоровичъ былъ послѣднимъ наслѣдникомъ собственникомъ кручанскихъ земель изъ родственниковъ Вас. Наз—ча (до 30 апр. 1883 г. Дм. Ник. Мягкій—до 8 іюня 1882 г.).

[2]) См. подробности о томъ въ приложеніяхъ: Поѣздка въ Кручикъ.

[3]) Кромѣ „Одесскаго Вѣстника“ А. Г. Тройницкій издавалъ одновременно „Journal d' Odessa“.

[4]) Русскій Архивъ, 1894, I, 556—563.

«Перипла Понта Евксинскаго» Арріана, которая свидѣтельствуетъ о развитіи эстетическаго чувства В. Н. Каразина [1]). Въ Одесскомъ же Вѣстникѣ Каразинъ печаталъ въ 1842 г. статью «О сахарѣ арбузнаго сока» [2]); туда же посылалась и статья «О сженіи угля съ расчетомъ», впрочемъ ненапечатанная.

Въ 1838 году въ Харьковѣ начали издавать «Губернскія Вѣдомости». В. Н. Каразинъ принялъ въ нихъ дѣятельное участіе и въ теченіе 4-хъ лѣтъ (1838—1841) напечаталъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ, касающимся главнымъ образомъ Харькова и родной губерніи. Въ 1839 году, печатая замѣтку о «Переходѣ института благородныхъ дѣвицъ въ новое жилище», Каразинъ поднялъ впервые вопросъ о необходимости моральнаго, систематическаго женскаго образованія «въ низшихъ состояніяхъ». «Старое помѣщеніе благородныхъ дѣвицъ да займется училищемъ, дѣвичьимъ же, но *для средняго состоянія»* [3]); нѣсколько позже (1841 г.) Каразинъ развилъ эту идею въ проектѣ «О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ» [4])—устроеніе спеціальныхъ школъ. Не только въ Россіи, но и за границей ничего подобнаго никому не приходило тогда въ голову: намеки на идею Вас. Наз—ча представляли школы Швейцаріи и Пруссіи для женскихъ рукодѣлій.—Каразинъ предлагалъ устроить на средства общественной благотворительности женское училище въ Харьковѣ. Это по его мнѣнію было естественной необходимостью: «Сама природа назначила *матерей* учительницами ихъ дѣтей»... Идея Каразина нашла себѣ откликъ въ обществѣ: «Начальница этого института благородныхъ дѣвицъ, да и многіе, очень одобряли эту мысль»—писалъ онъ графу А. Х. Бенкендорфу [5]) «Легко ей состояться, если вы подкрѣпите на одной изъ приватныхъ бесѣдъ вашихъ» съ великой княгиней Маріей Николаевной, въ честь (и подъ покровительствомъ) которой Каразинъ думалъ учредить свое учебное заведеніе.—«Мысль Каразина, говоритъ по поводу проекта Василія Назаровича проф. Дм. Ив. Багалѣй, «осуществилась уже въ наше время съ устройствомъ извѣстной ремесленной школы общества грамотности. Не забудемъ, что эти передовыя идеи развивалъ не юноша, а 69-лѣтній ста-

---

[1]) Тамъ же, стр. 561—562.

[2]) Одесскій Вѣстникъ, 1842 г. № 68.

[3]) Харьк. Губ. Вѣд, 1839 г. Приложенія, стр. 234.

[4]) Харьк. Губ. Вѣд. 1841 г. ч. неофф, № 4, стр. 21—23,

[5]) 29 сентября 1839 года „Русская Старина“ 1903 годъ, апрѣль, стр. 26.

рецъ за годъ до своей смерти». «Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о широкомъ пониманіи имъ идеи образованія»...[1]).

Предлагая тѣ или другія дѣйствія харьковскимъ обывателямъ, Вас. Наз. имѣлъ въ виду улучшеніе, прогрессъ любимаго Харькова: «Городъ моей отчизны, любезный Харьковъ! какъ желалъ бы я, чтобы ты послужилъ примѣромъ для пышнаго Лондона и *цивилизованнаго* Парижа», писалъ онъ въ 1840 году, предлагая провести канализацію въ городѣ и спасти харьковскія рѣки отъ засоренія путемъ возвышенія ихъ береговъ[2]). Путемъ печати старался Каразинъ побудить харьковскихъ помѣщиковъ, указывая на результаты собственныхъ опытовъ, заняться обрабатывающей промышленностью; цѣлый рядъ статей содѣйствовалъ этой цѣли[3]). Въ 1841 году Вас. Наз. въ статьѣ «О значеніи Харькова для полуденной Россіи» предложилъ возобновить филотехническое общество[4]), которое бы усилило вывозную торговлю отечсетва и при наличности нужныхъ средствъ въ Харьковской губерніи возвысило-бъ значительно благосостояніе родного края[5]): «выработанные концентраты могутъ быть съ большою пользою отправляемы во всю Европу черезъ порты Черного моря»[6]).

Въ 1839 году Каразинъ отозвался сочиненіемъ на вопросъ, составлявшій въ то время злобу дня. Читая разъ въ Journal des Debats «сострадательную статью о Польшѣ», Каразинъ не вытерпѣлъ и составилъ отвѣтную статью (23 февр. 1839 г., Харьковъ), которую посылалъ въ Journal de S.-Petersburg и Journal des Debats; статья эта не была напечатана тогда, но рукописные экземпляры Вас. Наз., можетъ быть, посылалъ разнымъ лицамъ; о томъ свидѣтельствуетъ, напр., письмо Бенкендорфа[7]). Задачей

---

1) „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина". Записки Харьк. ун—та 1891 г. кн. I, стр. 21.

2) Харьк. Губ. Вѣд. 1840, № 12, стр. 113.

3) Самый серьезный проектъ: „О сженіи угля съ расчетомъ". Х. Г. В. 1841 г. №№ 8—11; также: „О приготовл. дерева на стол. раб." и др. 1838, № 10.

4) Каразинъ тѣмъ легче думалъ возобновить фил. общ., что оно не было оффиціально упразднено.

5) Та же идея проводилась въ статьяхъ: „О торгѣ за границу хлѣбными спиртами (1838 г. № 50, 421—425. „О химич. превр." 1840, № 438).

6) „О значеніи Харькова для полуденной Россіи 1840, № 39, 40 и 41; 339—345, 351—363, 363—365.

7) „Сѣверная Пчела" 1860 г., № 92, письмо 28-е. Отъ 20 марта 1839 года.

статьи было указать иностранцамъ на безсмысленность заявленій иностранныхъ ~~журналовъ о возстановленіи «экс-государства»~~ Польши.

Съ 1835 года, по Высочайшему повелѣнію, Каразину было разрѣшено пребываніе въ Москвѣ, но «подъ строгимъ надзоромъ, чтобъ никуда не отлучался». Подобный надзоръ, вѣроятно, сильно тяготилъ Василія Назаровича, ибо онъ не воспользовался даннымъ ему разрѣшеніемъ. Въ 1839 году онъ рѣшился испросить себѣ «помилованіе совершенное и рѣшительное»; 15 іюля Вас. Наз. послалъ просьбу, на имя великой княгини Маріи Николаевны, похлопотать за него предъ государемъ: «Милостивѣйшая великая княгиня!» писалъ онъ,—«1820 года, также помнится въ іюлѣ мѣсяцѣ, выѣзжая съ женою и тремя дѣтьми («въ С.-Петербургѣ») изъ Сергіевской улицы на набережную Фонтанки, увидѣлъ я остановившійся придворный экипажъ, у котораго ось изломалась. Изъ окна выглядывало, сидя на колѣняхъ прислужницы, прелестное дитя. Подбѣжать, предложить свою карету дамѣ, сопровождавшей на прогулкѣ ваше императорское высочество, было дѣломъ одного мгновенія. О, какъ мило улыбнулись вы намъ тогда, несравненная царевна!.. Еще до сихъ поръ рисуется въ воображеніи 66-тилѣтняго старика протянутая изъ дверецъ кареты нѣжная ручка!..—Теперь вы счастливая супруга уже, и супруга того самаго принца, къ которому, на прогулкахъ его въ Одессѣ, влекло меня какое-то особенное чувство. Примите мое поздравленіе!—Царевна! Улыбнитесь мнѣ еще разъ; прострите мнѣ сей разъ руку помощи! Испросите мнѣ помилованіе совершенное и рѣшительное у августѣйшаго вашего родителя! Поставьте меня въ то положеніе, небезполезное для службы ему и отечеству, въ которомъ я, въ первые годы царствованія великаго дяди вашего, готовилъ по его повелѣнію уставы народнаго просвѣщенія. Да посвятится черезъ ваше ходатайство *сей части*, которой я преданъ полстолѣтія уже всею душею и благодарности вамъ, остатокъ моего вѣка!..» [1]).

Графъ Бенкендорфъ, которому было послано письмо, сочувственно отнесся къ желанію Василія Назаровича, мысленно уже помирившагося съ нимъ и находившагося, какъ упомянуто, въ перепискѣ съ графомъ. 11-го августа 1839 года Бенкендорфъ сдѣлалъ докладъ государю о прошеніи Каразина и, высказавъ свое мнѣніе въ пользу его, прибавилъ: «прощеніе Каразина *будетъ для меня тѣмъ болѣе радостно*, что онъ, по заблужденію, считаетъ себя преслѣдуемымъ мною». Императоръ Николай, 22-го

---

[1]) Русская Старина, 1903 г. апрѣль, стр. 24--25.

августа, написалъ на прошеніи: «Согласенъ, кромѣ столицъ» [1]). Разрѣшеніе не очень обрадовало В. Н. Каразина; въ отвѣтъ Бенкендорфу на полученную резолюцію государя, онъ высказалъ свою радость за семью, но замѣтилъ, что лично для себя въ общемъ ничего не пріобрѣлъ, такъ какъ и до сего времени безпрепятственно выѣзжалъ изъ деревни въ городъ, ѣздилъ въ Кіевъ и Одессу напр. Желая чѣмъ либо болѣе существеннымъ выразить свою благодарность великой княгинѣ, ходатайству которой Вас. Наз. приписывалъ свой успѣхъ, или, можетъ быть, надѣясь воспользоваться минутнымъ расположеніемъ къ себѣ двора для исполненія одной изъ идей на пользу отечества, Каразинъ (въ томъ же письмѣ къ Бенкендорфу) проектировалъ учредить задуманное имъ училище «для забытыхъ нынѣ дѣвицъ бѣднаго рода» въ честь благодѣтельствовавшей его великой княгини. 4-го октября Каразинъ послалъ Бенкендорфу исправленный свой проектъ «О воспитаніи женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ», и съ нетерпѣніемъ ждалъ отъ него извѣстій о результатѣ доклада великой княгинѣ. Въ половинѣ ноября Вас. Наз обратился снова къ Бенкендорфу; молчаніе и подозрѣнія на враждебность его къ себѣ снова забродили въ головѣ Каразина. Какъ бы оправдываясь, онъ характеризовалъ свою жизненную дѣятельность и результаты ея для себя лично; письмо это—сплошной стонъ непознаннаго, отвергаемаго великаго человѣка: „Удостойте одобрить, оживить меня одною строкою!.. Я такъ давно не получалъ уже отвѣта! Жажду особливо узнать о послѣдствіи моей всенижайшей благодарности ея императорскому высочеству. Дайте мнѣ старику, старому другу воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, еще разъ отъ умиленія поплакать, какъ плакалъ я въ 1802 г., когда увидѣлъ въ манифестѣ 8-го сентября внесеннымъ министерство народнаго просвѣщенія между прочими.

Ахъ, добрѣйшій графъ! Неужели вы не захотите или не можете сколько-нибудь подѣйствовать на *предубѣжденіе* (противъ меня) наилучшаго изъ царей?

Безвременное усердіе, безумное дерзновеніе говорить то, что я святымъ долгомъ почиталъ сказать, есть все, что составляетъ вину мою въ продолженіи 40 лѣтъ...

Высочайшій гнѣвъ имѣлъ послѣдствіемъ ополченіе ябеды. Предсѣдатели палатъ и сенаторы говорили не безъ основанія: на что щадить врага общественнаго? Сказавъ это, они лишили меня имѣнія, пожалованнаго за пролитую кровь и другія заслуги моему отцу. Вѣдь я живу теперь скудными доходами жены моей.

---

[1]) Тамъ же, стр. 25.

Сіятельнѣйшій графъ! И прошенія ея о пересмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ лежатъ безплодно и у васъ, и въ комиссіи прошеній. А бѣдныя, уже чисто безвинныя дѣти не потерпѣли ли отъ этого же предубѣжденія? Старшій сынъ, напримѣръ, гордость моя, котораго я воспиталъ сообразно природнымъ его способностямъ, чтобы блеснуть имъ передъ августѣйшимъ моимъ благотворителемъ блаженной памяти, готовя его для генеральнаго штаба, этотъ молодецъ, владѣющій тремя-четырмя языками, какъ своимъ отечественнымъ, этотъ математикъ, физикъ и проч.—что онъ теперь на 33 году его жизни? онъ, которому принадлежало бы въ флигель-адъютантахъ дѣлать честь своему званію? бѣдный прострѣленный въ егеряхъ подпоручикъ въ отставкѣ.

Чудное дѣло, графъ! Человѣкъ, съ ума сшедшій на усердіи къ своимъ государямъ и отечеству, написавшій сильнѣйшіе доводы въ защиту самодержавнаго правленія [1]), считается какимъ то карбонаріемъ, потому что онъ смѣлъ! Забыто одно, что онъ писалъ и пишетъ подъ печатію тайны, какъ нѣжный сынъ отцу, котораго обожаетъ»... [2])

Былъ ли отвѣтъ на письмо, неизвѣстно, но проектъ Каразина объ училищѣ «для низшаго состоянія» не состоялся въ то время.

Въ 1840 году мы снова видимъ В. Н. Каразина на казенной службѣ. Согласно прошенію, онъ былъ назначенъ сверхштатнымъ помощникомъ библіотекаря при Харьковскомъ университетѣ, безъ жалованья. Объ утвержденіи Каразина въ новой должности помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа кн. Цертелевъ доносилъ министру народнаго просвѣщенія 24 апрѣля 1840 г. (за № 713). Въ слѣдующемъ году открылась вакансія библіотекаря университета. Василій Назаровичъ, не надѣясь самъ попасть на это мѣсто, прочилъ на него сперва своего сына Василія [3]), а когда тотъ не захотѣлъ, самъ обратился сперва къ попечителю (27 авг. 1841 г.), а потомъ и къ министру (6 сент. 1841 г.) съ просьбою назначить его (Каразина) библіотекаремъ. Дѣло затягивалось. Каразинъ былъ сильно заинтересованъ въ рѣшеніи министра и 14 марта 1842 года (боясь исхода дѣла подобно 1824 и 1829 г.г.) снова обратился къ министру (въ то

---

[1]) „Защищеніе противу иностранцевъ существующей въ Россіи подчиненности поселянъ ихъ помѣщикамъ“... произнесенное Каразинымъ въ собраніи дворянъ въ 1816 году.

[2]) Русс. Стар. 1903, апр. стр. 27.

[3]) Согласно неизданн. рукописямъ, хранящ. въ библ. Х. у-та.

время Сер. Сем. Уварову) и чтобы поддержать свое прошеніе, приложилъ лестную для него переписку въ 1829 году слободско-украинскаго губернатора съ министерствомъ юстиціи.—О рѣшеніи дѣла ничего не знаемъ [1]). Можетъ быть оно и не застало въ живыхъ Василія Назаровича.

Въ началѣ 40-хъ годовъ другъ Василія Назаровича М П. Погодинъ задумалъ издавать новый журналъ «Москвитянинъ». В. Н. Каразинъ, принимавшій нѣкогда живое участіе въ изданіи Погодинымъ «Московскаго Вѣстника», и теперь, доживъ до «Москвитянина», не остался и къ нему равнодушенъ. Посредникомъ между имъ и Москвитяниномъ явился проживавшій въ Харьковѣ И. Е. Бецкій. Погодинъ поручилъ послѣднему доставить Каразину письмо; но съ этимъ письмомъ случилась презабавная исторія, которую и описалъ Бецкій. «Не посѣщавши Каразина,—писалъ онъ Погодину,—«я не пошелъ самъ къ нему, а просилъ его стараго знакомаго передать ему письмо, чтобъ избавиться отъ лишняго знакомства. Но письмо ваше начиналось слѣдующимъ образомъ: Честь имѣю представить вамъ *Москвитянина*, и пр., и пр., —Журнала вашего Каразинъ еще не получалъ, и вовсе не зналъ о его существованіи. Вотъ онъ и вообрази себѣ, что *Москвитянинъ*-то я!!! Онъ и пишетъ ко мнѣ записку, въ которой проситъ обѣдать. Я прихожу.—Послѣ обыкновенныхъ фразъ, онъ спрашиваетъ меня: «Скажите пожалуйста, какимъ образомъ вы меньшой сынъ Михаила Петровича, а *Московскій Вѣстникъ* вамъ съ родни?—Вы вѣрно участвовали въ немъ?» Я признаюсь подумалъ, что попалъ къ сумасшедшему. Дѣло объяснилось, когда онъ показалъ мнѣ ваше письмо. Сцена была довольно забавная. Тому-то, можетъ быть, стало жаль обѣда,—а мнѣ жаль потраченнаго времени. Я отвѣчалъ ему, что я въ самомъ дѣлѣ *москвичъ*, но *Москвитяниномъ* едва ли буду и на томъ свѣтѣ.—Только что хотѣлъ идти, старикъ опять на меня напалъ: «Да почему же вы мнѣ не принесли *Москвитянина*? Гдѣ же онъ? Вамъ вѣрно его прислалъ Михаилъ Петровичъ?» Представить ему *Москвитянина* я не могъ, оттого что онъ и до сего дня не полученъ въ Харьковѣ.—Насилу могъ выбраться отъ него; онъ охотникъ, кажется, толковать, и страдаетъ тою же страстью, какою и азъ грѣшный,—записки писать. Я уже получилъ одну, въ которой онъ проситъ прочесть что-нибудь изъ моихъ трудовъ(!!). —Разсказывалъ мнѣ, какъ Александръ плакалъ съ нимъ, и какъ онъ плакалъ съ Александромъ, какъ поднесъ онъ ему на колѣ-

---

[1]) Неизданн. документы извлеч. изъ Арх. М. Н. Пр. пр. Дм. Ив. Багалѣемъ.

няхъ прожектъ объ Университетѣ Харьковскомъ, о Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и пр. и пр, какъ потомъ засадили его въ Шлиссельбургскую крѣпость, «гдѣ свѣта Божьяго не видно.... Много испыталъ я въ жизни... Мнѣ уже семьдесятъ лѣтъ... Занимался химіей... Теперь пишу... (тутъ вручилъ онъ листокъ *Харьковскихъ Вѣдомостей)* о новомъ заведеніи для образованія школъ для низшаго сословія... Почта въ Россіи скверная».... и пр. и пр.—Я уже не зналъ, что мнѣ отвѣчать, плакать ли вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ плакалъ съ Александромъ и Александръ плакалъ съ нимъ,... написать ли ему оду, яко Іову, или притвориться такимъ ужъ болваномъ, чтобы онъ отложилъ всякое попеченіе добиться отъ меня *сочувствія.*—Растолкуйте мнѣ пожалуйста, что это за вещь на свѣтѣ: умные дураки. Спереди уменъ, ученъ, ну просто геніальный человѣкъ... а повернется задомъ, такъ и кажется, что рехнулся немного. Я, впрочемъ, извлекъ пользу изъ моего посѣщенія: Каразинъ обѣщалъ мнѣ напечатать въ *Харьковскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе о *Москвитянинѣ* съ содержаніемъ первыхъ двухъ номеровъ» [1]). Когда Каразинъ получилъ первый № «Москвитянина», то писалъ къ его издателю: «Плѣняясь журналомъ вашимъ, я предполагаю непремѣнно вносить въ него кое-что изъ моихъ портфелей» [2]). Дѣйствительно, въ 1842 году Василій Назаровичъ уже не помѣщалъ статей своихъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ и думалъ кажется сотрудничать въ новомъ журналѣ. Вмѣстѣ съ упомянутымъ письмомъ Погодину Каразинъ отправилъ для Москвитянина какой то автографъ Екатерины Великой [3]). Въ № 6 «Москвитянина» за 1842

---

[1]) Барсуковъ „Жизнь и Труды М. П. Погодинъ“ кн. 6, стр. 65—66. Спб. 1392. Нѣсколько позднѣе тотъ же Бецкій, ближе узнавъ В. Н. Каразина, далъ о немъ такой отзывъ въ письмѣ къ Погодину отъ 13 янв. 1843 года: „Мнѣ кажется, еслибъ обстоятельства не передѣлали бы навыворотъ этого неутомимаго дѣятеля науки, онъ могъ бы много, много принести пользы при энергіи необузданнаго ума и страстнаго желанія быть полезнымъ. Жаль, что онъ скончался не въ Харьковѣ,—прибавилъ Бецкій, извѣщая о смерти Вас. Наз-ча;-я съ особеннымъ наслажденіемъ берегъ бы его въ послѣднія минуты жизни потому именно, что покойникъ не имѣлъ друзей“ (Тамъ же, стр. 314.)

[2]) Барсуковъ, кн 6, стр. 67.

[3]) Документъ этотъ не былъ напечатанъ въ журналѣ и о немъ сохранилось только нѣсколько строкъ самого Каразина: „Императрица, учреждая Комиссію о Училищахъ, повелѣла прежде ея президенту, а потомъ и другому члену, написать руководство для воспитанниковъ, которое бы, напечатано бывъ во множествѣ экземпляровъ, могло быть

годъ помѣщена была статья Каразина «О новомъ открытіи въ Англіи»..., оспаривавшая у нѣмца честь изобрѣтенія паровой лодки [1]). — Есть указаніе, что Вас. Наз. посылалъ и другія статьи въ «Москвитянинъ», впрочемъ ненапечатанныя [2]). Въ 1842 году И. Е. Бецкій, питомецъ Погодина, задумалъ издавать въ Харьковѣ при участіи Г. Ѳ. Квитки, князя А. А. Шаховскаго, Н. И. Костомарова, Т. Г. Шевченко и другихъ, украинскій сборникъ подъ заглавіемъ «Молодикъ» [3]). Сборникъ этотъ началъ выходить по смерти Каразина (1843 г.), но проектъ изданія былъ еще при жизни его, и Василій Назаровичъ «первый» отозвался на предпріятіе Бецкаго и первый «простеръ ему руку помощи» [4]). Содѣйствуя придпріятію, Каразинъ, однако, не сочувствовалъ назвать новый журналъ по малороссійски «Молодикомъ»: «Предложеніе Бецкаго о Харьковскомъ альманахѣ идетъ довольно успѣшно,—писалъ Каразинъ Погодину,—вотъ и я уже успѣлъ раздать до сорока билетовъ. Жаль, что онъ нарекъ его по-хохлацки, противъ моего совѣта. Это имя, заставляя подозрѣвать, что будетъ наборъ только хохлацкихъ піесъ, кои уже всѣмъ надоѣли, и которымъ, вѣрьте, меньше всѣхъ дорожатъ наши Харьковцы (съ гордостью давно причисляющіе себя къ старой Россіи), многихъ останавливаетъ»» [5]).

Въ одинъ изъ первыхъ годовъ изданія «Молодика» (на 1844 г.), Бецкій воспользовался рядомъ матеріаловъ, предоставленныхъ въ его пользованіе В. Н. Каразинымъ, изъ которыхъ одна статья принадлежала перу самаго Каразина. Это «Взглядъ на украинскую старину», гдѣ Вас. Наз. *по памяти,* на основаніи погибшихъ въ 1836 году отъ пожара документовъ, собран-

---

раздаваемо каждому отроку при его вступленіи въ училище. Прочитавъ принесенные ей прожекты, она ни тѣмъ, ни другимъ не осталась довольна. И, чтобы изъяснить, въ какомъ слогѣ написанною и какого содержанія она желала бы видѣть требуемую ею книгу, изволила немедленно взять перо, и въ полчаса, при краснѣющемъ президентѣ, котораго она между тѣмъ посадила въ своемъ кабинетѣ, написала... съ грамматическими, конечно, ошибками, свойственными иностранкѣ, но въ духѣ Государыни, *Матери* своихъ Россіянъ,“ посланную Погодину бумагу.

[1]) «Москвитянинъ» 1842 г. часть III, № 6, стр. 387—389. Харьковъ, 10 апр.

[2]) «Москвитянинъ» 1843 г. часть I, № 2, стр. 628, прим.

[3]) Барсуковъ «Ж. и Тр. М. П. Погодина» кн. 7, стр. 136.

[4]) «Молодикъ» на 1844 годъ, Спб. 1844, «Отъ Издателя,» стр. 241.

[5]) См. [3]).

ныхъ имъ «многотрудно въ теченіе 55 лѣтъ», воспроизводилъ *картину* населенія и развитія Украйны, подкрѣпляя свои свидѣтельства воспоминаніями старожиловъ [1]). Къ «Взгляду на укр. стар.» Вас. Наз. приложилъ нѣсколько сохранившихся у него документовъ: «Рапортъ отъ 14-го февраля 1732 года, изъ харьковской полковой таможенной въ бѣлогородскую канцелярію—цѣны провіанту въ Харьковѣ въ 1732 году»; Условіе помѣщика съ учителемъ за 40 лѣтъ назадъ» (отъ 7-го октября 1800 года). Въ томъ же выпускѣ «Молодика» помѣщено «Письмо къ издателю» Каразина, по поводу прилагаемыхъ писемъ и записокъ Г. С. Сковороды (стр. 229—230); «Духовное завѣщаніе генеральнаго обознаго Ивана Ломѣковскаго, писанное въ Яссахъ марта 25 дня 1711 года». Между прочимъ, тамъ не была помѣщена очень важная бумага въ историческомъ отношеніи, сообщенная Каразинымъ, это: «Подлинная бумага, почерка послѣдней половины XVII вѣка, о поставкѣ двухъ шпиталень или богадѣлень» по указу Өеодора Алексѣевича, изъ дѣлъ Аптекарскаго Приказа. Эту бумагу Вас. Наз. нашелъ во время своихъ работъ по исторіи медицины въ Россіи въ архивѣ медицинской конторы въ Москвѣ [2]). Погодинъ такъ отозвался о важности обнародованнаго Каразинымъ документа: «изъ него ясно видно, что всѣ почти преобразованія Петра І-го были уже начаты, и всѣ намѣренія уже зародились, съ самаго вступленія на престолъ фамиліи Романовыхъ», т. е. что переломъ исторіи Россіи надо искать на два вѣка раньше, чѣмъ это считалось до того времени [3]).— Всѣ упомянутыя статьи были, какъ сказано, напечатаны по смерти его.

ГЛАВА XI.

Нравственная личность В. Н. Каразина.

(1842 г.).

Благотворительность. Добрыя свойства души Каразина; любовь къ нему крестьянъ. Указанія на недостатки Каразина. Послѣдній годъ жизни и смерть. Отношеніе общества къ смерти В. Н. Каразина. Характеръ дѣятельности В. Н. Каразина

Въ первые мѣсяцы 1842 года Василій Назаровичъ былъ живо занятъ однимъ благотворительнымъ дѣломъ. Сынъ Ив. Яковл. Колтуновскаго (старшаго совѣтника по винному, соляному и та-

---

[1]) «Молодикъ» на 1844 г. Харьковъ, 1843., стр. 39.

[2]) Тамъ же, стр. 281.

[3]) Барсуковъ, Ж. и Тр. М. П. Погодина, кн. 7, стр. 210, Спб. 18.

бачному отдѣленіямъ харьковской казенной палаты) Егоръ Ив. Колтуновскій, окончивъ Петербургскую Академію Художествъ, пріѣхалъ въ Харьковъ и обратилъ на себя вниманіе В. Н. Каразина своими картинами. Послѣдній былъ хорошо знакомъ съ семьей Колтуновскихъ и часто бывалъ у нихъ. По пріѣздѣ Егора Ивановича, Каразинъ постоянно заходилъ къ нему въ мастерскую и цѣлые часы проводилъ, наслаждаясь прекрасными картинами; особенно сильное впечатлѣніе производили на него картины религіознаго содержанія. Случалось, онъ, сидя передъ ними, плакалъ. Вас. Наз. разспрашивалъ Е. И. Колтуновскаго о художественныхъ новостяхъ, вышедшихъ въ Петербургѣ, предлагалъ тѣ или другія темы для работъ. Но этимъ не ограничилось знакомство Каразина съ Колтуновскимъ. Василій Назаровичъ твердо рѣшилъ добиться того, чтобы отправить молодого художника въ Италію и тѣмъ довершить развитіе его таланта. Надо замѣтить, что Колтуновскіе были люди не богатые и не могли дать сыну возможность жить за границей за ихъ счетъ. Въ свою очередь, дѣла Василія Назаровича были въ конецъ разстроены и деньги свои онъ, можетъ быть, и далъ бы, да ихъ не было. И вотъ Каразинъ прибѣгаетъ къ не разъ испытанному имъ ходатайству; онъ обращается къ общественной благотворительности. Ревностно упрашивалъ Вас. Наз. харьковскую аристократію помочь его кліенту и отправить его въ складчину въ Италію. Къ доброму начинанію Каразина отнеслись сочувственно. Архіепископъ Иннокентій, извѣстный духовный ораторъ, графъ Орловъ-Денисовъ, богатый откупщикъ Кузинъ, очень цѣнимый В. Наз—чемъ какъ человѣкъ[1]), и др. собрали 400 рублей Колтуновскому на проѣздъ, а В. Н. Каразинъ выхлопоталъ ему возможность безплатно жить и работать подъ руководствомъ проживавшаго въ Римѣ даровитаго русскаго художника А. Д. Алфераки. Насколько близко принималъ къ сердцу интересы благодѣтельствуемаго человѣка Каразинъ, служитъ письмо къ Колтуновскому отъ 28 апрѣля 1842 года. Въ немъ Василій Назаровичъ писалъ о картинѣ, приготовляемой художникомъ въ подарокъ графу Орлову-Денисову, отъ котораго ожидалась денежная помощь: «Оканчивайте съ Богомъ вашу картину. Представимъ ее вмѣстѣ. Авось еще прибавятъ что-нибудь на дорогу къ четыремъ стамъ? Но знаете ли, что мнѣ пришло на мысль? Весьма бы не худо, чтобы вы отдѣльно написали головку умирающаго на крестѣ, для того, чтобы ее взять съ собою

---

[1]) Къ нему относятся слѣдующія строки заглавнаго листа одного изъ сочиненій Каразина: „Посвящаю благодѣтельному Гражданину, усердному и умному любителю своего Общества Козьмѣ Никитичу Кузину". (Нѣсколько предложеній добраго гражданина. Одесса 1842).

и на первый случай показать г-ну Алфераки. Если будете имѣть время, то сдѣлайте это; если нѣтъ, такъ и быть. Надѣюсь, что когда будетъ приходить къ концу работа ваша, вы меня предварите. Назначьте когда именно представить. А я и архіерея приглашу къ графу на этотъ разъ.

Кстати посылаю вамъ журналъ Министерства Н. П. тотъ №, гдѣ о Гайвазовскомъ найдете, къ концу книжки загнутый листъ. Вотъ какъ пошли наши! Не отстанете и вы, милый Егоръ Ивановичъ! Надѣюсь несомнѣнно!.. Покажите эту статью папенькѣ. А о Римѣ пришлю послѣ»... и т. д. [1]).

Послѣдняя пирписка свидѣтельствуетъ о постоянной руководящей идеѣ въ жизни Каразина—это успѣхи любимой родины.—Безкорыстные труды Каразина не увѣнчались успѣхомъ въ данномъ случаѣ, благодаря рѣшительному противодѣйствію И. Я. Колтуновскаго, когда насталъ часъ разлуки съ сыномъ [2]).—Но для насъ важенъ, конечно, фактъ любви Каразина къ живописи и свидѣтельство о его прекрасной душѣ.

Приближаясь къ изложенію послѣдняго года жизни В. Н. Каразина, намъ кажется умѣстнымъ пополнить характеристику его изложеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, ярко рисующихъ доброту этого человѣка.

О заступничествѣ Каразина за обиженныхъ и несчастныхъ передъ государемъ во время своей силы мы уже говорили не разъ. Несчастій и страданій другихъ Вас. Наз. вообще не выносилъ. Во время тѣлесныхъ наказаній своихъ крестьянъ, признаваемыхъ за необходимость въ теоріи, Каразинъ страдалъ не меньше самихъ наказуемыхъ: заслышавъ шумъ розогъ, онъ выскакивалъ и приказывалъ прекратить наказаніе; разъ, увидѣвъ, что сѣкутъ крестьянина сосѣда-помѣщика за невзносъ подушныхъ или оброчныхъ денегъ, онъ поспѣшилъ самъ заплатить недоимку, чтобы только избавить несчастнаго отъ страданій [3]).—О симпатіи В. Н. Каразина къ простому народу намъ нечего распространяться; тому свидѣтельствомъ и заботы «отца»—помѣщика о крестьянахъ, и отзывы послѣднихъ о немъ, и ихъ благоденствіе и отрадныя воспоминанія ихъ потомковъ о времени управленія крестьянами Василіемъ Назаровичемъ. Слава о добротѣ Каразина распростра-

---

[1]) Сборникъ Ист.-фил. общества при Имп. Харьк. унив. Харьковъ 1891 г. т. 3 стр. 340.

[2]) Тамъ же стр. 338—341.

[3]) Разсказы крестьянъ-кручанцевъ автору сочиненія. Подобный же разсказъ передаетъ сынъ В. Н—ча, Фил. В. Каразинъ, въ напечатанномъ письмѣ къ Н. А. Лавровскому.

нилась между помѣщичьими крестьянами, и мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ о довѣріи къ нему ихъ. Крестьяне кручанцы разсказываютъ и теперь, что крестьяне сплошь да рядомъ бѣжали отъ помѣщиковъ къ Каразину, ища его заступничества. Въ рукописяхъ Чирикова «О В. Н. Кавазинѣ» находимъ нѣсколько указаній на тяжбы съ Василіемъ Назаровичемъ сосѣдей за укрывательство бѣглыхъ крестьянъ. Въ 1891 году былъ опубликованъ замѣчательный документъ, свидѣтельствующій о заботахъ В. Н. Каразина и хлопотахъ за крестьянъ и о ихъ безграничномъ къ нему довѣріи. Это—довѣренность однодворцевъ с. Вольнаго (отъ 19 мая 1891 года), выданная Василію Наз—чу по случаю размежеванія ихъ «съ яменскими обывателями». Пять разъ уже межевались поля; отъ исхода шестого зависѣло утвержденіе земли за вольновцами или «разореніе» послѣднихъ: «Мы—люди безпомощные, недальновидные, безграмотные,—писали крестьяне.— Войдите въ положеніе наше, благодѣтель нашъ! Довершая сдѣланное намъ добро, не откажитесь присутствовать лично при всѣхъ дѣйствіяхъ сего межеванія отъ начала его до конца въ званіи главнаго нашего повѣреннаго. *Мы вамъ не только вѣримъ, но совершенно ввѣряемъ участь нашу: защиту нашей собственности»*... «Вы, благодѣтель нашъ, съ 1801 года еще и по нынѣ безкорыстно участвуете въ дѣлахъ нашихъ, всегда защищали насъ, ходатайствовали о нашихъ нуждахъ у начальства, даже недавно, въ началѣ 1818 года, въ Москвѣ содѣйствовали къ объясненію учиненнаго намъ неслыханнаго неправосудія — предъ очами Всемилостивѣйшаго Государя Императора» [1])... Мы ничего не знаемъ, на какой фактъ намекаютъ послѣднія строки, но дѣло само за себя—Каразинъ, по признанію самихъ крестьянъ «безкорыстный» печальникъ за нихъ и «благодѣтель».

Въ 1832 году В. Н. Каразинъ хлопоталъ за какого то «гимназическаго ученика Рогинскаго», назначеннаго смотрителемъ Усть-Медвѣдицкой станицы. Послѣдній не имѣлъ денегъ, чтобы выѣхать на мѣсто служенія, и обратился къ Василію Назаровичу. Тотъ немедленно обратился къ своему хорошему знакомому, директору училищъ въ Области Войска Донского, Тим. Ив. Селиванову, настаивая, чтобы онъ добился у мѣстныхъ богачей пожертвованія бѣдняку, добился желаемаго и устроилъ Рогинскаго [2]). «Когда идетъ дѣло о томъ, чтобы пособить бѣдности, чтобы истинно

---

[1]) Сборн. Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун. кн. Ш, стр. 310—311, Харьковъ, 1891.

[2]) Письма къ Т. И. Селиванову 1832—1836 г.г. Копіи хранятся у проф. Дм. Ив. Багалѣя.

несчастнаго человѣка, совершенно пропадающаго единственно лишь отъ непріязненности къ нему судьбы его, вытащить, такъ сказать, изъ ямы,—тогда, о! тогда смѣло ступай къ Василію Назаровичу, *не просить* его о воспомоществованіи,—нѣтъ! Ты только представь ему бѣдняка того лично, или разскажи горькую его исторію. Эта добрая душа такъ жадничаетъ не отпускать отъ себя ни одного горюна безъ помощи, что въ твоемъ ходатайствѣ и нужды никакой не будетъ, лишь бы то не превышало силъ его!»... писалъ о Василіи Назаровичѣ неизвѣстный пріятель его: «Такъ говорящихъ слышалъ я нѣсколько человѣкъ, очень коротко знающихъ рѣдкаго сего добродушника».

«Титулярный совѣтникъ Александръ Новоселовъ, человѣкъ весьма мнѣ знакомый и потомъ учитель мой,—безъ нѣсколькихъ только мѣсяцевъ семнадцать лѣтъ занимался обученіемъ нашей братіи рисовать въ Моск. унив—тѣ. За весьма усердное исполненіе своей должности шесть лѣтъ получалъ онъ по 90 р. въ годъ, а въ послѣднія *одинадцать* (лѣтъ) добился и до того, что стали давать ему по 150 р.—Всѣ жалостные вопли его, всѣ представленія нищенской его бѣдности всегда оставались безуспѣшными... Человѣкъ многосемейный, окончательно выбиваясь изъ силъ, обратился къ Вас. Н. Каразину»; тотъ употребилъ все свое вліяніе, бѣгалъ, суетился, и добился, наконецъ, полнаго обезпеченія бѣднаго самейства. «Не нахожу себя въ состояніи,—писалъ тотъ же пріятель В. Н. Каразину, дойтить до того, чтобы обо мнѣ сказали нѣкогда то-же, что слышалъ я въ разговорѣ вашихъ знакомыхъ о васъ [1])... Простите, милостивый государь, вольный слогъ пера моего! какъ думалось такъ и написалось! А изъяснять чувствъ моихъ предъ истиннымъ человѣкомъ, открывать сердца моего передъ такимъ, который самъ его имѣетъ,—никогда не поставлялъ себѣ въ преступленіе тотъ, который, уважая достоинства ваши, будетъ уважать ихъ безпрестанно!» [2])

Такъ помогалъ нуждающимся людямъ Василій Назаровичъ, не разбирая ихъ званія, по влеченію лишь доброй души; и причинъ такой отзывчивости мы напрасно стали бы искать въ несчастіяхъ, претерпѣнныхъ самимъ Каразинымъ; во время своей силы онъ былъ одинаково отзывчивъ къ людскому горю и не щадилъ своего вліянія, настаивая на содѣйствіи сильныхъ людей, которымъ, въ концѣ концовъ, такъ надоѣлъ своими ходатайствами и хлопотами.—Вотъ еще одно благодарственное письмо Каразину профессора Баузе, каталогъ погибшей въ 1812 году библіотеки

---

[1]) Пропущены строки въ печатномъ подлинникѣ.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд. за 1875 годъ, № 241.

котораго нашелся у Вас. Наз—ча: «Сердце мое слишкомъ полно радости и благодарности, душевно уважаемый дорогой мой другъ, чтобы выразить ихъ словами. Напрасно бы хотѣлъ я воздать радостію за радость; это не въ моихъ силахъ; но Господь Богъ конечно воздастъ Вамъ за меня. Семейство мое столько же тронуто, столько же безмолвно, какъ и я отъ неожиданныхъ великихъ милостей, которыхъ безъ сомнѣнія я не заслужилъ, равно какъ и безцѣнной Вашей дружбы, но я постараюсь, вѣрьте, всѣми силами моими ихъ заслужить... Спѣшу лично обнять Васъ и благодарить [1]).

Несмотря на столь рѣзкія указанія добрыхъ свойствъ характера В. Н. Каразина, есть нѣсколько данныхъ, *не изслѣдованныхъ*, впрочемъ, біографами его, бросающихъ сильную тѣнь на нравственную личность этого человѣка.—Намъ извѣстно, напримѣръ, о томъ, что Василій Назаровичъ поссорился въ послѣдніе годы жизни съ братомъ своимъ, Иваномъ Назаровичемъ Каразинымъ, съ которымъ раньше дружно дѣйствовалъ. Иванъ Назаровичъ съ радостью привѣтствовалъ успѣхи брата въ дѣлѣ устроенія университета, первымъ отозвался на предложеніе учредить филотехническое общество и по учрежденіи былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ его. Госпожа Каразина (супруга сына Ивана Назаровича, Ивана Ивановича Каразина, Богодуховскаго помѣщика) говорила мнѣ, что послѣ смерти Ивана Назаровича отношенія между Василіемъ Назаровичемъ и опекуномъ оставшихся сиротъ были крайне обостренныя. Дядѣ совсѣмъ не показывали племянниковъ, остерегая ихъ отъ него, какъ отъ врага. Иванъ Ивановичъ только разъ, и то случайно, видѣлъ Василія Назаровича—средняго роста старика съ нависшими сѣдыми бровями и сердитымъ видомъ, который пріѣхалъ на линейкѣ въ Основинцы. Объ отношеніяхъ Василія Назаровича съ семьей брата Чириковъ разсказываетъ слѣдующее со словъ опекуна А. Н. Витинскаго: «Каразинъ затѣялъ процессъ, желая оттягать имѣніе умершаго брата своего Ивана Наз-ча, отъ котораго остались двое малолѣтнихъ дѣтей, сынъ и дочь, именно—деревню Основинцы, находящуюся невдалекѣ отъ Кручика». Въ основаніе своихъ требованій Василій Назаровичъ поставилъ фактъ уничтоженія опекуномъ имущества брата (Витинскимъ) его (В. Н. Каразина)

---

[1]) Оригиналъ по-нѣмецки. «Сѣверная Пчела» за 1860 г. № 92, письмо 4-е. Можно указать еще на хлопоты В. Н—ча въ пользу жены проф. Шада, попавшей въ безвыходное положеніе послѣ отставки мужа. (Записки Ист. Фил. Общ. при Харьк. ун. кн. 8. См. также Х. Лопаревъ, описаніе рукописей, 16 и 17 §§).

сада и лѣса. Но А. Н. Витинскій взялся серьёзно за дѣло, и В. Н. Каразинъ проигралъ процессъ. Крестьяне, спрошенные на мѣстѣ, показали, что никакого истребленія сада и лѣса не было.

Изъ описи судебныхъ дѣлъ В. Н. Каразина, за это время, у Чирикова находимъ указанія на «Дѣло 1839 года за № 108, помѣщика Каразина о причиненіи имъ дѣтямъ умершаго помѣщика Каразина обиды» на 262 листахъ, («Дѣло 1840 года за № 120 Каразина совѣтника съ товарищи о причиненіи имъ штабсъ-капитану Витинскому на письмѣ обиды» 84 листа) и «Дѣло 1839 года, за № 118, о производившемся статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Каразинымъ спорѣ на составленное умершимъ братомъ его титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Каразинымъ распоряженіе въ пользу жены его» на 810 листахъ. Доставившій намъ приведенныя указанія покойный Чириковъ началъ было разбирать тяжебныя дѣла В. Н. Каразина, но далеко не кончилъ предпринятой работы, а упомянутыхъ документовъ вовсе не трогалъ. Въ своихъ рукописяхъ вообще отрицательно относясь къ нравственной личности Василія Назаровича, Чириковъ приводитъ еще одинъ невыгодный для Каразина фактъ, о которомъ ему (Чирикову) разсказывалъ Витинскій.

В. Н. Каразинъ будто бы пріѣхалъ разъ къ одной старухѣ помѣщицѣ, полуграмотной и глупой женщинѣ, имѣвшей 200 душъ крестьянъ, и попросилъ показать бумаги—документы на ея владѣнія. Старуха показала. Каразинъ воскликнулъ: «Боже мой, съ этими бумагами вы можете лишиться имѣнія». По просьбѣ старухи Каразинъ взялся быть ея повѣреннымъ и забралъ къ себѣ всѣ документы. Каразинъ умышлялъ оттягать имѣніе въ свою пользу, но добрые люди заступились за старуху—и онъ принужденъ былъ возвратить бумаги.

Конечно, этотъ разсказъ нуждается въ лучшемъ освѣщеніи и доказательности, и полагаться на одну версію недруга Каразина невозможно. Изъ приведеннаго разсказа, равно какъ и изъ жалобы Витинскаго, мы можемъ только навѣрное заключить, что онъ непріязненно относился къ В. Н. Каразину. Мы склонны видѣть причину этой непріязненности во всегдашней прямотѣ, даже рѣзкости характера Каразина. Жалобы на него «За причиненіе на письмѣ обиды» сплошь-да-рядомъ разбирались въ судахъ. Кромѣ жалобы «Витинскаго съ товарищи», на Каразина было еще нѣсколько жалобъ за оскорбленіе (дѣло 1835 года за № 144 о причиненіи Залѣсскому обиды Каразинымъ, дѣло 1833 г. за № 92 о причиненіи Лелянову на письмѣ обиды...» и пр.)... Дѣло по одной жалобѣ мы нашли у Чирикова разобраннымъ,— именно засѣдателя земскаго суда Лелянова на Каразина.

6 февраля 1833 года В. Н. Каразинъ послалъ Лелянову письмо такого рода (изъ Кручика): «Удивляюсь, милостивый государь, Иванъ Михайловичъ!.. Мало того, чтобы страннымъ поведеніемъ довести себя до такой надписи на... (?), каковую вы получили 11 числа мая прошедшаго года: надобно еще заслужить и совершенное презрѣніе. Развѣ вы не засѣдатель отъ дворянства, а наемный слуга П.—Петровичевой?... Но если бы высшее начальство это узнало! Какъ вы думаете? Но я не хочу унижать себя жалобами. Напротивъ, къ вамъ собственно обращаюсь и прошу васъ свести бѣдныхъ этихъ сторожей, которые денно и нощно мерзнутъ на дворѣ, въ лѣсу, ни за что ни про что, проклиная всякаго виннаго и невиннаго. Ежели не сведете, то я стану жаловаться и все долженъ буду обнаружить. Что же касается до предположенія вашего вводить графиню во владѣніе, то знайте, что это ея бабья мечта, которая сбыться не можетъ. Ибо сенатскаго указа уничтожить нельзя и гражданская палата сдѣлала уже постановленіе; вѣроятно сего вечера, не позже, будете вы читать указъ въ земскій судъ. Вашъ покорный слуга В. Каразинъ» и въ P. S. Я взялъ сіе письмо отъ посланнаго, для того, чтобы сказать вамъ, что указы за №№ 549 въ земскомъ судѣ, а 550-мъ въ опекѣ уже въ Богодуховѣ.

Богъ васъ проститъ во всемъ! Только перестаньте безполезно стремиться дѣлать мнѣ зло. ~~И поскорѣе отпустите бѣдныхъ людей»~~ [1]). Приведенное письмо Леляновъ 12 мая 1833 года представилъ въ судъ съ жалобой на Каразина «о причиненной ему въ письмѣ обиды». 21 августа 1840 г. Богодуховскій судъ постановилъ: такъ какъ жалоба не должна была быть приносима въ земскій судъ «то» по смыслу 15 части законовъ ст. 381, Лелянову въ искѣ навсегда отказать, а статскаго совѣтника Каразина по дѣлу сему оставить свободнымъ». Едва ли могъ быть для Каразина иной приговоръ суда, но для насъ этотъ случай характеренъ, какъ показывающій, среди какого мелочнаго общества приходилось вращаться Вас. Наз-чу.

Рядомъ съ тяжбами «за оскорбленіе» Каразинъ велъ дѣла о взыскиваемыхъ съ него деньгахъ, за имѣнія, лѣса и т. п. Чириковъ разсказываетъ, что въ судѣ скоплялось по 17 дѣлъ Каразина и что въ Харьковѣ сложилась даже поговорка: «у него столько дѣлъ, сколько у Каразина». Впрочемъ, фактъ скопленія и 17

---

[1]) Рѣчь идетъ, какъ видно, о пристрастномъ отношеніи засѣдателя земскаго суда въ тяжбѣ Василія Назаровича съ графиней Подгоричани-Петровичъ и, главнымъ образомъ, о тяжелой, незаслуженной обязанности крестьянъ В. Н. Каразина, столь имъ любимыхъ.

дѣлъ одного лица не представляетъ ничего удивительнаго при тогдашней судебной волокитѣ; по описи дѣлъ Каразина (у Чирикова же), кромѣ тяжебъ *до* 1830 года (см. стр. 513—518) и немногихъ вышепоименованныхъ, Василій Назаровичъ велъ лишь 4 дѣла: 1833 года «О заложенномъ имѣніи Куликовскому», 1840 г. «О забратіи у Каразина лѣса», и 1839 «По прошенію Каразина и обывателей Ковальчика и Бѣлогора съ жалобою на Богодуховскую дворянскую опеку за продажу лѣса».

Но средства В. Н. Каразина, дѣйствительно, истощились. Чириковъ, между прочимъ, разсказываетъ, что Каразинъ не платилъ податей лѣтъ по 10, и что нерѣдко земская полиція силой описывала и отбирала у него въ уплату хлѣбъ. Дѣло дошло, наконецъ, будто бы до того, что Каразинъ разъ съ ружьемъ въ рукахъ защищалъ свой хлѣбъ и надо было собрать 300 мужиковъ, чтобы произвести нужную операцію.. (Отъ заимодавцевъ Каразинъ отдѣлывался такимъ пріемомъ. Онъ выходилъ къ кредитору, краснорѣчиво убѣждалъ его обождать уплаты долга и на настойчивыя требованія выносилъ какую-либо кость, черепъ, или археологическую рѣдкость, со словами: «вотъ мое богатство») (??).

Тяжбы кредиторовъ В. Н. Каразина продолжались нѣсколько лѣтъ и послѣ его смерти. (1843-года за № 130 «О взысканіи съ него графомъ Подгоричани-Петровичемъ за лѣсъ денегъ», на 154 л.; 1846 г. за № 12 «О доставкѣ имъ наслѣдникамъ Кузина денегъ», 1846 г. за № 155 «О взысканіи съ него поручикомъ Богаевскимъ 4000 руб.»).

Въ послѣдніе годы жизни В. Н. Каразинъ занялся опытами надъ обработкой вина. Сохранился цѣлый рядъ писемъ его, свидѣтельствующихъ объ интересѣ къ этому дѣлу [1]) Новыя работы увѣнчались, повидимому, успѣхомъ. Вас. Наз. достигъ того, что предохраняя выжатый виноградный сокъ отъ воздуха, вызывалъ броженіе вина безъ улетучиванія спиртуозныхъ и ароматическихъ частицъ. Каразинъ тотчасъ предложилъ правительству использовать свою мысль въ казенныхъ крымскихъ виноградникахъ. Министръ государственныхъ имуществъ предоставилъ Каразину отправиться въ Крымъ для производства опытовъ въ большихъ размѣрахъ [2]).—Осенью 1842 года Василій Назаровичъ написалъ уже отчетъ о своихъ наблюденіяхъ и планахъ культивированія Крыма. Эту статью Каразинъ назвалъ «Безпристрастнымъ взгля-

---

[1]) Разумѣемъ письма къ Т. И. Селиванову (неизданн.) хранящ. у проф. Дм. Ив. Багалѣя.

[2]) Русская Старина, 1872 г. т. 5, стр. 665. Московскія Вѣдомости, 1842 г., № 101, стр. 766.

домъ на южный берегъ Тавриды»[1]) и предназначалъ ее, вѣроятно, къ напечатанію.—Прежде всего Василію Наз-чу бросилось въ глаза то обстоятельство, что дары крымской природы остаются неиспользованными. Прекрасный виноградъ обрабатывался самымъ первобытнымъ способомъ; для скотоводства были всѣ данныя, но никто имъ не занимался, а между тѣмъ эта отрасль хозяйства представляла существенное значеніе. Каразинъ изслѣдовалъ причины неправильности винодѣлія и способы достигнуть въ будущемъ желательныхъ явленій. Состояніе крымскихъ школъ виноградарей, стоящихъ правительству огромныхъ денегъ, возмутило Каразина. «Въ 14 лѣтъ изъ 60 или болѣе учениковъ не вышло ни одного отличнаго садовника? Безотвѣтнымъ доказательствомъ тому, что и въ нынѣшнемъ году, при отставкѣ Никитскаго садовника Гуле на его мѣсто опять выписанъ саксонецъ». «Я видѣлъ учениковъ, которые, не имѣя ни малѣйшаго дарованія къ своему дѣлу, безполезно ѣдятъ казенный хлѣбъ». «Видѣлъ другихъ, очень даровитыхъ и жадныхъ къ познаніямъ молодыхъ людей, но и эти продолжаютъ многіе годы работать заступомъ, точно такъ, какъ и первые, какъ и едва только принятые ученики. Вниманія на ихъ умственныя способности и нравственность, не обращаютъ». Между тѣмъ «на содержаніе Никитскаго сада и его винодѣльное училище издерживается 15 т. руб., и за это отправляется ко двору ежегодно 50 боченковъ винограда—изъ 50-ти тысячъ кустовъ!.. Въ прошедшемъ году, въ первый разъ послано 300 бутылокъ посредственнаго вина. Казалось бы, съ 1812 года, когда первое изъ сихъ заведеній началось, въ 30 лѣтъ можно ожидать что-нибудь значительнѣе, еслибъ кто занимался въ этомъ мѣстоположеніи, необыкновенномъ въ нашемъ отечествѣ, съ *русскимъ сердцемъ*». А между тѣмъ во главѣ дѣла стояли иностранцы, нисколько нерадѣвшіе о цѣляхъ правительства, устроившаго училища съ намѣреніемъ культивировать край: «эти люди питаютъ ко всему русскому какое то непріязненное чувство, въ которомъ сами по себѣ отчета отдать не въ состояніи».

Исполненіе Каразинымъ порученія министра государственныхъ имуществъ кончилось, по всей вѣроятности, статьей о «Тавридѣ», помѣченной 28 октября 1842 года.

Изъ дѣятельности В. Н. Каразина на югѣ Россіи въ концѣ 1842 года, кромѣ изслѣдованія Крыма, можемъ указать только на изданіе имъ въ Одессѣ (въ концѣ августа) брошюры «Нѣсколько предложеній добраго гражданина», заключающей въ себѣ проектъ

---

[1]) Русс. Стар. 1872, 5 стр. 661—669, помѣчено: «Магарачское казенное заведеніе. 28 окт. 1842 г.».

парового отопленія, и двѣ статьи по домоводству, напечатанныя раньше въ «Харьковскихъ Вѣдомостяхъ».

«Ѣздя по Крыму на перекладной, Василій Назаровичъ простудился въ туманную дождливую погоду, и, пробывши на заводахъ въ Никитскомъ саду, близъ Ялты, съ сентября по октябрь, прибылъ больной уже въ Николаевъ, гдѣ служилъ при знаменитомъ Лазаревѣ сынъ его Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ» [1]). 4-го ноября 1842 года, въ восемь часовъ по полудни, на рукахъ у сына скончался отъ горячки Василій Назаровичъ Каразинъ [2]).

17-го ноября (1842 г) Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ извѣщалъ А. Г. Тройницкаго о смерти своего любимаго родителя и просилъ напечатать въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (редакторомъ котораго былъ Тройницкій) краткій некрологъ о Василіѣ Назаровичѣ. «Съ *нетерпѣніемъ стану ожидать вашего отвѣта*,— писалъ онъ;—если вы не рѣшитесь безъ документовъ, основываясь только на моихъ словахъ, сказать въ газетѣ вашей, что отецъ мой былъ виновникомъ учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія и Харьковскаго университета, то сдѣлайте одолженіе, лучше ничего о немъ не говорите; я спишусь съ графомъ Бенкендорфомъ или съ Киселевымъ или съ Канкринымъ (которые всѣ конечно отъ души пожалѣютъ о его кончинѣ) и тогда посмотримъ» [3])!

28-го ноября 1842 года въ 95 № «Одесскаго Вѣстника» появилось извѣстіе о кончинѣ В. Н. Каразина съ краткимъ изложеніемъ записки Фил. Вас. Каразина о жизни отца; 19 декабря того же года въ 101 № «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ былъ перепечатанный изъ «Одесскаго Вѣстника» некрологъ. Въ январьской книжкѣ «Москвитянина» за 1843 годъ помѣщено было письмо В. Н. Каразина къ М. П. Погодину, издателю этого журнала, отъ 23 мая 1842 года, писанное еще изъ Харькова. Здѣсь Василій Назаровичъ, какъ бы предчувствуя свою смерть, говорилъ о непризнанныхъ своихъ трудахъ и планахъ, осуществленныхъ на дѣлѣ другими лицами, помимо автора, *характеризуетъ самъ* свою неудавшуюся жизнь. «Кто знаетъ, что живущій нынѣ,

---

[1]) Г. П. Данилевскій, «Украинская Старина» Харьковъ 1866, стр. 151.

[2]) Русскій Архивъ, 1894 г. т. I, стр. 564. Какъ бы на зло судьбѣ, въ день смерти Василія Назаревича родился новый славный отпрыскъ фамиліи Каразиныхъ, извѣстный беллетристъ и художникъ Николай Николаевичъ Каразинъ. (Письмо его ко мнѣ отъ 26 авг. 1903 года).

[3]) Русскій Архивъ, 1894 г. т. I, стр. 572.

хотя уже въ гробъ заглядывающій, старикъ далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги своею рукой объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго воспитанія, которое нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? *Насилу* проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ-де подалъ мысль къ основанію такого-то университета. *И только то!!* Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился, какъ рыба объ ледъ, домогаясь возсоединенія уніатовъ, которое совершилось спустя больше тридцати лѣтъ? Кто знаетъ, что онъ же въ 1805 году еще учредилъ у себя постановленіе точь-въ-точь такое, на каковое вызываетъ теперь указъ 1842 года апр. 2. Что онъ изобрѣлъ давно и въ началѣ 1838 года напечаталъ о карболейнѣ, по изобрѣтенному другимъ этому имени, *присвоенномъ другому,* въ 1839 или 40 годахъ! Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами (заключенными въ трубкахъ), которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ—«eine Cifindung des Rigferlind» [1])! «Право, скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ»... «Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? такъ! хоть для потомства»? «Думалъ г. Каразинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи»—прибавилъ отъ себя М. П. Погодинъ [2]). —«Замѣчательно, что «Отчетъ Харьковскаго университета» за $184^2/_3$ годы и «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» за 1842 годъ вовсе умолчали о смерти В. Н. Каразина.

Таково отношеніе общества къ Вас. Наз. Каразину было въ первое время по смерти его. И. Е. Бецкій такъ описывалъ [3]) отношеніе къ покойному и памяти его семьи, жившей въ Харьковѣ: «Безъ меня здѣсь умеръ Каразинъ. Бѣдный старикъ! Миръ праху твоему... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. *Дневникъ* самый подробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, неугасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь вообразите: пріѣзжаю къ вдовѣ и вижу этотъ *Дневникъ*, свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой безпокойной,—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Вотъ конецъ печальной драмы. Спрашивалъ я о библіотекѣ, автографахъ, о бумагахъ. Все это досталось какимъ то нелѣпымъ наслѣдникамъ. *Дневникъ* его—это, ей-ей, рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ, для всякаго, кто зналъ, что это былъ за че-

---

[1]) Вѣроятно ошибка: „Erfindung des Cypferling“. См. Харьк. Губ. Вѣд. 1841 г. № 20, стр. 187.

[2]) „Москвитянинъ“ 1843 г. № 2, стр. 628—329.

[3]) Въ письмѣ къ Погодину отъ 13 января 1843 года.

ловѣкъ-феноменъ покойникъ» [1])... «Покойникъ не имѣлъ друзей», замѣтилъ въ томъ же письмѣ Бецкій, можетъ быть, заключая такъ по безучастному отношенію общества къ смерти В. Н. Каразина. Приготовляя къ изданію выпускъ «Молодика» на 1845 годъ, Бецкій такъ извѣщалъ публику о незамѣнимой утратѣ общества: ...«Съ душевнымъ прискорбіемъ произношу имена В. Н. Каразина и Г. Ѳ. Квитки, такъ неожиданно похищенныхъ у насъ смертію. Они первые подали мнѣ руку помощи и благословили мое предпріятіе. Почти всѣ статьи, помѣщенныя мною въ третьемъ выпускѣ, были сообщены мнѣ почтеннымъ *основателемъ Харьковскаго университета*; вмѣстѣ съ его смертію я лишился богатѣйшаго источника, откуда бы могъ почерпать всѣ возможныя свѣдѣнія о Харьковѣ, едва ли теперь кому такъ хорошо извѣстномъ, какъ былъ онъ ему извѣстенъ. Первый выпускъ «Молодика» былъ отпечатанъ уже послѣ смерти Василія Назаровича— и мнѣ судьба отказала въ удовольствіи принести ему съ благодарностью первый экземпляръ моей книги»... «Вмѣсто того, чтобъ украшать свой сборникъ новыми трудами сихъ двухъ достойныхъ мужей, составлявшихъ опору ученаго и литературнаго общества въ Харьковѣ, издателю предстоитъ горькое утѣшеніе—писать ихъ біографіи» [2])! И не скоро появилось это «горькое утѣшеніе».

Н. Тихій.

---

[1]) Н. Барсуковъ. кн. 6, стр. 313, 314. „Тутъ отдается должное и выдающемуся уму Вас. Наз., и его безкорыстнымъ трудамъ на пользу общества; мало того,—ясно сквозитъ и чувство жалостливаго участія къ покойнику, вызванное, быть можетъ, желаніемъ загладить впечатлѣніе перваго не совсѣмъ справедливаго отзыва о Каразинѣ" (Проф. Дм. Ив. Багалѣй. „Просв. дѣят. В. Н. Каразина").

[2]) У Бецкаго осталось не мало рукописей В. Н. Каразина, которыя онъ намѣревался напечатать въ Молодикѣ на 1845 годъ. Изъ ненапечатанныхъ намъ извѣстны: „Географическое, статистическое и топографическое обозрѣніе Харьковской губерніи, составленное по рукописнымъ тетрадямъ г. Шафонскаго и В. Н. Каразина." „Харьковская памятная книжка" (Сочиненія В. Н. Каразина.—Матеріалы для его біографіи—Нѣсколько писемъ его...) См. Молодикъ на 1844 годъ изд. И. Бецкимъ. Спб. 1844, стр. 241, 242—243 Нѣкоторыя же рукописи Бецкій передалъ впослѣдствіи О. Бодянскому (равно и записку Анастасовичу), который печаталъ ихъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.").

Осколки старины въ Зѣньковскомъ уѣздѣ.

Зѣньковскій уѣздъ, купно съ окольными окраинами сосѣдящихъ съ нимъ уѣздовъ Полтавской и Харьковской губерній, чуть только початая, да и то мимоходомъ, вскользь, terra incognita въ отношеніи мѣстной старины. Удаленный отъ рельсовыхъ путей, съ населеніемъ, по большей части, апатично относящимся ко всему, что слабо соприкасается или мало имѣетъ точекъ соприкосновенія со злобой дня, онъ благодушно и не спѣшно переживаетъ режимъ общежитія, унаслѣдованный отъ предковъ, не переча эволюціямъ, исподоволь, будто бы не замѣтно, но тѣмъ не менѣе энергично, стирающимъ слѣды старины въ бытовомъ обиходѣ и вообще въ житейскихъ дѣлахъ его населенія. Вещественные памятники послѣдней, въ свою очередь, тоже захватываются волнами общаго теченія, и что ни годъ, обликъ ихъ все тускнѣетъ, а численность умаляется. Пройдутъ десятки, пожалуй, сотня лѣтъ,—и кто скажетъ навѣрное, не отойдутъ ли эти вещественные памятники въ туманную область преданія, миѳа? Правда, крупнѣйшіе изъ нихъ—по крайней мѣрѣ нѣкоторые—зарегистрованы, или попали въ альбомы случайныхъ изслѣдователей мѣстной старины. Но много ли таковыхъ?—отвѣтить на этотъ вопросъ не легко, съ одной стороны потому, что не всѣ изслѣдованія попали въ печать, а съ другой далеко не установлено, кто были изслѣдователи и въ какой степени исчерпанъ объектъ ихъ наблюденія.

По порученію предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, осень 1891, а затѣмъ весну и лѣто 1902 г. я экскурсировалъ по Зѣньковскому уѣзду, отыскивая подходящіе для означеннаго съѣзда экспонаты. Попутно, въ самомъ г. Зѣньковѣ и во многихъ поселеніяхъ Зѣньковскаго уѣзда мнѣ приводилось слышать, что до меня *недавно* кто то наѣзжалъ въ Зѣньковщину изъ Петербурга, какъ изслѣдователь старины. Что именно и въ какой степени было имъ изслѣдовано, говорили разно; всѣ, впрочемъ, сходились въ показаніи, что дѣло велось по широкому масштабу и при участіи оффиціальныхъ лицъ. Носились еще слухи, что зѣньковцы ждутъ къ себѣ археологовъ; однако, послѣднихъ ни до съѣзда, ни послѣ съѣзда они не дождались...

Какъ собиратель экспонатовъ для выставки вышеномянутаго съѣзда, я не имѣлъ ни времени, ни средствъ обстоятельно заняться посильнымъ изученіемъ памятниковъ старины: бросающееся въ глаза пришлось намѣчать наскоро, въ видѣ набросковъ туриста. Для меня, какъ мѣстнаго жителя, эта работа нѣсколько упрощалась, главнымъ образомъ потому, что нива изслѣдованія была своя, родная. Часть моихъ работъ уже отдана въ распоряженіе харьковскаго историко-филологическаго общества; другою теперь дѣлюсь съ читателями «Кіевской Старины», испрашивая у нихъ извиненія за нѣкоторую запоздалость.

Кстати, маленькая оговорка по поводу грѣха запоздалости, за мною—чистосердечно радъ въ этомъ уже сознаться—уже не первымъ...

Изслѣдователь архивовъ Харьковской губерніи, Д. П. Миллеръ, на сей счетъ по моему адресу въ 1902 г. далъ такой отзывъ: «Ахтырскій архивъ уже подвергался изученію: въ восьмидесятыхъ годахъ здѣсь дѣятельно работалъ изслѣдователь мѣстной старины А. Д. Твердохлѣбовъ, извлекшій изъ архивныхъ дѣлъ обширный матеріалъ по разнымъ интересовавшимъ его вопросамъ прошлой жизни уѣзда. *Къ сожалѣнію, собранный имъ матеріалъ и до сихъ поръ лежитъ втуне, и только небольшая часть его вошла въ напечатанный г. Т. очеркъ по исторіи*

Ахтырскаго монастыря, напечатанный въ одномъ изъ приложеній къ «Харьковскому Календарю» («Сборникъ Харьк. импер.-фил. общ. Т. 13-й, стр. 335).

Добавлю къ цитуемымъ словамъ Д. П., что у меня и еще кой-что изъ извлеченій изъ архивовъ имѣется ненапечатанное; но въ отношеніи этого грѣха за меня, какъ и за многихъ отечественныхъ архивистовъ, особенно—провинціальныхъ, такая масса оправдательныхъ мотивовъ, что если бъ ихъ сгруппировать и положить въ перетяжку съ обвинительными на вѣсы *правосудія*, то врядъ бы перевѣсъ оказался на чашкѣ послѣднихъ. Въ полной увѣренности, что г. Миллеръ по этому поводу не станетъ со мною спорить, перехожу къ моей заглавной темѣ.

Исходными пунктами моей экскурсіи по Зѣньковскому уѣзду въ 1901 и 1902 годахъ были село Буды и смежное съ нимъ мѣстечко *Куземинъ*.

Такъ какъ оба эти поселенія, по укладу быта обывателей и и по своей внѣшности, довольно характерны, то я и скажу нѣсколько о томъ и другомъ.

Куземинцы и будяне—почти сплошь козаки, потомки тѣхъ козаковъ, которые числились за гетманами по Гадячскому ключу, а потомъ, когда хозяевами здѣсь, вмѣсто гетмановъ, стали Гадяцкіе полковники, исподоволь при нихъ мало-по-малу освобождались и вошли въ ряды вольныхъ козаковъ, независѣвшихъ отъ ключа и обособившихся въ кругѣ своихъ мѣстныхъ интересовъ. Часть старшины, краевой и пришлой извнѣ, выдѣлилась въ привилегированное сословіе пановъ и полупанковъ и вмѣстѣ съ старшими изъ духовенства подчинила себѣ бѣднѣйшихъ изъ козацкой громады,—сначала, въ качествѣ подданныхъ, а потомъ зарегистрована крѣпостными, приписавъ къ своимъ обширнымъ маетностямъ и ихъ самихъ, и числившіеся за ними грунты и угодья; большинство же, по старому, осталось въ рядовой громадѣ, сохранивъ за собою и права на участковое землевладѣніе на правахъ собственниковъ. Въ общемъ, козацкое участковое землевладѣніе превышало панское землевладѣніе, а послѣ крестьянской реформы, съ теченіемъ времени, еще болѣе расширилось. Изоли-

рованность отъ просвѣтительныхъ и бойкихъ торгово-промышленныхъ пунктовъ была также и причиной того, что мѣстное населеніе до послѣдняго времени слишкомъ мало выдѣляло изъ своей среды грамотныхъ людей, да и теперь по этой части значительно отстало отъ ближайшихъ къ нему поселеній своей и Харьковской губерній. Отсюда—устойчивость предковскихъ традицій, консерватизмъ во внѣшней обстановкѣ быта и въ способахъ добыванія насущныхъ средствъ къ жизни. Тѣмъ не менѣе, вѣянія времени и здѣсь берутъ свою дань.

Непочатый уголокъ назадъ тому 40—50 лѣтъ, Буды и Куземинъ въ наши дни уже не тѣ, что были тогда: руины былого, что ни годъ, все рельефнѣй и рельефнѣй стали обнаруживаться.

Въ Куземинѣ—идущій по-надъ Ворскломъ старинный валъ мѣстами сталъ распахиваться, вмѣстѣ съ Песковатою горой, на выдѣлку кирпича, благо рѣка подъ бокомъ; гора Замокъ сильно испещрена выемками и царапинами, удѣляя изъ себя на обывательскій обиходъ глину—«замкуху», весьма цѣнимую, какъ суррогатъ кирпича, при выстилкѣ «пода» варистыхъ печей. Повысохли старинные сады и замѣнены посадками изъ щепъ новыхъ сортовъ сѣмянныхъ и косточковыхъ плодовыхъ деревьевъ; порѣдѣли осѣняющія ихъ дубровы—и въ Куземинѣ и въ Будахъ. Когда то бывшія на ложбинѣ рѣчки Чечечвы въ Будахъ роскошные пруды съ мельницами теперь или совершенно изсякли, превратились въ капустники и коноплянники, или уступили мѣсто убогимъ копанкамъ съ мутною водой и совсѣмъ безрыбнымъ; нѣтъ панскаго каравана, нѣтъ густыхъ очеретовъ и осокъ съ рогозомъ. Въ обоихъ поселеніяхъ исчезли и бурты... Одинъ за однимъ бовдуры съ фигурными крышками и безъ нихъ уступаютъ мѣсто кирпичнымъ трубамъ, соломенныя кровли—желѣзнымъ и кое-гдѣ черепичнымъ. По костюму только немногіе старики да старухи напоминаютъ старосвѣтчину; масса же, особенно молодежь,—тѣ же горожане почти, особенно когда принарядятся по праздничному. И улица уже не та, что раньше, и досвѣтки, и пѣсни... Во всемъ, во всемъ надо искать, улавливать старину.

Даже исконный обычай куземинцевъ и будянъ для сокращенія сообщеній, вмѣсто улицъ ходить стежками черезъ сады и лѣса, даже этотъ обычай сталъ не то привилегіей немногихъ, не то одряхлѣвшимъ культурнымъ пережиткомъ.

Буды и Куземинъ, тѣмъ не менѣе, выглядятъ еще сплошнымъ садомъ: бѣлыя стѣны хатъ, ихъ крыши и крыши надворныхъ строеній только въ одиночку то тамъ то тамъ выглядываютъ изъ-за древесныхъ сѣней. По отношенію къ вещественнымъ памятникамъ старины, оба эти поселенія, въ частности, представляютъ нѣкоторый интересъ церковными древностями.

Въ *Будахъ* церковь во имя архистратига Михаила, трехглавая, деревянная, въ формѣ креста. Она сооружена еще въ XVIII в. Къ ней пристроена новая башня-колокольня назадъ тому около 40 л. Изъ древностей церкви достойны вниманія: *кипарисовый крестъ* съ датой 1642 г., *Евангеліе*, изданное во Львовѣ въ 1644 г. и *три требника Петра Могилы.* Евангеліе съ рисунками. На нижнихъ поляхъ его листовъ, между прочимъ, значится, что оно «наддано при іереѣ Евстафіи Максимовичѣ прихожаниномъ той церкви Хомою Горбатымъ «съ женою Вовдею (Явдоха, Евдокія) за находящагося въ неволѣ бѣсурменской сына своего Левка... Господу-Богу охвѣруючи и святому Михаилу, а далеби Богъ милостивый его съ той неволи высвободити рачилъ (=благоизволилъ»). Куплено же оно у игумена (имя неразборчиво) «за муку́ и лѣсъ». Интересны еще 2 *холщевые подризника*, съ цвѣтами, шитыми металлическими и шолковыми нитками (они теперь въ музеѣ изящныхъ искусствъ при Харьковскомъ университетѣ), и дарохранительница съ датой 1769 г.

Въ м. Куземинѣ 2 церкви, Покровская и Троицкая. *Покровская* старинная объ одномъ куполѣ. Къ ея оградѣ примыкаетъ древнее кладбище, вначалѣ, думать надо, общее, а впослѣдствіи—фамильное пановъ Трипольскихъ. Нынѣ на немъ уже не хоронятъ покойниковъ. Съ ограды промежъ деревьевъ открываются чудные виды на долину р. Ворскла и на степь за нею, идущую къ р. Мерлу. Изъ экспонатовъ этой церкви на XII археологическомъ съѣздѣ были выставлены нѣсколько иконъ, 2 оло-

вянныя чаши. Дарохранительница въ формѣ башни и фелонь изъ чисто-золотой парчи съ вышитыми на превосходномъ бархатѣ цвѣтами. Другія древности на выставку съѣзда не попали, какъ вещи, требовавшія специальной укупорки для доставки ихъ въ Харьковъ.

Троицкая церковь раньше стояла по сосѣдству съ Покровской на холмѣ взгорья, но ее сломали и замѣнили новою на новомъ мѣстѣ, въ верстѣ разстоянія отъ холма вотъ по какому случаю. Въ старой, за относительно короткое время одинъ за другимъ умерло 12 священниковъ. При 13-мъ настоятелѣ, зятѣ о. Саввы Онуфріевича Чичибабина, о. Өедорѣ Засядкѣ рѣшено было строить новое зданіе Троицкой церкви. Аналогичный случай смерти подрядъ и за сравнительно недолгій срокъ 18 настоятелей былъ и въ Зѣньковѣ въ церкви Преображенія Господня; но тамъ 13-й настоятель, о. Димитрій Засядько, просвященствовалъ благополучно до 30 лѣтъ, и храмъ все еще остается старый деревянный.

Заношу въ настоящій очеркъ эту легенду въ виду широкой ея популярности въ Зѣньковщинѣ. Тамъ еще и теперь вѣрятъ многіе, что плотники, особенно москали, «мають дидька въ носи» и могутъ чарами зло творить людамъ: «або зроблять такъ, що само собою згорыть те, що воны строють, або заложать на чіинебудь толовы, колы имъ чымъ не догодять», поясняютъ свѣдущіе и бывалые люди...

Древности Куземинской Троицкой церкви: 2 шитыя по бархату металлическими нитками *иконы Богоматери и Спасителя*, *крестъ* съ рельефами Саваоөа, Распятія и Іерусалима, *оловянная* дарохранительница, съ фигурами святыхъ въ орнаментахъ, Львовскій *Евангеліонъ* съ датой 1644 г., *ноты*, изданныя въ Москвѣ въ 1708 г.

Старинныхъ метрикъ и исповѣдныхъ записей въ церквахъ Куземина и Буды нѣтъ раньше конца XVIII в.; а еще недавно *были*. Куда дѣвались онѣ?—преданіе молчитъ.

Дорога изъ Куземина и Будъ на Зѣньковъ сама по себѣ памятникъ старины. Когда въ Куземинѣ была таможня, эта до-

рога имѣла значеніе военно-транспортной, потомъ была дорогой почтовой, наконецъ стала, и до сихъ поръ еще остается, трактомъ для отхожаго промысла населенія, стремящагося по ней весной на заработки въ южныя степи, а осенью обратно оттуда домой. Она еще недавно имѣла солидную ширину, но владѣльцы нивъ, сопутствующихъ ей по обѣ стороны, пріорали себѣ отъ нея чуть ли не $^3/_4$ грунта.,.

На этой дорогѣ, невдалекѣ отъ с. Довжка, есть старинное укрѣпленіе, можетъ быть и болѣе раннее. Оно защищено чечевицевидными холмами съ N и NO и открыто къ ZW, куда съ него открывается обширная панорама дали съ поселеніями и окаймляющими степь лѣсами. Оно состоитъ во владѣніи частнаго лица, и владѣлецъ, по всѣмъ признакамъ видно, не любитель древностей, такъ какъ ежегодно валы и холмы укрѣпленія оборудываетъ вспашкой подъ посѣвъ бахчевыхъ овощей и подсолнуха.

Проѣхавъ около 3 верстъ отъ укрѣпленія, вы вступаете въ лѣсъ «Безвидне», въ коемъ есть широкое углубленіе—остатокъ неудачнаго опыта рытья колодца и, гласитъ преданіе, могила пана, убитаго и выброшеннаго грабарями въ яму «за те, що бувъ сердытый и знущавсь надъ людьмы». Фамиліи погибшаго пана преданіе не сберегло; но какъ изъ преданій, такъ и изъ бумагъ Харьковскаго историческаго архива извѣстно, что по дорогѣ и въ лѣсу въ эпоху Уманской рѣзни «вешталысь гайдамакы и харцызы» и что Желѣзнякъ на ней же былъ, послѣ поимки, конвоировованъ по этапу черезъ Куземинъ на Котельву, откуда учинилъ неудачный для него побѣгъ.

Очень красивыя панорамы приходится наблюдать путнику при выходѣ изъ Безвиднаго по пути на с. Ступки. Надъ долиной села идутъ возвышенія съ лѣсками и перелѣсками, въ которыхъ ютятся старосвѣтскіе хутора—влѣво Геевщина, вправо—и не перечтешь сколько, и все—старинныхъ пановъ. Ступки—это царство гусей и голубей. Что ни хата, то и голубятня. Гуси съ утками «хряснуть» (=сплошь кроютъ) рѣчные плеса, окаймляемые густымъ очеретомъ, поросшимъ вербами и верболозомъ на все

видимое глазомъ протяженіе рѣчки по обѣ ея стороны. Такого «схову» и «прыхылу» пернатыя рѣдко гдѣ въ бассейнахъ Ворсклы и Псла отыщутъ себѣ. Далекою стариною вѣетъ отъ этой будящей думы о прошломъ края панорамы.

Въѣхать въ с. Ступки, даже лѣтомъ, послѣ мало-мальски «спирного» дождя, несовсѣмъ удобно, на самомъ въѣздѣ въ него—«ковбаня», топкая и очень глубокая. Подъ росталь весной и во время осенней слякоти, говорятъ, здѣсь фурщикамъ горе... Да и улицы нельзя сказать, чтобъ были удобопроѣзжи по причинѣ глееватаго грунта. Церковь въ Ступкахъ изъ такъ называемыхъ «позыченыхъ»: она перевезена сюда изъ м. Куземина и есть та самая Троицкая церковь, въ которой такъ часто умирали священники. На Ступкахъ—слава Богу, благополучно. Украшеніемъ села служитъ зданіе земской школы, нѣсколько казенной, впрочемъ, архитектуры.

Г. Зѣньковъ не бѣденъ памятниками прошлаго, болѣе или менѣе отдаленнаго отъ нашихъ временъ. По отношенію къ эпохѣ Гетманщины онъ самъ, можно сказать, довольно почтенный памятникъ. Это сказывается даже при бѣгломъ обзорѣ его нелишенной оригинальности панорамы. Далеко протянулся онъ, по теченію р. Ташанской Груни, съ юга на сѣверъ, по обѣ ея стороны сливаясь съ тонущими вдали, подъ сизою дымкой мглы, селами и хуторами. Восточная часть его покоится на низинѣ Подола, а западная раскинулась по горѣ, которая, въ свою очередь, за чертою города сливается съ господствующимъ надъ нею возвышеніемъ поля, упирающагося въ темную широкую полосу нагорныхъ лѣсовъ. Въ общемъ, фигура площади города имѣетъ форму креста; крестомъ же стоятъ на ней и городскія церкви, по устройству своему тоже крестообразныя. Таковъ Зѣньковъ издали, съ дороги на него изъ Куземина. Въ чертѣ осѣдлости его населенія онъ начинается усадьбами-садами, изъ которыхъ прилегающая къ тракту на Полтаву такъ и просится на полотно художника, какъ осколокъ не близкой уже къ нашимъ днямъ старины. Гребля, раньше подъ грязь невылазная, теперь высоко приподнятая и изрядно шоссированная камнемъ, сопутствуется справа

тонущими въ вишенникахъ и гаяхъ усадьбами, а слѣва обширными сѣнокосными левадами, обсаженными еще аллеей вербъ и растущими враскидку группами столѣтнихъ яворовъ. За греблей старина перемежается съ постройками новой архитектуры; но послѣднія, у моста черезъ р. Ташанскую Грунь, опять теряются изъ виду: тутъ, на лѣвой сторонѣ плотины, цѣлымъ таборомъ толпятся ряды крытыхъ дерномъ кузницъ, едва ли не современницъ если не Хмельницкаго, основателя города, по преданію, то ужъ навѣрное Брюховецкаго и Дорошенка. За мостомъ, почти до подъема на гору, опять—влѣво старина, вправо—архитектурныя новшества. Истыми представителями былого выглядятъ: дома бывшаго уѣзднаго, теперь городского, училища, храмъ Преображенія Господня съ крестами надъ могилами въ оградѣ и нѣкоторые уцѣлѣвшіе отъ сломки домики. Но я, въ силу данной мнѣ въ Харьковѣ инструкціи, не могъ располагать достаточнымъ временемъ для подробнаго изученія внѣшности Зѣнькова. Мнѣ предстояло въ немъ осмотрѣть древности церквей и выбрать изъ числа ихъ экспонаты для археологическаго съѣзда, предстояло выгадать время для развѣдокъ по части этнографіи съ цѣлію что-нибудь купить для выставки на съѣздѣ. Итакъ, вообще говоря, скоро всего не сдѣлаешь; въ Зѣньковѣ же, гдѣ нельзя не считаться съ мѣстными обыклостями, и подавно. Не знаю уже, въ силу ли традиціи, или такъ по какимъ-либо мѣстнымъ специфическимъ причинамъ, многіе жители Зѣнькова кэйфъ послѣобѣденнаго сна, между 2 и 5 часами по полудни, поддерживаютъ на степени настоящаго культа. «Тогда къ нимъ, хоть пушками пали, не достучишься»,—предварилъ меня хозяинъ постоялаго двора, въ коемъ я остановился. Сообразно съ этимъ, я сталъ пріискивать себѣ дѣло тамъ, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, послѣобѣденному служенію Мореею я не могъ сдѣлать помѣхи; однако, оказалось, что и 5 часовъ по полудни—не у всѣхъ въ Зѣньковкѣ конечный срокъ этому звычаю-культу... Слава Богу, однако, все хорошо обошлось въ концѣ концовъ.

Изъ церквей Зѣнькова *соборная, во имя архистратига Михаила*, замѣчательна и по архитектурѣ, и по нѣкоторымъ па-

мятникамъ старины. Она о 5 куполахъ, 5-тиглавая, деревянная. Колокольня ея стоитъ особо. Внутри—хоры. Иконостасъ въ 3 яруса, съ 3 полуярусами; всѣ иконы на немъ старинной, весьма оригинальной, живописи. Болѣе другихъ, какъ остатки старины, выдаются намѣстныя иконы *Спасителя и Богоматери*, *Св. Тройцы и Соборъ архангела Михаила*, а въ особенности икона, изображающая *Предвѣчнаго Младенца*, лежащаго на головѣ Адама: сверху надъ Нимъ—Саваоѳъ и Духъ Святый въ видѣ голубя; слѣва—гербъ, а справа—Николай Чудотворецъ и Варвара Великомученица. На горнемъ мѣстѣ въ олтарѣ—оригинальной старинной кисти изображенія Спасителя, Божьей Матери и Предтечи. Стариной же вѣетъ и отъ иконъ на жертвенникахъ. Царскія врата—по архитектурѣ, орнаментовкѣ и живописи—замѣчательны. Изъ другихъ древностей храма отмѣтимъ: *Евангеліе* подъ датой 1735 г., съ рисунками. На немъ надпись: «1740 года генваря 1 дня здѣлано сіе святое Евангеліе коштомъ пречестного Кондрата, намѣстника и послуженца печерскаго, а родимца г. Зѣнькова,—до святой соборной церкви до св. архистратига Михаила за отпущеніе грѣховъ своихъ. Мастеръ сего Іеремій Бѣлецкій во имя Господне виграviровалъ». *Евангеліе* 1757 г. *Антиминсъ* 1780 г. Надпись: «Освятилъ митрополитъ Гавріилъ въ Кіевѣ до храму Іоанна Крестителя (придѣлъ въ соборѣ). *Дарохранительница* въ формѣ башни—даръ архимандрита Златоверховскаго монастыря, Іосифа Томашевскаго, жителя гадяцкаго полку г. Зѣнькова. Дата 1763 г. Интересны металлическія выпуклыя фигуры воскресшаго Спасителя, Духа Святого и ангеловъ въ райскихъ одеждахъ. Въ соборѣ 3 престола. *Архивъ* его начинается съ конца XVIII в.

Къ описаннымъ памятникамъ старины въ соборѣ присоединимъ живую лѣтопись его, *Меркурія Ивановича Потакевича*, 90-лѣтняго старца, рукоположеннаго дьячка, нынѣ пребывающаго на покоѣ взаштатѣ, но еще бодраго и обладающаго свѣжей памятью.

Покровская церковь въ Зѣньковѣ отступаетъ отъ общей мѣстнымъ церквамъ формы креста. Она перенесена въ Зѣньковъ

изъ упраздненнаго при императрицѣ Екатеринѣ II Преображенскаго Скельскаго монастыря; ея форма—корабль; деревянная изъ сосны. Въ притворѣ на дверяхъ рѣзная по дереву надпись гласитъ: «Обновися сія Преображенія Господня церковь тщаниемъ превелебнаго отца нашего благословеніемъ Бога Отця и поспѣшеніемъ Сына... по предложенію господина нашего преосвященнаго митрополита Кіевскаго Арсенія Могилянскаго денежнимъ отъ доброхотныхъ дателей любящихъ благолѣпіе домовъ Божиихъ собраннихъ 1759 г. игумена иеромонаха Порѳирія Туманского иждивениемъ». Здѣсь остатки старины: въ олтарѣ—*горнее мѣсто и жертвенники;* въ церкви—*иконостасъ*, многія *иконы*, *хоругви*, *фелонъ* шелковая съ оплечьемъ, на коемъ лики святыхъ вышиты золотомъ и серебромъ, 2 *плащаницы*—одна на желтой, другая на красной шелковой матеріи, 2 *пары* металлическихъ золоченыхъ *вѣнцовъ*, 2 *рипиды* съ головками ангеловъ, *подризники полотняные*, 2 *Евангелія* московскаго изданія съ датами 1763 и 1782 г.г.

Церковь *Преображенія Господня*. Въ ней древности: *Трипѣснецъ* подъ датой 1631 г., Львовское *Евангеліе*—1644 г., «*Бесѣды Іоанна Златоуста*»—1709 г., *Евангеліе* съ датою 1719 г., вѣнчальные *вѣнчики* въ формѣ ободка съ цвѣтами, «Поученія» 1777 г., *выносной крестъ* 1751 г. съ надписью: «Коштомъ атамана Зѣньковской сотни Антона Довбни обновленъ 1799 г., *выносной крестъ*—даръ Юліаніи Лѣсавицкой, *складень* (панагія), *шелковые подризники* въ цвѣтахъ *и старинныя иконы.*

Воскресенская церковь никакихъ древностей не имѣетъ. Въ *Троицкой* есть: старинныя *Евангелія*—Львовское 1688 г., Кіевское 1746 г. съ рисунками и надписью надъ ними; «Изобрази Аверкій Козачковскій. Даръ іеромонаха, намѣстника лавры св. Кіево-Печерской 1750 г. Окладъ здѣлалъ Казанковъ». *Панагія съ мощами*, безъ даты, съ изображеніемъ св. Тихона, *Евангеліе* 1791 г., *дарохранительница* серебро-вызлащенная, съ рельефной орнаментовкой ликовъ святыхъ, изображающей погребеніе Спасителя.

Въ Трехсвятительской церкви, по времени одной изъ старѣйшихъ въ Зѣньковѣ, памятники старины, по преданію, когда то были;

но теперь ихъ слѣдовъ не осталось. Самая церковь—деревянная и обветшала совсѣмъ; взамѣнъ ея воздвигнута каменная, оконченная только вчернѣ. Архивы церквей Зѣнькова старинными манускриптами небогаты совсѣмъ: по неимѣнію удобныхъ помѣщеній, негдѣ хранить таковые.

Въ 7 верстахъ отъ Зѣнькова прячется въ густыхъ фруктовыхъ садахъ с. *Великая Павловка.* Въ немъ 2 церкви, старая и новая. Послѣдней я не осматривалъ. Первая имѣетъ три престола: во имя *Успенія пресв. Богородицы, Константина и Елены и Варвары Великомученицы*. Она—деревянная. Уважаемый настоятель ея, священникъ Петръ Митрофановичъ Крамаренко, вручилъ мнѣ, какъ даръ отъ него Харьковскому историко-филологическому обществу, древнюю рукопись «*Сложеніе устава церковнаго*», переданную мною по принадлежности. Это—выдающаяся древность церковнаго архива. Кромѣ нея, есть при церкви *Евангеліе* львовскаго изданія 1644 г. съ интереснымъ рукописнымъ посвященіемъ, *требникъ* безъ даты, и нѣсколько иконъ мѣстной живописи съ тенденціей на оригинальность. Архивъ скуденъ.

Въ Павловкѣ мнѣ случайно привелось прослушать и записать нѣкоторыя свадебныя пѣсни. По словамъ супруги о. Петра Крамаренка, Анны Антоновны, Павловка еще обилуетъ старинными народными пѣснями, обрядовыми и уличными.

Отъ Великой Павловки рукой подать къ с. Бобровнику. *Бобровникъ*, какъ и Павловка, вся въ садахъ. Въ дачахъ его беретъ начало ручей Рудый, впадающій въ Псіолъ возлѣ с. Романовки. Село славится фруктовыми садами, изъ которыхъ лучшіе помѣщиковъ Бѣлявскаго, Горонескуля и бывшаго штатнаго смотрителя Зѣньковскаго уѣзднаго училища Василія Павловича Ковтуна; послѣдній теперь — маститый старецъ за 80 лѣтъ, но бодрый и юношески энергичный. Онъ очень любимъ мѣстными простолюдинами; по спеціальности—самъ хлѣборобъ. Къ сожалѣнію, за выѣздомъ священника къ роднымъ, а церковнаго старосты въ Полтавщину, церковь Бобровника мнѣ не привелось осмотрѣть. Отсюда мы съ сыномъ, гимназистомъ Митей, повернули черезъ Зѣньковъ на с. Шенгеріевку.

Путь на Шенгеріевку изъ Зѣнькова идетъ низами и буераками; въ сухую погоду онъ не изъ удобныхъ, въ мокрую же ѣхать по немъ, по общимъ отзывамъ, чистое мученье. И не интересенъ онъ, т. к. окрестности его прячутся за кряжами возвышеній, ему сопутствующихъ.

Сама *Шенгеріевка* выглядитъ не особенно красиво. Про нее въ народѣ ходитъ легенда, будто бы въ ней когда то, вмѣсто колоколовъ, «дзвоныли у вершу078 бурякомъ». Какимъ обстоятельствомъ вызвана эта легенда, ни въ Шенгеріевкѣ, ни въ Груни мнѣ никто не могъ объяснить. «Чулы, що, буцимъ, дзвоныло»—вотъ и все объясненіе... До эмансипаціи село было помѣщичье.

Церковь Шенгеріевки во имя архистратига Михаила построена въ 1795 г. Въ ней замѣчателенъ иконостасъ, сооруженіе коего приписывается бывшему владѣльцу села, помѣщику Ивану Федоровичу Дубягѣ; по другимъ свѣдѣніямъ, украшалъ ее бывшій ея настоятель, современникъ Ивана Федоровича. Можетъ быть, они оба въ 1820 г. трудились надъ украшеніемъ храма. Иконостасъ весь въ рѣзьбѣ съ колоннами и выпуклыми фигурами ангеловъ и святыхъ. Подъ иконою, изображающею Тайную вечерю,—балдахинъ, осѣняющій царскія врата. На немъ изображенъ Спаситель въ видѣ Агнца, на коемъ стоятъ крестъ, хоругвь и древесная вѣтвь въ листьяхъ. На царскихъ вратахъ—чаша съ сіяніемъ, влѣво отъ нея—скрижали, вправо—Евангеліе. Самый древній памятникъ старины при церкви *Акафистникъ* 1625 г.; кромѣ него, къ XVII ст. относятся: *Львовское* Евангеліе 1690 г. и *Минея Общая* временъ царствованія Феодора Алексѣевича; къ XVIII—*Евангеліе* съ датой 1705 г., *ноты* 1729 г., *трифоліонъ* (безъ даты), *журналъ входящихъ бумагъ* 1718—1735 гг. съ копіями дѣлъ; сохранились также отъ прежнихъ временъ *оловянная чаша* со лжицею и *2 холщевыхъ подризника* огромнаго размѣра, шитые заполочью. Иконы оригинальной мѣстной живописи, всѣ болѣе или менѣе неудачно подновлены кистью реставрировавшаго ихъ живописца. Архивъ мало интересенъ и не полонъ.

Мѣстечко Грунь. Про него въ окрестномъ населеніи ходитъ обидная поговорка: «Грунь—хоть плюнь»; но она, по крайней

мѣрѣ примѣнительно къ нынѣшней Груни, несправедлива: Грунь —мѣстность довольно красивая, и только развѣ что постройки въ ней, раскинувшіяся въ безпорядкѣ по взгорьямъ, не совсѣмъ мѣстами картинны. Груняне и грунянки еще несовсѣмъ утратили простоту старины. Дивчата и молодицы «кохаютця» въ плахтахъ, украшаютъ голову повязкою изъ шелковыхъ платковъ въ формѣ креста, на намистѣ носятъ дукаты и цвѣтные галстучки, рукава и подолъ рубахи вышиваютъ мережками и цвѣтною—чорною, синею и красною—заполочью; чоботы—сапьянци и «мышеви» жолтые въ большомъ употребленіи. Не бросаютъ старинной одежды и мужчины; цыгарки еще не совсѣмъ вытѣснили традиціонную люльку—Зиньkивку.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію мѣстнаго благочиннаго, о. Ѳеодора Павловскаго, станового пристава г. Млыко и помѣщика Е. В. Хижнякова, въ Груни по части старины мнѣ удалось гораздо больше пораздобыть экспонатовъ, чѣмъ я предполагалъ. Немало помогъ мнѣ и настоятель церкви Воскресенія Христова, о. Захарій Васильевичъ Штепенко, самъ большой любитель археологіи. Отъ него поступили на выставку XII археологическаго съѣзда очень цѣнные экспонаты: *рукопись*—«*Минея мѣсячная*» 1627 г. *и деревянная чаша.*

Въ церкви Воскресенія хранятся: рукописное Евангеліе 1636 г. [1]) и печатныя львовскія Евангелія 1683 и 1690 г.г.,—послѣднее съ подписью: «1703 г. отъ ктиторовъ и братства церкви войсковой. При Назаріи Яновскомъ пресвитера того жъ храму намѣстника Грунскаго (по преданію, церковь В. Х. была соборною); *Требникъ* безъ даты, съ интересною «предмовою», *Минея*

---

[1]) Подарено оно до церкви Успенія войсковымъ товарищемъ Константиномъ Дмитріевичемъ, обывателемъ Груни Черкасской. Въ обычномъ заклинаніи любопытно слово, послѣ анаѳема,—*амаранаѳта.* О. Захарій Штепенко говорилъ намъ, что Успенская ц. была перенесена въ Лютенскія Будища, а новая переименована въ Воскресенскую, и въ нее поступило это Евангеліе вмѣстѣ съ другою утварью старой церкви.

общая, изданная при королѣ Іоаннѣ III, *вѣнчальные вѣнцы* въ формѣ головныхъ цвѣтовъ, *двѣ оловянныя чаши*, *плащаница* зеленая бархатная; на ней—лики святыхъ, шитые серебромъ, а волосы—шелкомъ, *старинная серебротканная риза*, *«тѣльный»* (наперстный) *крестъ и медальонъ*—оба съ частицамм мощей святыхъ.

Николаевская церковь. Въ ней: Евангеліонъ, изд. во Львовѣ въ 1644 г. На заглавномъ листѣ его значится: «Евангеліонъ сирѣчъ Благовѣстіе Богодӱховенныхъ, четверопрестольныхъ патріархъ тщаніемъ и иждивеніемъ братства Ставропигіонъ храма Успенія Пресвятыя Богородица опасно вторицею издадеся», и стихи:

Свѣтомъ гроба твоего воскресенія,
Христе, просіяша повсюду ученія
Евангельскихъ ученій и всѣхъ просвѣщенна
Свѣтомъ познания, въ вѣрѣ утвержденна:
Тѣмъ, Боже, даждь крестоносному братству свѣтлѣти
Въ заповѣдехъ Ти непорочнымъ пребывати
Мирно безмятежно жизнь здѣ провожати
И паки грядуща Тя въ славѣ видѣти»

Еще: *вѣнчики-цвѣты*, *плащаница на шелковомъ платѣ*, *крестъ оловянный*, помѣченный 1689 г.

Покровская церковь стоитъ на южной окраинѣ мѣстечка на перепутьѣ изъ Зѣнькова и Будъ. Она перенесена сюда послѣ пожара, бывшаго въ 1834 г. [1]), въ 1842 г. Древности церкви: *Евангеліонъ* 1600 г., съ надписью: «іерея Константина Дмитріевича съ женою Агаѳіею Михайловною и сыномъ Саввою 1703 г.

---

[1]) Пожаръ этотъ былъ грандіозный и произошелъ отъ поджога. Виновницей поджога мѣстное преданіе называетъ красавицу-горничную паніи Др—ской Федосью, которую пани «катувала и мордувала за те, що на іи чорни бровы заглядались уси панычи, а панянкы, дочкы пани, не хотилы браты за себе». Федосья не пошла, будто бы, на каторгу, п. ч. «іи зъ плахы повивъ на шлюбъ судовыкъ.

(даръ) до храму святителя Христова Василія въ Грунъ за іерея Іоанна Шимановскаго, пресвитера того храму». Васильевскою народъ и понынѣ именуетъ Трехсвятительскую церковь. Фамилія Шимановскихъ долгіе годы священствовала наслѣдственно въ этой церкви. Они—сородичи Зѣньковскаго полковника Шимана, фундатора Скельскаго монастыря. Вѣтвь рода Шимана, дворяне Шимановы,—и по настоящее время благополучно здравствуютъ въ г. Ахтыркѣ. Одна изъ дочерей священника Шимановскаго была замужемъ за Гнилосыромъ, въ м. Котельвѣ Ахтырскаго уѣзда.

А. Твердохлѣбовъ.

НІОБА.[1]

(Новеля).

ГЛАВА VIII.

Навкругы було пусто и тыхо, не выдно ничого, хиба видъ часу до часу—урыване сумне скавулиння собакы, що стерегла нашои хатыны на далекыхъ самитныхъ поляхъ. Тоди, тои морозыстои мисячнои осиннёи ночи, мала я почуття, неначе-бъ я справди чула округъ моеи самитнёи хатыны смерть, що за мною старою, або за кымъ иншымъ, чатуючы, роззыралася. Такъ сумно и мучлыво переймало щось мою душу; такъ невымовно глыбоко видчувала я свою самитнисть, горе и опущеннисть.

Я кажу «опущеннисть», мій сыну, бо стильки мала я васъ ще пры жыттю, тоди ще всихъ пьятёхъ здоровыхъ и сыльныхъ, цвитучыхъ, а помымо того була моя старисть така смутна и гирка, а вси прочи кримъ васъ мертви. Иванъ, Марійка, и тіи передъ нымы поклыкани Богомъ...

Наразъ (оно могло вже буты около другои по пивночи) мене оттакъ сыдячу въ потемкы мовъ щось трутыло, такъ що я зъ своеи скуленои позицыи зъ переляком очу́тылася.

Я вытрищыла очи, котри остаточно утома затулыла, и стала надслухуваты...

---

[1]) См. К. Ст. 1905 г. № 6.

Чы добре я чула? Ни. Це выразно загуркотило щось мовъ фира. Фира Андрушн; и почувся нибы ступитъ ёго сыльного, велыкого коня.

«Андрушка!»—зойкнуло щось въ мени на-пивъ радистно, на-пивъ жахлыво.

Андрушка!—и якась пропасныця запанувала мною по довгій, мовъ заштовпилій нерухомости, въ котрій я доси дожыдаючы и надслухуючы пересыджувала, и я пидвелася скоро.

Хапаючы судорожно за палыцею, домацалася я якъ можлыво скорымъ крокомъ на двиръ, мижъ тымъ колы мени щокы мовъ въ лыхорадци тремтилы. Я не була въ сыли що небудь думаты,—такъ невымовно тяжко и повно неясныхъ и прыкрыхъ передчувань тяжило на моеи души. Одно я знала: доброго не ждало мене ничого.

Въ киньци ступыла я непевнымъ крокомъ на поригъ, поглянула впередъ себе и побачыла: онъ-тутъ недалечко передъ хатою стоявъ нашъ кинь и фира, кыдаючы въ мисячній ночи велыку незграбну тинь обичъ себе, поскубуючы голосно и пыльно высоку мураву подвирья, а коло коня — зъ видкрытою головою и мовчкы ёго розпрягаючы Андруша. Але мени выстарчало поглянуты на него лышъ разъ, щобъ заразъ-же пизнаты, якый оборотъ взявъ нынишній ёго выйиздъ.

Пьяныця видгадавъ мою блызькисть. Якый вже и бувъ тоди пьяный, а видчувавъ мою прысутнисть инстынктывно. Теперъ винъ не пидводывъ голову, але вмисто всякого, хоча-бъ и одного слова прывиту (щобъ все-таки видозватыся своею прысутнистю), пиднявъ ногу въ гору и вдарывъ нею що сылы коня въ бикъ.

— «Гадюко ты!»—заклявъ винъ,—«завше мусышъ ты, колы тебе розпрягаю, стануть мени на поводы». И зъ тымы словамы ставъ зновъ коня быты, що по тверезости не бувъ бы николы своему любымцеви не чынывъ.

Я не втерпила, не можучы довше глядиты, щобъ вирне, мудре, въ додатку и змучене звирья, котре ёго непокаличено прывезло до-дому, до голоду ще и збыткувано. «Дай коневи спокій,

Андруша!»—упимнула я строго,—«винъ певно бійку не заслужывъ, винъ голоденъ и змученый и заслугуе скорше на добрый гарнецъ оброку».

На отци слова винъ доперва пидвивъ голову въ гору и въ мисячнимъ сяеви, що насъ и коня ярко осявало, глянула я въ пару здычилыхъ палаючыхъ очей.

— Вы не спыте, стара?--спытавъ грубо, охрыплымъ голосомъ:— я хтивъ бы лышъ знаты, чому вы не спыте! Звычайно спыте вы о тій пори такъ мицно, що вашъ беззубый ротъ выкрывляется въ васъ якъ у мерця, а цеи ночи вы таки жвави якъ молода».

Пры его обыди обняло мене холодомъ, хотяй я по интонацыи его голосу замитыла, що винъ мало не на божевильного походывъ,—такымъ неспокійнымъ и дыкымъ выдався мени ныни его позиръ, такымъ видражаючымъ звукъ голоса его. И хоть и якъ знала я добре его пьянымъ, такъ цилковыто роззвиреного не бачыла, здается, его николы! Я зрозумила наразъ, що теперъ треба було остатыся спокійною и умиркованою, щобъ не даты злій потузи въ нимъ розлытыся, а мени стратыты власть надъ нымъ, власть матери, котру все таки въ тверезости узнававъ, а котрій по пьяному иноди и опирався.

— Скажы мени, Андрушо!—заговорыла я знову до него, нибы не зважаючы на его образлыви слова: «Чы ты бувъ у батька и передавъ ему и Лидіи, що було треба»?

— «Чортови передавъ я все!»—выкрыкнувъ ся на мене—«чортови, колы вже йе вамъ такъ спишно довидатыся о тимъ! чортови! А теперъ йдить и не быйте мени довше голову, инакше... оттакымъ якымъ я йе ныни... бачыте... онъ тамъ якъ выблыскуется ставъ? Гадаете, я не знаю, чому вы дотеперъ не лягалы?»—крычавъ винъ, «я це жъ надто добре знаю, и не потребуете мени бильше ани словечка казаты»!

«Андруша, мій сыну!»—упимнула я его, сама себе до супокою сылуючы, мижъ тымъ колы мною передъ моею дытыною якъ въ пропасныци телипало. «Андруша, Господь зъ тобою! що ты говорышъ таке безумне? Я не хочу видъ тебе ничого, лышъ знаты: чы ты бувъ у батька, бачывъ его, и чы передавъ грошы

и клунокъ Лидци. Тому и пересыдила я доси ничъ. Я не мала супокою. Чы ты того не розуміешъ? Мени здается, що я на видповидь заслужыла».

— «Мовчить, стара потворо!»—рыкнувъ винъ на мене. «Завсигды мусыте вы розжаруваты пекло въ моеи груди! Якъ колы бы лышъ те було важне, що васъ обходыть, а бильшъ нищо! Мовчить—кажу вамъ!.. я не скажу бильше ани слова—инакше... Бигъ-ме.. убью васъ, якъ»...

Винъ не вымовывъ послидне слово, бо я... хоть и якъ телипало мною, опынылася биля него.

— «Теперъ ты видповишъ мени на мое пытання»—сказала я ёму—«а видтакъ можешъ мене, про мене, и въ воду кынуты, якъ це тоби твое сумлиння наказуе. Я хтила лышъ зъ твоихъ устъ почуты, якъ поводытся батькови. Я жыла зъ нымъ зверхъ пятьдесять рокивъ, и мени не байдуже, якъ ёму въ ёго послиднихъ днях поводытся. Тутъ бувъ ныни въ мене Дмытро и оповидавъ, що винъ мается дуже лыхо. Отже я мушу щось певного знаты. Дывысь, мій сыну!»—сказала, взявшы ёго за руку и потягаючы за собою въ хату,—«наколыбъ ты мени прысягався онъ тутъ всю ничъ пидъ голымъ небомъ тысячу разивъ, що ты не мавъ ныни въ твоихъ устахъ ани крапли напытку, я тоби того не увирю. Але наколыбъ ты мавъ для мене и найгиршу звистку про батька, то я тоби повирю, бо маю то пересвидчення, що ты матиръ пидъ тымъ выглядомъ не обманышъ. Вона надто за тебе натерпилася».

Винъ вырвавъ свою руку зъ моеи, видтрутывъ мене видъ себе, и крычавъ, затыкаючы соби обома рукамы уха! «Ничого не передавъ я ёму, ніякыхъ грошей и ничого, бо мусивъ я въ корчми лышыты, лышъ килька шматкивъ билля передавъ я Лидци, въ котри перебере ёго ныни-завтра до гробу, бо винъ вже такъ выглядае. А теперъ вже знаете, що хтилы знаты. И знайте таки *на добре*, колы вже васъ такъ прыпекло, що ажъ мене на тортуры ставыте, стара потворо! Гадаете, я не проклынавъ вже васъ ныни, колы выйихавъ зъ корчмы зъ порожнимы рукамы? Васъ и того старця, що зветця моимъ батькомъ и сёгодня-завтра на

викы очи замкне? проклынавъ, що далы мени жыття. Нехай вамъ це Богъ простыть, а я це вамъ не можу простыты, бо въ моеи груди не маю ничого кримъ мукы и пекла, а це становыть мое буття, котре маю вамъ завдячыты. Охъ, наколысь наступыла вже разъ тота хвылына, дебъ я побачывъ васъ занимилу и нерухому на марахъ, тоди я бъ пишовъ спокійно—спокійнымъ крокомъ до онтои тамъ воды и напывся іи такъ, щобъ остався на іи дни ажъ до судного дня... и всёму наставъ бы кинець. Але такъ я мушу черезъ васъ те собаче жыття пиддержуваты, абысьте не доходылы жебраючы видъ хаты до хаты за кусныкомъ хлиба, бо вси ваши прочи розпанашени диты не хотять о васъ ничого знаты. И имъ выгиднійше дбаты о себе, якъ про своихъ старыхъ».

«Причъ видъ мене. причъ! — крыкнувъ наразъ здычилымъ голосомъ въ тыху ничъ и глуху простиръ навкругы и, вырвавшы мени палыцю зъ рукъ та кынувшы нею въ отверти сины, оставывъ мене коло розпряженого коня на мисци, поплентавшыся самъ заточуючыся въ хату. Тамъ замкнувъ такъ сыльно дверьмы за собою, що малá хатына певно задрижала, а мали виконьця неначе видзойкнулы.

ГЛАВА IX.

Я осталася переляканa зъ ослабшымы телипаючымыся колинами, и обглянулася. Але я не побачыла ничого. кримъ голыхъ, самитныхъ пиль. освиченыхъ мисячнымъ сяевомъ; надъ нымы тутъ и тамъ розлягалась имла, и я—я засміялася, мій сыну! Господы, просты мени це, але я розсміялася—и такъ пагано, що сама того перелякалася.

Смутна звистка про чоловика, и горе зъ отымъ моимъ сыномъ булы засыльни, а хвылына для мене, старои жинкы, загирка та тяжка, щобъ я могла повзяты якусь певну думку и перевесты іи якъ-небудь диломъ.

Одначе, колы я оттакъ стояла, зворушена до глыбыны душы, почула я наразъ въ своимъ вуху такый переражаючый и болистный окрыкъ, що я не опысала бы его николы словамы. Не-

наче задеревила зъ остраху, перераженa и въ тій хвыли до всякого руху нездибна, зойкнула я и оглянулася. Звидкись-то мусивъ винъ питы, той окрыкъ... звидки-то конечно. Але Андруши и не було вже коло мене,—винъ що недавно до хаты зайшовъ. Я мало не безъ памьяты лежала, наколыбъ наша собака не була наразъ голосно забрехала.

Це збудыло мене; я пидвелася насылу; и ныни Господь одынъ знае, якъ я заволиклася до хаты. Тутъ же застала я двери видъ кимнаты, въ котрій я ще недавно дожыдаючы зкулена сыдила, шырокоотворени, а Андрушу, зъ лыцемъ до земли оберненымъ, хрестомъ лежачого.

Я прыклякла коло ёго; мои рукы зложылыся мымоволи до молытвы, и я почала молытыся. Голосно и дрожачымы устамы слово въ слово почала я говорыты «Отче нашъ». Це мало мене успокоиты; ще мала я той страшный перераӂаючый окрыкъ надто выразно въ ухахъ, була занадто зворушена тильки що пережытымъ.

Одначе, Андруша ледве що почувъ мою прысутнисть и мои слова, якъ пидвився насылу на колина и почавъ мене рукамы доторкатыся.

Ёго очи горилы мовъ въ гарячци, и винъ крычавъ зминенымъ голосомъ:

— Мамо, вы вже вмерлы! я васъ вже вбывъ... я чувъ, якъ вы крычалы! Мамо, Андруша убійныкъ!.. идить, скажить це татови, я сёгодня свого патрона втратывъ!!»

Мене переняло страхомъ; я була пересвидчена, що я знаходылася проты чыстого божевилля.

— Тыхо, мій сыну, Андруша! тыхо,—успокоювала я ёго дрожачы, мижъ тымъ колы мій власный голосъ зминывся въ тій хвыли до непизнання. «Господь зъ намы, а твоя мама жые, и знаходытся ось тутъ коло тебе. Ходы молыться, мій сыну, молыться. Просы зо мною о Господню опику и помичъ, бо обое мы гришни, безталанни сыроты. Тому, хоть бы и смерть десь тутъ коло насъ на насъ чыгала, безъ Божои охороны не сміемо мы на тамтой свитъ перенестыся.

— Господы, просты намъ грихы нашы, мы выновати! Господы; просты намъ! Я былася въ груды—говорячы голосно свою молытву—все наново, разъ-по-разъ земли чоломъ и устамы доторкаючыся.

А Андруша, кынувшыся наново хрестомъ до земли, повторявъ охрыплымъ белькотлывымъ голосомъ разъ-по-разъ: «мы гришни и вынувати»! Такъ хрестячыся и цилуючы землю та доторкаючыся іи чоломъ и устамы, врешти обое мы успокоилыся.

Тоди я встала и, помигшы ёму, оскилько це мени мои сылы позволылы, пиднятыся на ривни ногы, проводыла до постели.

Туть винъ повалывся мовъ кавалокъ глыны, почавъ хлыпаты и бытыся головою объ стинку. «Я замордувавъ маму!»—белькотивъ винъ—«а тато мусивъ вже такожъ померты; Лидка це казала».

При тыхъ его словахъ повалылася я коло ёго на постиль, и, зарывшы лыце въ подушкы—*я наразъ и видчула и знала*, що мій прыятель, мій одынокый прыятель въ жыттю, батько моихъ дитей—видійшовъ вже навикы видъ мене и я осталася *сама одна.*

— Молытыся, Андруша, молытыся!—белькотивъ пьяный розмахуючы рукамы за мною, не тямлячы навить о тимъ. Мои уста молылыся, а винъ белькотивъ молытву за мною.

Такъ тревало се якыйсь часъ, докы винъ не уснувъ и мы обое не помовклы, а въ хати не утыхло цилковыто.

Тоди я пиднялася наново, мій сыну, и мои ногы понеслы мене ще разъ изъ хаты на двиръ... Прочь хтила я, прочъ до ёго, до моёго одынокого прыятеля, которому я пры прыстоли шлюбувала любовь и вирнисть.—До ёго хтила я, котрый мене своимъ оклыкомъ до себе до смертельного ложа поклыкувавъ. *Нихто цёго мени не казавъ и никого я не бачыла*; навкругы мене дышала лышъ пустыня пиль и самитнисть и мыготилы зори, блыстила вода въ ставу, але *я знала це сама зъ себе*, и вкладаю це *въ твою душу, мій сыну*, бо знаю, що хто иншый мени не повирыть.

Въ тій ясній мисячній ночи померъ справди твій батько, а перерозлывый окрыкъ въ моимъ уху бувъ мени мовъ ознакомъ о тимъ. Слава Богу, що я його вчула, зрозумила.

Я мовчу о тимъ жалю, котрый мене пры тимъ пизнанню обгорнувъ, бо видрады по такій страти для мене не було и не могло буты.

Мною запанувало лышъ одно однисиньке почуття: «сама, *вже безъ його*—сама». Бильше не думала я и не знала ничого. Свидомисть мусыла мене остаточно опустыты,—бо на порози отцёго долгу, черезъ якый вы мало не вси переступалы, повалылася твоя стара маты и перебула тутъ дальшу ничъ.

Жадне зъ іи дорогыхъ для неи дванадцятеро дитей не пиднялo іи въ іи найтяжшій хвыли, не потишыло. Жадне зъ ныхъ не промовыло теплымъ словомъ до неи,—такъ выдно ій вже доля судыла...

...Ривно жебрачци, лежала онъ-тутъ... а може и гирше ще. Бо тамъ десь въ свити булы въ неи диты, котри одначе до неи мовъ не належалы...

Николы не видчула вона потугу самитности и опущення такъ могутно, якъ тоди—николы. А хто іи николы такъ не видчувъ, той и николы не зрозуміе, що *въ мовчанню и самитности* творятся річи, котри въ ясній дныни не можуть ани розумитыся, ани вирытыся...

...Така була тая ничъ, мій сыну!.. тая горестна ничъ, котра мое волосся до решты побилыла и мене до сёгоднишнои днины смуткомъ прыкрыла.

ГЛАВА X.

Сынъ сыдивъ мовчкы передъ матирью, уклавшы голову на іи колина, и його пальци рылы черезъ цилый часъ судорожно въ волоссю. Въ киньци прытыснувъ ихъ до своихъ ухъ и клыкнувъ:

— «Не говорить бильше ничого, мамо; не говорить ныни бильше ничого, я не годенъ бильше сёгодня слухаты».

Вона усмихнулася похытнувшы головою.

Теперъ вже все одно, мій сыну, теперъ вже все мынулося и *перебулося*, а то, що ще по тимъ наступыло, трагичне и тяжке, застало мене вже однаково саму, зъ моимъ пьяныцею. Тіи прочи мусилы мене покынуты. Така була Божа воля, и такъ було вже мени суджено! Я лышъ дывуюся, що мене ще мои ногы по свити носять. Але и то мало свои прычыны, якъ все мае свою пидставу. Я мала, окримъ тебе й Андрушы, ще четверо иншыхъ дитей пры жыттю. Васылька десь далеко въ горахъ сотрудныкомъ и Лидку, и Олену, и Зоню.

Мала жъ дожыты, якъ ихъ доля до кинця розвынется... Але теперъ вже *може* смерть по мене прыйты, бо я не маю вже ничого дожываты, чы радше перетерпиты... Дожыла бильше-менше до кинця всёго...

Одначе, ранійшъ нижъ я тоби на-борзи драму твоихъ сестеръ розскажу, ты розглянься трохы на двори, якъ тамъ ничъ заповидается. Я все такы-боюся заметильныци въ-ночи, и мусила-бъ просыты сусида выйихаты проты Андрушы до млына. Туды погана дорога, и хочъ Андруша може спокійно спустытыся на свою конину, я все-таки не затулыла бъ ока, закымъ не побачыла його вдома.

...Сынъ сповнывъ волю матери и одягнувшыся выйшовъ; однакъ повернувъ ажъ геть пизнійше...

— На двори,—оповидавъ,—зтыхло зовсимъ, и винъ ишовъ добрый кусень дорогою, котрою пойихавъ братъ; уперше, щобъ розглянутыся за нымъ, а вдруге, щобъ успокоитысь, бо, зворушывшысь матерынымъ оповиданнямъ, не хтивъ бы розизленый брата зустриты, особлыво жъ колы бъ той не повернувсь и ныни тверезый.

Здалека доносылося воздухомъ щось мовъ дзвиночкы, и колы винъ не помыляется, то це дзвинкы братовыхъ залубнивъ. Старенька маты выйшла соби на двиръ, и сама пидслухувала. Вона не потребувала довго ждаты. Звукъ звинкивъ чымъ разъ скорше стававъ голоснишій, а не довго по тимъ зайихавъ и самъ дожыданый на подвирья.

Винъ бувъ ныни лышъ легко пидпытый, але (оправдовався) що дорога полямы не була видъ вчорашнёи заверюхы добре уйихана, винъ йихавъ повильнишымъ крокомъ и отъ «трохы» прыпизнывся...

ГЛАВА XI.

Пьяныця спавъ вже давно крипкымъ сномъ, колы стара маты выйняла зъ старои дубовои скрыни, берегучій вже видъ килькохъ рокивъ смертельный іи стрій и де-яки памяткы по чиловикови и дитяхъ, и показувала ихъ сынови.

Де-що зъ того подарувала ёму, а одну фотографію, представляючу пяты-шестылитню дивочу головку, та одынъ запысаный зошытъ, лышыла соби, вымовляючыся, що мусыть одно й друге забраты зъ собою, якъ выйиде до нёго; тіи дви ричи (говорыла), особлыво жъ фотографіи, нехай положать по смерти на груды и въ домовыну, а все инше оставляе Андруши и ёму.

Осыпъ похылывся нызько до свитла, задывляючыся на фотографію. Маты задержала зошытъ въ рукахъ и, усившысь покійно въ кутъ старенькои софы, прыглядалася мовчкы до сынового облычча, ще завше гарного.

— Може булабъ стала до тебе подибною, мій сыну!—обизвалася врешти, колы сынъ видложивъ фотографію своеи малои померлои сестры на бикъ.—Лышъ ты, Зоня и вона малысьте ясне око батькове и его темне шовкове волосся. Зоня мусыть ще й теперь, колы вже іи перша молодисть мынула, буты велыкою красою.

Я не бачыла іи вже зъ-чотыры рокы.... саме видъ похорону батька, але якъ разъ тоди була вона незвычайно гарною. Велыки, ясни сталёви очи, отинени чорнымы шовковымы віямы, зорилы зъ іи билого облычча предывно-тужлывымъ выразомъ и такъ и водылы нымы чоловика за собою.

Але *отце* мое чудове любе дытынятко, «чародіечка» моя, це було бы не що инше, и сонцемъ стало-бъ у моей хати, а може й по

за мурамы моеи хаты, колы бъ невмолыма смерть була мени іи немилосердно, передвчасно не забрала!...

— Бачъ, сыну мій—тягла дальше—я багато тяжкого перебула и переболила, багато де-чого забула и зреклася, багато зъ де-чымъ помырылася, що не пійшло якъ слидъ,—але лыщъ разъ видчувала я огорчення проты поставлень Господнихъ, а то тоди, колы мени Господь, черезъ два рокы пысля твого видлучення видъ насъ, забравъ зъ помежы васъ отъ-цю любу незвычайну дытынку.

Не за красою цеи пьятылитнёи дытыны сумую я донынi, хочъ маю іи пышни, мудри чорно-отинени оченята въ своій души жывымы донынi. Лыше *за тымъ, що въ ній и зъ нею* пійшло въ землю; це чудно, це для де-кого, може, и смишно, що маты сумуе за тымъ въ дытыни, *що було бъ до-перва може колысь выробылося зъ неи.*

И хоть и якъ то все могло-бы буты для третёго байдужне, але для мене, матери тіеи дытыны, або для тебе, іи братика, повынни буты цинни й интересни характеръ и успособлення тіеи померщои дытыны, такъ само, якъ и заключення зъ того дытячого успособлення.

— Такъ, мій сыну,—тягнула дальше—мовъ за якымъ прекраснымъ прывыддямъ сумую я (такъ назву я тее, що пишло зъ тіею дытыною въ могылу), за *тымъ, чымъ заповидала статы,* а не могла статы; кажу: плачу я и сумуе мое серце, колы іи згадую!

Бачъ, мій сыну! колы погляне бувало на кого своимы ясно-сталёвымы велыкымы оченятами, то той мусивъ іи до своихъ грудей прытыснуты,—такъ щыро, любо и мудро умило вона иноди на чоловика споглядаты.

Не було такого заняття, котре не було бъ воно зъ захватомъ сповняло; и май бачнисть мій сыну, що я сповидаю тутъ о пятылитній дытыни и слово захватъ ужываю вмысне, бо *це* якъ разъ було те гарне и порываюче въ тій дытыни, що воно, маленьке, було въ своимъ думанню и дрибнимъ почуванню таке сыльне. Дисталы вы, диты, прымиромъ, въ даручку якый небудь пода-

рочокъ, або одижечку, вы радувалыся, убыралыся въ неи, або заховувалы, якъ кому чый тогдашній настрій наказувавъ.

Вона поводылася инакше:

Найсампередъ, побачывшы та прянявшы свій подаруночокъ, вона зъ радощивъ скрыкувала, видтакъ прытыскала до щичокъ и кыдала его причъ. А сама або летила на двиръ, звычайно въ цвитныкъ передъ хатою, окружаючы его шаленымъ лётомъ, ухкаючы зъ радощивъ, або якъ ни, то, вхопывшыся якого стола, скакала коло нёго на однимъ мисти такъ довго, сміючыся зъ утихы, аж̀ъ докы не задыхалася або не заточувалася зъ утомы. Тоди выпочывала якый часокъ, задывлюючыся сіяючымы очыма на дарунокъ, а опысля розпочынала зновъ попередню радисну гульбу.

Таке заводыла вона въ своій радости, сыну, що намъ зъ батькомъ иноди, прыглядаючыся ій, слёзы тыснулыся до очей.

И не думай, що я пестыла іи бильше, якъ васъ прочыхъ; на те не ставало мени взагали часу ц було въ мене за-багато клопотивъ; я навить бувала часамы зъ нею гостра, бо вона бувала упряма й розпальчыва: упиръ и запальчывисть у дивчатъ я ганыла й здавлювала.

Вона николы не зносыла вразы й зневагы видъ братывъ и сестеръ, або другыхъ дитей,—заразъ загожувала себе сама. А колы я за лайкы, бійку та сваркы мижъ вамы строго карала, вона виддувала лышъ свои мали губенята, о скилько це ій вдавалося, и видворкувала пивъ-голосомъ (а въ тій іи интонаціи лежала іи помста): «завтра, о тій самій цори, прыйде по тебе Маранда (страховыще), або може й цыганъ, и забере тебе зъ собою; бо я вже зъ тобою (цебъ то выновныкомъ) не можу выдержаты, такый ты вже нечемный»!

Це все есть маленьки дрибныци, яки соби моя душа про неи мымоходомъ затямыла,—але воны держуть зъ собою всю іи жызнь въ моій памьяты. Вона не боялася ничого и іи и не можна було такъ полохаты, якъ звычайно нашыхъ дитей. Вона хтила заразъ самому небезпеченьству въ-вичи заглянуты, нехай бы іи и якъ полохано.

Трудно повирыты, Осыпе, яка сыла фантазіи була въ тои дытыны и якъ вона,—я можу це безъ пересады сказаты,— иноди и по пивъ-годыны сама зъ собою розмовляла. Богъ знае що зворушувало та прыводыло въ такый сыльный рухъ іи маленьки дытячи думкы. Але воно такъ бувало.

Вона оповидала казкы, хотяй те, що оповидала, властыво не булы казкы, а и такыхъ взагали лышъ дуже ридко зачувала.

Вона не була зъ тыхъ дитей, що, мовъ ти мавпочкы, старыхъ и дорослыхъ послидують,—ни.

На те займалыся мы, родычи, и вы старши диты, нею мало; и була вона соби надто багато сама полышена. Можу лышъ сказаты, що на іи пьять и пивъ рочкивъ (май бачнисть, мій сыну, пьять и пивъ) була вона «мала особыстисть». «Особыстисть» мыслово незвычайно розвынена и мало не геніальна. Выгадлыва, подій жадибна, а на будуче—щось незвычайне, заповидаюче.

Я не въ сыли соби сказаты, хочай якъ добре знала я ту дытыну, зъ котрои душечкы жыття было хвылямы,—що могло бъ було зъ неи выйты, колы-бъ була мени дальше жыла.

Одно знаю напевно: була бъ стала *выдатною* по вдачи,— въ добримъ чы злимъ змысли. Але одна велыка прыкмета, або якый таланъ, булы бъ въ ній, певне, пизнійше проявылыся. Якый небудь вылыкый таланъ, Осыпе, що бувъ въ іи, може зъ тисныхъ стинъ іи батькивськои хаты вынисъ, а може и далеко, далеко по-за граныци іи батькивщыны...

Що за таланъ, я не можу означыты,—за-скоро померла вона мени, щобъ я змогла була его вже тоди змиркуваты и означыты. Те, що мени по ній въ памьяты осталося, бувъ іи жыттямъ пройнятый духъ, іи чудовый темпераментъ и іи захватъ до кождого заняття.

Все проче зъ іи маленького й коротенького истнування поглынувъ зъ моеи памьяты часъ.

Отце, о чимъ теперъ тоби такъ радо згадую—іи пышни сынё-сыви оченята, колы глядилы спокійно и мудро, або усмихаючыся, дали іи гарни, пры усмиху може за-шыроки устонька

осталыся въ моій памьяты, и те все, що ще зъ неи маю въ серцю, передаю тоби въ душу.

Добре мени теперъ на души, сыну, що я могла хочъ теперъ зъ кымъ-небудь про неи поговорыты, бо-жъ вона була радисть и втиха тогдишнёи моеи души, що потопала въ клопотахъ...

Але дорослою, дорогый сыну, дорослою я не можу соби іи вылвыты; хиба найдальше до пьятнадцатылитнёго пидлитка, жывого темпераменту, повного смиху и слизъ; вся одушевлена, вся готова до дилъ. О, Господы милосердный! — зитхнула,—чому взявъ ты видъ мене теплокрове дытя и заставывъ вложыты въ холодну чорну землю!

Чому поклыкавъ ты іи видъ мене?...

Я-жъ потрибувала такожъ щось ясного, якесь сонце въ моимъ невеселимъ жыттю, повнимъ грызотъ и турботъ, повнимъ слизъ и драмъ,—потрибувала тако-жъ сонця!

Але Твоя воля сталася, не моя,—и тому я мусыла зъ тымъ поеднатыся...

— Поглянь на неи, мій сыну, на отцю твою прекрасну маленьку сестрычку; прыдывыся до неи и возьмы іи видтамъ соби. Лышъ колы я помру, вложить мени іи на груды въ домовыну. Нехай пиде зо мною въ могылу. Сама я не хочу въ чорній земли лежаты.

Зъ іи смертію почалося видтакъ горе твоихъ сестеръ,—найсамперелъ зъ Марійкою, а видтакъ по часи... по часи и зъ тымы другымы.

Братъ оглядавъ ще черезъ хвылыну образецъ сестры. Видтакъ, вложывшы въ коверту, сховавъ у грудну кышеню. Описля, пройшовшыся ще килька разивъ мовчкы по кимнати, обизвався:— я можу соби цю дытыну, котру вы мени трохы характерызували и котру я трылитню послидне бачывъ, дорослою доволи жыво уявыты. Я можу вамъ сказаты, *щó*, на мою думку, було бъ зъ нею, *може*, выйшло.

Я кажу «може», мамо, бо мы тильки граемося зъ фантомомъ, заключаючы зъ дытынной ще натуры цее або тее: та все такы кортыть мене заключыть, щó було бъ выйшло зъ тои пы-

шнозложенои маленькои «особыстости», въ добрыхъ для іи прыкметъ варункахъ.

«Може, значна або велыка артыстка».

— Що за артыстка, мій сыну?—спытала маты, прыдержуючы духъ.

— Яка велыка артыстка, мамо?—прымиромъ акторка яка.

— *Акторка?*—поклыкнула зъ жахомъ стара маты.—Моя дытына? *попивська* дытына? ни, мій сыну, зъ неи не выйшла-бъ акторка! Вона, донька священныка, внучка священныкивъ, вона-бъ николы не выйшла комедіанткою! Іи маты николы не дозволыла-бъ того и вона сама не мала жылкы до такого легкодушного жыття въ соби!

Сынъ усмихнувся на дытынячый переполохъ и наивнисть матери.

— Я не кажу, мамо,—обизвався винъ,—що зъ неи була бъ зъ певностію выйшла акторка; мы жъ такъ соби, просто, якъ вы самы казалы, «фантомъ» выроблялы. Я зробывъ лышъ заключення зъ того, що вы оповидалы, и тому, що спимнулысьте, що зъ неи було-бъ, мабуть, щось велыке и значне выйшло. Але чы вы думаете, мамо, що маты доньку велыкою артысткою це не йе честь?

— Може воно и честь, мій сыну,—видповила маты журлыво,—лышъ я стара, мабуть, не розумію ся, мій сыну, на тій чести... Може, була-бъ славна газдыня, якъ іи бабуся, або инши жинкы священныкивъ. Отце було-бъ, може, зъ неи выйшло. А ты видбираешъ мени твоимы новосвитськымы поглядамы мою думку про неи. Чы це не досыть зъ жинкы—выйты славною газдынею?

Сынъ зновъ усмихнувся.

Бачывъ винъ, що маты жыла такъ далеко въ своихъ традыційныхъ поглядахъ; мижъ його й іи поглядамы лежало стильки часу, зъ його переминамы, здобуткамы и новостямы, що це не було й ніякымъ дывомъ, колы вона тутъ въ своимъ далекимъ, глухимъ закутку, неторкнутимъ новитнишымъ жыттямъ, держалася тыхъ думокъ и поглядивъ, зъ якыхъ выйшла.

— Заспокойтеся, мамо! —тягнувъ дальше и вже обережнише:—колыбъ въ ній бувъ справди акторскій талантъ проявывся и вона такою й на дали зосталася, якою вы іи змалювалы,—скорою до дила, способною легко одушевлятыся,—вона була-бъ вамъ межы вашымы стинамы не выдержала! Була-бъ якои небудь дныны прывела до ришення своеи доли и видлетила,—хочъ зъ вашымъ позволомъ, хочъ безъ позволу,—въ свитъ, щобъ свою долю довершыты. Бачыте, мамо, талантъ може зныдиты непиддержуваный и занедбуваный, звыхнутыся, але задавытыся цилко́мъ—не дастся винъ николы. Мени здается, мамо, що хоча й якъ вы, родычи, провадылы насъ й строго й старанно, въ кинци пишло кожде зъ насъ тіею дорогою, якою хотило. Що до мене,—додавъ,—то я бувъ бы тую пышну душечку,—колыбъ була осталася мижъ жывымы и той талантъ спра́вди проявляла,—зо всихъ сылъ пиддержувавъ и ратува́въ. Зъ неи мусило бъ щось пышного, чудового выйты, гордыня й честь и для нашого народа.

— Такъ, такъ, мамо!—тягнувъ трохы роздражнено дальше, колы маты лышъ заперечаючы хытала головою.—Мы не маемо обовязкивъ лышъ проты себе и своихъ родычивъ, а маемо ихъ ще й проты своеи народности. Гляньте, мамо, на жиноцтво иншыхъ народивъ: яки булы жинкы и що́ теперъ сповняють. Це бъ то, прымиромъ на поли штукы, наукы, литературы и, можно сказаты, всихъ прочыхъ поляхъ, де доси булы лышъ мужчыны заняти. Чы вы-бъ хтилы, щобъ наше здорове, способне,—я скажу вамъ навить зъ пересвидчення *дуже способне*,—жиноцтво держалося завсигды лыше одного напряму? Намъ треба й иншыхъ тыпивъ, якъ цёго часъ и вымогы часу жадають. Окримъ добрыхъ газдынь и матерей, котримъ оставляю я завсигды и всюды першенство, намъ треба ще й интелигентныхъ робитныць въ суспильности, треба артыстокъ и взагали бильшыхъ и, такъ сказаты-бъ, знатнишыхъ жинокъ.

Цёго вымагае розвій культуры и такожъ самъ поступъ. Воно, може, смишно, мамо, що мы обговорюемо зъ такою повагою, мрію про пятылитню помершу дытыну, чы *радше те, що могло-бъ колысь* зъ неи выйты. Але воно гарно хоть бы хвылыну

порадуватыся тою уявою, що та дрибна истота могла выйты напрочудъ гарною и значною людыною въ жыттю.

Мене вдовольняе вже и те, що наша народнисть, котра вже видъ викивъ ничого иншого не зазнае, якъ утыску й прыгнобленъ, вытворюе зъ себе всежъ таки гарни й способни тыпы, котри въ данныхъ добрыхъ варункахъ моглы-бъ такъ само осягнуты рижни высоты, на котрыхъ мы звыклы бачыты истоты лышъ намъ чужыхъ народностей.

А такою хоть ще малою истотою була и отця люба неустрашыма квитка, котра вже дытыною видзначалася своею способною й незвычайною особыстостью. Чому бъ намъ и ту малесеньку геніальну душу хоть щырою згадкою не пошануваты?

Бачте, мамо, хоча й яке тяжке и невидрадне було ваше жыття, въ грунти булы вы, мамо, все такы *счаслывою* матирью. Въ тимъ змысли, мамо, що малы вы способни й прыродою гарно выпосажени диты, обмынаючы те, що въ ныхъ особыстого счастя не було. Гляньте, яка пышна, гарна була отця зозулька... якою интелигентною, пожаданою и значною була, и йе ще десь и теперъ, Зоня, а тіи прочи не меньши, зъ вынаткомъ Андруши, що выбравъ соби багно за циль жыття и... Олена... Але хто, впрочимъ, знае, що було бъ въ иншихъ обставынахъ зъ него выйшло; я не хочу судыты. Але взагали я можу ныни, яко цилковыто дозрилый чоловикъ, спокійно все осудыты.

— Такъ, такъ, мій сыну!—потвердыла стара маты зъ несказаннымъ смуткомъ,—гарнымы, розумнымы и способнымы булы вы въ мене, що правда, вси,—кожде въ своимъ роди и напрями, лышъ треба було кожде зъ васъ окремо молотомъ судьбы розпалыты, якъ те зализо, щобъ вы кынулы навкругъ себе искрамы и—або выйшлы довершени, або зломалыся...

— Може само черезъ те мы такы правдыви *русыны*, разъ яко одыныци, а тамъ яко цила народнисть...,—видповивъ сынъ.—Теперъ бьють насъ молотомъ, але вже тутъ и тамъ выпрыскують искры, а зъ часомъ, мамо... зъ часомъ... бо часъ йе *паномъ судьбы народа*... зъ часомъ выйдемо, якъ не *заломымося*...

до кинця довершеными, якъ вси други культурни народы, на котрыхъ споглядаемо теперъ зъ пóдывомъ и поважанням̀ъ.

— Такъ, мамо, така наша доля, яко народности и яко твоихъ дитей, и зъ тымъ мусымо помырытыся. Чы вже мы тамъ вси вынни, що вы стилько натерпилыся, зазналы горя, сталы опущени, безъ даху надъ головою, осталыся на сыли мало не одного тилько пьяныци,—я вже не знаю... Але я маю те почуття, що кожде зъ насъ неначе закоcríване въ якись тяжки оковы и мусыть ихъ двыгаты ажъ до хвыли, прызначенои до закинчення своеи доли, смуткомъ и сылою перемишанои...

— Такъ, моя мамо!.. А отсю маленьку, прегарну артыстку заберу я зъ собою, бо вона мени, надто своимы очыма, нагадуе Зоню. А до Зони, мамо,—тягнувъ сынъ дали,—колы вже саме теперъ зійшлы мы на сестры, маю свій окремый жаль. Скильки я разивъ видзывався до неи та просывъ пысаты мени обшырнійше про родыну, іи жыття-буття, а головно про себе, то вона все такъ завзято мовчала, що я остаточно стратывъ надію розрухаты іи до перепыскы зо мною, и всяка кореспонденція межы намы урвалася.

Вона якось такъ дывно держалася проты насъ всихъ, мамо, такъ дывно, неначе-бъ мы не булы іи браты й сестры, неначе-бъ вона сама не належала до священныцькои родыны.

Се мене иноди зъ іи стороны дуже болило. Болило тымъ бильше, бо я добре знавъ, що хочъ якымъ огирченымъ та розжалобленымъ бувъ батько проты мене,—винъ жадному зъ дитей не забороняв̀ъ лыстуватысь зо мною.

И колы бъ не бувъ Васыль, чы якъ то я його радше зву «малый»,—бувъ бы я николы не знавъ, що діется въ родыни, хто жывый, а хто ни. Зоня мене найбильше дывувала, бо про иншыхъ знаю, що кожде мало якусь працю, особлыво-жъ Лидка й Васыль, — але Зоня, прожываючы пры заможній титци въ добробыти й супокою, могла колы-небудь взятысь за пысання й повидомыты мене, о чимъ я іи стильки просывъ!

Вона чудна дивчына, мамо, вично въ думкахъ понурена... бодай такою вы́далася мени, колы я іи послиднимъ разомъ бачывъ.

Чы вона мала въ дытынстви щось спильного зъ отцею малою артысткою, мамо?

Въ очахъ обоихъ лежыть велыка подибнисть.

Дуже мени жаль, що я не мигъ іи передъ смертью батька бачыты; хочъ бувъ бы це радо хтивъ,—та я жывъ такъ далеко видъ титкы, до-того держала мене моя служба й мій несчасный хлопець, мовъ оковамы, такъ що я одвидыны зъ родыною все видкладавъ до мого повороту въ батькивщыну, якъ и сталося. А иноди я такъ тужывъ за всима вамы, особлыво-жъ за сестрамы, що лышъ оденъ Богъ знае якъ!..

Лидка одна була тою необмежено доброю, що мала для всихъ любовъ и часъ, лышъ зновъ вона була надто прывалена працею и занята справамы всеи ридни, щобъ була могла мени часто, а до того, якъ я бажавъ, «обшырно», про все пысаты, що діялося въ родыни. За тою зъ моихъ сестеръ буду я сумуваты, мамо, докы жыття мого..,—додавъ винъ зъ нетаенымъ сумомъ въ голоси. Бо що вона мусыла такъ вчасно и такъ рано зъ жыттямъ розпрощатыся, була за-жестока гра судьбы, щобъ зъ нею хоть бы й колы можна було бъ помырытыся. И колыбъ вы не булы нымы надто змучени, я бъ васъ просывъ оповисты мени докладно драму сестеръ. Хто знае,—додавъ поважно,—колы будемо зновъ такъ разомъ, въ такій тышыни и свободи, якъ теперъ, де я у васъ зъ своихъ звычайныхъ клопотивъ, денныхъ зворушень прыпочываю. Такъ само знаете може вы и здрадыте мени «тайну» нашого Васылька,—чому винъ не хоче, щобъ а ни я, а ни хто небудь иншый зъ нашыхъ одвидавъ ёго въ ёго забутимъ закутку, та не прыглянувсь ёго чынамъ.

Що за тою ёго сторонею видъ людей и родыны не може ничого доброго крытыся, а що найменше ничого соняшного,—я годенъ соби й сказаты, але все жъ такы хотивъ бы я розибраты, котре зъ вашыхъ дитей було найтяжче молотомъ судьбы быте.

Старенька билоголова маты не видповила ничого.

Вона тыснула судорожно дневныкъ своеи найкращои донькы Зони до грудей и іи уста прошепталы ледви чутно:

— Кожде зъ васъ окремо, а зо всима **вамы** и *за всихъ васъ—ваша маты,* мій сыну!..

ГЛАВА XII.

По недовгимъ часи мовчанкы съ обохъ сторинъ, почала старенька маты свое оповидання:

— «Колы я прыбула на похоронъ вашого батька въ Н., я здывувалася, що Васылька, котрый, якъ и ты, запомогавъ намъ матеріально по змози,—саме въ такій поважній хвылыни не було на мисци. Бо що тебе́ не буде, я знала, зрозумившы, що часъ до прыйизду не похоронъ бувъ за-короткый, и ты дойихаты не всціешъ, хочъ-бы и якъ бажавъ виддаты батькови послидню честь.

На Васылька одначе я чыслыла зъ певностю. Бо хочъ и якъ бувъ винъ далеко въ горе службове закыненый, на похоронъ батька мусивъ винъ, сынъ, священыкъ, конечне прыбуты. Се выдалося мени просто обовьязкомъ зъ его стороны. Одначе винъ не прыйихавъ зовсимъ и похоронъ видбувся безъ нёго. Килька день по похорони сыдила я зъ своимы трёма дивчатамы (бо й Зоня знаходылася ще тутъ) у Лидкы въ кимнати, и мы про рижне радылы й оповидалы, особлыво-жъ про Олену, пры чимъ Зоня радыла, щобъ Олена не оставалась довше въ мисти, але выйихала надовше до Васыля.

Винъ—мотывувала вона свою пораду,—самъ оденъ, безженный, буде певно радъ, якъ сестра зажыве въ нёго, ожывыть ёго самитну хату, та перейме почасты ёго газдивство въ свои рукы. На таку думку обурылася Олена такъ сыльно, накыдаючыся незвычайно на сестру, що я просто мусила іи до чемности упимнуты.

— Де вы хочете мене загребты?—крычала,—межы мужыкивъ, медведивъ та лисивъ? И вы думаете, що я вамъ туды справди пиду?.. Такы заразъ!—репетувала,—почекайте трохы! Я не така дурна, якъ вы гадаете, и выбыйте соби те зъ головы!—Окримъ того,—додала зъ неопысаною злобою,—Васыль мене не потребу́е: винъ мае *вже жинку пры соби* и не потребу́е никого. Абсолютно

никого! Винъ...—вона видитхнула, отворывшы уста до дальшого говорення, але тутъ вже впало мени въ око, що Лидія замкнула ій своею рукою уста. Одначе Олена, видтрутывшы іи руку, клыкнула грубо, роздраженно:

— Що се зъ «мода» зъ тіею вичною таємничестію? Воно вже часъ видслоныты тую «глупу» тайну, «скарбъ» той. Що знае ёго село,—знае, певно, цила околыця, знають други, Лидія и я,—те може й мама тако-жъ знаты!

— Любовныцю мае винъ пры соби, мамо!—клыкнула,—любовныцю... абысьте зналы просту хлопьянку, ôтъ що мае!—*А мае*, бо бувъ въ своій молодости глупый боягузъ, сторонывся видъ дивчатъ и жиноцтва, не залюбывсь якъ слидъ, щобъ ажъ оженытыся... хоча-бъ навить такъ, якъ Ёсыпъ, *а теперъ мае*. До того давъ на себе, будучы ще богословомъ, вплынуты пидмовамъ всякыхъ церковныхъ «властей»,—высвятытыся безженнымъ и потимъ то все помстылося на ёму въ такый способъ!

— Теперъ мае «безженство», мамо!—глумылася,—мае наслидкы всихъ «высокыхъ идей» про «католицызмъ» и «Рымъ», котрымъ тіи «власти» фанатызують де-якыхъ зъ нашои идеальнійшои молодижы, выкорыстуючы якъ разъ той ихъ идеализмъ и мріи до своихъ политычныхъ цилей, а въ другимъ змысли ихъ ныщуть. Се я, мамо,—додала енергычно,—не говорю зъ своеи власнои головы... се я видъ другыхъ, старшыхъ чула. Де, якъ и колы... не належыть сюды, *але воно правда*. Бо Васыль не йе счаслывый мамо!—репетувала вона, мовъ молотыла,—винъ справди не йе счаслывый; ба навить дуже безталанный! Неначе той злодій глядивъ намъ въ очи, а видъ батька то такъ уныкавъ, перебуваючы тутъ одного разу по якыхсь тамъ своихъ церковныхъ справахъ, неначебъ забравъ ёму тайкомъ ёго майно.

Але мени сказавъ, видходячы въ поспиху, на самоти, ось що по щырости:

— Не виддавайся лыше, бороны Боже, ніякымъ мріямъ, та идеямъ сестрычкы а колы тоби якый чесный чоловикъ подобается,—не перебирай багато, а выходь за нёго. Се ще найрозумнійше для обохъ сторинъ. Самота прыводыть лышъ несчастя,

прыводыть завсигды драмы зъ собою,—правда не кривави и не все выдыми й голосни, але будь певна,—не менше трагычни. *Я ихъ маю ось тутъ!*—Пры тимъ вдарывся въ груды, що ажъ задуднило, и пишовъ, а я розплакалася.

Винъ дуже несчаслывый, мамо!

Запизно,—казавъ,—отворылыся ёго очи! та що вже робыты!—«пропало»!.. Таке ёго жыття, и тому я такъ до нёго не пиду. Не пиду!—клыкнула дуже розъярэна,—бо мени не хочется межы мужыкивъ. Не зъ якыхъ тамъ естетычныхъ прычынъ, а по просту, якъ кажу, що мени не хочется йты въ пустыню и буты якоюсь шаховою фыгуркою, котру можна соваты сюды-туды по вподоби. Щобъ вы се зналы, мамо!—додала енергичнише: помыриться зъ тымъ, або ни, *а я останусь тутъ.* А моею будучыною не журиться,—я соби іи вже сама улажу. Незадовго довидаетеся о всимъ. Отже не журиться мною! И ты, Зоню... не турбуйся!.. звернулася йидко до тіеи моеи прекрасной, поважнои дивчыны, що мовчкы нерухомо сыдила и до сестры прыдывлялася, затягнувшы бровы надъ чоломъ, мовъ у фызычнимъ болю.

— Не журыся и ты, бо тоби се й такъ байдужно, що зъ намы теперъ по смерти батька станется. Ты, чы виддасыся, чы ни,—будешъ у всякимъ рази вуйкомъ и титкою «забезпечена», тому и забралы воны тебе видъ мамы, бо мала доволи насъ. Тому ты можешъ буты за твою будучыну спокійна и укладаты пляны на карбъ другыхъ, якъ отъ теперъ и про мене. Але я дякую тоби за те дуже красно! Будьте мудри для себе! а ты,—звернулася наново до Зони,—повынна бъ уже такожъ замужемъ буты, не есы вже така надто молоденька!

Вона не вспила ще свое речене зикинчыты, якъ вже Зоня пидвелася била, билисенька, неначе бъ зъ іи облыччя зныкла послидня крапелька крови, вхопыла безвзглядну дивчыну за плечы—и зъ сылою, та одважнистю, якои не бувъ бы нихто по іи нижній тыхій постати сподивався, выкынула іи, не говорячы ни слова, зъ кимнаты.

— Иды!—клыкнула потимъ погаслымъ голосомъ,—ты, негидна и безсовисна! Я вже пересычена твоимъ «сестрынныцтвомъ», я переконана, що такъ, якъ ты себе отце *показуешъ*, ты готова появытыся завтра и оповистыты намъ щось подибного, зъ тою самою безсоромнистію, и зъ твоёго жыття. Я не хочу тебе бильше бачыты!—Вона замкнула за нею двери, потимъ ще й засунула; и мижъ тымъ колы Олена грымала й товкла зъ лютости въ двери, сила вона и, зъ раптового сыльного зворушення, тяжко виддыхаючы, сказала, гладячы мою руку пестлыво:—Мамо, *вы моя далека, горемъ похылена, мамо*! скильки то крови мусило вже ваше серце наплакаты, що вы зъ намы всима перебулы!.. И, зхылывшыся, закрыла старанно свое гарне облычча рукамы.

Я сыдила мовъ параличемъ диткнена.

Ледви що очутылася я трохы по тяжкій утрати вашого батька, ледви прыпочыла трохы зъ превелыкои фызычнои утомы, що мене перемагала,—спавъ на мене цей новый смутокъ.

— Я тоби кажу, мій сыну,—звернулася вона до своёго другорядного,—я попросту не могла соби раду даты. Васылько, отця моя вся надія, цей мій тыхый чутлывый хлопчына, винъ запхався въ багно!.. О, не дурно сказавъ ты, видходячы видъ насъ, що въ нашій родыни священныкы не «правлятся». Ты мымоволи мовывъ уже тоди гирку правду... И непроты нёго зворохнулася моя душа, не проты нёго одного, лышъ проты правдывыхъ выновныкивъ ёго безженства.

А Лидія, цей мій добрый ангелъ, зрозумившы ажъ надто добре мій настрій, прысунулася блызько до мене и, вхопывшы своимы обома рукамы мою правыцю та прытыснувшы до себе, стала мене потишаты:

— Не гнивайтесь на нёго, мамо, винъ не такый дуже вынуватый, якъ бы хто думавъ,—винъ лышъ невымовно несчасный! Вынувати суть лыше «велыки» и тіи,—именъ котрыхъ я не хочу назваты,—що найлипшыхъ и найидеальнишыхъ нашыхъ пытомцивъ хытро, тайкомъ, нибы нехотячы, до безженства намовляють и ихъ религійный захватъ до своихъ политычныхъ цилей выкорыстують. Що зъ ныхъ тамъ дальше выробляется,—

ихъ це не обходыть. Имъ потрибни лыше сами безженни. Я це вже такожъ розумію, якъ и багато иншыхъ розуміе й знае. Мамо, — додала вона пошепки, — Рымъ терпыть скорше таки й подибни переступкы, *нижъ билого священства.* Васылько не перша жертва и не послидня; окримъ нёго найдется ще багато иншыхъ, котри дадутся, въ своимъ идеализми та своимъ молодечимъ запали, *затягты й зигнуты.*

Не журиться, мамо, воно вже й такъ не дастся зминыты!.. Вы вже помырылыся зъ тымъ фактомъ, що винъ дався безженнымъ высвятытыся. Це бувъ для васъ, може, такый самый ударъ, якъ той, колы вамъ Рутъ Ёсыпа вырвала. Жаль лыше въ тимъ...

Вы поклалы всю свою надію на Васылька. Винъ бувъ ще одынокый вашъ сынъ, видъ котрого могла вамъ прыйты на старисть якась радисть и розвага. Счаслыво одруженого надіялыся вы ёго пры соби бачыты, а зъ часомъ и на тимъ куснычку земли такъ само трудящогося для своёго люду и тіеи громадкы, для котрои батько щыро посвячувавъ, черезъ стилько рокивъ, свои сылы и знання, — а врешти зъ всёго того ничого...

— Багно!—простогнала я на-сылу.

— Смутокъ, мамо!.. — поправыло благородне дивча.

— Васыль не прыйиде николы въ ваши стороны, мамо,— говорыла Лидія дальше,—винъ надто циныть и шануе памьять своёго батька и надто чесного успособлення, щобъ мигъ видважытыся въ очахъ громады своёго такъ дуже шанованого батька провадыты звыхнене жыття, яке тамъ въ своимъ видлюдпимъ закутку провадыть, а яке зминыты вже,—якъ самъ мени прызнався,—*не годенъ.*

Справди, мамо! це сказавъ винъ мени самъ, и це була прычына, чому не хтивъ зъ вамы стринутыся и въ очи поглядиты, не мигъ на похоронъ батька прыбуты. Ёму, мовлявъ, невымовно тяжко зъ намы бачытыся, бо,—каже,—заразъ пересвидчуется на-ново, чымъ бувъ мигъ для насъ станугы, а на чимъ опынылося ёго жыття... Винъ не уміе неправдою орудуваты,—

на те винъ вже зъ прыроды за-чесный и за-сыльный въ почуттю обовьязку, и вже якъ не черезъ що инше, то черезъ те саме можна ёго все ще шануваты и любыты. И тому, дорога мамо, любить ёго й дальше, якъ доси любылы! Винъ добрый, мамо, лышъ покаличеный судьбою...

— Якъ можу я—казавъ мени—проповидаты людямъ слово Боже, колы проваджу самъ жыття ложне и нечесне?..

— Про це и много про що инше жалився винъ мени—и серце мени краялося пры ёго словахъ! Бо кожде зъ ёго сливъ була кровъ и кровава правда. Ёго жыття звыхнене, бо винъ, по своій натури, бувъ бы найлипшымъ мужомъ и батькомъ а теперъ, може, й добрымъ священныкомъ не буде, хотяй самъ выбравъ соби свій станъ. Хлопчыною хтивъ бидный на море иты,—тымъ часомъ на суши навикы втопывся!..

Для нёго теперъ найлипше, колы останется тамъ, въ глыбыни своихъ велыкыхъ гиръ и лисивъ, посередыни своеи, ёму прыхыльнои, громады; буде далеко видъ культурного свита и нихто ёму и винъ другымъ въ дорогу не стане.

Вы думаете, що ёго справди не хтила жадна дивчына и тому винъ безженнымъ высвятывся? Колыбъ не безвзгляднисть и жорстокисть Олены, я бъ вамъ не була николы ёго сумну тайну не выявыла; а такъ — перенесить вже іи, перенесить, мамо, бо вже-жъ воно инакше не буде... Помолиться за нёго, якъ вже за Есыпа и за насъ всихъ прочыхъ до Господа Бога молылысь... А Олена!.. о, мамо!..—клыкнула вона на-разъ болизно:—мени выдается, що вона межы намы лышъ на те, щобъ ще колысь вамъ, а особлыво-жъ мени, навела велыкого жалю и горя!

— Най Богъ бороныть іи и насъ видъ несчастя, але я маю таки прыкри почування,—особлывожъ колы вона входыть раптово и несподивано въ мою кимнату,—що заразъ впадаю въ переполохъ и мымоволи гадаю: ось, ось, вже несе якусь смертельну звистку!.. Я боюся іи, мамо, и колы молюся вечерамы, то прошу все Господа Бога, щобъ одвернувъ видъ неи всяке горе, бо тоди мусила-бъ одна ёго часть и на мене спасты...

Я не могла ничого видповисты.

Я була надто сыльно зворушена и зранена заявленнямъ и тайною Васыля, щобъ була въ сыли яку-небудь думку про Олену складсты и голосно заявыты. Я пидняла лыше мымоволи мои рукы и опустыла ихъ на головкы моихъ, обикъ мене сыдячыхъ, добрыхъ, теперъ тяжко затурбованыхъ голубокъ, а мои уста прошептала благословенство.

Лидія захлыпала, розплакавшысь такъ голосно, що я вслидъ за нею розворушылась наново до слизъ; а Зоня похылыла ще нызче голову и заслонене облыччя.

Вона ледви чы дыхала,—такою неповорушною выдалася мени. Що іи тоди зворушувало, могла я соби ажъ пизнише сказаты, або вгадаты... а однакъ!.. однакъ, яке несказанно чутлыве, глыбоко чутлыве дытя сыдило тоди коло мене! О, ты моя жрыкыне! ты моя прекрасна й чыста жрыкыне!. —прошептала на-разъ билоголова маты, встала и выйшла мовъ тажко зворушена зъ тыхои кимнаты.

—

За килька хвылынъ вернула назадъ и, усившы у свій куточокъ, оповидала дальше:

Остаточно успокоилася Лидія и перестала плакаты, а Зоня, прысунувшыся до неи, сказала:

— Не про яке-небудь въ воздухахъ звысаюче несчастя пора тоби теперъ думаты, Лидочко, та мучытыся сею дивчыною, що кыпыть зъ самолюбства й нерозуму; подумай про твое здоровья, та про те, що ты небавомъ заступышъ матиръ осыротилымъ дитямъ нашои сестры. Олена не потребуе твоеи журбы. Іи мисце видъ-теперъ, якъ и твое,—це димъ нашои матери. Тутъ нема що багато розбыраты й роздумуваты. Вона *мусыть* слухаты, вона ще не повнолитня, а колы ій цымъ разомъ полышытся іи воля, вона внесе намъ справднишне горе въ димъ.

У мамы на сели знайдется для неи досыть заняття, а ты мусышъ передъ всимъ выпочыты и на сылахъ скрипплятыся. Такъ, моя добра и щыра сестрыце! Не трать заразъ видвагу!

Ты обезсылена и зденервована и бачышъ все въ найчорнійшимъ свитли, а це не повынно буты и за-для тебе, и за-для матери!—

О, якъ правду говорыла отця моя дытына и якъ добре угадала вона характеръ Оленынъ, хотяй и не знала іи такъ надто добре. Пры звычайно недовго трываючыхъ одвидынахъ моеи сестры зъ нею въ насъ, не малы сестры багато часу, щобъ соби обопильно заглянуты въ душу и розибраты по успособленню.

Лидія оперлася довирочно и безмовно о гарну свою сестру, не сказавшы бильше ани слова, лышъ утыраючы видъ часу до часу слёзы, що сунулыся ій неповздержно зъ очей.

— Ты маешъ слушнисть,—обизвалася въ кинци.—Я знаю, що ты маешъ слушнисть, але я неначе выджу, що Олена не мае ничого доброго на думци, и побачыте, що не потривае довго, а вона внесе намъ несчастя въ димъ! Колыбъ мы моглы лыше якъ найшвыдше звидсы выбратыся, мамо! колыбъ якъ найшвыдше,—тоди бъ я напевно свобиднише видитхнула! Але видтакъ я не поверну скорше сюды назадъ, якъ ажъ по моимъ весиллю. Але вже тоди буде все добре и я не буду *ніякыхъ тиней* въ своій хати терпиты!—Такъ говорыла вона и ставала чимъ разъ тымъ спокійнишa.

Але що іи незвычайно вражлыва вдача въ своихъ передчуванняхъ не помылылася, справдылося заразъ же другого дня, о тій же самій поры, въ найстрашнишый способъ.

ГЛАВА XIII.

Другого дня... (це було—прыгадую соби—въ понедилокъ) сыдила я зновъ зъ Зонею въ Лидыній кимнати, и мижъ тымъ, колы Зоня вызырала въ викно, чи не надийде часомъ титка, котру дожыдала, щобъ вернутыся зъ нею до дому, шыла Лидка поквапно якусь одежыну для наймолодшого свого будущого пасерба.

Наразъ почулыся крыкы въ синяхъ и по недовгимъ часи отворылыся двери и въ кимнату увійшлы—мій будущый зять, Лидчынъ нареченый, а за нымъ Олена...

Мій поглядъ опынывся мымоволи на Лидчынимъ облыччу. Вона стала била, якъ полотно, и здавалося—неначе задеревила.

Іи нареченный знаходывся, ривно ій, въ незвычайнимъ зворушенню, одначе, якъ здавалось, дуже квапывся, бо прывитавшыся зъ намы обома (пры чимъ уныкавъ хочъ абы й поглянуты на Зоню), усивъ не перечекавшы навить, щобъ ёго до того запрошено, на кресло коло насъ, и почавъ безъ всякого уступу:

— Я прыходжу, мамо,—мовлявъ,—въ справи, котра видносытся до ващыхъ обохъ донёкъ, т. е. моеи дотеперешнёи нареченнои Лидіи и Олены. Мени прыкро и несказанно жаль, що черезъ де-яки прычыны визьме справа заручынъ змины, котри васъ, зъ прычыны свого характеру, не врадують. Але позаякъ справа ричей вже разъ скоилася, я не въ сыли даты ій давній станъ; чоловикъ, мамо, часто не знае, чы жадае видъ Бога въ свое добро, чы горе... Я помыну прычыны, зъ якыхъ сумни наслидкы повсталы, а сконцентруюся на самимъ результати, котрый и прывивъ мене ныни до васъ...

Простить мени, мамо, — тягнувъ дали, — що я справляю вамъ, зъ свого боку, тяжкый жаль, але заразомъ знайте, що я *прымушеный зирваты заручыны зъ Лидіею*, зъ тіеи прычыны, що мижъ мною и Оленою зайшлы послиднимы часамы, видносыны, котри потяглы за собою проты неи гонорови обовьязкы зъ моеи стороны...

Прощення видъ Лидіи я не прошу и не жадаю, але маю надію, що Лидія, шляхетна и мудра, якою завсигды бувала, въ интереси чести своеи сестры зречется дотеперишнихъ своихъ правъ проты мене и уступыть ихъ Олени.

Зъ моеи стороны я готовъ заразъ зъ Оленою, хочабъ и завтра, одружытыся, бо це въ нашимъ спильнимъ интереси, щобъ цю справу якъ найскорше до ладу прыпровадыты.—

Винъ ледви докинчывъ речення, колы Лидія пидвелася и, стоячы, черезъ яку хвылю глядила на него... Господы Боже! що та дивчына за очи тоди мала! . Била, билисенька, стояла вона, а очи здраджувалы стилько прыскаючои, невымовнои погорды й ненавысти, що ледви чы була-бъ якась людська душа

въ сыли бильше выявыты; вона неначе чогось ждала; ани одно словечко не перейшло іи усть.

Це, може, й не було-бъ можлыво, бо страшне зворушення, що запанувало нею въ послиднихъ хвыляхъ, спаралызувало цилковыто іи уста.

Але я задрижала за неи.

— Чы сказаты тоби, що ты йе?—спытала врешти на-сылу, зъ цилковито погаслымъ голосомъ:—чы оставляешъ мени и тее?—

Пидлый трусъ махнувъ, зрикаючыся видповиди, рукою и вмисто всёго почавъ оправдуваты свое негидне поступовання.

— Олена,--оповидавъ винъ,--заходыла послиднимы мисяцямы и тыжднямы,—саме колы Лидія поралася не видступаючы коло хворого батька и дитей внызу, — надто часто сама до него, хоть и якъ це було ёму иноди немыло и протывно, впевняючы ёго кождымъ разомъ, що здоровья Лидіи «высыть лыше на одній нытци», и по правди кажучы ёму, що ёго жде зъ другою жинкою не багато добра.

Окримъ того сылувала ёго супроводжаты іи то тутъ, то тамъ, давала заедно доказы своеи прыхыльности до нёго, докы... докы не взяла ёго въ полонъ, а видтакъ и верхъ надъ нымъ...

— Прызнайся, впрочимъ, сама по правди, Олено!—звернувся негидный чоловикъ до моеи ще негиднійшои донькы, що ховалася полохлыво за ёго плечыма, видъ вступу въ кимнату не спускаючы звидты своихъ холодныхъ очей зъ Лидіи й Зони.

— Прызнайся и зробы немылій сцени кинець!—наказувавъ строго,—бачъ вси терплять пидъ нашымъ проступкомъ, терплять черезъ насъ, не заслужывшы на це ніякымъ чыномъ, бо Лидія шанувала мене ще здавна не абы якъ; а въ тебе, я знаю, голова и нервы мицни. Тожъ иды и просы сестру на колишкахъ прощення, бо я потолочывъ то право ногамы!

Зъ тымы словамы обернувся и мало не трутывъ дивчыну передъ Лидію.

Але Лидія не выслухала ёго сливъ до кинця. Пры его останнихъ словахъ, вона, въ кинець вже знервована, не выдержала себе: видтрутыла вона бурхлыво передъ нею стояче крисло.

кыдаючыся, мовъ не тямлячы себе, до дверей и... погнала... Колы Зоня хтила за нею бигты, видтрутыла іи зъ всею сылою ажъ въ середыну кимнаты, а сама погнала въ горишни покои свого нареченого...

Тоди пидсунулася Олена до мене, щобъ мене поцилуваты въ руку, але Зоня заступыла ій прыступъ до мене и, вытягнувшы іи видтакъ ажъ на середыну кимнаты, задержуючы іи руку въ своій, спытала зъ погорды ажъ дрижачымъ голосомъ:

— Чы ты гадаешъ зъ поцилункомъ Юды нечувану зраду твоій сестри поправыты. Це було бъ справди дуже легко! Але закымъ пидешъ мени, — бо теперъ маешъ зи мною дило, а не зъ старою, горемъ прыбытою матерью, — закымъ, кажу, пидешъ мени зъ очей причъ, покажу тоби, якъ поступается *зъ такымы якъ ты!»*

Пры тимъ розмахнула рукою зо всіеи сылы и влучыла Олени такый сыльный ударъ въ лыце, що тая, заголосывшы на цилу кимнату, ажъ заколыхалася. Видтакъ, отворывшы шыроко двери, вказала очыма, що вже своимъ выразомъ помстылася за покрывджену сестру, и, не ворушывшысь ани на волосокъ, безмовно вказала на двиръ...

Воны выйшлы...

Винъ пидлымъ здрадныкомъ, а вона, наймолодша моя донька, яко...

— А теперъ идимъ, мамо, *мы,*—звернулась до мене моя видважна дивчына.—Намъ нема вже чого тутъ шукаты. Вы зрозуміете, що мы не сміемо тутъ въ доми цёго чоловика хоть бы одну хвылынку довше перебуты. Наколыбъ лыше Лидка вернулась,—додала занепокоенно,—колыбъ лыше Лидка вернулася!

Куды могла погнаты?.. Выглядала, неначе не пры уми. Безъ всякои накыдкы погнала, колыбъ де лыше не зомлила! Останьтеся тутъ, дорога мамо, а я пиду іи видшукаты. Вы тымъ часомъ збериться; а колы я вернуся, перепровадымося до часу нашого видйизду до готелю.—

Зъ тымы словамы оставыла мене саму.

А колы повернула (я мало не годыну очикувала обохъ),—перенеслася вже була Лидка на тамтой свитъ... Вона не була въ сыли перенесты препогану зраду сестры и судженого, котрого, якъ слушно говорывъ, шанувала вже зъ першого часу ёго знаемства зъ Марийкою,—кажу, не годна була перенесты и, поришывшы заразъ, въ першій хвыли, тутъ-же видибраты соби жыття, погнала просто до ёго спальни на гору.

Тамъ роздобула ёго набытый револьверъ и погнала соби, не надумуючысь ани хвылыну, кулю въ серце. Вона вцилыла такъ добре, що колы судженый и Зоня, поклыкани выстриломъ, полетилы въ гору, найшлы вже іи ледви дышучу...

ГЛАВА XIV.

— Такъ мій сыну!...

Такъ видбулася драма обохъ сестеръ въ нашій родыни.

Що зо мною описля діялося, я не въ сыли тоби ныни переповисты. Ще того самого дня прыбула моя сестра по свою Зоню и забрала й мене зъ собою.

Тамъ осталася я мало не черезъ цилый рикъ, щобъ прыйты до сылъ, спокою та ривновагы по всихъ страшныхъ выпадкахъ и страхахъ.

Сестра и іи добрый чоловикъ, вашъ вуйко, не хтилы мене взагали бильше видъ себе пустыты, але колы я зновъ почула трохы сылы въ соби,—не задержувало мене ничого довше пры ныхъ.

До того прылучылася велыка туга за моимъ давнимъ глухымъ закуткомъ, а кримъ того хтила я побачыты и своихъ чотырёхъ внукивъ въ перейизди. Але це послидне мени вже не вдалося.

Зять,—чы якъ вже я ёго видъ часу здрады прозвала—Оленынъ «мужъ»,—подався, перше нижъ розпочалыся несчасни зносыны зъ Оленою, у Г... и, скоро одержавшы мисце (и то въкоротци по одруженню зъ Оленою), выйихавъ, и я дитей до ныни не бачыла.

Зъ того часу розпочалося для бидныхъ сыротятъ пекельне жыття. Негидна мачуха, занедбавшы ихъ до крайности, обернула ихъ въ послуговачивъ и затроювала жыття systematично.

Видъ нёго одержала я одного разу, а то зъ негоды якъ ёму вродылася однисысока его дытына видъ Олены,—лыстъ, де жалився гирко на легкодушнисть, безсовистнисть и недбалисть своеи жинкы.

Закинчывъ пысьмо врешти тымъ, що ёго зрада колышній его несчасній судженій, пимстылася на нимъ сама собою въ тяжкый способъ.

— «Я йе—пысавъ—черезъ Олену найнесчаслывишый чоловикъ, котре несчастя не опынылося лыше на мени, але перейшло и на мои бидни диты, зъ котрыхъ одно, наймолодшый сынокъ, любымчыкъ Лидчынъ, перенисся черезъ недбалисть мачухы у вичнисть, за своею матерію и тётею...

Позаякъ Лидія вже не пры жыттю, щобъ мала смутну сатысфакцію, що вона пимщена, то винъ, іи «убійныкъ», заявля це бодай іи матери, що пережыла іи.

А бильше нéмае винъ чого до напысання.

Бувають похыбкы въ жыттю,—додавъ ще,—котрыхъ не можно вже бильше николы поправыты, а такою похыбкою, чы радше заблудженнямъ бувъ ёго звязокъ зъ Оленою. Винъ прывивъ, окримъ ихъ обохъ, и ёго бидни диты въ несчастя!

До-дому зо мною хтила и Зоня йихаты и бодай якыйсь часъ пры мени остатыся. Але що моя сестра не конечне зъ тымъ згоджувалася, а я своею дорогою не могла ришытыся поволокты те гарне й тонке дивча въ свою смутну пустыню,—то вона зосталася, и я выйихала сама.

Я знала. Жадне зъ моихъ дитей не потрибувало вже бильше старои матери... Зоню, зъ іи билымы, нижнымы рукамы, вырываты зъ заможного окруження, де надъ нею дрижалося, и эабираты сюды, въ нужденну й самитну оселю, я не мала права передавшы іи сестри такъ сказаты-бъ «разъ на завжды», а

Васылько не потребувавъ мене. И такъ, я вернула спокійно и радо назадъ до свого пьяныци.

Винъ потребувавъ стару матиръ завсиды, и мы прожывалы до сеи поры разомъ.

Колы мени въ моій малій, тыхій хатыни ставало тисно й самитно, я брала свою палыцю въ рукы и одвидувала стару Катерыну. Тутъ, розговорывшыся й посумувавшы зъ нею про чоловика и дитей, здоровыла серцемъ и очыма, въ якій бы то не було пори, и вертала розрадувана й заспокоена назадъ.

Такъ запомигъ мени Господь Богъ, и такъ пролынувъ часъ ажъ до нынишнёи хвылыны.

За той часъ одержала я отцей дневныкъ видъ Зони и зъ тымъ наставъ вже кинець зъ всима моимы дитьмы...

—

Теперъ полышаю Андрушу зъ старою Катерыною и, колы це вже воля Божа, пойиду до свого слипенького внука.

Ёму стане, може, стара, «горемъ похылена» бабуня въ потреби. Але потимъ, мои диты... потимъ... колы настане весна... прывезить мене сюды назадъ.

Я може вмру; бо я вже слаба и чую дзвенькитъ смертельнои косы, я може вмру.

Старисть ёго зачувае, мій сыну. Старисть ёго зачувае, и слава Богу, що часъ вже прыблыжается; мени бо зачынае вже на цимъ свити самій самитно буты... А колы я вмру, то поховайте мене красно. Чого иншого я не вымагаю видъ васъ. Поховайте мене гарно! Якъ довго я жыла, я все працювала и терпила, я все вирыла въ Господа и всимъ добра хотила.

Поховайте мене гарно!...

О. Кобылянська.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ XVIII вѣкѣ.

Восемнадцатый вѣкъ въ исторіи Малороссіи—переходная эпоха, заканчивающая собою исторію свободной Украины и начинающая жизнь малороссійскаго народа въ теперешнихъ ея условіяхъ.

На рубежѣ 17 и 18 вѣковъ подъ пепломъ сожженныхъ городовъ и мѣстечекъ правобережной Украины погребена была свобода Малороссіи и ея оплотъ—козачество. Но пламени горящаго костра сразу не потушить: еще нѣкоторое время будутъ тлѣть его искры, готовыя вновь вызвать пламя при благопріятныхъ условіяхъ. Послѣ эпохи такъ называемой «руины» (падающей собственно на 60 и 70 годы 17 вѣка), Малороссія уже не могла вернуть себѣ автономію и времена «Хмельничины», но горючаго матеріала было еще достаточно и въ 18 вѣкѣ: сыны и внуки козаковъ не могли легко разстаться со своей свободой и скоро забыть ее. Начались народныя реакціи, которыя тянутся на протяженіи всего 18 вѣка.

Въ то время въ Украинѣ было два хозяина: по правую сторону Днѣпра малороссами властвовала обезсиленная въ государственномъ отношеніи панская Польша, на лѣвомъ берегу Днѣпра упрочивалось «самовластіе Москвы». Опекуны лѣвобережной Украины держали населеніе ея въ ежовыхъ рукавицахъ; правый-же берегъ Днѣпра лежалъ въ предѣлахъ государства,

«стоявщаго своимъ безнарядьемъ» («Polska nierządem stoi»),—тутъ было, конечно, больше простора для протеста. Естественно поэтому, что украинскія народныя реакціи сосредоточиваются въ предѣлахъ польской Украины.

Начало этимъ народнымъ движеніямъ положили *«гайдамаки»*. Гайдамачество, если смотрѣть на него съ внѣшней стороны—со стороны однихъ жизненныхъ проявленій, представляло собою разбойничество въ широкихъ размѣрахъ. Возможно оно было только въ Польшѣ, при ея тогдашней внутренней неурядицѣ, при полномъ разстройствѣ въ ней исполнительной власти. Но далеко не одно это обстоятельство и не одинъ только просторъ украинскихъ степей, да сосѣдство Запорожья и воспоминанія о недавней козаччинѣ создали гайдамачество. Главная причина появленія и живучести этого болѣзненнаго отзвука былой козаччины лежала гораздо глубже—въ самыхъ условіяхъ жизни украинскаго народа того времени. Что это такъ, о томъ свидѣтельствуютъ симпатіи къ гайдамацкимъ «рухамъ» народа малороссійскаго, который время отъ времени, въ значительной своей части, бросалъ мирную жизнь и въ компаніи гайдамаковъ разбойничалъ.

Ежегодно, въ бóльшихъ или меньшихъ размѣрахъ, шайки гайдамаковъ, съ наступленіемъ весны, собирались вокругъ своихъ предводителей—«ватажковъ» и разсыпались по польской Украинѣ, грабя и разоряя помѣщиковъ и ихъ имѣнія. Успѣху гайдамаковъ много способствовало содѣйствіе крестьянъ—обычно тайное; порою-же значительныя массы народныя открыто соединялись съ гайдамаками для совмѣстныхъ дѣйствій. Сильнѣе другихъ гайдамацкія движенія въ Малороссіи проявились въ 1734, 1750, 1768 и 1789 г.г. Изъ нихъ наибольшаго вниманія безусловно заслуживаетъ украинское возстаніе 1768 года (*«Коліивщина»*), которое преимущественно предъ прочими можетъ быть названо возстаніемъ *народнымъ*, а не гайдамацкимъ. Остановившись нѣсколько на разсмотрѣніи этого возстанія и его причинъ, мы легче увидимъ, чѣмъ главнымъ образомъ обусловливались народныя реакціи на Украинѣ въ 18 вѣкѣ.

Солидность размѣровъ даннаго возстанія не можетъ подлежать сомнѣнію. Правъ былъ поэтъ (Т. Г. Шевченко), сказавшій объ участникахъ возстанія 1768 года, что они «добре погулялы: трохы не рикъ (почти годъ) шляхетською кровью наповалы Украину». И оффиціальные, и неоффиціальные документы того времени свидѣтельствують, что это былъ не простой гайдамацкій «рухъ» или набѣгъ, а нѣчто гораздо бóльшее—«мужицкій бунтъ», грозившій принять чрезвычайно широкіе размѣры. Явившись результатомъ всеобщаго тогда возбужденія украинскаго народа, онъ готовъ былъ охватить собою всю Украину—оба берега Днѣпра; тогда, по выраженію поэта, «задзвонылы въ уси дзвоны *по всій Украини*».

Гдѣ-же причины этого «огнедышащаго изверженія народной мести и вражды» [1]), этого «бурнаго порыва изнеможенной народной души и неистощенной физической народной мощи» [2]), выразившагося въ безпощадномъ пролитіи крови цѣлыхъ десятковъ тысячъ людей?

Вопросъ о причинахъ даннаго возстанія—«*Коліивщины*»—учеными рѣшается разнообразно.

Несомнѣнно, что причины возстанія сложны и многочисленны, чтó однако не должно препятствовать отысканію главной прочины, доминирующей надъ остальными.

Первой и, думаемъ, главной причиной даннаго возстанія, какъ и прочихъ украинскихъ возстаній, было соціально-экономическое положеніе народа. Польское панство превратило украинскую народную массу въ безправныхъ «хлоповъ». Вспомните слова знаменитаго Костюшко, истиннаго польскаго патріота 18 вѣка, который писалъ объ украинскихъ крестьянахъ, что они «не имѣютъ никакого права» и «едва смѣютъ думать безъ воли своихъ пановъ». Рядомъ съ безправіемъ украинскаго «хлопа»,

---

[1]) М. А: Максимовичъ, собр. сочиненій, Кіевъ, 1876 г., т. I, стр. 625.

[2]) Я. Шульгинъ, «Очеркъ Коліивщины», Кіевъ 1890 г., стр. 179.

развился до крайности помѣщичій произволъ, злоупотребленія арендной системы, эксплоатація крестьянскаго труда и имущества. Если въ началѣ и срединѣ первой половины 18 вѣка крестьяне правобережной Украины пользовались нѣкоторыми льготами, то къ концу той-же половины и къ началу второй (т. е. какъ разъ незадолго предъ возстаніемъ 1768 г.) положеніе ихъ, по минованіи срока льготъ, сильно ухудшилось и сразу стало невыносимымъ (что было особенно чувствительно послѣ предшествовавшаго періода льготъ).

При такомъ положеніи вещей могъ быть выходъ—бѣгство изъ польскихъ предѣловъ, и оно практиковалось, но въ размѣрахъ весьма незначительныхъ. Куда было бѣжать? Бѣгство въ совершенно чуждую по вѣрѣ и языку, полуварварскую Турцію мало кого могло прельстить. Въ Запорожье могли уйти немногіе, въ комъ не было склонности къ осѣдлой жизни; да къ тому-же въ то время Запорожье доживало свои послѣдніе дни, постепенно теряя свои права и вольности,—близокъ уже былъ часъ уничтоженія Сѣчи (послѣдовавшаго въ 1775 году). Естественнѣе всего, если разсуждать теоретически, было уходить въ предѣлы единоплеменной и единовѣрной Россіи. Но практика жизни говорила другое. Тяжелый помѣщичій гнетъ нарождавшагося на лѣвомъ берегу Днѣпра малороссійскаго дворянства—бывшей войсковой старшины, отсутствіе правильной администраціи и выработанныхъ самою жизнью народа законовъ, властно давящая сильная рука русскаго правительства, задавшагося цѣлью «обрусенія» края,—все это создавало такія условія жизни, что вынуждало порою малоросса бѣжать и изъ лѣвобережной Украины.

Соціально-экономическое положеніе малороссійскаго народа, въ его массахъ, было по существу одинаковымъ на обоихъ берегахъ Днѣпра,—оно было тягостно народу, и изъ него былъ собственно одинъ выходъ—протестъ въ видѣ кроваваго возстанія. На русской территоріи не было простора для бунта,—возстанія устраивались на польскихъ земляхъ. Но въ числѣ участниковъ возстанія 1768 г. вы встрѣтите многихъ недовольныхъ и изъ лѣвобережной Украины. Малороссовъ—подданныхъ обоихъ госу-

дарствъ—объединяло недовольство своими властями, своими порядками, своими панами, своею приниженностью, своею вынужденною нищетою,—и это недовольство неудержимо влекло и тѣхъ и другихъ къ возстанію. Возстаніе 1768 г., самое серьезное изъ украинскихъ возстаній, возникши въ предѣлахъ Польши, взволновало и жителей русской Украины, и еслибы не было своевременно подавлено русскими войсками, оно перенеслось-бы въ лѣвобережныя земли Украины, гдѣ несомнѣнно существовало тогда народное недовольство.

Прочитайте воззваніе руководителей возстанія 1768 г. къ народу [1]), и вы ясно увидите, что больше всего волновало народъ, чего онъ жаждалъ, къ чему стремился. Украинскому народу хотѣлось «выбиться изъ неволи», «освободиться отъ ярма и тягостей», и его возмущали «кривды» и «обирательства» властей и пановъ, его манила мечта—стать свободнымъ и получить «права и вольности». Развѣ не имѣютъ сходства эти мотивы недовольства возставшихъ съ мотивами недовольства, высказаннаго всѣми слоями населенія лѣвобережной Украины какъ-разъ за годъ предъ возстаніемъ, въ 1767 году, чрезъ депутатовъ въ екатерининскую «комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія»? Прочитайте записку современника—Теплова [2]) о тогдашнемъ состояніи жившаго въ предѣлахъ русскаго государства малороссійскаго народа, и изъ одной этой записки вы увидите, насколько печально было соціально-экономическое положеніе народныхъ массъ въ лѣвобережной Украинѣ въ то время и сколько здѣсь было отдѣльныхъ причинъ и поводовъ, вызывавшихъ народное недовольство. Неудивительно поэтому, что лѣвобережные крестьяне въ 1768 г. бѣжали за Днѣпръ, чтобы, соединившись со своими братьями-подданными Польши, за одно выразить свой кровавый протестъ

---

[1]) См. у Н. И. Костомарова.—«Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», 2 изд., Спб., 1870 г., стр. 102, и у В. А. Мякотина «Крестьянск. вопросъ въ Польшѣ», Спб., 1889 г., стр. 88.

[2]) Напечатана во 2 т. «Записокъ о Южной Руси» П. А. Кулиша.

противъ своей общей «недоли». И когда противъ возставшихъ выступили русскія войска, то на увѣщанія русскихъ офицеровъ сдаться—возставшіе отвѣчали выстрѣлами [1]).

Главный факторъ возстанія—соціально-экономическій. Но нѣкоторыми учеными (напримѣръ, покойными—М. А. Максимовичемъ, М. О. Кояловичемъ, Ѳ. Г. Лебединцевымъ и др.) на первый планъ выдвигается факторъ религіозный—до того, что всѣ прочіе сводятся почти къ нулю. Согласиться съ ними нельзя. Конечно, не можетъ быть совершенно игнорируемъ фактъ религіозныхъ преслѣдованій въ Польшѣ, которыми до нѣкоторой степени питалось тутъ народное недовольство. Насильственное распространеніе уніи, несомнѣнно, было ненавистно народу [2]), но религіозный гнетъ для православнаго украинца былъ лишь частицей того общаго гнета, въ которомъ прежде всего и сильнѣе всего чувствовался элементъ соціально-экономическій. Если бы это возстаніе носило прежде всего колоритъ религіозный и возникло исключительно на религіозной почвѣ, оно не увлекло бы въ своемъ потокѣ лѣвобережныхъ малороссовъ, незнакомыхъ съ гнетомъ религіознымъ, оно не ставило бы главнымъ объектомъ ненависти возставшихъ «панське тило», оно меньше задѣло-бы душу народа, неспособнаго ясно различать тонкости вѣроисповѣдныхъ различій уніи и православія [3]), оно утихло бы сразу по прибытіи въ край православныхъ русскихъ войскъ...

---

[1]) См., напр. свидѣтельство объ этомъ кн. Н. В. Репнина въ письмѣ къ А. Обрѣзкову отъ $^{10}/_{21}$ іюля 1767 г. (въ польск. дѣлахъ Моск. Гл. Арх. М-ства Иностр. Д., св. 21).

[2]) См., напр., объ этомъ польскія свидѣтельства—«Основа», 1862 г., мартъ, стр. 11 и у Т. Корзона въ его «Wewnętrzne dzieje», 2 изд., Варшава, 1897, т. I.

[3]) Вѣрно по этому вопросу высказывается кн. Н. В. Репнинъ въ письмѣ отъ 24 іюня 1768 г. къ генералу Кречетникову, говоря о возставшихъ, что «они подлинно того въ своемъ невѣжествѣ сами не знаютъ, какого они закону» (т. е. исповѣданія); письмо см. въ связкѣ 20 въ названномъ выше архивѣ и дѣлахъ.

Нѣкоторые (напримѣръ, Д. Л. Мордовцевъ, Скальковскій и др.) особенно подчеркиваютъ роль въ возстаніи одной личности—православнаго игумена Мелхиседека Значко-Яворскаго, стоявшаго во главѣ духовенства, боровшагося въ польской Украинѣ съ уніей. Они готовы взвалить на этого монаха всю вину за возстаніе. Не подвергая детальному разсмотрѣнію этого вопроса [1]), скажемъ лишь, что подобное подчеркиваніе роли одной личности врядъ-ли допустимо съ научной точки зрѣнія и это тѣмъ болѣе, что документальныхъ данныхъ, которыя-бы подтверждали участіе въ возстаніи Мелхиседека, не имѣется. Еслибы возстаніе было дѣломъ рукъ этого игумена, оно, конечно, носило-бы самую яркую религіозную окраску и не приняло-бы тѣхъ широкихъ размѣровъ, въ какихъ проявилось. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать нѣкотораго отношенія къ возстанію игумена Мелхиседека. Мелхиседекъ своею дѣятельностью поспособствовалъ проясненію въ народныхъ массахъ религіозно-національнаго самосознанія и усиленію недовольства противъ поляковъ, какъ гонителей вѣры отцовъ; онъ возбудилъ борьбу украинцевъ съ поляками на почвѣ религіозной, а это послужило сигналомъ къ вспышкѣ возстанія противъ гнета во всемъ его объемѣ. Тутъ уже Мелхиседекъ не игралъ роли.

Были и другія причины и обстоятельства, благопріятствовавшія возстанію. Воспоминанія о прошломъ Украины увлекали народную фантазію въ заманчивую даль былой вольной жизни, пробуждали стремленіе къ волѣ, рождали надежду на возвращеніе потеряннаго. Въ народной памяти какъ живые стояли образы козаковъ—непримиримыхъ протестантовъ противъ гнета и зависимости, отважныхъ добытчиковъ желанной воли; эти образы манили къ себѣ и звали на подражаніе. Отважные гайдамаки и запорожцы, тѣсно соприкасавшіеся съ народными массами, под-

---

[1]) См. объ этомъ въ нашей замѣткѣ въ «Кіевск. Старинѣ», 1905 г., январь.

держивали въ нихъ старый козацкій духъ и мѣшали всецѣло втянуться въ мирную жизнь безмолвнаго, покорнаго раба. Постоянные безпорядки и волненія въ предѣлахъ польскаго государства, разнаго рода конфедераціи, присутствіе русскихъ войскъ,—все это волновало украинцевъ, нарушало ихъ мирную жизнь, пріучало къ выраженію протеста, порождало надежду на успѣхъ. Составившаяся въ началѣ 1768 года Барская конфедерація раздѣлила Польшу на два враждебныхъ лагеря,—соблазнъ къ возстанію былъ великъ. Польская политика императрицы Екатерины сбивала съ толку украинцевъ относительно цѣлей ея, и заигрыванья ея съ малорусскимъ населеніемъ Польши могли вызывать въ народныхъ массахъ разныя объясненія, неясныя надежды и во всякомъ случаѣ волновали народъ. При томъ-же борьба съ поляками, веденная раньше вѣками, вошла уже въ народную традицію. Послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ указанными особенностями польской государственной жизни того времени, обусловило то, что возстаніе, несмотря на присутствіе горючаго матеріала на обоихъ берегахъ Днѣпра, вспыхнуло именно на польской территоріи.

Всѣ эти причины и обстоятельства, не исключая и религіозныхъ преслѣдованій православныхъ въ Польшѣ, имѣли значеніе только дополненія къ тому главному, что прежде всего возмущало народъ. Правовое и экономическое положеніе малороссійскаго народа играло тутъ главную роль. Оно главнымъ образомъ придало возстанію 1768 г. характеръ возстанія народнаго и крестьянскаго, упорнаго и продолжительнаго; оно же лежало и въ основѣ всѣхъ народныхъ реакцій въ Малороссіи въ 18 вѣкѣ и позже.

Украинское возстаніе 1768 года стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ въ исторіи Малороссіи. Оно—послѣдній, слабый уже отзвукъ старой борьбы Малороссіи съ Польшей и собственно первое крестьянское возстаніе на Украинѣ, начинающее собою рядъ вспыхивающихъ время отъ времени вотъ уже полтора вѣка бун-

товъ и волненій, въ которыхъ не слышно уже старой борьбы козаковъ за вѣру и народность, но раздается настойчивый протестъ противъ ненормальностей соціальнаго строя и экономическаго положенія народныхъ массъ украинскаго народа [1]).

Вл. П—ко.

---

[1]) Едва-ли не лучше другихъ подходятъ къ разрѣшенію вопроса о народныхъ реакціяхъ въ Украинѣ въ 18 в. г.г. Мякотинъ («Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ», Спб., 1889 г.) и Истоминъ («Къ вопросу о причинахъ, порождавшихъ народныя реакціи противъ Польши въ юго-зап. Россіи въ 18 в.», «Кіев. Унив. Извѣстія», 1892 г., февраль.

СБОРНИКЪ МАЛОРУССКИХЪ СКАЗОКЪ.[1])

Представляю вниманію читателей собранныя мною эпическія сказанія, разрабатывающія вопросъ о добродѣтеляхъ и о грѣхахъ. Я не ставлю своей задачей дѣлать какіе-либо выводы и обобщенія, а только повергаю на судъ спеціалистовъ записанныя мною сказки нравственно-поучительныя, въ которыхъ простой народъ выразилъ свои представленія этическія.

Сказанія о возмездіи за дѣла и поступки человѣческіе разработаны народомъ въ двухъ направленіяхъ: 1) возмездіе на этомъ свѣтѣ, при жизни человѣка и 2) возмездіе въ загробной жизни, на томъ свѣтѣ.

Главныя добродѣтели, за которыя человѣкъ награждается и на этомъ и на томъ свѣтѣ, суть: милосердіе, справедливость и любовь ко всѣмъ людямъ вообще и въ особенности къ страждущимъ, неимущимъ, покинутымъ, униженнымъ и презираемымъ.

---

[1]) Настоящее маленькое собраніе малорусскихъ народныхъ сказокъ представляетъ только небольшую часть обширнаго матеріала, записаннаго Г. Стрижевскимъ въ теченіе многолѣтней его жизни. Почтенный собиратель былъ такъ любезенъ, что охотно подѣлился съ нами этою частью своихъ записей, обѣщая въ будущемъ предать печати и остальные свои цѣнные матеріалы.

Ред.

Столь же важная добродѣтель—уваженіе къ родителямъ и къ старости; отъ сохраненія ея зависитъ самое существованіе всѣхъ живущихъ людей. Наконецъ—искренность, беззавѣтная прямота и правдивость, и отсутствіе своекорыстнаго эгоизма. Вотъ тѣ основы, на которыхъ зиждется и которыми поддерживается благосостояніе и счастіе людей. Напротивъ: гордость, жестокость, злоба и коварный эгоизмъ—суть пороки, влекущіе за собою тяжкое наказаніе, постигающее преступника и здѣсь и тамъ.

Гавріилъ Стрижевскій.

1.

Якъ ставъ свитъ, такъ булы люде велетни: пиде косыты раненько та за шистьдесятъ верстовъ иде снидаты до матери!

Отъ, разъ, иде снидаты, дывытся—орють: восьмеро воливъ, два погонычи й плугатарь. Винъ, пидставывъ жменю, а воны й зійшлы на долоню! Винъ и прынисъ ихъ до матери. «Дывысь», каже, «мамо: яки комашкы орють землю!» А маты подывылась... «Э», каже: «сынку! понесы—де взявъ!»

— «Що-жъ воно таке?»

— «Комашкы!»—каже.

Винъ и виднисъ. А вона вже тоди ёму й каже: «це»—каже—«писля насъ таки будуть люде!» А сынъ тоди; «а! колы-бъ я бувъ знавъ, такъ бувъ бы всихъ роздавывъ у жмени»!.. Посли—Господь истребывъ ихъ—покамьянилы! Бо воны горди булы. Якъ стало на неби сонце, то воны почалы сміятысь—отъ ихъ Богъ и покамьянывъ усихъ. Воны жылы въ норахъ, якъ звири.

И теперчекы камьяныхъ людей багато есть... Середь степу баба стоить—я самъ бачывъ! Стоить,—ще, колы хочете, въ намысти! И намысто на шыи скамьянило.

А кажуть, що й теперъ воны у яки дни ожывають и говорять. Кажуть, що на Святъ-Вечиръ [1],—то воны говорять и сходятся одынъ до одного—роспытуются:

---

[1]) Ще якъ диждемо Святъ Вечира! (христытся).

— А ще, каже, посыла внукъ до бабы вечерю?

— Посыла.

— То ще, каже, намъ довго стояты! А якъ перестане носыты, такъ тоди вже, каже, намъ воскресаты!..

Ихъ торкаты—не можна! Знущатысь изъ ихъ—грихъ!

Ишлы козакы. А вона недалеко стоить—баба камьяна. А козакъ—шутныкъ одынъ бувъ—прыбигъ конемъ до неи та заразъ за груды съ коня полапавъ. Вона стоить. Полапавъ за груды, посли—й ныжче... Такъ вона якъ черкнула ёго, такъ и голова ёму одлетила! И зновъ стала баба недвыжыма!.. Позываты камьяну бабу не можно и накараты не можно: и вона така жъ камьяна зосталась! Козакы пишлы соби дали, а того—поховалы.

(Полтава. Зап. отъ крестьян. Павла Кислаго 70 л. старика).

2.

У якому-сь то сели, десь далеко, ажъ биля моря бувъ соби дуже багатый сырота. Ну, хочъ винъ бувъ багатый, а все-жъ такы винъ боявся Бога: никого не крывдывъ, багато де́-кому помагавъ, изъ биды вызволявъ, сказано—добрый бувъ чоловикъ.

Оце було на святкы: наваре, напече, понаготовля всёго та й пиде скризь по дорози склыкаты слипцивъ та безрукыхъ та безногыхъ, та й розговляется зъ нымы.

Ото-жъ разъ передъ святкамы пишовъ винъ склыкаты каликъ, та скильки не ходывъ, найшовъ тильки одного старого дида.

Розговилысь воны зъ дидомъ та побалакалы, та такъ полюбылыся одынъ о́дному, що цей багатый сырота узявъ ёго за батька. Дидъ согласывся буты ёму батькомъ тильки зъ такою умо́вою, що те все, що винъ добуде зъ того часу, воны передилять пополамъ.

Сталы воны жыты вдвохъ, и цей чоловикъ зове дида батькомъ, а той ёго сыномъ.

Отъ той дидъ и каже ёму: «пойидьмо, лышень, мы у инше царство та поторгуемо тамъ, то може такы бильше розжывемось, нижъ тутъ.

— Э!—каже чоловикъ:—изъ чымъ же мы пойидемо, колы у насъ немае краму? Хиба повеземо пшеныци?

«Дарма!» – каже дидь:—«навищо тая пшеныця! Я найду краму, ты тильки излагодь баркасъ».

— Ну, добре.

Излагодывшы той баркасъ, винъ и пытае въ дида: «а де жъ вашъ, тату, крамъ»?

А батько каже ёму: «наносы, сынашу, на баркасъ оттыхъ цеглынъ, що въ насъ за хатою, то отъ-то й буде крамъ! Здывувавсь той чоловикъ, що батько таке говорыть, та ничого робыты, треба батька слухать. Наклавъ тыхъ цеглынъ повенъ баркасъ, а стины пообмощувавъ ганчиркамы, щобъ цеглыны не пообтыралы смолы.

Ну, батьку, будемъ йихать!—каже.

— Пойидемо!—каже батько.

Силы й пойихалы.

Чы довго, чы ко́ротко — бо не такъ дило робытся, якъ казка кажется—прыйижджають воны въ трыдевьяте царство, а въ тимъ царстви та бувъ царь, и була въ ёго едына дочка, та така гарна, що не сказаты! Одно тильки погано: була въ ній нечыста сыла! Ото вже чого ій царь не робывъ! Понасклыкавъ звидусюды ликаривъ, шептунивъ, бабъ—такъ ни! ничого не помоглы; а царь побачывъ, що воны тильки дурно хлибъ йидять, та взявъ ихъ и попрого́нывъ.

Мучыла нечыста сыла царивну до́ты, покы не замучыла. Царивна вмерла саме тоди, якъ наши у те царство прыйихалы. И, кажуть, якъ умирала, такъ дуже, лыбонь, прохала батька, щобъ непреминно чытавъ хто-небудь тры ночи пидърядъ надъ нею, а щобъ такъ не ховалы неодчытану.

Положылы ту царивну у зализну труну и виднеслы въ церкву.

На перву ничъ замкнулы зъ нею въ церкви дяка, щобъ одчытувавъ.

Уранци—одчынылы церкву,—ажъ бачать, що видъ того дяка зосталысь тильки сами кисточкы!

На другу ничъ заперлы другого, такъ и видъ того зостался тильки кисточкы. Тоди самый найстаршый надъ попамы пипъ ставъ казаты цареви, що въ ёго не стане дякивъ на обиходъ, и дуже прохавъ, щобъ уже не бралы дякивъ.

Задумався царь: шкода й дякивъ, а хочется, щобъ и дочка була видчытана. Думавъ-думавъ, та й выдумавъ. Пошлю я людей шукаты такого мыстюка, щобъ не боявся нечыстои сылы,—може й найдется.

Отъ бижать видъ царя люде по городу скризь и крычать: дае царь пивцарства тому, хто визьмется видчытаты царивну!

Почулы й наши крамари съ цеглынамы оти слова. Дидъ и каже сынови: «визьмысь ты, сынку, дочытуваты: я знаю таке, що тебе не займе нечыста сыла.

А той, слухаючы батька, пійшовъ до царя та й каже: «я можу видчытаты царивну!»

Царь дуже зрадивъ. «Хто-жъ ты такый есть?—пытае.

— Я, каже, крамарь: тутъ стою на пры́стани зъ баркасомъ.

Отъ царь звеливъ, щобъ винъ сіеи-жъ ночи почавъ дочытуваты царивну, и якъ винъ одчыта іи, то царь ёму дасть пивцарства, а якъ не одчыта, то царь звелыть ёму голову одрубаты.

Отъ, передъ тымъ, якъ иты въ церкву, той чоловикъ зайшовъ до батька порадытыся. А батько вже трывае ёго. Першъ,—каже батько,—ты добре найижся, щобъ бувъ крипшый и смилывишый, а тоди я тебе навчу, що робыты.

Найився той чоловикъ. Батько й каже: якъ прыйдешъ у церкву, то ты обведы себе крейдою кругомъ такъ, якъ на сажень у-ширшкы, и гляды—не выходь изъ ціеи ограды, щобъ тамъ ни було, якъ бы тамъ ни прыйшлось, щобъ ни робылось кругомъ тебе! Ты все тильки чытай и ничого не кажы.

Пишовъ той чоловикъ одчытувать и заразъ же такъ усе зробывъ, якъ казавъ батько.

Труна стоить, свичи палають, а винъ стоить та чытае святе пысьмо, та такъ голосно, що ажъ луна́ йде по порожній церкви.

Колы це—такъ о пи́вночи—щось якъ лусне,—неначе хто роздавывъ волоськый горихъ... а дали крышка зъ труны такъ и

злетила и сама царивна стала пидводытысь мовъ на пружынахъ! А въ того чоловика такъ и похолóло въ жыжкахъ! Стоить винъ ни жывый ни мертвый, и тильки неначе въ чаду чытае молытвы.

А царивна пиднялась... Та якъ завые собакою! Якъ гайнé по церкви! Та все крычыть: тутъ бувъ та нема!

Бигала вона такъ прави що до свита, и все що пидскоче до крейды, та заразъ видтиля неначе опечена. Колы це—заспивалы свитови пивни: вона зновъ лягла у труну, и зновъ та покрышка сама закрылась надъ нею.

Отъ уже свитъ. Прыйшлы видъ царя посылачи подывытысь, чы жывый цей чоловикъ, чы ни. И якъ побачылы, що винъ жывый, то дуже зрадилы и повелы ёго до царя.

А царь давъ ёму попойисты тай одиславъ, каже: «готуйся на другу ничъ»!

Прыйшовъ той чоловикъ до батька. Батько каже: ця ничъ не страшна, що оце буде, а трéтя буде найстрашнійша. Цю ничъ иды, зробы те-жъ саме, що робывъ и передъ цымъ.

Пійшовъ той чоловикъ и на другу ничъ и такъ само видчытувавъ царивну.

На третю ничъ, передъ тымъ якъ ёму йты, батько ставъ ёго навчаты. «Ты, каже, якъ увійдешъ у церкву, то зробы те-жъ саме, тильки гляды: щобъ вона ни казала, не выходь зъ крейды. А передъ свитомъ, якъ стане вона просытысь протягты за крейду рукы, ты ій позволь, и якъ протягне, то ты хвопы іи за рукы мицно и держы такъ, не пускай, хочъ якъ пручатымется, ажъ до свиту.

Пійшовъ той чоловикъ одчытуваты й на третю ничъ. Колы це—саме о пивночи—труна якъ лусне! Якъ злетыть крышка, якъ схопытся царивна та якъ гайне по церкви! ганяе та все вые собакою... Бигала,—такъ такы не найшла ёго. Та вже передъ свитомъ вона побачыла ёго, такъ не може перейты за крейду. Стала вона коло краю та й просыть: позволь мени простягты до тебе рукы!

— Простягай!

Тильки що вона простягла до ёго рукы, а винъ якъ ухопывъ ихъ та й не пуска, держыть. Стала вона пручатысь, смыкала, смыкала, й крычала и выла, такъ ни: не пуска, держыть зъ усіеи сылы.

Колы це пивень: кукурикý!

Вона стала ще дужче просыть, щобъ пустывъ уже й плакала передъ нымъ. Такъ винъ не потура: поты державъ, покы не заспивавъ третій пивень.

Якъ заспивавъ третій пивень, царивна такъ и впала передъ нымъ навкóлишкы, та дуже-дуже плакала та дякувала, що винъ іи одволавъ видъ смерти. И сказала: я буду тоби жинкою!

У-ранци прыйшлы видъ царя люде. Та якъ побачылы царивну, та давай тикаты, хто куды мòга.

А царь, якъ узнавъ, що дочка ожыла, самъ побигъ у церкву. Та такъ зрадивъ, що й плаче й сміется! И дочку цилуе и цёго чоловика цилуе! а якъ сказала ёму дочка, що пиде замижъ за цёго чоловика, такъ царь заразъ сказавъ: добре! Я васъ заразъ и звинчаю.

Такъ той чоловикъ каже: ни, въ мене батько йе, старый. Я безъ батька не хочу!

Отъ такъ заразъ царь пойихавъ до батька та й прывезлы ёго, та того-жъ дня й повинчалы молодыхъ. Повинчалы, добре весилля справылы!..

Отъ погостювалы у царя тыжднивъ зо два. Батько каже: ну, сынку, пора до-дому. Такъ царь не пуска, просыть, каже: зоставайтесь у мене жыты. Такъ батько каже: не можна теперъ,— треба до-дому йихаты. Отъ погулялы тамъ ще скильки днивъ— рушылы до-дому.

Якъ выйихалы въ море далеко, такъ, що вже й те царство покрылось, дидъ и каже тому чоловикови: ну сыну, памьятаешъ нашу умову? Давай дилытысь пополамъ тымъ, що прыдаблы!

А той чоловикъ и каже: якъ же мы подилымось царивною, батьку? Уже-жъ іи не можна розрубаты!

— Чому не можна? Каже дидъ. Та взявъ сокыру та й розрубавъ царивну.

Якъ крыкне той чоловикъ: батьку! що вы робыте! батьку!

А батько: онъ—що: дывысь!

Колы въ ній: жабъ, гадюкъ, усякои нéчысти—стильки! Та такъ и кышать, такъ и вьются й лизуть... Бачъ, каже дидъ, що вона—нечыста! Треба іи вычыстыты. Заходылысь коло неи вдвохъ: вычыстылы все, вымылы іи свяченою водою, повыкыдалы оту пóгань.. «Теперъ, каже дидъ: стулымо іи знову»! Стулылы. Тоди дидъ узявъ та й дмухнувъ на неи. И вона—ожыла! И встала и стала ще краща, нижъ була!

Тоди дидъ каже тому чоловикови; «ну, жывы-жъ, сынку»! Будь счаслывый! Робы-жъ и до смерти такъ, якъ ты робывъ доси: годуй слипцивъ, каликъ и помагай кожному чоловикови въ биди! И буде тоби и твоимъ дитямъ за це велыка награда!

Сказавъ, та хто ёго зна де й дився: ставъ невыдымый!

Той чоловикъ прыйихавъ до-дому и зажывъ паномъ и жывъ такъ, якъ дидъ ёму казавъ.

А це, я чувъ, прыславъ до ихъ батько іи царь, що: прыйиздить,—нездужаю. Нема въ мене наслидныка! Наслидуйте царство мое. Такъ воны пойихалы. И той чоловикъ пойихавъ царюваты.

(Диканька. Николай Перець).

3.

Богъ ходывъ... такый!.. старцемъ! Такый обидраный! Прыйшовъ разъ до одного чоловика. А той чоловикъ каже: «вары, жинко, вечеряты, то мы зъ оцимъ дидомъ повечеряемо». Отъ, а та жинка плюе, хрякае, що такый дидъ обидраный,—гыдуе такъ.

Наварыла вона вечерять.

Такъ воны посидалы и вечеряють.

Такъ та жинка ёго, колы-бъ не той чоловикъ, такъ того-бъ дида изъ хаты выгнала,—такъ плюе, хрякае, такъ и хрякае на дида, та на чоловика сердытся:

«Навúщо, каже, ты прыймаешъ у хату таку огыду?»

Такъ чоловикъ не потура жинци, каже:

«Я те знаю, що роблю! Якъ бы й ты такъ робыла, то краще бъ було!»

У-ранци (переночувалы ничъ) такъ той дидъ уставъ та й каже: «одягайся, чоловиче добрый!»

Отъ выйшлы на двиръ... Колы—де такый кинь узявся, страшенный, изъ повозкою.

Такъ воны посидалы—той дидъ и чоловикъ—тай пойихалы скризь по свиту.

Прыйихалы. Колы—таки хаты въ того Бога, горныци! Богъ уже того чоловика зовсимъ угостывъ, прышанововъ и всюды вы-водывъ. Отъ водывъ туды, де смола кыпыть, водывъ туды, де й золото, де й гроши,—всюды водывъ. И одиславъ того чоловика; каже: «йидь до-дому!»

Той кинь самъ повизъ того чоловика, кинь сывый.

Отъ, той чоловикъ уже прыйихавъ, уставъ, у хату увійшовъ;—а той кинь стоить у двори. Дакъ чоловикъ той каже жинци: «одягайсь, да беры гостынци, та сидай на того коня—на визъ да йидь до того дида: тамъ колы-бъ ты знала, якый славный дидъ, да якъ хóроше жыве! Якъ винъ мене прышанововъ!»

Жинка, якъ розсказавъ чоловикъ усе, такъ вона заразъ убралась, забрала гостынци, сила на визъ.

Отъ той кинь не визъ до Бога—ни що зъ гостынцямы, та прывизъ туды, де смола кыпыть, да такъ изъ гостынцямы у смолу ту жинку й перекынувъ, такъ вона тамъ и спеклась у смоли, де кыпыть смола!

А то—Бóгивъ кинь бувъ, сывый такый та розумный! Богивъ кинь—дакъ и розумный!

(Переясл. у. Волошиновка 1859).

4.

На Велыкдень сталы розговлятыся чоловикъ и жинка. И прыйшовъ до ихъ старець, та такый обирваный, що на ёму лахмиття высе, та такый гыдкый, нечепурный!

Ну, отъ той чоловикъ и сказавъ: «дай ёму, жинко, сорочку та штаны, та счеши ёго и змый, та й сядемо розговлятыся!»

А вона й каже: «празднықъ—якъ празднықъ, та прывивъ Богъ ёго зна що въ хату, та ще ёго буду й мыть рады праздныка? Якъ що тоби треба, такъ беры ёго та й мый самъ, а я сорочкы та штанивъ не дамъ!..

Отъ, а винъ каже: «та дай такы-жъ сорочку й штаны, дай!»

Отъ вона дала. А винъ узявъ, того старця измывъ, исчесавъ. Ну, надивъ той старець сорочку на себе и штаны—били... Силы розговлятыся.

Отъ винъ, той старець, и каже:

Гляды-жъ, чоловиче, будь ты мени братъ! И якъ диждемо того́ Великодня, такъ прыбижыть до тебе сывый кинь, та якъ заржé, такъ ты выйды та й сидай на ёму, та куды винъ бигтыме, ты туды й йидь: винъ зна, куды бигты»...

Розговилысь. Попрощався той старець, пишовъ. Та-жъ жинка перемовчала, покы старець у хати бувъ, а пóтимъ зачала зъ свого чоловика сміятыся.

«Отъ, каже: «дожыдай Великодня другого, то сывый кинь до тебе прыбижыть та зарже! та ты сядешъ и пойидешъ?

Чоловикъ не змагается, одмовляе:

«Чы чуешъ, жинко: прыбижыть—прыбижыть, а не прыбижыть—то й такъ буде! Хиба що?»

А вона не гамуется:

«Такъ-такъ!»—каже:—таке прывивъ у хату, що страшно й дывытыся, а винъ ище ёму сорочку й штаны давъ! Сподивайсь, сподивайся сывого коня!»

Та ввесь рикъ усе зъ ёго сміется.

Отъ воны диждалы й Великодня.

Прыйшовъ той чоловикъ изъ церквы. Перехрестывся... Гулькъ у викно,—ажъ стоить сывый кинь, та ще й заржавъ!

Тоди чоловикъ каже жинци:

Отъ, ты сміялась мени! Отъ, а воно справдывылось—ёго слово. Ну, прощавайте, розговляйтесь сами, а я—пойиду!»

Та сивъ та й пойихавъ.

Йиде та йиде... Колы дывытся — чоловикъ: стоить — тынъ пидоперъ.

Наблыжывся цей чоловикъ, а той, що тынъ пидпиравъ, глянувъ та й каже:

«Бо́гивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде... Скажы, чоловиче добрый, тамъ и про мене: докы я буду цей тынъ пидпираты?...

— Скажу, якъ не забуду.

Йиде та й йиде.

Колы—чоловикъ до чоловика землю кыдае лопатамы одынъ одному: той до то́го, а той до то́го.

Отъ воны побачылы цёго чоловика, кажуть:

«Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде! Скажы, чоловиче добрый, и про насъ: до́кы мы цю землю будемъ кыдать одынъ до одно́го?»

— Скажу, якъ не забуду!

Йиде та й йиде.

Колы: дивка—така гарна, така гарна!—птычку лове по терну. Така птычка манисинька та гарнисинька. И дивка гарна, та обирвала платтям на соби чысто, ловлячы ту птычечку, и тило на соби подрала, лазячы по терну... такъ—не піймала!

Глянула вона на цёго чоловика та й каже:

«Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде... Чоловиче добрый! Спытай тамъ и про мене; докы я цю птычечку буду ловыть? Я на соби тило порвала, та ніякъ іи не піймаю»!..

— Добре!—ка́же: скажу, якъ не забуду...

И прыйихавъ винъ до Бога.

Богъ выйшовъ: «Здоровъ, брате!»

Поклыкавъ ёго въ рай, давай изъ имъ розговлятыся—паскою.

«Гляды-жъ, чоловиче добрый!»—каже Богъ:—Я Самъ Господь находжусь, щобъ ты знавъ».

Розговилыся, сталы що инше йисты.

Тоди цей чоловикъ и каже:

«Господы! Що то за чоловикъ, що тынъ пидпиравъ? Я йихавъ, а винъ и каже: Богивъ кинь, та не Богъ на ёму йиде...

Богъ и каже:

«Отъ-то вы люде, якъ на тимъ свити гуляете, та що вы вытворяете! та и кажете: на цимъ-то мени свити роскишъ, а на

тимъ—нехай мною хочъ тынъ пидопруть—байдуже!—Такъ не можно, брате, казать. Отъ-то-жъ винъ такъ казавъ, а якъ умеръ, такъ Я нымъ тынъ пидперъ до Страшного Суду».

— Ну, а то, Господы, що, що два чоловикы одынъ до одного землю кыдають?

«То, каже, таки люде, що якъ орють, такъ одынъ у óдного одъорують землю—той у того, а той—у того. Такъ и ци робылы. Такъ ото воны померлы та до Страшного Сýду кыдатымуть землю».

— А то, Господы, що, що дивка, така гарна, птычечку лове по терну, та чысто на соби одежу пóрвала и тило подрала, та ніякъ не пійма!

«То така дивка, що дивкою дытыну спровадыла та й истребыла іи, такъ ото вона до Страшного Суду тую птычечку ловытыме та ніякъ и не пійма. То не птычечка, а то—дытына!

— Ну, каже: Господы! вона-жъ чысто на соби тило пообрывала вже...

«Ще й не такъ пообрыва до Страшного Суду!»

Отъ погостювалы. Чоловикъ той спочывъ трошкы. Тоди Богъ ёму каже:

«Ну, щожъ, брате, чы будешъ ты въ Мене, чы пидешъ додому жыть? Якъ будешъ ты въ мене, такъ будешъ ты въ раю въ сáмому; а якъ до-дому, такъ тоди вже не туды попадешъ».

А винъ и каже:

— Я бъ, Господы, не пишовъ, такъ дитей жалько:—хочъ бы я настояще попрощавсь, а то якъ—такъ, наче у гости йихавъ»...

«Якъ соби знаешъ!»—каже Богъ.

— Ну, вже-жъ, Господы! уже куды Богъ дасть, попаду, а вже пойиду до-дому—попрощаюсь, тоди до Васъ и прыйиду!

А Богъ и каже:

«Не то, брате, до-дому,—назадъ обернеся и тó—согришышъ, а то—до-дому? прощаться! Та ще жинка буде лаять, та не пускатыме, та плакатыме».

Такъ ни: винъ такы не слухавъ; попрощавсь, пойихавъ додому. И не довго й барывся. Прыйихавъ, попрощався, сказавъ жинци, де бувъ, що бачывъ, якъ ёму Богъ говорывъ и якъ ёму

було у Бога—усе чысто. И сказавъ, що прыйихавъ тильки попрощаться, та й зновъ до Бога. Жинка заплакала, стала благать, диты за ею.

А винъ поблагословывъ, попрощався, каже: Я не можу дома зоставаться, пойиду—и пойихавъ.

Прыйихавъ, такъ уже на третю часть попавъ того добра и счастя, що тоди було указано.

Отъ и ставъ винъ тоди Богови молыться: «Дай, Господы, хочъ на половыну!

А Богъ ёму тоди:

«Ище Я на тебе змылосердывся, що на третю часть давъ: тоби недостойно було й на третю, та Я вже змылосердывся.

Тоди чоловикъ сказавъ:

— Якъ бы я бувъ знавъ, що такъ буде, я бъ и не пишовъ...

«А Я жъ казавъ: не йды!»

(Горпына Ивченко. Сергіевка. Маріуп. у. 1885).

5.

Якъ ходывъ Богъ изъ Петромъ по пеклу, дывытся Петро,— а тамъ ёго маты въ смоли кыпыть!

Петро до Бога:

«Боже, каже, правый! Боже мылосердный! Не вже-жъ мою матинку не можно зъ пекла вырятувать!»

Такъ молытся Богови, такъ молытся! Сказано—сынъ: жалко матери!

Отъ Богъ ёму й каже: «на тоби оци тры перынкы цыбули; хай твоя маты за ныхъ ухопытся,—попробуй, чы не вытягнешъ іи. Тильки нехай не трипается!

Отъ Петро прыйшовъ до матери, каже:

«Матусю моя ридна! вхопысь ты за ціи тры перынкы цыбули та гляды не трипайся, стыха берысь, то може я тебе вытягну.

Якъ ухопылась Петрова маты за тіи тры перынкы; Петро ставъ іи потыху вытягаты зъ пекла; отъ-отъ-отъ вытягне—уже не багато зосталось.

Тутъ тіи гришніи души, що кыпилы вмисти зъ нею, побачылы, що вона скоро зъ пекла вылизе, почалы за неи чыплятысь, хто за рукы, хто за ногы... сказано—несчасніи души думалы за нею спастыся! А вона отъ-отъ-отъ уже выйде зъ пекла... Що-жъ вы думаете! Чуе, що за неи други почыплялысь, та якъ трипнется. и рукамы и ногамы, щобъ ихъ струсыты зъ себе!

«Гетьте»—каже—«васъ къ нечыстій матери!»

Якъ сказала це, перынкы ввирвалысь, и вона ще глыбше впала въ пекло!

Така заклята! Не захотила, щобъ за нею ще скилько несчасныхъ душъ спаслося, думала сама вылизты зъ пекла!

А вона за ввесь свій викъ тильки тры перынкы дала ныщымъ! Одже и цымы перынкамы вона спаслася-бъ була, якъ бы не була така заклята.

(Изъ Чигиринск. у. пожилая женщина).

6.

Якъ сынъ батькови обиходытся, такыхъ и соби сынивъ матыме.

Бувъ соби дидъ, а въ ёго бувъ сынъ жонатый.

Дидъ бувъ такый старый, що ставъ уже забуваться.

Отъ сынъ сыдыть разъ изъ жинкою та й почалы балакаты. Що мы будемо зъ батькомъ робыты; що не вмира та й не вмира?

— Знаешъ що: визьмемъ лубокъ здоровый—у насъ йе, та зсадымъ ёго зъ печи на лубокъ та вынесемъ на холодъ!

Отъ, добре.

Прыступылы воны до дида.

А винъ, старесенькый, уже зовсимъ нездужа, сыдыть на печи: панькайся коло ёго, годуй ёго, оббырай та прыбырай! Надокучывъ своимъ дитямъ.

Взялы воны лубокъ изъ лыпы, той що возы вшывають, унеслы ёго въ хату.

«Що вы, тату, все сыдыте та й сыдыте на печи! Такъ-же не здорово! Прохолодылысь бы на двори!

А на двори—морозъ!

Тато одмагается, а воны не слухають: стаскалы зъ печи, посадылы на лубокъ, вынеслы старого на прохолоду!

А маленькый внучокъ—такъ невелычкый хлопчыкъ—сыдыть у куточку та й дывытся.

Вынеслы старого. Винъ плаче, просытся: помылуйте—мени холодно!

Воны такы подержалы його, покы вже винъ и слова не вымове,—трусытся ввесь, трохы не замерзъ.

Тоди зновъ унеслы въ хату и зновъ посадылы на пичъ.

«Теперъ нагрійтесь, тату: такъ вамъ буде здоровише!»

А внукъ ажъ крекче та мостыть щось соби въ куточку,—граестя.

Узявъ трисочку, взявъ палычку, положывъ на трисочку и довго мудровавъ, покы такы палычку поклавъ такъ, щобъ не падала. Тоди—несе!

«Що ты тамъ робышъ?»—пытають його батько та маты.

— «Оце—лубокъ, а оце—дидусь!»

— «На́-що-жъ ты це робышъ?»

— «Це, якъ будете вы таки стари якъ дидусь, то я тоди й васъ на лубокъ та й вынесу на морозъ, щобъ и вамъ було те, що дидови!»

(Токари. Отъ старой бабуси).

7 и 8.

У бесе́ди.

Ни, я не вжываю табаку. Отъ вы чы не находылы де по-кныгамъ: есть грихъ якый за цей табакъ, чы нема ніякого? Де хто каже, що—грихъ, а де-хто, що—нема гриха. Отъ я—не находывъ нигде... Бо ни Библія, ни Евангелія цього не доказуе, та й у Псалтыри объ цимъ нигде не сказано...

Богъ його зна, чы воно такъ, чы не такъ, тильки я чувъ помижъ люде розказують отъ-якъ.

1. У однiеи вдовы було два сына: йиденъ бидный, другый багатый. Пры бидному вона и жыла.

Отъ разъ на Велыкдень и пишла маты до багатого,—думала въ нёго розговитысь, бо въ бидного сына може й ничимъ було..

Отъ прыйшовъ багатый зъ церквы зъ своею хазяйкою до дому. Силы розговлятысь. Колы зыркъ хазяинъ у викно—ёго маты иде.

«Клады мерщій, жинко, порося та паску въ ваганы та ховай у синяхъ за пичью, а то онъ бачышъ?—та гадюка иде!»

Це винъ на матиръ такъ!

Жинка зибрала все зо столу въ ваганы та й сховала въ синяхъ за пичью.

Увiйшла маты въ хату, похрыстуосвалася зъ сыномъ та зъ невисткою, якъ зъ добрымы дитьмы, та й сила на лави.

Сыдыть, сыдыть... Не просять диты матери до столу!

Посыдила ще трохы, а дали знялась та й стала прощатысь, щобъ-то иты додому. А сама дума: чы не стане сынъ iи завертаты? Такъ—ни: тутъ ще й ради, що недовго сыдила.

Постерегла це маты та й пишла до-дому, умываючысь дрибненькымы слизонькамы!

Отъ, якъ пишла вона, чоловикъ и каже жинци: «давай ваганы на стилъ,—будемъ розговлятысь.

Выйшла жинка за ваганамы. Тильки намырылась узяты ти ваганы, а зъ тыхъ ваганивъ изъ самого поросяты здоровенна гадюка! Якъ выгляне, якъ засычыть!

Такъ ту жинку неначе що откынуло назадъ икъ дверямъ! И зикнула вона на всю хату: «гадюка!»

«Що ты чорты батька зна що выдумуешъ? Де тутъ може взятысь теперъ та гадюка? Що тоби прыдалось? Тебе куды не пошлы, та й самъ иды!»

Изъ симы словамы убигъ винъ у сины та хвать згáрячу за ваганы!

А гадюка—товста та довга—такъ и кынулась ёму на шыю й обвылася скильки разъ коло шыи й коло грудей...

Скильки-жъ винъ выносывся зъ нею! Нiякъ гадюкы не здiйме!

Чому не здiйме?—вы пытаете.

А того, шо вона укусыть того чоловика,—тутъ ёму й аминь!

Такъ отъ, щó винъ тильки ни робывъ, до якыхъ тильки бабкивъ та дохтуривъ ни выйиздывъ, скильки вже тихъ грошей на ныхъ высыпавъ,—нихто гадюкы не може знять! Ссе гадюка ёго за груды та й ссе.

Бачыть, що вже ёму прыходытся пропасты...

Кынувся винъ тоди до Бога! по манастырямъ—душу спасаты!

Скризь дае на акахвысты та молебни, справляе обиды та обдиляе ныщыхъ... И въ матери выпросывъ прощеныя...

Отъ, разъ бачыть винъ у-ви сни якого-сь старця, сывого-сывого! Старець и каже ёму:

«Найды», каже, «такого чоловика, щобъ зроду винъ табаку—не тильки не курывъ або не нюхавъ, а навить и въ рукы николы не бравъ: винъ тоби зниме гадюку».

Прокынувся винъ, та не може вже й заснуть. Жде свиту.

Колы незабаромъ стало вже на свитъ благословытыся. Розвыднилось.

Кынувся винъ по селу—отпытувать такого чоловика, що зъ роду не курывъ и не нюхавъ и въ рукы не бравъ табаку. Шатнувся сюды-туды по слободи,—нема такого чоловика!

Що тутъ робыть!

Ударывся винъ у друге село... Довго ще шукавъ, покы найшовъ такого чоловика! И той чоловикъ знявъ зъ ёго гадюку!..

То—выдно вже винъ спокутовавъ свiй грихъ по манастыряхъ, та и Господь зглянувся на ёго и пославъ ёму того старця у сни...

2.

Жывъ у однимъ сели чоловикъ та мавъ двохъ сынивъ. Поженывъ винъ ихъ и подилывъ худобою и всимъ хазяйствомъ, по-

робывъ ихъ хазяинамы на все село. Самъ остався жыты пры меньшому сынови: винъ уже немощный бувъ,—сами сыны хазяйнувалы.

Отъ, що не посіе старшый сынъ, що не продасть, що не купыть,—усе ёму въ нажытокъ, усе ёму у пользу. А меньшій щобъ не посіявъ, щобъ не зробывъ,—усе на втрату!

Сказаты, щобъ пьяныця винъ бувъ, або ледащо,—такъ ни: роботящый, невсыпущый, та—счастя не було...

Отъ, старшый прыдбавъ доволи й худобы й де-якого хазяйства; а меньшый такъ уже прыопавъ, такъ прыопавъ, — хоть до Бога рукы знимай: тамъ—не вродыло, тутъ—худоба выгынула—зовсимъ обныщавъ! Шматочку хлиба жадѐнъ ставъ...

А тутъ, са́ме середъ литку, у гарячу пору старый батько тяжко занепавъ, недовго и боливъ — та й поме́ръ.

А въ хати а ни свичечкы, а ни шматочка хлиба! Куды кынешся? Де чого взяты?

Се-бъ то прыходылося ёму йты до брата просыты якои пидмогы у цимъ дили, але винъ не пійшовъ, скильки жинка не змагалась, скильки не посылала. Бо винъ добре знавъ натуру брата, що винъ не дуже долюблявъ подилятьса тымъ, що въ нёго йе.

Бачыть жинка, що ничого не вдіе зъ чоловикомъ, та й пишла сама. Бо треба! Тило лежыть на лави, а тутъ ще ничого не прыготовляно.

Не застала вона брата дома, стала плакаты та жалитысь братовій жинци, що ничымъ поховаты батька.

Та не втерпила: одмиряла ій мирку пшеничного борошна, дала іи ще й тры карбованьця грошей. Думала, що чоловикъ и не знатыме.

Воно такъ бы й було, бо вся комора була заставляна зризкамы та соломьяныкамы, понасыпуванымы до верха усякого борошна; та й гроши такы зайви булы. Такъ вона думала, а до того байдуже, що тутечкы-жъ стоить іи маленька дивчынка та все це й бачыть.

А іи чоловикъ ще вранци якъ налагодювався йихаты въ поле, наказувавъ: «а ты не конче тутъ квапся братови роздаваты та розносыты де що йе. Такъ мы николы не матымемо ничого зайвого. Я знаю, прыйде сёгодня!»

Оттакый-то бувъ скупирдяга: навить для батька жалувавъ.

Отъ, узяла та борошно та гроши, подякувала та й пійшла до-дому.

Колы оце, якъ сонечко спочыло, йиде старшый братъ зъ поля. А ёму назустричъ, якъ на грихъ, бижыть, пиднявшы въ гору рученята, та малесенька дивчынка, ёго дочка, бижыть та лементыть: «Татку, татку! а въ насъ булы титка, й мамка далы имъ борошна, ще й грошей на похороны»!

Отъ, посадывъ батько дивчынку на визъ та й уйизджае въ двиръ. А дали, чы вспивъ выпрягты коней чы ни, убигае якъ несамовытый у хату, накынувся мокрымъ рядномъ на жинку: «Нá-що ты дала борошна та грошей? Говоры, нá-що? Ступай, видберы!

А жинка: «Хоть убый, не пиду видбираты. Що, въ мене Бога въ серци нема? Що, въ мене лыця нема? Пиды самъ одберы: колы тоби такъ жаль»!

Ну,—й досталося-жъ жинци за ци слова! А дали чоловикъ: «Ты думаешъ,—не пиду? подарую»? Тай выбигъ зъ хаты.

Побигъ запиняный одъ злости. Прыбигае до брата та прямо въ хату. Зыркъ, зыркъ по хати!.. Посередъ хаты стоить клунокъ борошна—ще ничого навить не роспочыналы зъ нёго робыть,—на лави покійныкъ лежыть, а на викни, протывъ покійныка лежыть бумажка—тры карбованьця.

Чы сказавъ винъ «помагай Бигъ» людямъ у хати, чы ни—пидбигае до викна та за ти гроши... Нахылывся черезъ покійныка батька, щобъ—отто—взять гроши... А батько якъ пидведется, та якъ ухватытся за сына обома рукамы! Та такъ и повысъ на шыи, и одчепытьніякою сылою не можна!..

И що-жъ вы думаете! Отъ уже тры годы такъ носыть сынъ батька по манастыряхъ! Скризь наймае молебни...

— Де це було?

— Да це не далеко — онъ, у Ракови[1]), и не було, а й теперъ есть, и теперъ носыть!.. Це не казка, а правда! Казалы таки люде, що брехать не стануть!

(1889. Маріуполь. Сообщено Н. Ф. Осадчимъ).

Тры браты.

9.

Бувъ соби чоловикъ, мавъ соби тры сыны.

Отъ, два—розумныхъ, а третій дурень.

Отъ, старшый сынъ каже: «пиду я соби, тату, службы шукаты»!

Батько каже: «йды»!

Отъ винъ пишовъ. Иде та й иде... Зайшовъ у яку-сь хату. Ажъ—лежыть хлибъ на столи, и пляшка зъ выномъ стоить. Отъ, винъ хлиба укусывъ и выномъ запывъ.

Отъ, выходыть до его старый дидъ, пытается его: «куды ты, хлопче, йдешъ»?

Каже: «йду службы шукаты»!

Дидъ каже: «наймыся въ мене»!

— Що робыть?

Каже: вивци пасты.

Винъ каже: «добре, наймуся».

«Тильки»—каже дидъ:—«куды воны йтымуть, туды й ты за нымы, тильки спать не лягай»!

Отъ винъ выгнавъ ихъ пастысь, а самъ лигъ спать. Воны пишлы соби, куды зналы...

Отъ воны ходылы соби тамъ, де имъ треба було, и прыйшлы назадъ до его. Винъ заннявъ и погнавъ ихъ уже до дида. Отъ, прыгнавъ, а дидъ его й пытается. Каже: «не спавъ»?

— Ни, не спавъ.

«А що-жъ ты, каже: бачывъ»?

Каже: ни, ничого не бачывъ.

Ну, дидъ ему давъ копійку и сказавъ: «йды соби зъ Богомъ»!

---

[1]) Новобатайскъ, ростовск. уѣзда.

Прыйшовъ винъ до-дому. А середульшый уже каже: «тату! пиду ще я»!

Отъ, и той йшовъ, йшовъ.., зайшовъ соби въ хату. Отъ, лежыть хлибъ на столи й выно стоить. Винъ узявъ хлиба вкусывъ, выномъ запывъ... Выйшовъ до ёго дидъ, пытается ёго: «Куды ты, хлопче, йдешъ»? Каже:—йду соби службы шукать.— Винъ каже: «наймыся въ мене»!—Що робыть?—«Вивци пасты».

— Добре, наймуся.—«Тильки»—каже: куды воны йтымуть, туды й ты за нымы».—Добре, буду ходыть.

— «Тильки»—каже: не лягать спать»!—Ни, каже: не буду!

Ну, отъ винъ выйшовъ на степъ. Вивци пишлы соби, куды зналы; винъ соби лигъ спаты и спавъ, дóкы вивци впьять до ёго не прыйшлы. Винъ заннявъ и погнавъ ихъ тоди до того дида.

Отъ, пытаетця ёго дидъ, каже: «Ходывъ за нымы»?

— Ходывъ.

«А не спавъ?

— Ни, не спавъ.

«Що-жъ ты (каже) бачывъ»?

— Ни, я (каже) ничого не бачывъ!

Отъ, дидъ ёму взявъ—копійку давъ... «йды, каже, соби зъ Богомъ»!

Прыйшовъ й цей до-дому.

А той уже—дурный—каже: «Пиду я, тату»!

А воны—ти, кажуть: «що ты, дурный! Мы—розумни, ходылы ничого не заробылы, а ты—дурный, та щобъ ты заробывъ?..

А винъ такы пишовъ!

Йде та й йде, и зайшовъ соби въ хату въ лиси. Зайшовъ, ажъ хлибъ лежыть на столи й выно стоить. Отъ винъ хлиба не займае й вына не займае,—ставъ соби та й стоить.

Выйшовъ до ёго дидъ та й каже: «куды ты йдешъ, хлопче»?

А винъ каже: йду соби службы шукать.

А дидъ каже: «наймыся въ мене»!

— Що робыть?—«Вивци пасты».

— Добре. — «Та тильки (каже) такъ: куды воны йтымуть, туды й ты за нымы, а спать не лягать»—Добре!

Отъ винъ выгнавъ вивци на степъ. Воны йдуть, йдуть, а винъ усе за нымы и спать не ляга. Прыйшлося вже имъ черезъ ричку бресты. Отъ,. воны перебрелы черезъ ричку, а винъ не може ніякъ. То винъ піймавъ соби барана й перейихавъ на баранови Йде, ажъ стоить чоловикъ у ставку та й крычыть: «дайте воды! дайте воды! за Хрыста--рады»!

Отъ винъ каже: «та онъ-же вода недалеко — возьмы та й напыйся!

А вона такъ ёму якъ черезъ губу не капне въ ротъ! Такъ винъ не може напыться.

Йде дали. Ажъ стоить на гребли дубъ; у тому дубови дви диркы: а чоловикъ ганяется, а голубъ литае — хоче заховаться; а чоловикъ ганяется за нымъ—хоче ёго вбывать, а голубъ туды влетыть, а туды въ другу дирку вылетыть...

Отъ, доходыть дали... Ажъ стоять коровы на писку, та такі жырни, що ажъ вылыскують... а други стоять на трави по саму шыю, та таки худи, якъ щепкы,—бикъ до бока злыпается!

Отъ йде дали. Ажъ стоить церква и ти вивци у тій церкви булы. И той, що который бувъ бараномъ,—та ставъ попомъ! Звисно—душа! А ёму показуется вивцямы, а пипъ бараномъ,— тильки що винъ у церкви правывъ—винъ самъ бачывъ!

Отъ, прыйшлося имъ назадъ йты черезъ ричку. Вивци перебрелы, а винъ на баранови перейихавъ.

Прыгнавъ уже ихъ до того дида, вивци. Той дидъ пытается ёго.

«А що каже не спавъ»?

— Ни, не спавъ.

«А що-жъ ты, каже, бачывъ»?

— Бачывъ, каже, що стоить у води, такъ вода ёму якъ черезъ губу не капне, а винъ крычыть: пробі, дайте воды!

«Що дали, каже, бачывъ»?

— Бачывъ, каже, стоить дубъ, а голубъ литае кругомъ дуба, а чоловикъ ганяется, хоче ёго вбыть...

«А що ты, каже, йще бачывъ»?

— Бачывъ, каже: стоять коровы на писку, та таки жырни, ажъ вылыскують, и бачывъ, каже: стоять на трави—по саму шыю, такъ таки худи, якъ щепкы!..

Отъ той дидъ: «то, каже: що то воды просыть, то то винъ бувъ на цимъ свити дуже скупый,—хто просывъ не то що, а воды, то винъ не дававъ,—шкода ёму було А то чоловикъ зробывся дубомъ, а душа голубомъ, а розбойныкъ хоче вбыть, а душа хоче заховаться. А коровы, то которіи на цимъ свити багати, що вже черезъ ладъ багати,—такъ на тимъ свити худи; а которіи на цимъ свити бидни, такъ на тимъ свити жырни. Бо бидный швыдче мылостыну дасть, якъ багатый».

Отъ дидъ ёму тоди давъ усякого хлиба по зерныни и копійку грошей и сказавъ: «йды до-дому и закажы, щобъ тоби булы бочкы на ци гроши и на цей увесь чысто хлибъ»!

Прыйшовъ винъ до-дому та й каже: «робыть мени бочкы на цей хлибъ и на ци гроши»!

А воны ёму кажуть: «що ты, дурный, выдумуешъ? Чы можна, щобъ изъ копійкы та була повна бочка грошей або зъ одной зерныны та щобъ була хлиба повна бочка»!

Отъ, а винъ намигся; «зробить та й зробить такы»!

Узялы воны ёму—зробылы.

Винъ узявъ—повкладавъ у кожну бочку по зерныни, а въ одну бочку—копійку.

Переночувалы.

Колы вранци всталы,—ажъ сталы вси бочкы повни хлиба, и бочка грошей повна зъ одной копійкы!

И тоди ти люде дывуются, що дурный та лучше заробывъ, якъ ти розумни.

А той дидъ бувъ—Богъ!

(Андріевка, Чигиринскаго уѣзда. Кіев. губ. 1877).

10.

Чортова спокуса.

Отъ теперечкы, що называется, ѝдолъ! Такъ винъ пиднущá чоловика у такому дили...

Рыбалка,—одынъ чоловикъ рыбалывъ соби,—та якось надъ ричкою дощъ ёго напавъ. А винъ човенъ перевернувъ та й лежыть пидъ човномъ.

А ыродъ чоловиковои думкы не зна!

Отъ воны выходять—са́ме коло того човна и товкуются про свои заходенькы. «Йдить-же! Той, самый настоятель ихъ прыказуе: «пиднущайте! Щобъ мени непреминно—або хто въ шынку щобъ побывся, такъ щобъ и вбылы, або сынъ батька злаявъ та позы́въ подавъ, або щобъ дивку завелы та знивечылы!.. Та то все ыдолъ имъ розсказуе.

Отъ той чоловикъ и слуха. Слухавъ, слухавъ, выслухавъ усе! «Э! стривай-же, каже, не такъ!»

Отъ якъ поросхо́дылысь чорты, вылизъ той чоловикъ изъ-пидъ човна, та такъ ёму моторошно стало на серци! И до-дому забувъ,—ходе по березi! То туды пишовъ, то сюды,—думкою перебира, чы такъ воно справди, якъ чорты казалы? Думавъ, думавъ, нагадувавъ и що бачывъ и що чувъ... «Э,—такъ!» каже.

Та якъ прыйшовъ до-дому (рыбкы піймавъ соби, оддавъ жинци), каже: «Жинко! оттакъ, каже, и такъ!»

А жинка, и каже: «не бійся! Богу молытымемось, не бійся!»

(Полтава. Павло Кыслый).

11.

Евладій.

Була царивна—такый лыцарь, що іи нихто не мигъ розсмишыть.

Отъ, вона объявыла по своему царству: хто іи розсмишыть, то за того вона замижъ выйде.

Отъ, конюхъ того царя прыложывъ соби печаль до серця: якъ бы іи взять? А діяволъ пидскочывъ до ёго та й каже: «розпышысь,—я іи розсмишу! Я буду зайцемъ; ты мене поймай да й несы коло оболонь, де вона жыве, то я вже іи розсмишу!»

Винъ согласывся розпысаться. Да діяволъ ёго одурывъ (сказано—діяволъ!): мало давъ ёму времени на свити пожыть.

Ото винъ уже несе того зайця коло оболони... А царивна й побачыла. «Евладію, Евладію! Що ты несешъ?»—каже царивна.

— Заёнка!

— «Несы сюды!»

Отъ, винъ ёго й прынисъ.

— «Ахъ! да якый гарный! Можно ёго пустыть?»

— Можно—каже.

Отъ, винъ пустывъ, а заець—скикъ, скикъ, скикъ! а потимъ сивъ да лапкамы тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та! А царивна тоди: «ха-ха-ха! Якый гарный, неначе ученый!»

— Це я васъ, сударыня, розсмишывъ!..

Ну, що-жъ! Отъвона й выйшла за ёго.

Жывуть воны потимъ, чы довго чы ни — отъ уже въ ихъ йе дытына. Але Евладій бачыть, що вже прыходыть кинець.. Отъ винъ зажурывся дуже, дуже,—ажъ плаче! А вона побачыла, пытае ёго:

— Чого ты плачешъ, Евладію?

— Да то—я ходывъ по лису, да дерево мене вдарыло, отъ того я й плачу.

Вона позвала вси дерева:

— «Котре вдарыло мого мужа. Винъ плаче, може ослипнуть!

— Ни, мы ёго не былы: якъ винъ иде, то мы пиднимаемъ до горы ризкы, щобъ ёго не вдарыть.

Отъ вона знову до ёго. Якъ узяла пытать, якъ узяла, якъ узяла,—да винъ и прызнавсь:

«Я»—каже—«запысавъ душу діяволу, да вже мени небагато зосталось вику, вже скоро вмру:»

Вона тоди до Васылія да й начала просыть:

«Васыліе, чоловиче, отче щедротлывый!

«Бувъ есы пастырь добрый ще й мылостывый,—

«Умолы Бога, умолы Сына и Духа Святого

«За ёго, Евладія, за мужа моёго!

— «Кайся, кайся, чоловиче!

«Бога Отця прогнивылъ есы,

«Сына Божого охулылъ есы
«И Духа Святого...
И зачынывъ Евладія у своему дому,
А самъ пишовъ молытыся до Божого дому.
Діяволы крышу вскрылы,
Въ церкви баню розломылы...
На Васылія нарикають,
Евладія проклынають!
Окномъ запысь укынулы...
Рече Демонъ Васылію:
Не чыны намъ пакости,
Бо винъ-бо намъ запысався
Объ свитовій слабости,
Теперъ же одбыраешъ,
Въ рукы наши не даваешъ
Мужа нашого!

(Кіев. у. 1861, с. Черняховъ зап. Ѳ. Т. Панченко).

12.

Пипъ та чужа жинка.

Бувъ соби чоловикъ багатый,
Та трохы соби на розумъ плоховатый:
Женывся винъ на молодій та гарній,
Колы винъ самъ старый та поганый.
Жывуть соби тамъ чы рикъ, чы два...
Винъ соби небоpакъ ничого не зна,
Що ёго жинка зъ попомъ выробля.
Чоловикъ иде въ поле до роботы
А пипъ-добродій до жинкы до господы.
Сыдять соби вдвохъ та любуются,
Цилуются та мылуются
Йидять смачненьке,
Пьють солоденьке.

А чоловикъ якъ прыйде ввечери зъ роботы, то нема ёму часомъ и шкорынкы хлиба. Чоловикъ, якъ дурень, потура жинци, бо дуже щыро любыть.

А жинка все вередуе, та все нездужае, та все вередуе. А чоловикъ годыть та постачае своій любій жинци.

Отъ разъ чоловикъ задумавъ йихаты на ярмарокъ. А жинка каже ёму: «нездужаю! Пойидь, достань мени ликивъ изъ города». Страждае жинка!.. Ну, ёму жаль,—каже: «прывезу»!

Отъ зибравсь, йиде. Постричавъ попа. Пипъ давъ ёму порученіе, щобъ винъ тамъ то того купывъ, то другого, а мавъ про себе таку думку, щобъ тильки ёго въ городи забарыты, щобъ вильнише було зъ ёго жинкою погуляты.

Справывшысь изъ попомъ, колы це зустричается ёму наймытъ попивськый та й почавъ ёго турбоваты, щобъ винъ не йихавъ ничого попови куповаты. Каже: «ты лучче, чоловиче, де-небудь пereховайся до-ночи, а я тоби щось искажу, такый секретъ, що ты мени ще и могорычъ поставышъ!»

Чоловикъ послухавъ наймыта та пишовъ та у попивську клуню забравсь та тамъ и днюе.

Колы дывытся,—надвечоры бижыть наймытъ выпровадывшы вже попа въ дорогу.

Прыбигъ та й каже: «одягайся швыдче та пойидемо до твого дому—тамъ пипъ изъ твоею жинкою гуляе и мене пидждае».

Прыйихалы воны туды. Винъ и каже: «сидай у мишокъ,—я тебе зашнурую!»

Той пытается: «нá-що»?

Каже: «що ты—ледацо: не вміешъ жинкы глядиты! Сидай та мовчы!»

Завьязавъ ёго та й поставывъ, а самъ пишовъ до паниматкы, де воны гулялы.

Винъ и пыта: «паниматко!

Позвольте мини збрую въ мишку
Поставыты у васъ у кутку,

Щобъ лыхого чоловика обiйты
И себе одъ лыхои годыны зберегты!»

Вона каже: «поставъ»!

Выйшовшы винъ на двиръ, та й каже чоловикови: «слухай, свате:

Якъ я тебе поставлю въ хати, то ты слухай, якъ я буду спиваты! Першый разъ и другый разъ заспиваю, то ты мовчы,— слухай, що я буду казаты, а якъ третій разъ заспиваю, то ты робы те, що я буду научаты!

Тоди прынисъ мишокъ и поставывъ у кутокъ промижъ рогачи, а самъ сивъ та й сыдыть—дожыда, що ёму будуть загадуваты. Каже соби: нехай и я подывлюся, якъ буде чужа жинка попа шануваты!»

Колы тутъ не дуже згодомъ, розвеселывшыся, пипъ изъ паниматкою почалы спиваты.

Жинка:

«Гоца-дра! гоца-дра!
Нема мого Грыгора—
Пойихавъ до Чорного моря
Шукаты лыкы...

А пипъ:

«Щобъ ёго чорты взялы.
И не вернуться бъ ёму видтиля на викы.

Наймытъ слухавъ, слухавъ, а дали и каже: «паниматко! Позвольте и мени заспиваты!»

«Заспивай»!

А пипъ почавъ лаяты:

«Якъ ты смiешъ до нашои кумпаніи встряваты?

«Та нехай заспива!»—каже жинка; «може винъ яку веселу зна!»

Отъ наймытъ и почавъ спиваты:

«Чы ты чуешъ, Грыгоре,
Що твоя жинка говоре?

Маешъ нижъ пры соби—
Шматуй мишокъ на соби!
На прыпичку макогинъ,
Зробы жинци перегинъ...
Жинку разъ, попа—два:
Отто тоби гоца-дра!»

Жинка засміялась, та до батюшкы:

«А що, батюшко! Оттакъ! Мене разъ, а васъ два... Ха-ха-ха-ха! Якый жартовлывый! Выгадавъ писню!

А пипъ: «Якъ ты сміешъ такои писни спиваты?!»

— «Та ничого!»—каже жинка: «а ну ще: и я перейму».

Заспивавъ винъ у-друге. И вона за нымъ. А винъ и третій разъ заспивавъ... Якъ заспивавъ у трете, тоди той уже чоловикъ мишокъ розшматкувавъ, якъ схопывсь, якъ ухопывъ изъ прыпичка макогинъ,—та й зробывъ жинци добрый перегинъ! Жинку разъ, попа—два! Та ще й прымовля: «отъ-то тоби, батюшечко, за чужыхъ жинокъ—гоца-дра! гоца-дра!

(Полтава, записано отъ парубка).

13.

Якъ отъ було страження[1]), такъ бралыся салдаты вельмы. Такъ одынъ чоловикъ узявъ та й поскыдавъ своихъ сынивъ вовкамы. Тай сказавъ имъ: сядьте жъ вы въ лиси отъ пидъ такымъ и такымъ кущемъ тамъ чы деревомъ (назначывъ имъ) и ждить, каже, на мене.

Одвивъ ихъ у лисъ та попрощався зъ нымы та й сказавъ: «у таку пору прыйдете на це мисце (тамъ черезъ тыждень чы що):—я прыйду, скажу вамъ слово,—зновъ станете людьмы!»

Такъ воны бродылы той тыждень и прыйшлы пидъ те дерево. Ажъ тилько ихъ два, а третій уже десь дився—нема! Прыйшлы воны, силы, дывлятся одынъ на одного—такъ не промовлять! Отъ, ждалы-ждалы,—нема батька! Пишлы воны знову.

---

[1]) Подразум. Крымская война.

А той чоловикъ саме тоди въ городи бувъ и ніякъ не можна було ему вернутысь: ёго схопылы, повезлы. «Де ты сынивъ подивавъ? Одвичай!» А потимъ якъ пустылы ёго вже ажъ на третимъ тыжни... прыйшовъ винъ у лисъ,—ажъ тилько мистечко знать, де лежалы сыны! Пишовъ винъ роспытуваться, зустривъ людей: «Чы не бачылы, каже вовкивъ трёхъ—оттаки и таки?

— Ни, не бачылы!

— Чы не проходылы?

— Ни, не прохóдылы!

Такъ воны и по сей день пропалы!

(Радомысльскій у. с. Злодіевка: 1859).

14.

Дякъ.

Була хата въ гаю. Жинка й чоловикъ жылы соби. Винъ бувъ лиснычымъ. Такъ вона цей случай знала, що винъ изъ тымъ лукавымъ—зазнавався, та й не знала, колы й вмре винъ.

А винъ вмеръ, якъ сонце зайшло,—що никуды було йты, а до села верстовъ зъ двадцять було, то вона побоялась у ночи́ йты—за людьмы ото вже. И то вона сама ёго вбрала, и напекла, й наварыла, прыготовыла, столы позастылала.

Лежыть покійныкъ на лави. Сама сыдыть въ кинци стола,—плаче.

А зъ того села йшовъ дякъ: що ёго сестра десь-то вмерла, и винъ пишовъ до тіеи сестры, та ничъ ёго захопыла.

Йде винъ... Колы въ лису хата—а въ тій хати свитытся. Ввійде въ хату—покійныкъ у хати!

Увійшовъ винъ у хату, перехрестывсь та й пытае жинкы: «це твій чоловикъ, жинко?—Каже: «мій».

Вона ёго просыть: «ночуйте въ мене, бо я бъ мала йты за людьмы, такъ далеко йты — сама побоюся!»

Винъ самъ соби подумавъ, гришнымъ тиломъ не злякався того мертвого, та, не думавшы ничого, зоставсь почувать. Та й каже до мертвяка: «въ мене сестра вмерла,—не сама вона лежыть,

надъ нею люде есть; одначе—що мавъ чытать псалтырь надъ сестрою, то прочытаю надъ тобою!»

Чытавъ винъ, чытавъ, покы ёму йисты захотилось. Отъ винъ выпывъ чарку горилкы и закусывъ трошкы. Та вже жинка заснула соби, спыть и байдужкы!

Сыдивъ дякъ, чытавъ до пивночи,—ничого дякови й не случалося.

Пройшло пивночи,—сталы шумить лысты, сталы зрывать крышы, сталы бряжчать викна! Дякъ злякався,—ажъ дывытся трошкы згодомъ—встае мертвый зъ лавы!—Каже: «чытаешъ, дяче, надо мною?.. Прочытаю й я надъ тобою!»...

Якъ ставъ мертвый уставаты, стало на дякови тило похоложаты: хочъ бы-жъ маленькый мертвякъ, а то ставъ такый здоровый, що й у хати не помистытся—страшно за ёго братысь!

Узявъ мертвякъ изъ дякомъ у рукы, водытся по хати!

Прокынулася мертвякова жинка, стала дяка обороняты... А мертвякъ хватывъ жинку за горло—и духу не стало, задавывъ!

А до тыхъ поръ зъ дякомъ возывся, ажъ покы той уже упоганывся!

Писля того—заспивавъ пивень, на хати сыдя, одвалавъ дяка одъ смерти.

Лигъ покійныкъ, а дякъ сивъ соби самъ та й думае: чы йты, чы зостаться? Подумавъ своею гришною душею: зостануся, що мени Богъ дасть! Якъ не написавъ мени Богъ такои смерти, то до свита жытыму!

Одійшовъ трохы дякъ, одійшло одъ ёго серця... Гляне на полыцю—лежать штаны и сорочка... Такъ винъ давай изминяться.

Переминывъ дякъ одежу, сивъ на лави, выпывъ чарку горилкы, закусывъ або й такъ найився! Бидный вытрюхавъ!..

Третій пивень спива, дякъ сыдыть, псалтырь чыта. Вже свитъ...

Ажъ чуе—йдуть люде поузъ хату...

— «Ну, не буду-жъ я тикаты, а буду тыхъ людей ждаты!»

Зайшлы люде въ хату та й сталы хрестыться:

«Що ты, дяче, наробывъ? Убывъ жинку й чоловика, а самъ хочешъ прысвятыться?

— Та де вамъ, люде добри: я горе знаю, а якъ хочете, добри люде, такъ я и вамъ розповидаю! Йшовъ я своеи сестры ховаты та й зайшовъ до цiеи хаты... Та побоявся въ ночи йты— зайшовъ у хату: сыдыть жинка въ кинци стола та й плаче, лежыть мертвякъ на лави. Просыть мене жинка въ iи зостаться. Подумавъ я самъ гришною душею: чы йты мени, чы зостаться? Подумавъ—останусь! Та й чытавъ я псалтырь до пивночи — не було ничого. Одъ пивночи встае мертвый зъ лавы! Я жъ думавъ тикать зъ хаты, а дали: «не буду тикать!»—подывывся що страшный, що дуже велыкый...

Якъ уставъ же винъ зъ лавы, узявсь зо мною у ручкы та й ставъ по хати водыться! Встала ёго жинка, стала мене рятуваты. А винъ iи прыдавывъ за горло—и духу немае!..

Розсказавъ дякъ. Люде поховалы того чоловика й жинку.

(Остапивка Лохв. у. 1869.)

15.

Мыслывый.

Бувъ такый соби—мыслывый (охотныкъ, значыть, по вашому!) И винъ усе ходывъ—такъ соби—мыслувавъ, звира бывъ. И винъ мавъ соби шрить, порохъ, такый—простый порохъ окроме, а свяченый тежъ окроме державъ про якый-небудь случай...

Отъ разъ найшовъ ёго у лиси туча-громъ,—дощъ! Винъ пидъ дубомъ и сивъ одъ того дощу; и той дубъ стоявъ саме навпроты горы.

Якъ найшовъ уже громъ и туча, начало вже грякать... Такъ винъ побачывъ, що тамъ баранъ вылазыть изъ горы и бекае — такъ якъ отъ бараны бекають—такый баранъ—барaномъ зовсимъ. Оце якъ блыскавка отъ-отъ-отъ блысне, то винъ и ховается въ гору, а якъ грімъ уже грякне, тоди винъ зновъ вылазыть и зновъ бекае.

А мыслывый це бачыть... Та такъ ёму захотилось ударыть того барана! То винъ те вже вынявъ, що було въ середыни въ

рули, а вже того заложывъ, свяченого, и вже прымирывся, якъ винъ буде звидтиль вылазыть, то шобъ уже ёго стрилять.

Отъ, той баранъ зновъ--тильки вылизъ проты блыскавкы, бекнувъ, а винъ ёго заразъ и вдарывъ.

Заразъ—де тая и туча дилась! Стало ясно, и сонце, и весело стало!

Отъ, пишовъ мыслывый дывытыся, шо таке вбывъ; прыйшовъ на те мисце, де баранъ бекавъ, ажъ—нема ничого, тильки смола лежыть!

Винъ здывувався; постоявъ, постоявъ, подывывся та й пишовъ соби до-дому.

И зостривъ чужого чоловика: иде старый чоловикъ и несеть рушныцю, може два разы або тры разы бильшу одъ ёго. Надійшовъ, поздоровкавсь изъ нымъ и пытае:

— Ты, каже, стрилявъ?

— Стрилявъ—каже.

— Шо жъ ты, каже, вбывъ?

— Та не знать, що: якъ прымирявся, то воно барапомъ увыжалося, а якъ ударывъ та пишовъ подывыться, ажъ тамъ тильки смола лежыть!

Отъ той дидъ заразъ сказавъ ёму минятыся рушныцямы.

А мыслывый говорыть: «мени, говорыть, важко носытыся изъ такою превелыкою рушныцею!

А дидъ ёму говорыть: «такъ шожъ, шо моя бильша за твою! Такъ тоби жъ треба у твою рушныцю порохъ та шритъ закладаты, а мени (говорыть) не треба ничого сюды кыдать».

— А якъ же можна (каже) безъ пороху и безъ шроту?

— А такъ: якъ схочешъ выстрелыть, то намирся та хукны та й бильшъ ничого! Та вона не дуже и важка: на мене вона трохы важенька, бо я вже старый, а тоби вона—саме добре буде, саме по твоій сыли. Поминяймось! Якъ же не схочешъ моеи держаты, роздумаешъ, то прыйдешъ зновъ сюды, скажешъ мени, то зновъ—мою виддашъ, а свою заберешъ, я тоби виддамъ!

— Ну, добре!

Отъ, поминялысь. Пишовъ той дидъ. Тоди цей мыслывый пишовъ соби до-дому. И съ того часу переставъ мыслувать: и не здумавъ, и забувъ зовсимъ и ни разу не ходывъ мыслувать ажъ до Гордану, до Хрещенія. Тильки якъ ишлы на Гордань, тоди винъ здумавъ: «пиду я на Гордань та й рушныцю озьму,—якъ будуть воду хрестыть та стануть стрилять, то и я тоди стрелю».

Пишовъ. Отъ, якъ освятылы воду, якъ почалы стрелять, тоди винъ якъ хукнувъ та якъ стрелывъ, такъ усе попадало на землю, и такый гукъ изробывся, мовъ справди гримъ горохнувъ! Тильки цей мыслывый и оставсь, а то вси люде, яки тамъ булы, попадалы нежыви.

Якъ побачывъ мыслывый, шо воно сталося зъ тіеи рушныци, тоди винъ изъ страху побигъ, куды тильки бачывъ! И самъ не стямывся, такъ ёму страшно стало, шо винъ стильки людей побывъ! Бижыть та й бижыть... И знову опынывся у тому жъ такы лиси, де колысь барана вбывъ. И заразъ зостривъ того старого дида, того самого, шо ёму рушныцю проминявъ. Якъ побачывъ того дида, тоди ставъ, прыпынывся.

— Ну, каже: «бачыте, яку вы мени далы рушныцю! Скильки вона клопоту мени наробыла,—шо я тильки самъ-одынъ остався, а то вси попадалы на землю! Нащо вы мени іи надилылы?! Теперъ я черезъ неи повикъ несчаслывый, шо я стильки людей побывъ!»

Тоди той старый узявъ свою рушныцю, а ёго оддавъ ёму, та й говорыть:

— Бачъ, моя — яка: ты встрелывъ, усе на землю попадало; а твоя: ты тильки шо вдарышъ, те тильки и убьешъ своею. Одже—те, шо ты вбывъ у гори тоди, литомъ, то ты тоди не барана вбывъ, а то—ты чорта вбывъ! Такъ я уже симъ годъ стрилявъ ёго, та не могъ убыть, а ты вбывъ—такъ тоби Богъ давъ! Такъ я тоби у прызнакъ дававъ мою рушныцю, щобъ ты знавъ, изъ якои сылы я бывъ на ёго... Иды теперъ до-дому, не бійсь,—ты никому ніякого лыха не зробывъ,—уси вже теперъ такъ якъ було, такъ и есть: уси вже повставалы, шо попадалы булы,—уси жыви и здорови.

Сказавъ, та хто ёго зна, де и дивсь той дидъ.

Мыслывый вернувсь. Прыйшовъ, такъ усе вже стало—якъ було, такъ и есть.

Такъ винъ съ того часу зовсимъ переставъ мыслувать: не злюбывъ. (Кіевъ. Записано отъ молодого [лѣтъ 20] парубка.

16.

Вогонь.

Вогонь сердытся: хочъ якыхъ сырыхъ дровъ накладды, та скажы: «стыдно вогню на споди лежать!»,—дакъ розгорытся зразу. Мы, було, якъ пасемо, то якъ накладемъ вогню, та скажемъ: стыдно вогню на споди лежать, то розгорытся выще дуба. А якъ коло будкы, колы блызько коло села, дакъ и тушымъ землею. А якъ выхоръ пидбижыть, дакъ бида! Разъ и я будку спалывъ. Выхоръ пидбигъ, будка занялась! Я злякався та злизъ на соху та й дывлюсь—такъ якъ той китъ, що цыганамъ городъ спалывъ.

17.

Якъ китъ цыганамъ городъ спалывъ.

Колысь цыгане въ городи жылы. Городъ ихъ бувъ велыкый—такъ, якъ оце Кыйивъ, або що. А може хочъ и не такый, якъ оце Кыйивъ, а все-такы здоровый бувъ городъ. И цыгане жылы въ ёму, такъ якъ оце мы жывемо. А потимъ розійшлыся, покынулы жыты въ городи, сталы шлятысь по всихъ усюдахъ, сталы жыты въ шатрахъ. И не те щобъ що велыке выгнало ихъ изъ города, а простисинькый китъ налякавъ ихъ такъ, що воны росточылысь по свитахъ.

У одного цыгана нанявся руськый за челядныка. Отъ, служыть винъ мисяць, може два. А въ ныхъ росплодылось мышъ такого, що не то що—дитямъ ушы пообйидалы, такого багато. И воны не знають, що зъ имы робыты.

Отъ, дакъ винъ каже: «въ мене дома такый звирокъ йе, що буде мыши ловыть!»

А воны и кажуть: прывезы «голубчыку»!

Отъ, винъ имъ прывизъ кота.

Дакъ уже той китъ якъ ставъ мыши ловыть, якъ ставъ ловыть, дакъ незабаромъ мышъ поменьчало, а потимъ и не выдно стало—поховалысь. И дитямъ уже ничого, вже и мышъ немае. Ридко колы покажется мышка, дакъ китъ іи заразъ и задавыть.

Отъ руськый дослужывъ до сроку, лагодытся до-дому, прощается.

Воны заплатылы ёму, подякувалы, ще й на дорогу коня далы. Винъ сивъ и пойихавъ соби.

Якъ пойихавъ, тоди воны здумалы, що забулы спытаты за кота: що воны робытымуть зъ нымъ, якъ мыши пойисть.

Дакъ цыганъ мерщій на коня. Догоныть того руського, ставъ ёму гукать:

— Чуешъ? А що китъ йистыме, якъ мыши пойисть?

А руськый не почувъ, да и каэ: «гась»? Дакъ той думавъ, що «васъ», да якъ гуне до-дому, мовъ несамовытый, да бижыть швыдче до своихъ да крычыть:

— Ой лышечко! Казавъ, що: васъ! Ой тикаймо швыдче зъ города! Запалымо городъ, нехай винъ згорыть изъ котомъ, бо китъ насъ пойисть! Отъ, воны повирылы ёму, заразъ запалылы городъ, а самы повтикалы.

Забралы шо найпохиопише зъ собою въ повозочкы та й дременулы, не оглядаючысь. Геть-далеко въ поли сталы шатрамы, стоять.

А городъ згоривъ! Цилый тыждень горивъ, а то вже погасъ... и дыму вже не выдно стало.

Отъ воны черезъ тыждень посылають того цыгана:

— А побижы, пошукай попилу зъ кота: нехай мы будемо знаты, шо вже винъ згоривъ!

Отъ той цыганъ сивъ на коня, пойихавъ. Прыйиздыть до свого руйна,—ледви найшовъ свое печыще, бо вси печыща однакови—дакъ усе згорило, тильки одынъ стовпъ якось зоставсѧ цилый коло хаты, той стовпъ, що до ёго кони прывьязувалы кувать, дакъ той стовпъ не згоривъ.

Отъ винъ прывьязавъ коня та й не баче, що китъ жывисинькый и цилисенькый сыдыть на тому стовпови.

А китъ, якъ прыпекло звидъусюды, то винъ—куды дитысь? та й злизъ на стовпъ та тамъ и сыдыть.

Отъ цыганъ шука пужалномъ, перебира попиломъ—шука попилу зъ кота.

А китъ якъ плыгне зъ стовпа та на коня! Кинь якъ ирвоне, да одирвавсь та до-дому якъ гунувъ до табору!

Якъ побачылы цыгане, що кинь бижыть, а на коневи китъ сыдыть,—якъ скочылы, якъ заметушылысь!

«Це того мабуть зйивъ (цыгана), це по насъ бижыть йисты!» Та за сумкы, та за повозкы—хто встыгъ, запряглы—та дали!..

А той цыганъ що на печыщи зоставсь, якъ побачывъ кота, тежъ соби навманя побигъ на лисъ або куды...

Такъ воны по свиту розійшлысь, по шатрахъ жывуть. Розійшлыся та вже и не споружаться городъ збудоваты,—шо треба багато прыпасу, шобъ багато хатъ поставыты, шобъ городъ бувъ. А то сперву и воны въ городи жылы. (Переясл., у.).

18.

Жаба.

Жаба здохне—не смердыть, черезъ те, шо якъ Хрыста замучылы, то Богородыця ишла та й плакала, издыбала жабу, шо такъ же плакала. «А чого ты, каже, плачышъ?»—Де жъ, каже, мени не плакаты, колы моихъ дитей хтось розйихавъ!»—«Ну, каже, то воны не будуть за то смердиты—тоби на потиху». (Подольск. губ. Гайсинъ).

19.

Кума.

Бувъ соби чоловикъ та жинка. Родыла жинка дытыну. Поклыкалы кумою—хрестыть дытыну—дивку. Перехрестыла та дивка въ жинкы дытыну, а сама, два мисяци пожывшы, вмерла.

Изрядылы іи у зрядъ у гарный: положылы на неи плахту, запаску, и керсетъ хорошый, и перстени на рукахъ дороги.

И тій куми сподобалысь ти перстени. Заховалы ту дивку... Отъ, та кума издумала полизты въ яму пидъ склепъ, полизты въ яму и забрать у неи перстени ношнои добы.

На другый день—у ночи—полизла вона у склепъ—туды, въ яму. Здыймала вона, здыймала ти перстени—ніякъ не зняла. Прыдумала—що робытъ: поодризувала пальци съ перстнямы!..

Прыйшла до-дому. Заразъ, никому ничого не кажучы, пидпалыла въ печи и стала топыть. И склала пальци въ горщечокъ и стала ихъ варыть. Поварыла ти пальци; сама сила коло колыскы дытыну годувать.

Колы—та сама кума іи йде пидъ викно: «Добрывечиръ, кумо! Чы ты и доси не спышъ? Чы ты мое тило въ горшку варышъ?

«И куры сплять,
И гусы сплять,
Тильки моя кума не спыть,—
Мое тило въ горшку кыпыть»!

«Одчыны, кумо, двери, або сама влизу»!

Та вже кума сыдыть—околила! Злякалась! Одчыняе кума двери, ввиходыть у хату.

«Ой що це ты, моя кумо, що ты наробыла! Выймы-жъ, кумо, мои перстни,—чы вже поварыла?

Стала кума изъ полу вставаты, стала въ тіеи кумы опрощення прохаты:—просты мени, моя кумо, що я такъ зробыла!

Я-жъ такъ не хотила,
Тильки мене лыха лычына зйила!..

—

Ну кума іи простыла.

(Остапивка).

20.

Якъ чортъ ляка.

Разъ у беседи зайшла розмова про чортивъ. Одынъ чоловикъ похвалывся: «чого, каже, чортивъ бояться! Я хочъ бы де

побачывъ чорта—не злякаюсь, бо въ мене проты ёго йе слово «херувымъ»: перехрестысь, скажы «херувымъ», то чортяка й зныкне. Адже й у церкву, бува часомъ, чорты заглядають, покы не заспивають «иже херувымы»; а якъ тильки почнуть лагодытысь спиваты «ижѐ херувымы», то чорты заздалегидь изныкають изъ церквы.

Отто такъ похваляется чоловикъ. А чортъ тамъ такы въ тій же хати бувъ и чувъ та й дума: «ну, постій, я-жъ тебе злякаю»!

Оть гостювалы и выпылы добре. Вертается той чоловикъ до-дому. Ничъ була мисяшна, дорога—якъ скло, снигъ ажъ полыскуется та блыщыть, и витру немае. Весело йихаты,—тымъ паче, що й до-дому недалеко.

Колы це—щось такъ жалибно мекекекае, неначе козеня, або ягня, и недалеко. Глянувъ той чоловикъ,—ажъ справди козеня малисеньке пидбылось пидъ кучугуру снигу, копотыть копыткамы та все: мекеке! мекеке!

Стало ёму жалко того козятка. «Стій»!—каже на хлопця. Визьмимо оце козеня, а то воно замерзне.

Уставъ до ёго. А воно ледви встоить, тремтыть, зовсимъ измерзло. Винъ ёго взявъ на рукы, прынисъ у санкы, положывъ биля себе, ще й кожухомъ накрывъ полою, та й йиде дали.

А, каже—бидненьке козеня измерзло! Узявъ и погладывъ ёго.

Колы це якъ вытрищытся на ёго козеня, и стало росты и стало выще ёго! Изъ очей вогонь блыснувъ и ротъ роззявывся и зубы заскреготалы!

Страшенно перелякався чоловикъ.

И не стямытся зъ переляку, що робыть: хоче промовыты—зубы сципыло, хоче поворушытысь—тило заклякло!

Тоди винъ догадавсь. Затремтила бидна душа у страшенній муци, зибрала неначе передъ смертю усю свою сылу и потрудувала тиломъ. Чоловикъ посылкувався, поворухнувся, поворушывъ рукою и языкомъ и голосомъ; та тильки не змигъ вымовыты хе-ру-вымъ, а выйшло тильки хавыръ! И рука не подужала зложыты хреста, а тильки замахала!

Чортъ зупынывсь. Глянувъ ще разъ палючымы очима та й засміявсь.

«А що, каже: будешъ хвалыться? Я тильки налякаты тебе хотивъ, щобъ ты на мене не хвалывся»! Та тоди—стрыбъ изъ сапокъ тай счезъ.

Ото, бачыте, не слидъ похвалятысь, а треба Бога не забуваты ни на годыну, ни на хвылыну.

(Кіев.)

21.

Козьма Демьянъ та Змій.

Колысь то.. діялось давно, дуже давно,—якъ мижъ людьмы бильше святыхъ водылось. Тоди то жывъ Кузьма-Демьянъ Божый коваль, и жывъ недалеко видъ Переяслава и мавъ соби кузьню мурованy, здоровенну кузьню зъ дванадцятьма зализнымы дверыма.

Отъ якый-сь то чоловикъ бигъ по полю верхы, а за нымъ у слидъ змій крылатый за тымъ чоловикомъ уґнався—що той не втече, а той не дожене.

Отъ той чоловикъ бачыть—не перелывкы, та й прямуе до кузни та ще здáлека крычыть: «гей! Кузьмо-Демьянъ, Божый коваль! Одчыны кузьню—съ конемъ улечу»! А тутъ Кузьма-Демьянъ заздалегидь прыготовывъ—розпикае зализни клещи. Отъ, тильки чоловикъ добигъ до кузьни, такъ Кузьма-Демьянъ и роззявывъ двери чоловикъ прожогомъ и влетивъ у кузьню. Кузьма-Демьянъ зачынылы вси двери мерщій.

Отъ змій розлютовався, якъ прыскочыть до дверей! Разъ лызнувъ языкомъ—дверей мовъ не було! Другый, третій, ажъ до послиднихъ уси одынадцятеро дверей мовъ корова языкомъ злызавъ!

Отъ якъ проткнувъ же языкомъ уже прозъ дванадцяти дверы, а Кузьма-Демьянъ хипъ ёго за языкъ гарячымы ажъ червонымы клищамы!

Тоди де вродывся зализный плугъ. (Бо бачыте—винъ святый бувъ)! Узявъ того гадючого змія та й запригъ ёго до плуга.

Якъ запригъ до плуга та й пишовъ—куды свить, куды очи бачуть! Йшовъ, йшовъ, да ажъ до моря дойшовъ... Змiяка захотивъ пыты, да якъ почавъ жлуктыты воду згáряча, та на тымъ мисьци й лопнувъ!

Одже той валъ и доси ще звется змiинымъ валомъ.

(Подъ Переяславомъ 1860. Записалъ Т. И. Думитрашко-Раичъ).

22.

Не можно знаты, колы кому вмыраты.

Якъ ходывъ Богъ съ Петромъ по земли. Йдуть... а мужыкъ тынъ городыть. И говорывъ Господь съ святымъ Петромъ, що каже: «святый Петре! ото чоловикъ городыть,—усёго тынови стояты тому тры дни... А иды, каже, святый Петре, спытай, що винъ робыть»!

Прыходыть святый Петро и пытае ёго: «що ты, каже, чоловиче робышъ»?

— А що-жъ, каже: тынъ городю!

— Що-жъ ты некрипкый, каже, такый городышъ?

— Такъ, каже, чоловиче: на мiй викъ хвате!

— А якый же, каже, твiй викъ?

— Бо мени, каже, вже, чоловиче, у тимъ мисяци вмираты!

Отъ винъ вернувсь, святый Петро, до Господа небесного и говорыть Ёму, що каже: «сказавъ: городю тынъ, и на мiй викъ хватыть».

«Э, каже: святый Петре! треба-жъ ёму, каже, такъ даты, щобъ винъ не могъ розсуждаты цёго»!

Отъ воны знялысь и пишлы видъ ёго въ даль.

Посли тóго, поговорывшы мижъ собою, и поставъ Господь святого Петра упьять ёго, того чоловика спытать.

Прыйшовъ святый Петро и то пытае ёго... дали подывывсь святый Петро, що винъ начавъ крипшый уже тынъ робыты... А винъ не взнавъ ёго, святого Петра.

И впьять святый Петро спрашуе: «Що ты, чоловиче, робышъ»?

— Та, каже, тынъ городю!

«Чы довго-жъ винъ буде, каже, стояты»?

Винъ знявъ шапку и ставъ голову чухаты... и не мигъ бильше ничого отвитыты. Думавъ, думавъ... и впосли сказавъ: «Богъ зна, покы стоятыме»! И забувъ того, що винъ знавъ що колы ёму вмыраты!

Вернувсь святый Петро... а Господь каже: святый Петре! а якъ лучче буде: якъ знатымуть люде, колы имъ умыраты, чы якъ не знатымуть»?

— А що-жъ, каже, Господы, не знаю сылъ Твоихъ!

А Господь каже: «що мы есть за отци, що позволымо усякому знаты, кому колы вмыраты»!

(Полтава. 1864. Записано отъ старика).

23.

Чому жинка не старша.

Колысь, якъ жинка старша була одъ чоловика, дакъ прыйшла пьяна изъ корчмы, и лежавъ Павло одъ краю. Вона заразъ крайнёго почала быть, а посли уже пишла, погуляла зновъ.

А Богъ сказавъ, щобъ уже Петро лигъ одъ краю, а Павло въ середыни. А вона прыйшла да говорыть: «уже», говорыть, «крайнёго была, а вже, говорыть, цёго!»—та й зновъ начала Павла быть А посли уже Богъ лигъ одъ краю. А вона прыйшла зновъ, говорыть: «я была цёго и цёго а ще цёго», говорыть, «не была!», та почала быть Петра и вухо одбыла Петрови. Петро сказавъ: «Господы! (говорыть) ухо одбыла!»

— «Беры», говорыть, да тулы! Нехай, говорыть, прыростае!

А воно и прыросло зновъ.

И тоди вже Богъ сказавъ, щобъ уже чоловикъ бувъ старшый, а щобъ жинка вже меньча була.

(Кіевъ, отъ старой женщины).

24.

Русалка.

Русалкы—нехрыщени диты: котре вмре, да не перехрыщене, такъ то—русалка.

Ховають ихъ у хати на порози и коло синешныхъ дверей на порози, пидъ стрихою ховають, пидъ хатою—такъ де. Йихъ на гробовыщахъ не годытся ховать, а въ городи коло хаты, усе коло хаты блыжче. Для того щобъ маты, якъ итыме, щобъ перехрестылась—такъ русалка не буде. Маты вже перехрестытся на тій могыли що-вечира, щобъ не русалка була. Килько тамъ разъ иде черезъ могылу, такъ щобъ усе молылась на тій могыли, то та дытына не буде русалкою, а то—вылизе, русалка буде!

Русалкы—по гаяхъ, по травахъ, у води и по жытахъ жывуть. Воны тилько литомъ жывуть, а зимою ховаются; хто ёго зна вже, де воны—ихъ не бачять зимою.

А на святу недилю, такъ самы воны ходять по травахъ и, якъ піймають кого,—залыскочуть. И хочъ якъ чоловикъ дужый, то іи не поборе—залыскоче! Хочъ скилько тамъ душъ буде, то всихъ русалка поборе. Вона, кажуть, лыскотатыме, то та людына буде сміяться, покы и посыніе. Одъ іи не одхрыстышся! Одъ чорта одхрыстышся, а одъ неи ни; вона хреста не боится. Тилько чортъ боится, а вона не боится. А якъ залыскоче—покыне. Вона, якъ оце піймае на св. недилю тамъ, у трави, кого, такъ вона и пытае: «шо твоя маты варыла?» То та людына якъ скаже: «борщъ та полынь варыла!»—то та пусте, ничого не зробе; а якъ скаже: «борщъ та кашу», такъ залескоче, скаже: «ступай у нашу!»

Дивкы, якъ смили, то ходять съ полыннямъ у берегъ по травахъ. Якъ визьмуть зъ собою полынь, такъ бачать русалокъ и беруть ихъ за поясъ. Вона имъ ничого не зробе. А якъ безъ полыню, такъ позалыскочуе.

Іи и сокырою рубай, такъ не перерубаешъ,—вона такъ якъ зализна! Хочъ и перерубаешъ надвое, такъ вона зновъ однакова;

хочъ ты іи побый чысто, такъ вона зновъ однакова—нечыста сыла!

Вона така, якъ дытына маленька: якъ уродытся дытыночка,—таке воно и йе. Вона и котомъ перекыдается!

Воны и ростуть... Выросте и дивкою велыкою зробытся.

У насъ кажуть, шо бувъ чоловикъ, убогый соби та стрелець такый добрый! та ходывъ на охоту по лисови, да йде, да йде,—колы сыдыть чоловикъ на дубови та й крычыть: рятуйте! А то—нечыста сыла крычала на дуби «рятуйте»!

Отъ той чоловикъ и каже: «постій, я тебе порятую! да якъ прыйшовъ да якъ бухнувъ—да й убывъ. Той, шо на дуби сыдивъ, якъ упавъ зъ дуба, такъ наскрозь такъ и пишовъ прозъ землю нежывый. И дирка така стала здорова—земля провалылась. Отъ той чоловикъ у недилю на выгони такъ, якъ збирается громада, та й винъ и похвалывся, шо такъ и такъ мини було. Отъ дакъ воны тамъ зачалы... Хотилы ёго въ судъ у полыцію заразъ, шо «ты вбывъ чоловика!»

Такъ винъ каже: «постойте, я васъ поведу, я, каже, покажу вамъ и ту дирку и самъ полизу!»

Отъ громада пишла туды, и веревокъ забралы. Дакъ винъ тоди каже: я полизу! Тоди веревкамы ёго прывьязалы, такъ винъ у ту дирку и пролизъ у землю. Такъ дирка, якъ чоловикъ упавъ клубкомъ,—така дирка и йе! Такъ той чоловикъ полизъ туды. Лизе да и лизе... Веревокъ тридцять мо звьязувалы и пускалы того чоловика... Колы лизе да и лизе, ажъ тамъ горныци таки гарни проты тіеи диркы и на доливци чоловикъ той лежыть та й росплатався—нежывый! Отъ и дивка тамъ пораеться въ тыхъ горныцяхъ така хороша, въ сподныци! И вона зъ тымъ чоловикомъ балакала, каже: «я зъ вашыхъ людей!» Такъ той чоловикъ іи взявъ зъ собою. Веревкою якъ здвыгнувъ, такъ воны и тяглы ту дивку и чоловика того—громадою. Дакъ та дивка балакала зъ тымъ чоловикомъ покы ажъ сюды вже вытяглы, такъ стала малюсинька дытынка въ рукахъ—може тій дытыни и года не було! А тамъ—дивкою була!

И маты найшлась тій дытыни: у тимъ же сели вкравъ винъ дытыну. Такъ ту дытыну охрестылы.

А той чоловикъ бувъ—нечыста сыла, чортъ, марюка!

Якъ дытына народытся та свитло не горыть цилу ничъ (якъ дытына ще не обхрыщена: мо, попа нема, або-що...), такъ винъ украде, переминыть: хлопця положыть, а дивчыну соби визьме. Якъ визьме, то то маленьке буде, а стане въ ёго дивка! Вона въ ёго все дило робыть. И цилый викъ вона въ ёго, вона вже въ ёго не вмре, и вона вже стане така якъ и винъ. А якъ сюды вынесуть, то стане зновъ мала. (Переясл. у., записано со словъ).

25.

Липыть Богъ вивци зъ глею, а чортъ дывытся. Богъ излипывъ одну, дмухнувъ,—вона: ме—э—э! та и побигла; злипывъ другу, дмухнувъ; вона бе—э—э! та й побигла...

А чортъ дывытся та й соби липыть! Излипывъ козу! та дмухавъ, дмухавъ, и казавъ, шобъ побигла, такъ не бижыть! Такъ винъ прыйшовъ до Бога. «Господы!» каже: «я бачывъ, якъ Вы липылы, та й самъ излипывъ таке саме,—такъ не бижыть!».

А Богъ глянувъ... «Э! це, каже, не вивця, це—коза!»

— Нехай же, каже: Господы, и мое за Божою мылостью иде, нехай и дійвечко зъ неи буде, нехай воно буде благословенне!

«Нехай»!—каже Богъ та й дмухнувъ, а вона; ме—ке—ке! а вивци видъ неи, а вона бижыть до овець такы, покы потоварышувалысь.

И теперъ коза—передъ веде вивцямъ! Такъ Богъ давъ!

А чортъ такы: «э! каже: я такы злиплю таке саме, якъ и Богъ (злипывъ), и я дмухну такъ якъ Богъ!..

Узявъ—излипывъ вовка! «Оце жъ, каже: зовсимъ таке, якъ Богъ липывъ, ище и лучче»!

Отъ винъ дмухавъ-дмухавъ,—вовкъ не йде! Тоди винъ зновъ до Бога:

«Господы!» каже: я злипывъ таке, якъ и Вы, такъ дмухавъ, дмухавъ,—не встае!

Прыйшовъ Господь, подывывсь... «Э, ни, каже: дыяволе, це вовкъ!»

— А що жъ зъ його каже, Господы, буде?

— А що жъ! каже Богъ: чы ты хочъ, щобъ винъ ожывъ, скажы ёму: вовче, вовче, зйижъ чорта,—то винъ и ожыве».

Богъ и пишовъ.

А винъ и каже: «вовче, вовче, зйижъ Бога!

Вовкъ не встае.

А винъ тоди взявъ його та й прыволикъ до берега и до вильхы и до воды (ото вже—думка, що на вильху втече!), та тоди и каже: *вовче, вовче, зйижъ чарта*! А вовкъ якъ схватывся та до його! А винъ на вильху и утикъ.

Та такы вовкъ його обранывъ,—вырвавъ пьяту ёму!

Винъ черезъ це—*Гнатко-безъпьятко*! Такъ винъ и называется—*безпьятый*! (Полтава. Павло Кыслый).

26.

Колосокъ.

Господь ходывъ по земли. А тоди жыто було—одъ земли колосъ у все стебло. И люде не вмилы жаты. Господь изъ Петромъ ходывъ по земли въ двохъ зъ апостоломъ. И дывытся Господь, що воны колють шыламы, пиддовбують стебло, та ніякъ. Такъ Винъ узявъ—серпъ изробывъ; до коваля пишлы, зробылы серпъ. Прыйшлы на ныву Господь и Петро. Господь и каже: Петре, нажны пивкопы (трыдцять сноиивъ) и клады у полукипокъ, щобъ воны зналы, якъ складаты, и положы серпъ на верхъ снопу, щобъ воны бачылы.

Воны выходять на ранокъ, дывлятся—накладано полукипокъ, и лежыть ключка зализна. И воны дывуются, такъ боятся прыступыты, не насміють: нема такого, хто-бъ доставъ тую ключку.

Такъ одынъ тамъ бувъ Тымоха смилый. Отъ винъ хворостыну взявъ и той серпъ изнявъ. А серпъ по хворостыни побигъ та ёму на шыю. А винъ — за ручку: хотивъ скынуты, та соби шыю й обризавъ. Ти люде розбиглыся—перелякалысь.

Господь Петрови святому: ходимъ, каже, а то воны порижутся тильки.

Прыходять. «Здорови будьте! Здорови будьте, люде Божи! Що тутъ у васъ? Та тутъ, кажуть, таке лыхо.

Та, каже, воно -- ничого; це каже показаніе одъ Бога, якъ вамъ оцымъ серпомъ хлибъ святый жаты. Отъ возьмы оцей серпъ за ручку та й жатымешъ оттакъ. Давъ одному чоловикови. Той узявъ нажавъ... Ну, каже, и ты!—(другому) и ты! (йше одному) Отъ, щобъ було у васъ—жаты!

(Полтава).

Ходывъ Господь по земли. А хлибъ тоди бувъ—корха не було а на все стебло колосокъ.

Заходыть Господь до одніи хаты, мылостыни просыть. А въ тій хати дытына вкалялася и гречаныкъ вкаляла. А маты й вынесла цей гречаныкъ, подае. Такъ Господь изъ Петромъ поднялысь на воздухъ и хлибъ у жменю забралы. Такъ собака завыла: Господы! хочъ на мою долю зоставъ!

Такъ Богъ зоставывъ те, що не дошморгнувъ до верха стебла. Отто собака выпросыла, а тобъ бувъ и того не зоставывъ.

Полтава Павло Кыслый.

Колысь оце, що въ насъ жыто оце росте, такъ одъ самой земли бувъ колосокъ ажъ у вершокъ—таке жыто було! Такъ люде й кажуть, що «Богъ зна яке жыто!»—не вгодне вже имъ. Дакъ Богъ якъ узявъ—изъ кориня якъ шморгнувъ, то ото на собачу долю та на кошачу зоставывъ колоска: собакы й кишкы на лапкахъ стоялы, въ Бога ласкы прохалы, щобъ Богъ зоставывъ жыта, а тобъ чысто не було—солома! Колысь дурни люде булы! Що, якъ одъ самой земли зерно ажъ у вершокъ, та снипъ нажны! А теперъ мы собачу долю йимо та кошачу!

Переяслав. у. Волошиновка. Хлопець литъ 13—14.

27.

Папороть.

Той, якъ ёго?... Одже й не здумаю... Папороть!.. Хто ёго достане, такъ знатыме, де гроши, де все...

Ну, тильки-жъ воно й трудно й страшно.

Одынъ чоловикъ — такъ господськый (ще якъ булы господськымы)—та й найшовъ ёго де винъ есть; темнои ночи напротывъ купала Йвана, найшовъ та й сыдыть—дожыдае, покы винъ зацвите. Сыдыть... Тильки це—де не взялась квочка! Така страшна: квокче, надулась, наскакуе на ёго, клюе, крыламы бъе! Винъ—байдуже—сыдыть.

Пропала квочка.

Колы це—копыця гаряча иде́, сунется. Винъ сыдыть. Вона черезъ ёго,—сыдыть! Потимъ того—вода! Такъ и верпе, такъ и верпе горою! Такъ якъ горы отто йе, то такъ вода: шумыть, клекотыть... А винъ не потура, сыдыть. Перейшла вода,—винъ не вставъ!

А це цвитъ—тильки що зачына цвисты! Писля тіеи воды—козакы! Якъ набиглы зъ нагайкамы, якъ узялы ёго чыстыты! Такъ и то́—не злякавсь, покы такы папороть зацвивъ! Винъ тоди цвитъ узявъ, йде вже до-дому.

Прыходе у те село у панське. Ажъ выходять заразъ два лакеи на зустричъ ёму и ёго тягнуть до пана: «Де ты, сякый такый сыну, бувъ»?

Прытягнулы до пана. Панъ уставъ, выйшовъ, давай ёго допытуваты: «де ты бувъ?» — и ризкамы ёго хотилы быты.

Винъ прызнався передъ паномъ... Колы це—нема ничого! Нема того и пана, нема и тыхъ лакеивъ! Винъ до-дому та й заснувъ.

И съ ёго вкрадено той цвитъ,—такъ и пропало!

А то—ыдолы все заходылысь коло ёго, щобъ цвитъ одибраты!

А то—чумакъ: волы пасъ. Воны поочередно волы пасуть. Тильки — загубывъ винъ волы и бига, шука. Це було проты цёго дня самого.

Бигаючы, винъ и самъ не знавъ и не дывывся, куды ступае: ёму одно на думци—де волы дилыся.

И наступывъ винъ ногою на той цвиточокъ, и бижучы—стебельце струснувъ, незнамкы зачепывъ: цвиточокъ и упавъ за постиль.

Якъ упавъ, такъ винъ—той чумакъ—заразъ узнавъ, де и волы, и все: ставъ усе бачыты! И бачывъ гроши, де закопано, и скризь, куды не повернется, то́ все зна.

Тилько: дви бабы случаются ёму на зустричъ (то вже и бабы тіи—ыдолы!) Тильки: просять ёго—земли зъ-за постола. Кажуть такъ,—що «мы ходымо, шепчемо,—такъ дай намъ тіи землі: вона для насъ удобна».

Винъ не дае, каже: «мини николы,—треба до обозу гнаты волы. (Уже зна, де воны зайшлы, та поспиша до ныхъ). Такъ ни: «дай тай дай»! И воны, тіи цыганкы, поты ёго морочылы, покы такы выманылы въ ёго ту землю.

«Берить каже, та швыдче, бо мени николы!»

Такъ воны ёго попросылы, щобъ зъ правого постола наперёдъ отрусювавъ землю. Винъ вытрусывъ... Воны ёму подякувалы... Винъ пишовъ...

Якъ пишовъ, тоди зразу забувъ усе и не взнавъ уже ничого — забувъ! И зоставсь такъ! и пропало такъ! Винъ не мигъ згадать, що воно й було, тилько вписля догадався: «Э, каже: було бъ, каже, не даваты земли!

(Полтава. Павло Кыслый).

Кіевскій соборъ въ 1629 году.

29 числа сего іюня исполнилось 276 лѣтъ, какъ въ нашей Кіево-Успенской Печерской лаврѣ были открыты соборныя засѣданія. На открытіе этого собора, имѣвшаго продолжаться въ теченіе двухъ недѣль, начиная съ 29 іюня, далъ разрѣшеніе польскій король Сигизмундъ III еще въ началѣ января 1629 года. Вслѣдствіе королевскаго разрѣшенія кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій составилъ пригласительную грамоту и, напечатавши ее въ типографіи Кіево-Печерской лавры 12 апрѣля того же года, а затѣмъ подписавши своею «власною рукою» и приложивши печать, разослалъ ко всѣмъ православнымъ, входившимъ тогда въ составъ Кіевской митрополіи [1]). Архипастырскою грамотою приглашались на соборныя совѣщанія лица всякаго достоинства «духовнаго и свѣцкаго высокаго шляхетного и нижняго посполитаго стану», но въ ней не было упомянуто о запорожскомъ козачествѣ, которое въ 1620 году главную роль играло въ возстано-

---

[1]) Сверхъ архипастырской грамоты, митрополитъ Іовъ Борецкій болѣе важнымъ ревнителямъ православія писалъ особыя приглашенія, а именно—къ Львовскому братству 21 апрѣля 1629 г.; къ князю Григорію Святополку-Четвертинскому того же апрѣля, и къ другимъ. Въ особыхъ приглашеніяхъ онъ просилъ о пособіи лицамъ небогатымъ для поѣздки въ Кіевъ, какъ духовнымъ, такъ и посполитымъ.

вленіи западно-русской іерархіи и всегда считало для себя священнымъ долгомъ охранять права и привилегіи православной церкви.

Хотя Кіевскій соборъ на четвертый день послѣ открытія своихъ совѣщаній былъ закрытъ по требованію уполномоченныхъ отъ запорожскаго козачества и хотя объ этомъ соборѣ сохранилось весьма немного свѣдѣній, но такъ какъ эти свѣдѣнія служатъ весьма вѣскимъ доказательствомъ искренней любви запорожцевъ нашихъ къ православію, то мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ напечатать ихъ.

Послѣ возстановленія въ 1620 г. западно-русской церковной іерархіи, борьба между православными и уніатами значительно усилилась. Православные, вслѣдствіе многочисленныхъ и притомъ весьма тяжкихъ притѣсненій и обидъ, иричнненныхъ уніатами, въ январѣ 1629 года подали жалобу въ Варшавскій сеймъ и усиленно просили оказать имъ законную защиту и возстановить ихъ древнія права и привилегіи. По совѣту пропагандистовъ католицизма, желавшихъ, чтобы и митрополитъ Борецкій съ подчиненными ему епископами, подобно Михаилу Рогозѣ, попалъ въ іезуитскія сѣти папизма, Сигизмундъ III универсаломъ своимъ приказалъ жалующимся войти въ соглашеніе съ уніатами и для этой цѣли предназначилъ въ октябрѣ того же года съѣздъ или соборъ въ Львовѣ, куда къ 24 числу октября должны были съѣхаться обѣ враждующія стороны. Но разрѣшая православнымъ и уніатамъ совмѣстный соборъ во Львовѣ, король, для надлежащаго подготовленія къ нему, предназначилъ тѣмъ и другимъ отдѣльные соборы: для православныхъ въ Кіевѣ, въ теченіе двухъ недѣль, начиная съ 29 іюня, а для уніатовъ въ то же самое время во Владимірѣ-Волынскомъ. Въ настоящей статьѣ мы ограничимся описаніемъ только Кіевскаго собора.

Кіевскому собору предшествовала разсылка упомянутой грамоты ко всѣмъ православнымъ польской короны и великаго княжества Литовскаго. Одинъ экземпляръ этой грамоты, еще нигдѣ не перепечатанный, хранится въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора. Копію съ него мы печатаемъ рѣшительно безъ всякаго

измѣненія. Грамота Іова Борецкаго весьма замѣчательна и потому, что въ ней помѣщены тѣ лица, которыя, по его взгляду, имѣли право участвовать въ совѣщаніяхъ помѣстнаго церковнаго собора.

„Іовъ Борецкій милостію Божіею Архіепископъ, Митрополитъ Киевскій, Галицкій и всея Россіи.

Всѣмъ посполите Россійскаго рода, какъ въ Короне Польской яко и у великомъ Княжестве Литовскомъ всякого достоинства духовного и свѣцкого Высокого шляхетного и нижшого посполитого стану людемъ церкве Святое Восточное Греческое благопослушнымъ сыномъ ласка, покой и милосердіе отъ вседержителя Бога, и благословеніе отъ нашего смиренія.

Ознаймуемъ побожности вашой, ижъ отъ многихъ лѣтъ за великою докукою о успокоене релѣи нашое православное Греческое по всѣ часы на сеймахъ валныхъ коронныхъ, за ласкою Наяснѣйшого Государя Короля Пана нашого милостивого, и за причиною ихъ милостей Пановъ радъ теперь по близко прошломъ Сеймѣ универсаломъ его К. М. естъ намъ самымъ православнымъ сыномъ восточнаго благочестія назначоный часъ до зъѣханяся и до згодное намовы на соборъ помѣстъный партикулярный въ року теперешнемъ ахкѳ мѣсяца іюля ѳ ведле нового, а ведле старого іюня кд дня на празникъ и свято святыхъ Великихъ Апостолъ Петра и Павла, на мѣсце певное въ мѣсте его К. М. въ Киевѣ, яко бысмы конечне мѣли и могли успокоены быти въ нашихъ вельких докучливостяхъ, которые терпимо предъ отступство нѣкоторыхъ щекгульныхъ особъ отъ благочестія нашого, где всякимъ покоемъ и обезпеченствомъ на недѣль двѣ обваровано насъ, на который часъ и мѣсце и соборъ всѣхъ а всѣхъ милостей вашихъ, иле кто сыномъ церкве святое восточное отзывается, пилно а пилно запрашаемъ изъ повинности пастырское и о имени Христовомъ взываемъ, абы милость Христа и благословеніе нашого смиренія зъ побожностями вашими зоставало: чого милости вашой вѣрно сприяемъ: зъ монастыря Михайловъского церкве Златоверхое, въ Киевѣ мѣсяца Априля ві дня ахкѳ року.

Іовъ Борецкій Митрополитъ Киевскій Галицкій и всея Россіи власною рукою».

Православные, входившіе въ составъ тогдашней Кіевской митрополіи, еще со временъ Брестской уніи довольно знакомы были съ іезуитскими дѣйствіями латиноуніатской партіи и потому на предстоявшіе Львовскій и Кіевскій соборы посмотрѣли (что слѣдовало и сдѣлать), какъ на новую ловушку для привлеченія ихъ къ церковному подчиненію папѣ. Вслѣдствіе сей причины разосланныя грамоты Іова Борецкаго среди ревнителей православія вызвали большое безпокойство и протесты. Уже 29 апрѣля 1629 г., спустя только семнадцать дней послѣ напечатанія грамоты, православные жолнерскаго польскаго полка, находившагося въ предѣлахъ Пруссіи, прислали на родину свою слѣдующій протестъ»: дошло до насъ изъ русскихъ краевъ извѣстіе, которому не хотѣлось бы вѣрить, что отъ короля нашего, отъ посполитой Рѣчи и папы Римскаго послѣдовали лукавые замыслы, т. е. что они хотятъ перевести всѣхъ насъ изъ греческой вѣры въ унію... Находясь въ Пруссіи, на службѣ королю нашему и Рѣчи Посполитой, мы вправѣ ожидать награды за наши рыцарскія заслуги, между тѣмъ у насъ замышляютъ отнять нашу греческую вѣру, наше набоженство и наши церкви... Ради самого Господа Бога, умоляемъ всѣхъ, которые имѣютъ присутствовать въ Кіевскомъ соборѣ, заявить тамъ, что всѣ мы, сколько насъ есть въ польскомъ войскѣ, для защиты нашей святой вѣры, готовы пролить нашу кровь... Сей листъ подъ Мальборкомъ, при полномъ собраніи нашего товарищества 29 апрѣля 1629 года подписали: Андрей Шмарчевній съ повѣту Жидочовскаго; Александръ Голатицкій съ княжества Литовскаго; Иванъ Жищевскій съ повѣту Галичского; Илія Боярскій съ повѣту Каменецкаго; Иванъ Попель съ повѣту Премыскаго; Иванъ Соколовскій съ повѣту Винницкаго».

Протестація эта, писанная на польскомъ языкѣ, находится въ Кіевской Археографической Коммиссіи.

Гораздо рѣзче и опредѣленнѣе высказались относительно разрѣшенныхъ королемъ Соборовъ ревнители православія, населявшіе Кіевское воеводство. За три дня до открытія Кіевскаго Собора, они въ своемъ протестѣ заявляли, что «королевскій уни-

версалъ, разрѣшавшій соборы въ Кіевѣ, во Владимірѣ (Волынскомъ) и затѣмъ въ Львовѣ, нарушаетъ права и привилегіи русскаго православнаго народа, и что для нихъ хотя весьма желательно успокоеніе греческой религін (о чемъ они многократно, но безуспѣшно хлопотали на сеймахъ), но они хотятъ и требуютъ, чтобы это успокоеніе совершилось безъ всякаго нарушенія ихъ вольностей и привилегій, безъ искаженія церковныхъ обрядовъ, обычаевъ и вѣроученій греко-восточной россійской церкви, съ сохраненіемъ зависимости отъ цареградскаго патріарха. А такъ какъ соборы, предназначенные по распоряженію короля, безъ ихъ вѣдома и согласія, имѣютъ, повидимому, иную цѣль, то они, обыватели Кіевскаго воеводства, протестуютъ противъ открытія соборовъ. Если же эти соборы состоятся и на нихъ сдѣланы будутъ какія-либо постановленія, противныя благочестію и нарушающія древнія права и привилегіи православнаго русскаго народа, то постановленія эти должны считаться необязательными и недѣйствительными».

Протестація эта написана на польскомъ языкѣ и хранится также въ Кіевской Археографической Коммиссіи.

Митрополитъ Іовъ Борецкій пригласительной грамоты не послалъ запорожцамъ, что, какъ они предполагали, было сдѣлано не случайно, а съ умысломъ. Считая священнымъ для себя долгомъ всегда и вездѣ защищать интересы своей церкви, запорожцы на состоявшейся радѣ постановили избрать изъ своей среды двухъ уполномоченныхъ и послать на предстоящій Кіевскій соборъ съ тѣмъ, чтобы они зорко слѣдили за соборными совѣщаніями и, если найдутъ нужнымъ, потребовали закрытія собора. Послѣ состоявшейся рады, они 15 іюня послали митрополиту Борецкому слѣдующее письмо:

«Преосвященный въ Бозѣ велебный и намъ милостивый и велце ласкавый господине Отче Митрополите!

Унижоныя и на всемъ повольные послуги наши рыцарскія залецаемъ яко найпильней ласце и молитвамъ вашей святительской велебности.

Копія зъ универсалу Его Королевской Милости изъ листу, писаннаго В. М. до всего народу Христіанскаго въ вѣрѣ нашей православной, за порогами насъ отъ товариства нашого зъ городовъ дошла, зъ которого универсалу и листу В. М. зрозумѣлисмо, ижъ есть часъ терминъ близко назначоный, то есть въ день Св. Петра, до зъѣханяся, яко постановлено, въ Кіевъ; ачъ впрежде до себѣ отъ В. М. писаня жадного немѣлисмо, еднакъ жевучи православными вѣрѣ своей, въ которой есмо народили, для взятя певное вѣдомости, щось тамъ дѣлается, посылаемъ двохъ товарищовъ нашихъ Андрея Лагоду и Сапрона Сосимновича, и пилне покорне просимъ, абысмо презъ оныхъ о всемъ вѣдомость могли мети, бы што противного было, абысмо завчасу старане мѣли такъ, якобы противникъ помехи не одержалъ, кгдыжъ то есть повинность наша и кождого христіанина за вѣру умрети. Затымъ и повторе ласце и молитвамъ Вашей Святительской милости отдаемось. Данъ за порогами у Осмяновцѣ іюня 25 дня 1629 року.

Вашой милости всего добра зычливый и служить готовый Леонъ Ивановичъ зо всимъ войскомъ запорозскимъ Его Королевской Милости.

Списано съ копіи, находящейся въ Кіевской Археограф. Коммиссіи.

При прописанномъ положеніи дѣлъ, отъ предстоявшихъ соборовъ нельзя было ожидать благопріятныхъ послѣдствій для латино-уніатской партіи, во главѣ которой стоялъ польскій король Сигизмундъ III. Таковое положеніе дѣлъ вполнѣ сознавалъ и митрополитъ Іовъ Борецкій, а потому безошибочно слѣдуетъ предполагать, что онъ рѣшился открыть Кіевскій соборъ 29 іюня, въ назначенное королемъ время, главнымъ образомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы пощадить гоноръ найяснѣйшого своего короля и не выставить себя ослушникомъ верховной польской власти.

Дѣйствительно Кіевскій соборъ пришелъ въ разстройство при самомъ своемъ началѣ. Въ польскомъ королевствѣ на церковныхъ соборахъ, созываемыхъ съ разрѣшенія правительства, обязательно присутствовали королевскіе комисары, которые должны были наблюдать за порядками на соборныхъ совѣщаніяхъ. Таковыми ко-

мисарами на Кіевскій соборъ были назначены со стороны латино-уніатовъ князь Александръ Заславскій, ревностный защитникъ уніи, а со стороны православныхъ—Адамъ Кисель. Между тѣмъ удалить князя Заславскаго отъ присутствованія на соборныхъ засѣданіяхъ члены собора опасались, такъ какъ это было противно государственнымъ законамъ и сочтено было бы за бунтъ.

Принимая во вниманіе заявленныя протестаціи противъ собора и крайне тревожное настроеніе ревнителей православія прибывшихъ въ Кіевъ, Іовъ Борецкій колебался открывать соборныя совѣщанія, но наконецъ вынужденъ былъ открыть ихъ, вслѣдствіе настойчивыхъ требованій князя Александра Заславскаго и Адама Киселя.

Соборъ открылся 29 іюня въ Кіево-Печерской лаврѣ послѣ литургіи, которую совершалъ самъ митрополитъ. Но какъ только было открыто засѣданіе и маршалкомъ (предсѣдателемъ) былъ избранъ князь Александръ Заславскій, тотчасъ среди ревнителей православія произошло сильное волненіе и многіе изъ нихъ громогласно заявили, что королемъ предназначены соборы не для успокоенія греко-восточной религіи, а въ исключительныхъ интересахъ уніатовъ, для подавленія уніею православія и для привлеченія православныхъ подъ власть римскаго папы, и затѣмъ настоятельно потребовали закрыть соборъ. Митрополитъ не находилъ возможнымъ исполнить это требованіе; его поддержали нѣкоторые изъ членовъ собора, опасавшіеся закрытіемъ собора оскорбить короля и навлечь на себя гнѣвъ. Но въ это время со стороны прибывшихъ на засѣданіе козаковъ послышались слишкомъ недовольные голоса. Князь Заславскій именемъ короля приказывалъ козакамъ, какъ лицамъ неприглашеннымъ на соборъ, не медля удалиться изъ засѣданія, но на таковое приказаніе козаки не обратили вниманія и продолжали громогласно требовать закрытія собора. Члены собора должны были разойтись. На слѣдующій день соборъ опять открылся въ лаврѣ; но опять явились козаки и заявили настоятельное требованіе о закрытіи собора, угрожая въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ насилію. На четвертый день послѣ открытія собора нѣкоторые изъ членовъ его

собрались въ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ, но собрались только для того, чтобы заявить маршалку князю Заславскому о невозможности продолжать соборныя засѣданія и о закрытіи собора

Благодаря главнымъ образомъ противодѣйствію запорожцевъ, въ нашей отечественной церкви не повторилось то, чего достигли въ 1596 г. на Брестскомъ соборѣ пропагандисты католицизма.

Послѣ закрытія Кіевскаго собора, Іовъ Борецкій уже не считалъ нужнымъ присутствовать и не присутствовалъ на Львовскомъ соборѣ, на которомъ, по распоряженію Сигизмунда III должно было состояться примиреніе между православными и уніатами.

Протоіерей **Петръ Орловскій**.

Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи.[1])

Въ № 127 «Кіевскихъ Откликовъ» появилась статья: «Русинскій вопросъ въ цифровомъ освѣщеніи»: Авторъ ея, г. К. (такъ подписана эта статья), въ своемъ письмѣ въ редакцію, напечатанномъ при статьѣ, поясняетъ, что имъ, какъ полякомъ, руководило желаніе возстановить репутацію своихъ галицкихъ соотечественниковъ и устранить «весьма обидное для поляковъ мнѣніе о производимыхъ ими притѣсненіяхъ русиновъ», и выражаетъ надежду, что опубликованіе статьи его, «способствуя выясненію истины», послужитъ «дѣлу примиренія родственныхъ между собою народностей, населяющихъ и юго-западный край». Исполняя желаніе автора, редакція высказала пожеланіе, чтобы статья вызвала спокойный и безпристрастный обмѣнъ мнѣній и послужила выясненію взаимныхъ отношеній двухъ народностей, населяющихъ Галицію.

Какъ кіевлянинъ по происхожденію и воспитанію, силою обстоятельствъ перенесенный въ центръ галицкихъ, польско-русинскихъ отношеній, я считаю своимъ долгомъ откликнуться на призывъ, заключающійся въ словахъ редакціи, и съ своей стороны посильно содѣйствовать выясненію польско-украинскихъ

---

[1]) Съ любезнаго разрѣшенія автора, мы перепечатываемъ эту статью цѣликомъ изъ газ. «Кіевскіе Отклики» (№ 141, 148, 161 и 189).

отношеній Галиціи. Я всегда интересовался національными отношеніями вообще и польско-украинскими въ частности. Они имѣютъ за собою почтенную историческую давность, и изученію ихъ исторіи я посвятилъ немало труда, а проживъ одиннадцать лѣтъ въ центрѣ галицкой жизни, имѣлъ достаточно возможности ознакомиться съ ихъ настоящимъ. Установленіе справедливыхъ національныхъ отношеній въ Украинѣ правобережной (т. е. юго-западномъ краѣ) является для меня вопросомъ чрезвычайнаго значенія и интереса, и я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ автора статьи, что уясненіе галицкихъ національныхъ отношеній съ этой точки зрѣнія можетъ быть весьма полезно. Этого уясненія, однако, трудно достигнуть нѣсколькими цифровыми табличками и общими фразами—цифры требуютъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ комментаріевъ, а общіе выводы—болѣе детальныхъ наблюденій, и чтобы понять смыслъ и значеніе національнаго спора Галиціи (спора весьма поучительнаго съ разныхъ точекъ зрѣнія тѣхъ общественныхъ отношеній, къ которымъ открываетъ дорогу нынѣшнее освобожденіе Россіи), мы должны войти въ этотъ вопросъ нѣсколько глубже.

I.

Авторъ «Русинскаго вопроса», какъ обыкновенно поступаютъ защитники польскаго господства въ Галиціи, исходитъ изъ современнаго соотношенія культурныхъ силъ поляковъ и русиновъ, то есть изъ того, что называется «состояніемъ владѣнія» (status possidendi, Besitzstand). Онъ указываетъ на то, что если взять отношеніе студентовъ, учениковъ, профессоровъ русинъ и поляковъ, и вообще культурныхъ силъ и средствъ русинскихъ и польскихъ, то число школъ, гимназій, каѳедръ и т. д. съ русинскимъ языкомъ вполнѣ достаточно, даже слишкомъ велико; что русинамъ не ставится никакихъ препятствій къ достиженію ученыхъ степеней, занятію должностей; что они въ большомъ числѣ встрѣчаются среди преподавателей гимназій, а судебный отдѣлъ положительно ими переполненъ; «въ мѣстномъ центральномъ

учрежденіи они занимаютъ много должностей по выбору» (фраза, настоящій смыслъ которой остается мнѣ неяснымъ), словомъ, если взять пропорцію культурныхъ силъ русиновъ и поляковъ, то русины оказываются въ положеніи даже привилегированномъ, (это отзвукъ того, что въ Галиціи означается техническимъ терминомъ: «угнетеніе русинами поляковъ», ucisk polaków przez rusinów), и если они не имѣютъ больше, чѣмъ сколько имѣютъ въ настоящее время, то виною тому только слабость ихъ собственныхъ силъ, недостатокъ культурности, «равнодушіе къ наукѣ», словомъ, ихъ собственная несостоятельность, обезоруживающая ихъ претензіи и непозволяющая имъ использовать даже тѣ средства и возможности, которыя имъ уже предоставлены.

Авторъ остается на почвѣ интересовъ и силъ культурныхъ; другіе защитники польскаго господства переносятъ эту аргументацію и на почву экономическихъ отношеній, указывая, что поляки, въ качествѣ представителей крупной собственности и капиталистической буржуазіи, представляютъ, сравнительно съ русинами, болѣе значительную платежную силу и съ точки зрѣнія конституціонной (буржуазной) должны пользоваться бóльшимъ вліяніемъ, бóльшимъ голосомъ въ управленіи края и его представительствѣ. При этомъ, защитники польскаго господства, какъ и авторъ, отчасти пользуются статистическими данными, отчасти общими соображеніями о неспособности русиновъ использовать ту возможность самоопредѣленія и развитія, которая имъ предоставляется, и о «болѣе высокой культурѣ» поляковъ, вслѣдствіе которой русины подпадаютъ культурному вліянію польскаго элемента, и т. д. Какъ мы будемъ имѣть случай видѣть, даже исходя изъ такой сравнительной оцѣнки современныхъ культурныхъ и экономическихъ силъ обѣихъ народностей, нынѣшнее состояніе господства (stan posiadania) поляковъ въ Галиціи совершенно не находитъ себѣ оправданія ни въ цифрахъ, ни въ фактахъ, могущихъ служить мѣрою силъ и средствъ обѣихъ народностей. Но прежде чѣмъ перейти на эту почву, мы должны напомнить, что такой учетъ современныхъ отношеній далеко не является единственнымъ принципомъ, съ точки зрѣнія котораго можетъ и должна быть про-

изведена оцѣнка національныхъ отношеній Галиціи. Существуютъ другія точки зрѣнія, гораздо болѣе существенныя, и прежде всего точка зрѣнія историческая, на которую я позволю обратить вниманіе читающаго эти строки. Это впрочемъ не исторія хартій и привилегій, а исторія общественныхъ и культурныхъ отношеній.

Русины и поляки въ Галиціи не представляютъ изъ себя двухъ незнакомцевъ, встрѣтившихся въ настоящее время на новой, нейтральной почвѣ и устанавливающихъ modus vivendi на основаніи учета численныхъ отношеній и экономическихъ и культурныхъ средствъ обѣихъ національностей. Я разумѣю тутъ, конечно, восточную, украинскую, русинскую Галицію, которой, собственно, принадлежитъ это имя и которая является ареною польско-русинскихъ культурныхъ отношеній и борьбы, почти не затрагивающей западной (польской) ея части—Краковскаго воеводства, старой Польши, между тѣмъ какъ восточная Галиція составляла, въ главныхъ чертахъ, воеводство Руское, носившее это характеристическое имя все время существованія польской Рѣчи Посполитой [1]). Національныя польско-украинскія отношенія въ этомъ краѣ, со времени славянскаго разселенія заселенномъ южною (украинскою) вѣтвью восточнаго славянства (говорю объ отношеніяхъ національныхъ внутри края, оставляя въ сторонѣ предшествующую политическую борьбу Руси и Польши за пограничныя земли), завязываются въ половинѣ XIV в., когда въ 1349 г. поляки явились сюда какъ завоеватели, подъ предводительствомъ Казимира Вел. Какъ свидѣтельствуютъ современники и болѣе поздніе писатели, въ тѣ времена Галичина представляла богатый, изобильный дарами природы, благоустроенный край, съ могущественною туземною аристократіею, богатыми городами, оживленными сношеніями съ западной Европой и Востокомъ. Экономически и культурно она стояла если не выше, то во всякомъ случаѣ едвали

1) Въ Галичинѣ по старой традиціи термины: Русь, русин, руський обозначаютъ національность малорусскую (украинскую—по принятой теперь терминологіи).

ниже современной Польши [1]). Съ тѣхъ поръ, съ небольшимъ интерваломъ послѣ перваго раздѣла Польши (когда австрійская бюрократія взяла было администрацію Галиціи въ свои руки), въ продолженіе слишкомъ пятисотъ лѣтъ Галичина находилась во власти поляковъ: во владѣніи Польши и подъ польскимъ господствомъ—подъ владѣніемъ Австріи. Въ продолженіе пятисотъ лѣтъ поляки исполняли здѣсь, среди туземнаго русинскаго населенія, свою «историческую культурную миссію», о которой все еще очень серьезно, съ энтузіазмомъ говоритъ польская исторіографія и польская публицистика. И что сдѣлалось съ этою «текущею медомъ и млекомъ» землею, чаровавшею своею роскошью и богатствомъ средневѣковыхъ польскихъ историковъ, за эти пятьсотъ лѣтъ польской опеки, польской культурной миссіи?

Состояніе, въ которомъ получила Галицію австрійская бюрократія въ 1772 г., подводитъ итоги польскаго управленія, польской культурной работы въ этомъ краѣ [2]). Она получила край страшно бѣднымъ и отсталымъ. Торговля и ремесла были въ упадкѣ, города наполнены полуголодными евреями; крестьянство забито, подавлено, разорено; туземный элементъ репрезентовался полуграмотнымъ духовенствомъ, польскій—своевольною, малокультурною шляхтою. Столѣтіе дальнѣйшаго господства поляковъ въ краѣ увѣнчалось тѣмъ состояніемъ, въ какомъ видимъ восточную Галичину теперь: краемъ наиболѣе запущеннымъ, наиболѣе бѣднымъ, наиболѣе темнымъ во всей Западной Европѣ; краемъ безъ торговли, безъ промышленности, совершенно пассивнымъ въ своемъ балансѣ; краемъ, гдѣ голодный тифъ является совершенно обычнымъ и регулярнымъ гостемъ; краемъ, въ которомъ дневной заработокъ взрослаго работника колебался между 15—20 кр. (12—

---

[1]) Объ этомъ всемъ писалъ я подробно въ своей «Історіи Украіни Руси», т. III, IV, V; потому не считаю нужнымъ входить въ детали и цитировать источники; вкратцѣ о польско-украинскихъ отношеніяхъ въ моемъ «Очеркѣ исторіи украинскаго народа».

[1]) Memorial Antoniego hr. Pergena pierwszego gubernatora Galicyi o stanie kraju—Kwartalnik histor. 1900.

15 коп.), до послѣднихъ крестьянскихъ стачекъ, подавленныхъ, впрочемъ, «желѣзною рукою» польской бюрократіи; краемъ, по числу безграмотныхъ составляющимъ настоящее черное пятно на картѣ Европы; краемъ, прославленнымъ самоуправствомъ своей администраціи и неслыханными «разбоями» въ выборахъ, производимыхъ искусною рукою той же администраціи, словомъ, ославленнымъ краемъ нищеты, эпидеміи и безправія, широко популярнымъ съ этой стороны у ближнихъ и дальнихъ сосѣдей.

На днѣ послѣдняго круга этой юдоли горя и мрака очутились старые хозяева края—русины. Передъ своимъ пробужденіемъ, совершившимся въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIX в., они представляли почти исключительно этнографическую массу, состоявшую изъ совершенно подавленнаго, темнаго и до крайняго экономическаго истощенія доведеннаго крестьянства, между тѣмъ какъ единственную интеллигенцію (весьма невысокаго качества) составляло духовенство; и представители господствующей народности, польскіе шляхтичи, въ 1860-хъ гг. торжественно заявляли въ галицкомъ сеймѣ, что они не знаютъ русинскаго народа—знаютъ только мужиковъ и поповъ (niema Rusi, są popi i chłopi)!

Старое боярство Галичины, подорванное конфискаціями и отобраніемъ имѣній, сразу отодвинуто было на дальній планъ привилегированными пришельцами, и его остатки утонули въ морѣ польской шляхты. Всевозможными запрещеніями и исключеніями русины были оттиснуты отъ муниципальной жизни, отъ торговли и ремеслъ. Крестьяне, съ развитіемъ барщины и доминіальной власти, обращены въ безгласный рабочій инвентарь польскихъ помѣщиковъ. Земля и угодья перешли въ руки польской шляхты (послѣднимъ актомъ было присвоеніе помѣщиками, послѣ упраздненія подданства (въ 1848 г.), угодій, находившихся въ общемъ пользованіи помѣщика и крестьянъ: безчисленные процессы крестьянъ съ помѣщиками за эти «ліси і пасовиска», лѣса и пастбища, были проиграны крестьянами въ галицкихъ судахъ). Лишенное образовательныхъ средствъ, духовенство упало до уровня полуграмотныхъ «луцаковъ», пока не подняли его

уровня мѣры австрійскаго правителества. Духовная жизнь народа низведена до убогихъ остатковъ церковной литературы и устной словесности. До такого убожества дошла галицкая Русь предъ своимъ возрожденіемъ—и, несмотря на геройскія усилія послѣднихъ десятилѣтій, она и теперь недалеко ушла отъ этого печальнаго положенія.

Состояніе, несомнѣнно, жалкое. Но вмѣсто того, чтобы на этомъ фактѣ, т. е. что сравнительно съ польскимъ элементомъ, господствовавшимъ въ этомъ краѣ въ продолженіе пяти столѣтій и сохраняющимъ по сіе время свою привилегированную позицію, элементъ русинскій оказывается болѣе слабымъ экономически и культурно (самъ по себѣ польскій элементъ также не высоко зашелъ въ экономическомъ и культурномъ преуспѣяніи и можетъ соперничать только съ подавленнымъ вѣковымъ гнетомъ элементомъ русинскимъ),—вмѣсто того, говорю, чтобы на этомъ фактѣ основывать права на дальнѣйшее господство поляковъ въ Галиціи, права держать въ черномъ тѣлѣ русиновъ и пользоваться всѣми экономическими и культурными средствами края (находящагося теперь въ ихъ безконтрольной власти) исключительно въ интересахъ своей народности и ея національныхъ интересовъ,—мы должны спросить: господа поляки, вы пять столѣтій господствовали въ этомъ краю и насаждали въ немъ культуру, какъ говорятъ, ваши историки и публицисты,—почему же этотъ край вообще и его туземное населеніе въ частности очутилось въ такомъ невозможно жалкомъ состояніи? что сдѣлали вы за время вашего господства для поднятія его изъ этого жалкаго состоянія? Вы овладѣли его землями и водами—что дали вы ему взамѣнъ? Вы сдѣлались господами на его землѣ и русины стали «наймытами», работающими на дворахъ и поляхъ вашихъ,—зачѣмъ же заграждаете имъ пути къ улучшенію быта, къ возстановленію ихъ человѣческихъ правъ?

Это одна точка зрѣнія. Въ связи съ нею стоитъ другая, которую также никакъ нельзя упускать изъ вида для правильнаго пониманія польско-украинскаго спора въ Галичинѣ и оцѣнки здѣшнихъ національныхъ отношеній.

Русины въ восточной Галиціи составляютъ коренное населеніе [1]). До сихъ поръ, несмотря на многовѣковую денаціонализацію русинскаго элемента, вольную и невольную, они и теперь составляютъ крупное большинство въ этомъ краѣ. Даже по оффиціальной галицкой статистикѣ, вообще представляющей процентъ поляковъ большимъ (иногда значительно большимъ) сравнительно съ дѣйствительностью, русины по переписи 1900 г. [2]) изъ 50 повѣтовъ восточной Галиціи въ 35 повѣтахъ составляли болѣе 60 проц. населенія, въ 18 повѣтахъ болѣе 70 проц., въ 7 болѣе 80 проц., а въ дѣйствительности, вѣроятно, составляютъ около 70 проц. всего здѣшняго населенія, между тѣмъ какъ остальные 30 проц. дѣлятся между евреями и поляками. (Цифры оффиціальной статистики не даютъ настоящаго понятія о дѣйствительныхъ отношеніяхъ, такъ какъ: 1) онѣ въ рубрику поляковъ зачисляютъ евреевъ, которыхъ австрійская статистика не выдѣляетъ въ особую національную категорію, разсматривая ихъ не какъ національность, а какъ исповѣданіе; 2) въ рубрику поляковъ вносятся обыкновенно русины римско-католическаго исповѣданія, на основаніи этой конфессіи, хотя по національности они русины; 3) при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она производится, эта статистика даетъ, вообще, болѣе благопріятные результаты для господствующей національности; эти соображенія нужно будетъ имѣть въ виду и далѣе, при оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ [3]). Своею безотносительною численностью русины предста-

---

[1]) То есть они живутъ здѣсь со времени славянскаго разселенія; болѣе давней метрики не имѣетъ никакое другое славянское населеніе.

[2]) Пользуюсь оффиціальнымъ изданіемъ: Podręcznik statystyki Galicyi п. VII, 1903.

[3]) Въ моментъ присоединенія Галиціи къ Австріи первый губернаторъ ея гр. Пергенъ считалъ населеніе цѣлой Галиціи (восточной и западной, нѣсколько отличавшейся, однако, своими границами отъ нынѣшней) въ 2 милліона, въ томъ числѣ $^2/_3$ русиновъ и около $^1/_4$ поляковъ. По переписи 1900 г., русиновъ въ цѣлой Галиціи было 3,074 тыс., поляковъ 3,988 тыс., но изъ этого числа поляковъ нужно въ дѣйствительности исключить 800 т. евреевъ, и перечислить изъ

вляютъ также очень замѣтную величину среди народовъ Австріи: они занимаютъ третье мѣсто среди народовъ Цислейтаніи, уступая численностью только нѣмцамъ и чехамъ и превосходя поляковъ [1]). Являясь кореннымъ населеніемъ одной изъ обширнѣйшихъ провинцій Австріи, составляющимъ и теперь большинство ея, представляя по численности своей одну изъ крупнѣйшихъ національностей Австріи, русины, конечно, имѣютъ право требовать, чтобы государство, берущее съ нихъ подати и рекрутъ, заботилось и объ ихъ экономическихъ и культурныхъ нуждахъ.

Болѣе или менѣе равняясь по численности съ поляками (собственно—превосходя ихъ), русинская народность имѣетъ право требовать отъ государства, чтобы оно удѣляло ея нуждамъ болѣе или менѣе столько же попеченія и вниманія, сколько удѣляется его полякамъ. Тотъ фактъ, что русины стоятъ экономически и культурно слабѣе поляковъ, нисколько, конечно, не уменьшаетъ ихъ правъ па вниманіе. Наоборотъ, народности отставшія, поставленыя въ менѣе выгодныя для своего развитія условія, имѣютъ право на усиленное вниманіе правительства, если понимать роль

польской въ русинскую категорію, не менѣе, вѣроятно, 200 т. русинъ римско-католическаго исповѣданія. Такимъ образомъ въ настоящее время число русиновъ въ Галиціи почти равняется числу поляковъ (лищь нѣсколько превосходитъ). Если за сообщеніемъ Пергена признать только приблизительную вѣрность, все же приходится констатировать большія потери русинскаго элемента за послѣднее столѣтіе. Причины ихъ отчасти будутъ ясны изъ дальнѣйшаго.

[1]) По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 4,259 тыс. поляковъ и 3,375 тыс. русиновъ (Галиція и Буковина). Сообразно вышесказанному, исключивъ 811 тыс. галицкихъ евреевъ и перенеся изъ польской категоріи въ русинскую римско-католиковъ русинъ, мы получили отношеніе 3,2 мил. поляковъ и 3,5 мил. русиновъ, но цифра русинъ все еще, несомнѣнно, ниже дѣйствительной. Къ этой русинской территоріи Цислейтаніи примыкаетъ еще территорія Угорской Руси (входящая уже въ составъ другого политическаго организма) съ русинскимъ населеніемъ не менѣе 450 тыс., такъ что русинская территорія Австро-Венгріи въ общемъ заключаетъ около 4 милліоновъ украинскаго (русинскаго) населенія.

государства не въ формѣ пресса, выжимающаго изъ своихъ членовъ подати и рекрутовъ, или даже банкира, ведущаго текущіе счета своихъ кліентовъ и выплачивающаго соотвѣтственные ихъ вкладамъ проценты. Принципъ, который проводятъ поляки (и въ томъ числѣ и г. К.) и который сводится, собственно, къ словамъ: кто имѣетъ много, тому будетъ еще дано, а у неимущаго будетъ взято и то, что онъ имѣетъ, не соотвѣтствуетъ современному понятію о государствѣ.

Въ продолженіе послѣднихъ сорока лѣтъ правительствомъ для Галиціи фактически была польская шляхта. Начиная съ 1860-хъ гг. и до нынѣшняго дня она играла роль лейбъ-гвардіи вѣнскаго правительства и династіи и за это требовала отъ правительства сохраненія своего господства въ Галиціи, неприкосновенности преобладанія польской національности, невмѣшательства центральныхъ органовъ въ управленіе Галиціи. Составляя тѣсно сплоченную, хорошо организованную группу, преслѣдующую, собственно, свои сословные (феодальные) интересы, но прикрывающую ихъ программою національнаго господства, во имя которой она требуетъ солидарности и отъ польской буржуазіи (впрочемъ слабой), и отъ прочихъ польскихъ общественныхъ элементовъ,—польская шляхта дѣйствительно оказываетъ существенные услуги вѣнскому правительству, поддерживая его во всемъ и служа оплотомъ бюрократическо-феодальныхъ элементовъ, и за то дѣйствительно безконтрольно и всевластно правитъ Галиціей. Всѣ высшія позиціи въ управленіи края замѣщаются по рекомендаціи польскаго шляхетскаго клуба, а спеціальный министръ для Галиціи и рядъ польскихъ директоровъ департаментовъ въ вѣнскихъ министерствахъ, назначаемые по рекомендаціи того же клуба, тщательно слѣдятъ, чтобы изъ правительственныхъ круговъ не вышло ничего, что могло бы нарушить польскій stan posiadania въ Галиціи, а въ противномъ случаѣ кладутъ свое veto и пускаютъ въ дѣло и могущественное вліяніе польскаго клуба.

Поэтому по адресу поляковъ и въ частности польской шляхты обращаютъ русины тѣ претензіи, которыя они считаютъ себя вправѣ предъявить правительству и государству. Ихъ дѣ-

лаютъ они отвѣтственными за то, что для подъема и развитія украинской (русинской) народности дѣлается такъ мало, что ее держатъ въ подневольномъ положеніи, и намѣренія центральнаго правительства сдѣлать что нибудь для русинъ разбиваются о сопротивленіе польской шляхты. Ихъ считаютъ они отвѣтственными за то, что управленіе краемъ сводится лишь къ поддержанію польскаго господства въ немъ всякими средствами, въ ущербъ не только русинскому населенію, но и экономическому и культурному развитію края вообще. Ихъ обвиняютъ они въ томъ, что къ бюрократической косности Австріи присоединяются еще тормазы національнаго и сословнаго характера, и русинскія народныя массы безплодно бьются о стѣны этой формы въ своихъ стремленіяхъ къ экономическому, культурному и политическому развитію.

Русины требуютъ раздѣла этнографическихъ территорій—отдѣленія восточной (украинской) отъ западной (польской) Галиціи, національной автономіи, предоставленія украинскому (русинскому) элементу въ восточной Галиціи такой роли, какая слѣдуетъ ему, какъ національности, превосходящей болѣе чѣмъ въ три раза польское населеніе. Они требуютъ, чтобы украинской (русинской) народности были предоставлены тѣ культурныя и образовательныя средства, какими пользуется польская народность въ западной, польской, части Галиціи; чтобы было обращено вниманіе на тяжелое положеніе крестьянскихъ массъ, изъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ русинское населеніе восточной Галиціи; чтобы были устранены тѣ искусственно созданныя и поддерживаемыя условія, которыя держатъ ихъ въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ—польской шляхты и затрудняютъ всякую возможность экономическаго и культурнаго развитія

Поляки противятся раздѣлу этнографическихъ территорій. Объединеніе восточной и западной Галиціи, скрѣпляетъ положеніе польскаго элемента въ восточной Галиціи обезпечиваетъ ему (особенно при нынѣшней системѣ представительства) полное преобладаніе въ мѣстномъ сеймѣ, даетъ возможность держать въ рукахъ управленіе обѣихъ частей Галиціи, наводнять восточную

Галицію чиновниками, учителями и пр. изъ западной Галиціи (традиціонная система заключается въ томъ, что чиновники, учителя и пр. русинской народности, особенно почему либо «неудобные», назначаются въ польскія мѣстности западной Галиціи, а тамошніе—въ повѣты восточной Галиціи система, не утратившая практическаго значенія и доселѣ, несмотря на громкіе протесты русиновъ), и вообще пользоваться всѣми средствами края для усиленія польской національности.

Утративъ, можетъ быть, надежду денаціонализировать вполнѣ русинское населеніе, польская правящая партія (поддерживаемая, впрочемъ, въ этихъ стремленіяхъ польскимъ обществомъ вообще) рядомъ искусно обдуманныхъ мѣръ, слагающихся въ цѣльную систему, стремится къ тому, чтобы ослабить русинскій элементъ численно и качественно, задержать его по возможности въ состояніи этнографической массы, не дать развиться національной жизни. Какъ откровенно признаются они сами въ болѣе искренніе моменты, ея представители стремятся къ тому, чтобы вознаградить утраты, понесенныя польскою народностью въ Пруссіи и въ Царствѣ Польскомъ, усиленіемъ ея въ Галиціи—и это усиленіе можетъ произойти только цѣною народности русинской (также и еврейской).

Тутъ лежитъ центръ тяжести національнаго спора Галиціи. Русины домогаются, чтобы съ ними считались, какъ съ національностью, наравнѣ съ польскою, дали имъ то мѣсто въ восточной Галиціи, какое поляки занимаютъ на своей этнографической территоріи Галиціи. Поляки поддерживаютъ принципъ неравноцѣнности національностей и, ссылаясь на культурное и экономическое превосходство поляковъ и скромно умалчивая, что до своего экономическаго и культурнаго упадка русины доведены поляками и ими же удерживаются въ этомъ состояніи,—желаютъ для польской національности сохранить положеніе народности господствующей (nacyi dominującej w kraju), а украинскую—въ положеніи подчиненной и низшей.

Съ точки зрѣнія національнаго эгоизма—политика понятная. Но теперь національный эгоизмъ обыкновенно не рѣшается вы-

ходить на свѣтъ божій безъ прикрытія. Для этого служатъ толки о высшей и низшей культурности, о культурныхъ миссіяхъ и даже о высшихъ и низшихъ расовыхъ качествахъ. Приходится обращаться къ такимъ прикрытіямъ и полякамъ Галиціи, тѣмъ болѣе, что толки объ угнетеніи русинъ поляками компрометируютъ протесты поляковъ противъ національнаго безправія, претерпѣваемаго ими въ Россіи и Пруссіи. Тамъ безправіе также оправдывается разговорами о низшей культурѣ поляковъ, низшей славянской расѣ или даже—о неспособности поляковъ къ политической жизни, отсутствіи государственной способности и т. д. Полякамъ приходится обращаться тамъ къ аргументамъ національной справедливости и естественныхъ правъ человѣка. Г-нъ К. въ своей защитѣ польскаго режима Галиціи также заявляетъ, что отношенія поляковъ къ русинамъ совершенно не нарушаютъ «національной справедливости», и единственною причиною превалирующаго положенія поляковъ является ихъ высшая культурность въ сравненіи съ русинами. Болѣе детальное разсмотрѣніе вопросовъ, затронутыхъ въ его статьѣ, покажетъ намъ, насколько основательны эти утвержденія, бросающія такой невыгодный свѣтъ на украинскую народность, и откроетъ намъ тѣ дѣйствительные устои, на которыхъ опирается польское господство. Къ этому детальному разсмотрѣнію перехожу теперь.

II.

Въ своей статьѣ г. К. обращаетъ особенное вниманіе на университетскій вопросъ. Онъ начинаетъ свои выкладки университетской статистикой и ею же оканчиваетъ; при этомъ, какъ онъ заявляетъ, университетскій вопросъ имъ разсматривается «исключительно съ точки зрѣнія народной справедливости».

A la bonne heure! Будемъ и мы въ обсужденіи этого вопроса имѣть въ виду эту точку зрѣнія «національной справедливости». А такъ какъ университетскій вопросъ дѣйствительно вопросъ очень громкій и наболѣвшій, нѣсколько лѣтъ тому назадъ

прогремѣвшій на всю Европу (благодаря поголовному выходу студентовъ русиновъ изъ львовскаго университета въ 1901 г.), потрясшій все украинское населеніе Галичины и выросшій до значенія національнаго вопроса первой величины, то мы тоже дадимъ ему приличное мѣсто и начнемъ съ него. Разсмотрѣніе его разъяснитъ намъ, какъ понимаетъ «національную справедливость г. К. и тѣ люди, мнѣнія которыхъ отражаетъ его статья [1]).

И здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ, г. К. оставляетъ въ сторонѣ исторію вопроса, хотя она имѣетъ существенное значеніе для его пониманія [2]).

Львовскій университетъ былъ учрежденъ въ 1784 г. австрійскимъ правительствомъ и, съ перерывомъ въ 1805—1818 гг., существуетъ съ тѣхъ поръ до настоящаго времени. До 1870-хъ гг. онъ имѣлъ характеръ нѣмецкій, но несомнѣнно имѣлъ въ виду культурныя потребности русинскаго населенія восточной Галиціи; для приготовленія русинской молодежи къ университетскимъ курсамъ, при немъ былъ учрежденъ лицей съ богословско-философскими предметами, преподававшимися профессорами-русинами. Въ 1818 году, послѣ упомянутаго перерыва (въ теченіе котораго существовалъ только лицей, а университета не было) лицей преобразованъ въ университетъ, а мѣсто его заняла т. н. академическая гимназія (первая львовская гимназія, по традиціи ставшая русинскою при национализаціи школъ). Свой взглядъ на національное, такъ сказать, назначеніе львовскаго университета

---

[1]) Статья г. К. составляетъ сокращеніе, или, точнѣе, сокращенный (съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями) переводъ статьи Т. Гиральтовскаго (T. Gieraltowski. Kwestya ruska w cyfrach), напечатанной въ журналъ Przegląd Wszechpolski, 1902 (статья первая,—вторую г. К. оставилъ въ сторонѣ).

[2]) Подробнѣе исторія вопроса изложена въ моей брошюрѣ: „Справа украïнського унiверситету у Львовi", 1899 (перепечатка изъ журнала „Литерат.-Науковий Вiстникъ", съ подписью Obserwator.). Большая (оффиціальная) исторія Львовскаго университета: Finkel i Starzinski «Historya uniwersytetu lwowskiego», Львовъ, 1894.

вѣнское правительство высказало въ изданномъ въ 1848 году распоряженіи о введеніи нѣмецкаго преподаванія въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ русинской части Галиціи. Въ немъ нѣмецкое преподаваніе какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ университетѣ объявлялось временнымъ, пока не найдутся профессора, способные преподавать предметы на мѣстномъ языкѣ, т. е. русинскомъ. Обращеніе львовскаго университета въ русинскій, въ ближайшемъ будущемъ, считалось вопросомъ рѣшеннымъ, и такъ смотрѣла на это сама университетская корпорація. И это, конечно, было совершенно справедливымъ и разумнымъ планомъ, такъ какъ поляки имѣли свой университетъ въ Краковѣ, а въ восточной, русинской части Галиціи нужно было имѣть въ виду культурные и образовательные интересы мѣстнаго, русинскаго (украинскаго) населенія. Но, заявивъ эти благія намѣренія, австрійская бюрократія ничего не сдѣлала для ихъ осуществленія—для подготовки «способныхъ и соотвѣтственно приготовленныхъ» профессоровъ и преподавателей и постепеннаго введенія преподаванія на русинскомъ языкѣ. Учреждены были только (въ 1848—1849 гг.) каферды русинскаго (украинскаго) языка и литературы (на философскомъ факультетѣ) и пастырскаго богословія (на богословскомъ факультетѣ), съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ, а въ остальномъ «временное» преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ шло дальше, и правительство вспомнило о русинскомъ языкѣ снова лишь въ 1860-хъ годахъ, когда снова вышелъ на очередь вопросъ о націонализаціи галицкихъ университетовъ. Въ 1861 г. введено въ краковскомъ университетѣ преподаваніе на польскомъ языкѣ вмѣсто нѣмецкаго (сначала, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями). Львовскій университетъ правительство предназначило опять-таки для русиновъ, но въ виду отсутствія въ немъ профессоровъ русиновъ (кромѣ богословскаго факультета, на которомъ преподаваніе происходило, главнымъ образомъ, на нейтральномъ латинскомъ языкѣ, сохраненномъ и позже), не ввело тутъ русинскаго языка въ тѣхъ размѣрахъ, какъ сдѣлало это въ Краковѣ съ польскимъ, а учредило только нѣсколько параллельныхъ каѳедръ

съ русинскимъ языкомъ на юридическомъ факультетѣ. Оно поручило факультету замѣстить двѣ изъ нихъ (гражданскаго судопроизводства и уголовнаго права и судопроизводства) готовыми кандидатами безъ представленія диссертаціи, а учрежденіе дальнѣйшихъ русинскихъ каѳедръ обусловливало наличностью кандидатовъ, которые бы удовлетворили университетскимъ требованіямъ.

Если мы припомнимъ сказанное въ предшествующей статьѣ о глубокомъ упадкѣ, въ который къ этому времени былъ приведенъ русинскій элементъ въ Галиціи вѣковою опекою польской народности и ея руководящихъ круговъ, если, съ другой стороны, мы примемъ въ соображеніе, что какъ разъ польская шляхта, смѣнивъ политику фронды по отношенію къ австрійскому правительству на политику ультра-правительственную, вполнѣ захватываетъ въ свои руки управленіе краемъ и своимъ могущественнымъ вліяніемъ въ Вѣнѣ начинаетъ тормозить все, что могло бы содѣйствовать развитію русинскаго элемента,—мы не будемъ удивляться, что среди русиновъ не много нашлось лицъ, рѣшившихся воспользоваться возможностью университетской карьеры. Приготовленіе къ профессурѣ вещь очень не легкая, требующая не только способностей, энергіи, но и средствъ, а правительство ничего не сдѣлало, чтобы облегчить приготовленіе къ профессурѣ кандидатамъ-русинамъ—ничего того, что всегда практикуется въ такихъ условіяхъ (раздача стипендій, ученыя командировки и т. п.). Между тѣмъ, на пути русиновъ стояли такія недоброжелательныя инстанціи, какъ нѣмецкая профессорская корпорація, польская администрація и представительство края, оказывавшая существенное вліяніе на вопросъ университетскій, какъ и на другіе вопросы мѣстныхъ отношеній. И неудивительно, что среди слабой еще тогда и количественно, и качественно русинской интеллигенціи, подавленной польскимъ господствомъ, лишенной вѣры въ возможность достичь чего-либо и занятой заботой о кускѣ хлѣба, не находилось смѣльчаковъ, готовыхъ плыть между Сциллой и Харибдой къ такой проблематической цѣли, какою были эти «могущія быть учрежденными» русинскія каѳедры.

Между тѣмъ, поляки, обезпечивъ себѣ господство въ краѣ и достигнувъ того, что польскій языкъ введенъ былъ уже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ восточной (русинской) Галиціи, безъ устали штурмовали центральное правительство, домогаясь введенія польскаго языка и во львовскомъ университетѣ. Польская администрація края и представительство были проводниками этихъ требованій и по отношенію къ центральному правительству, и по отношенію къ университетскимъ властямъ, подъ этимъ давленіемъ дѣлавшимъ разныя уступки польскому элементу. Но австрійское правительство не рѣшалось все таки разстаться съ мыслью, что львовскій университетъ принадлежитъ русинамъ, хотя и не дѣлало ничего для осуществленія этой мысли. Наконецъ, уступая давленію, оно предоставило рѣшить вопросъ самимъ борющимся національностямъ (другими словами—предоставило сильнѣйшей оттѣснить слабѣйшую собственными средствами). Въ 1871 г. императорскій рескриптъ отмѣнилъ во львовскомъ университетѣ преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ; профессора, которые бы не могли преподавать на одномъ «изъ языковъ края» (Landessprache), въ продолженіе трехъ лѣтъ имѣли быть перемѣщены въ другіе университеты, и къ преподаванію въ университетѣ должны были на будущее время допускаться только лица, владѣющія однимъ изъ языковъ края, т. е. русинскимъ или польскимъ.

Это распоряженіе, такимъ образомъ, не рѣшало вопроса о языкѣ преподаванія. Но при тогдашнемъ положеніи обѣихъ народностей, результатъ очень легко можно было предвидѣть. Въ продолженіе трехъ лѣтъ факультеты философскій и юридическій [1]) были замѣщены поляками, благодаря дружнымъ усиліямъ польской администраціи, университета и министерства, въ которомъ польское вліяніе было достаточно сильно. Отысканы были подающія надежду лица и имъ дана возможность подготовиться къ

---

[1]) Богословскаго факультета реформа не касалась, а медицинскаго тогда во Львовѣ еще не было.

преподаванію; за неимѣніемъ мѣстныхъ силъ были приглашены поляки преподаватели или заявившіе себя въ наукѣ люди изъ Россіи, изъ Германіи и т. д. Въ 1874 г. львовскій университетъ былъ уже фактически польскимъ, и, разъ завладѣвъ университетомъ, поляки оказались въ немъ вполнѣ господами положенія, благодаря университетской автономіи.

Въ Австріи автономія университетовъ и de jure довольно значительна; если же за профессорскою корпораціею, какъ въ данномъ случаѣ—за польскою корпораціею львовскаго университета, стоитъ и мѣстная администрація, и могущественное вліяніе польскаго шляхетскаго клуба, и другія связи, то университетъ является твердынею, можно сказать, неприступною. Вакантныя каѳедры замѣщаются министерствомъ кандидатами, предложенными факультетомъ; факультетъ иногда предлагаетъ нѣсколькихъ кандидатовъ на выборъ, иногда только одного; замѣщенія помимо предложенія факультета случаются рѣдко и принимаются съ неудовольствіемъ, какъ нарушеніе автономіи. Допущеніе къ преподаванію (venia legendi) зависитъ вполнѣ отъ факультета. Чтобы получить званіе приватъ-доцента, кандидатъ (онъ при этомъ долженъ имѣть степень доктора даннаго факультета) долженъ представить самостоятельную научную работу [1]), а по принятіи ея факультетомъ—подвергнуться устному испытанію въ засѣданіи факультета (colloquium) и прочесть двѣ пробныя лекціи. Признавъ всѣ эти стадіи испытанія удовлетворительными, факультетъ представляетъ кандидата министру къ утвержденію въ званіи приватъ-доцента; министръ запрашиваетъ мѣстную администрацію относительно политической благонадежности кандидата и утверждаетъ его, получивъ благопріятный отвѣтъ. Приватъ-доценты или профессора, желающіе перенести свое преподаваніе въ другой университетъ, нуждаются также въ согласіи факультета этого университета.

---

[1]) Отъ диссертаціи на степень доктора философіи полной самостоятельности изслѣдованія не требуется, по крайней мѣрѣ, не въ такой степени. Докторатъ же правъ и медицины дается на основаніи только устныхъ испытаній, безъ диссертаціи.

Я нарочно остановился на этихъ порядкахъ, чтобы дать понять, какое значеніе имѣетъ факультетъ при замѣщеніи каѳедръ и при допущеніи къ университетской дѣятельности, какимъ полнымъ хозяиномъ, и въ положительномъ и въ отрицательномъ смыслѣ, является онъ въ этихъ вопросахъ. Противъ воли факультета почти нѣтъ возможности проникнуть въ университетъ (если министерство не имѣетъ намѣренія ему насолить—чего при галицко-вѣнскихъ отношеніяхъ нѣтъ возможности допустить). Оцѣнка научнаго качества диссертаціи, удовлетворительности устнаго испытанія, лекторскихъ достоинствъ при пробныхъ лекціяхъ—все это вещи, почти не поддающіяся учету, и на судъ факультета здѣсь нѣтъ апелляціи. Провалиться же при юбилитаціи, получить неблагопріятную оцѣнку своей диссертаціи отъ факультета и т. п.—все это вещи очень тяжелыя для каждаго, дорожащаго своей научной репутаціей, и поэтому очень трудно разсчитывать на смѣльчаковъ, которые бы рисковали искать veniam legendi, зная, что для факультета они являются нежелательными гостями.

И вотъ мы видимъ, что, завладѣвъ фактически университетомъ, польская корпорація удерживаетъ его въ полномъ своемъ обладаніи. За исключеніемъ нѣсколькихъ каѳедръ, учрежденныхъ спеціально для преподаванія на русинскомъ языкѣ (въ 1840—1860 гг. было учреждено четыре [1]), потомъ явилось еще двѣ [2]), всѣ остальныя каѳедры замѣщались исключительно поляками. За все это время на эти каѳедры факультетами не было предложено министерству ни одного кандидата русинской народности. Зная настроеніе факультетовъ, права преподаванія во львовскомъ

---

[1]) Каѳедра украинскаго (русинскаго) языка и литературы—на философскомъ, гражданскаго права, уголовнаго права и процесса—на юридическомъ, пастырскаго богословія—на богословскомъ.

[2]) Каѳедра всеобщей исторіи (съ 1894 г.); вторая каѳедра рутенистики съ присоединеніемъ церковно-славянскаго языка и украинской церковной литературы (съ 1899 г.)—на философскомъ факультетѣ.

университетѣ обыкновенно искали только лица, надѣявшіяся проплыть благополучно подъ исключительно-счастливыми созвѣздіями [1]). Остальные уходили въ другіе университеты—чешскіе, хорватскіе, нѣмецкіе (такъ изъ русинъ-галичанъ, преподававшихъ въ другихъ университетахъ въ 1880—90 г., извѣстны мнѣ: извѣстный физіологъ Горбачевскій - въ пражскомъ университетѣ, извѣстный физикъ и электротехникъ Пулюй въ пражской политехникѣ, извѣстный окулистъ Борисиневичъ въ грацкомъ университетѣ, славистъ Калужняцкій и историкъ Мильковичъ въ черновецкомъ, юристъ Зобкинъ въ загребскомъ и т. д.).

Даже во львовской политехникѣ, гдѣ не было національнаго вопроса, такъ какъ ей съ самаго основанія, въ 1870-хъ гг., правительствомъ былъ сообщенъ польскій характеръ, и вслѣдствіе того, что среди студентовъ русиновъ было мало, вопросъ о преподаваніи на украинскомъ (русинскомъ) языкѣ и не подымался,—даже здѣсь получили каѳедры русины (минералогъ Медведскій, ботаникъ Волощакъ, механикъ Маринякъ, технологъ Залозецкій и т. п.). Въ двери же львовскаго университета стучаться обыкновенно не дерзали. Если же кто-либо, «не спросясь броду», пробовалъ счастья во львовскомъ университетѣ, то результатъ часто былъ неблагопріятный. Такъ неудачны были пробы д-ра Зобкова, отъ котораго факультетъ сначала не принялъ прошенія, потомъ забраковалъ диссертацію (на основаніи которой онъ затѣмъ получилъ veniam docendi въ Загребѣ) и наконецъ отклонилъ его просьбу о допущеніи къ преподаванію въ качествѣ суплента [2])

---

[1]) Этимъ объясняется «огромный» процентъ русиновъ, допущенныхъ къ чтенію лекцій, фигурирующій—и у г. К. Изъ кандидатовъ русиновъ получило veniam legendi 75%, а поляковъ только— 40%. Нужно только прибавить, что всѣхъ кандидатовъ русиновъ при этомъ было 4 (позднѣйшія забраковки, о которыхъ я говорю, здѣсь не приняты въ расчеты), а поляковъ нѣсколько десятковъ...

[2]) Суплентами называются лица безъ званія приватъ-доцента, допущенныя временно къ чтенію лекцій на вакантной каѳедрѣ впредь до ея замѣщенія

на вакантной тогда каѳедрѣ гражданскаго права; такъ потерпѣлъ неудачу др. Франко, искавшій veniam legendi по исторіи литературы и этнографіи (онъ былъ принятъ факультетомъ, но не утвержденъ вслѣдствіе неблагопріятной аттестаціи галицкой, польской администраціи), и не возобновлялъ послѣ того уже попытокъ къ университетской дѣятельности; такъ потерпѣлъ неудачу д-ръ Мильковичъ, занявшій затѣмъ каѳедру въ черновецкомъ университетѣ; не принята была диссертація д-ра Студинскаго, который вслѣдъ затѣмъ на основаніи ея же получилъ veniam legendi въ Краковѣ и немного позже, когда заблистало благопріятное созвѣздіе, былъ приглашенъ на каѳедру изъ Кракова во львовскій университетъ; такъ, наконецъ, недавно былъ принужденъ взять назадъ свое прошеніе математикъ д-ръ Левицкій...

Для русиновъ оставались доступными (и то при наличности благопріятныхъ созвѣздій) только упомянутыя каѳедры съ русинскимъ языкомъ. Но и тутъ не обходилось безъ попытокъ въ противоположномъ смыслѣ. Въ 1880 г. юридическій факультетъ предложилъ министерству упразднить каѳедры съ русинскимъ языкомъ (въ то время было ихъ двѣ, обѣ экстраординатуры) и вмѣсто нихъ учредить вторую ординатуру гражданскаго права общаго характера (т. е. безъ ограниченія русинскимъ языкомъ, а съ правомъ преподаванія или по русински или по польски,—какъ мы знаемъ такая альтернатива существовала для всѣхъ общихъ каѳедръ, на этомъ основаніи обратившихся въ каѳедры фактически польскія). Министерство, однако, не согласилось. Въ 1890-хъ гг. была попытка, забраковавъ кандидата-русина, провести на вакантную каѳедру гражданскаго права доцента поляка, но она уже не удалась, и въ концѣ концовъ пришлось назначить русина.

Такое положеніе вещей начало возбуждать въ украинскихъ (русинскихъ) кругахъ Галиціи все болѣе рѣшительное неудовольствіе съ подъемомъ національной жизни (начинающимся особенно съ 1890-хъ гг.), съ ростомъ интеллигенціи, съ увеличеніемъ ея культурныхъ и научныхъ запросовъ.

Культурныя силы наростали. Число студентовъ-русиновъ все увеличивалось. Потребность въ украинскихъ курсахъ чувствовалась все живѣе, и сознавалась возможность ихъ созданія. Началась замѣтная научная работа въ реорганизованномъ «Науковомъ товариствѣ імени Шевченка». Указывали на лицъ, которыя могли бы вполнѣ удовлетворить требованіямъ университетскаго преподаванія. Изъ Россіи вызывались лица, которыя были не прочь взять на себя преподаваніе тѣхъ или иныхъ курсовъ на украинскомъ языкѣ въ львовскомъ университетѣ...

На эти или подобныя представленія съ русинской стороны, съ польской стороны обыкновенно отвѣчали увѣреніями, что поляки готовы удовлетворять всѣ дѣйствительныя (по мнѣнію поляковъ) культурныя (не политическія!) потребности русиновъ; что увеличеніе русинскихъ каѳедръ зависитъ только отъ наличности научныхъ силъ; что университетъ не будетъ дѣлать никакихъ препятствій имъ въ достиженіи veniae legendi и т п. Но дѣйствительность плохо гармонировала съ этими увѣреніями. Сильное впечатлѣніе произвелъ упомянутый выше эпизодъ, когда по смерти профессора гражданскаго права—русина, занимавшаго каѳедру съ русинскимъ языкомъ, искавшій доцентуры др. Зобковъ былъ забракованъ, а преподаваніе было поручено доценту-поляку. Нѣсколько другихъ проваловъ кандидатовъ-русиновъ около этого же времени усилили впечатлѣніе. Стали появляться голоса, все болѣе и болѣе настойчивые, что пока вопросъ о русинскихъ доцентурахъ и каѳедрахъ будетъ рѣшаться факультетами, состоящими изъ профессоровъ-поляковъ, онъ будетъ безнадежнымъ; что единственнымъ выходомъ было бы основаніе отдѣльнаго украинскаго университета, для котораго отчасти нашлись бы готовыя силы, отчасти могли бы быть приготовлены впродолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, если бы это дѣло поведено было при участіи учрежденій, интересующихся культурными успѣхами русиновъ, какъ «Науковое Товариство ім. Шевченка», которое въ этомъ смыслѣ обращалось съ записками въ министерство, и т. п. Но на это изъ министерскихъ и другихъ сферъ опять получился отвѣтъ, что нужно прежде всего имѣть готовыя силы—профессо-

ровъ и доцентовъ, рекомендовалось пріобрѣтать veniam legendi во львовскомъ университетѣ, а предложеніе обратиться къ вызову преподавательскихъ силъ изъ-за границы пропускалось мимо ушей, какъ бы невозможное и неисполнимое, хотя такія замѣщенія заграничными кандидатами практикуются вездѣ сплошь да рядомъ, и постоянно практиковались и практикуются при замѣщеніи каѳедръ польскими силами.

Вопросъ дѣлался жгучимъ. Напряженное состояніе разрѣшилось кризисомъ: осенью 1901 г. произошло столкновеніе съ университетскими властями студентовъ-русиновъ, домогавшихся впродолженіе нѣсколькихъ семестровъ расширенія правъ украинскаго языка въ сношеніяхъ студентовъ съ университетскими органами. Раздраженные поведеніемъ университетскихъ властей студенты-русины рѣшили коллективно и солидарно выйти изъ львовскаго университета и дѣйствительно поголовно, въ числѣ около 600, выписались изъ львовскаго университета и перешли въ другіе—вѣнскій, пражскій, краковскій. Эпизодъ былъ громкій, со временъ сецессіи студентовъ нѣмцевъ изъ пражскаго университета небывалый. Въ русинскихъ кругахъ онъ вызвалъ цѣлое движеніе. Вопросъ дебатировался цѣлые мѣсяцы во всевозможныхъ формахъ, включительно до крестьянскихъ «віч» (митинговъ). Была собрана очень значительная для убогаго русинскаго населенія Галичины сумма (ок. 60,000 кронъ), чтобы доставить студентамъ сецессіонистамъ средства для продолженія образованія въ другихъ университетахъ (немало жертвовали крестьяне). Предлагались проекты основанія русинскаго университета по подпискѣ (это, конечно, было неосуществимо, даже независимо отъ огромныхъ, необходимыхъ для этого средствъ, также и потому, что получить права для такого университета было бы немногимъ легче, чѣмъ добиться основанія государственнаго русинскаго университета). Сочувствіе русинамъ-сецессіонистамъ выражалось также прогрессивными элементами среди польской и еврейской молодежи. Но тѣ польскія сферы, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе этого вопроса, перенесли этотъ эпизодъ вполнѣ стоически. Никакихъ уступокъ, чтобы впредь не повадно было! Въ этомъ смыслѣ были сдѣланы

надлежащія представленія правительству,—и на всѣ запросы, депутаціи, меморіалы съ русинской стороны министръ отвѣчалъ: пока продолжается сецессія, не можетъ быть рѣчи о какихъ-либо уступкахъ; когда студенты-русины вернутся въ львовскій университетъ, тогда правительство и университетъ сдѣлаютъ все возможное въ смыслѣ исполненія русинскихъ требованій. Студенты дѣйствительно вернулись въ львовскій университетъ съ зимнимъ семестромъ 1902 г.,—но въ смыслѣ расширенія правъ украинскаго языка въ сферѣ администраціи или въ сферѣ преподаванія въ этомъ университетѣ не было сдѣлано *ничего*, ни тогда, ни позже.

Съ тѣхъ поръ прошло почти три года. Вопросъ сталъ на мертвой точкѣ. На повторяющіяся отъ времени до времени представленія, депутаціи, запросы о необходимости отдѣльнаго украинскаго университета, о невозможности нынѣшняго положенія вещей и т. п., даются старые отвѣты; впрочемъ, ихъ нѣсколько разнообразятъ: иногда министръ указываетъ на недостатокъ средствъ у государства; иногда повторяется совѣтъ—прежде всего позаботиться приготовленіемъ доцентовъ (на себя этой заботы брать правительство не считаетъ обязаннымъ) и высказывается увѣренность, что львовскій университетъ съ своей стороны не будетъ дѣлать никакихъ препятствій и т. д. Но въ русинскихъ кругахъ надежды достигнуть чего-либо этимъ путемъ давно исчезли; а если находились еще смѣльчаки, пожелавшіе пробовать счастья, то о результатахъ попытокъ говорилъ я выше. Съ польской же стороны высказываются постоянно разныя соображенія и аргументы и противъ умноженія русинскихъ каѳедръ въ нынѣшнемъ университетѣ, и противъ учрежденія отдѣльнаго русинскаго университета. Отголоски ихъ находимъ и въ статьѣ г. К.

Я, такимъ образомъ, подошелъ къ аргументамъ, которыми г. К. доказываетъ неосновательность претензій русиновъ имѣть свой особый русинскій (украинскій) университетъ. Разсматривая этотъ вопросъ «исключительно съ точки зрѣнія національной справедливости», онъ приводитъ такія соображенія противъ этого

требованія. Студенты-русины составляютъ весьма малую величину сравнительно со студентами-поляками и ихъ для отдѣльнаго университета слишкомъ мало («желаніе русиновъ сводится собственно къ открытію новаго высшаго учебнаго заведенія для 200 слушателей»); по мнѣнію г. К. (или его источника), бюджетъ русинскаго университета пропорціонально числу своихъ слушателей долженъ быть весьма ничтоженъ, и потому самый университетъ, въ случаѣ учрежденія, будетъ такъ жалокъ, что русины предпочтутъ итти въ чужіе университеты, какъ и теперь будто бы предпочитаютъ параллельные польскіе курсы русинскимъ (авторъ вообще, повидимому, склоненъ думать, что преподаваніе на русинскомъ языкѣ не можетъ стоять на такомъ уровнѣ, какъ преподаваніе на языкѣ польскомъ, и нѣсколько выше высказываетъ предположенія, что учебныя заведенія, «благодаря русинскому языку, приносятъ весьма сомнительную пользу»); наконецъ, не найдется для будущаго университета и профессоровъ, такъ какъ, несмотря на то, что русины во львовскомъ университетѣ не испытываютъ никакихъ препятствій, и процентъ русинскихъ диссертацій, принятыхъ факультетомъ, превосходитъ процентъ польскихъ[1]), русины «открыли лишь 7 русинскихъ каѳедръ», что, по мнѣнію автора, вполнѣ очевидно доказываетъ «равнодушное отношеніе къ наукѣ».

Эта аргументація, заимствованная г. К. цѣликомъ изъ упомянутой статьи г. Гиралтовскаго[2]), повторяетъ ходячіе доводы галицко-польскихъ шовинистовъ, неблагодарную роль популяризаціи взглядовъ которыхъ взялъ на себя г. К. Съ дѣйствительностью, не говоря уже о «національной справедливости», они расходятся довольно сильно.

---

[1]) Объ этомъ блистательномъ процентѣ я говорилъ уже выше.

[2]) Г. К. довольно глухо цитируетъ свой источникъ, вскользь упоминая о «періодическомъ изданіи», гдѣ онъ былъ помѣщенъ. Можетъ быть г. К. извѣстна печальная репутація этого органа крайнихъ шовинистовъ-поляковъ?

Итакъ, число студентовъ русиновъ вовсе ужъ не такъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ поляковъ, какъ представляетъ г. К. Число поляковъ и здѣсь выше дѣйствительнаго, такъ какъ включаетъ въ себѣ и евреевъ, bongrè-malgrè фигурирующихъ въ рубрикѣ польской народности университетской, какъ и всякой другой здѣшней статистики, и поднимающихъ ея численность ad maiorem Poloniae gloriam. Оставляя въ сторонѣ число русиновъ и поляковъ въ другихъ университетахъ, не идущее къ дѣлу, такъ какъ ни русины, ни поляки не имѣютъ претензій на учрежденіе своихъ университетовъ въ Вѣнѣ или Прагѣ, я обращусь къ цифрамъ студентовъ львовскаго университета. Авторъ для зимняго семестра 1896—1897 г. отмѣчаетъ: поляковъ 1,094 русиновъ 443.

Въ дѣйствительности въ числѣ поляковъ фигурируютъ въ этой табличкѣ 316 евреевъ, не считая нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ группъ (армянъ, русиновъ изъ категоріи непомнящихъ родства и т. п.), и въ дѣйствительности главныя составныя части львовскаго студенчества 1896—1896 г. представляются такъ: поляковъ около 770, русиновъ ок. 450, евреевъ 316, но общее число 1551. Въ нынѣшнемъ году, въ зимнемъ семестрѣ во Львовѣ русиновъ было около 800 (вписалось въ рубрику русинской народности 792). По факультетамъ распредѣляются они такъ: богословскій 300, юридическій 278, медицинскій 12, философскій 202. Какъ видите, за исключеніемъ медицинскаго факультета (вообще малочисленнаго) [1]), цифры русиновъ студентовъ вполнѣ достаточны для того, чтобы изъ нихъ хоть сейчасъ сформировать отдѣльный университетъ изъ трехъ факультетовъ. Въ Австріи и внѣ ея были и есть университеты гораздо менѣе людные. Такъ, напр., университетъ въ Черновцахъ только въ послѣдніе годы началъ приближаться къ числу 400 студентовъ на всѣхъ трехъ своихъ факультетахъ, а въ прежніе годы имѣлъ гораздо меньше.

[1]) Всѣхъ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ въ этомъ году было 105 и вольнослушателей 8.

Итакъ, г. К. совершенно напрасно говоритъ, что для русинскаго университета нѣтъ студентовъ. Не болѣе основательно его утвержденіе, что для такого университета не нашлось бы профессоровъ. Можно указать среди галицкихъ русиновъ цѣлый рядъ людей, заявившихъ себя научными работами, которые могли бы занять и занимали бы несомнѣнно каѳедры во львовскомъ университетѣ при иныхъ условіяхъ; рядъ галичанъ занимаетъ каѳедры въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Австріи; несомнѣнно, нашлись бы желающіе занять каѳедры съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ и изъ Россіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ три года, назначенные для націонализаціи львовскаго университета въ 1870 г., можно бы теперь сформировать украинскій университетъ во Львовѣ, въ качественномъ отношеніи не уступающій вовсе тому, какой былъ сформированъ въ 1871—1874 гг. Какими причинами вызывается нынѣшнее, усмотрѣнное г. К., «равнодушіе» русиновъ къ университетской дѣятельности, вслѣдствіе котораго русины «открыли» лишь семь каѳедръ, — достаточно выяснено предшествующимъ. Слѣдуя аргументаціи г. К., я могъ бы подобнымъ образомъ вывести заключеніе о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ поляковъ въ Россіи, въ виду того, что число профессоровъ поляковъ въ Варшавѣ въ 1870—1890 постоянно убывало и ихъ мѣста занимали великороссы и украинцы. Я могъ бы совершенно такъ-же говорить о чрезвычайномъ равнодушіи къ наукѣ евреевъ въ Россіи, и также точно въ Галиціи, и по точно тѣмъ же причинамъ, и въ концѣ концовъ, пользуясь методомъ г. К., могъ бы притти къ заключенію о болѣе низкомъ культурномъ уровнѣ поляковъ и евреевъ въ Россіи сравнительно съ великороссами и украинцами...

Къ наукѣ и галицкіе украинцы не равнодушны, даже очень. При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, они интересуются ею и заявляютъ себя научною дѣятельностью (см. ученыя изданія «Наукового Товариства ім. Шевченка», обращающія на себя вниманіе въ наукѣ и весьма значительныя, несмотря на стѣсненное матеріальное положеніе этого единственнаго высшаго ученаго учрежденія Галицкой Руси). При весьма стѣсненномъ матеріаль-

номъ положеніи, они ухитряются предпринимать ученыя экскурсіи, ѣздятъ въ большіе ученые центры и за границу для усовершенствованія. Только къ университетской дѣятельности приходится имъ быть «равнодушными», такъ какъ не въ ихъ силахъ измѣнить ея условія. Относительно *потребности* украинскаго университета во Львовѣ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Оставляя въ сторонѣ безчисленныя резолюціи, петиціи, представленія, записки, запросы, депутаціи, исходившія по этому вопросу за эти пять лѣтъ отъ русинскихъ депутатскихъ клубовъ, ученыхъ обществъ, митинговъ студенческихъ и всеобщихъ, городскихъ и даже сельскихъ,—я укажу лишь общія соображенія, не оставляющія мѣста сомнѣнію. Львовъ является въ настоящее время центромъ національной жизни украинской народности Галичины; ея культурные запросы за это время сильно выросли и культурный уровень поднялся; это видно въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ. 800 студентовъ русиновъ львовскаго университета служатъ также нагляднымъ свидѣтельствомъ количественнаго и качественнаго наростанія интеллигенціи. Все это само по себѣ подразумѣваетъ необходимость русинскаго университета. Онъ необходимъ также въ силу причинъ болѣе практическаго характера. Существуетъ рядъ гимназій, въ которыхъ всѣ предметы преподаются по-украински; это обстоятельство одно уже дѣлаетъ весьма желательнымъ существованіе философскаго факультета русинскаго, гдѣ будущіе преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній могли бы прослушать курсы на томъ языкѣ, на которомъ имъ предстоитъ преподавать [1]). Тоже самое нужно сказать и о юридическомъ факультетѣ: эти сотни русиновъ юристовъ не только изъ чисто культурныхъ, но и практическихъ мотивовъ желали бы прослушать курсъ юридическихъ наукъ на родномъ языкѣ, которымъ будутъ затѣмъ пользоваться въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Сообщеніе г. К., что студенты-русины предпочитаютъ

---

[1]) Философскій факультетъ австрійскихъ университетовъ соотвѣтствуетъ историко-филологическому, естественному и математическому, вмѣстѣ взятымъ, университетовъ въ Россіи.

параллельные польскіе курсы русинскимъ, относится къ разряду беллетристики; я могу сказать это достаточно рѣшительно [1]).

Полнымъ незнаніемъ грѣшитъ соображеніе его, что отдѣльный русинскій университетъ могъ бы получить очень небольшія средства, сообразно числу студентовъ, и потому былъ бы очень жалокъ. Бюджетъ университета вовсе не зависитъ отъ числа студентовъ (краковскій университетъ имѣетъ слушателей гораздо меньше львовскаго, а въ немъ каѳедръ и преподавателей больше, чѣмъ въ львовскомъ). Всѣ главныя каѳедры должны существовать одинаково, имѣетъ ли факультетъ 20 или 2 000 студентовъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли уже, украинскій университетъ изъ трехъ факультетовъ уже теперь имѣлъ бы вполнѣ достаточный контингентъ слушателей.

И средства для этого нашлись бы. Правительство находитъ возможность содержать дорогой медицинскій факультетъ (содержаніе русинскаго университета изъ трехъ факультетовъ не обошлось бы дороже) во Львовѣ для ста студентовъ. Въ 1870-хъ гг. оно не пожалѣло средствъ для основанія отдѣльнаго университета для маленькой Буковины, съ ея полумилліоннымъ (тогдашнимъ) населеніемъ, а собственно—въ интересахъ нѣсколько десятковъ тысячъ мѣстнаго нѣмецкаго населенія. И теперь оно учреждаетъ отдѣльный юридическій факультетъ для студентовъ-

---

[1]) Впрочемъ, прошу оцѣнить это утвержденіе автора, что проф. Стебельскій принужденъ читать лекціи по-польски, чтобы не остаться безъ слушателей: выходитъ, что въ то время какъ русины предпочитаютъ параллельные курсы польскихъ префессоровъ, поляки предпочитаютъ слушать пр. Стебельскаго, когда онъ читаетъ по-польски, чѣмъ своихъ профессоровъ-поляковъ. Или можетъ быть тѣ же русины предпочитаютъ слушать того же проф. Стебельскаго, когда онъ читаетъ по-польски, а не по русински? Въ дѣйствительности, профессорамъ-русинамъ рекомендовалось раньше читать отъ времени до времени курсы по-польски изъ куртуазіи для господствующей польской корпораціи: и русины-де не исключительно читаютъ по-русински. Но въ настоящее время этотъ благой совѣтъ уже не исполняется.

итальянцевъ небольшого инсбрукскаго университета, мотивируя это тѣмъ, что національный антагонизмъ нѣмецкихъ и итальянскихъ студентовъ препятствуетъ правильному теченію академической жизни инсбрукскаго университета. Если нашлись средства для удовлетворенія культурныхъ запросовъ небольшого [1]) итальянскаго населенія Австріи (при существованіи итальянскихъ университетовъ не въ дальнемъ разстояніи за границей), и правительство такъ близко принимаетъ къ сердцу правильное теченіе академической жизни въ Инсбрукѣ, то оно, конечно, нашло бы средства для отдѣльнаго университета русинскаго, для удовлетворенія культурной потребности 4 милл. своего русинскаго населенія и устраненія весьма обостреннаго національнаго антагонизма во львовскомъ университетѣ. Но препятствіе встрѣчается со стороны польской: польскіе правящіе круги и общество противодѣйствуютъ культурной эмансипаціи русиновъ и видятъ во всякомъ культурномъ пріобрѣтеніи русиновъ новый ударъ своему господству въ краѣ (stanu posiadania). Они рѣшительно противятся изъ этихъ соображеній и учрежденію отдѣльнаго русинскаго университета, и умноженію русинскихъ каѳедръ, а проявляютъ въ этомъ вопросѣ чрезвычайную заботливость объ интересахъ государственнаго казначейства и отважно свидѣтельствуютъ о недостаткѣ культурныхъ средствъ у русиновъ, отсутствіи научныхъ преподавательскихъ силъ и «равнодушіи» ихъ къ наукѣ.

О «національной справедливости» лучше ужъ и не говорить въ виду этого.

III.

19 параграфъ австрійской конституціи, утверждающій національную равноправность народовъ Австріи, постановляетъ, что каждой народности государства должна быть предоставлена воз-

---

[1]) По переписи 1900 г. въ Австріи (Цислейтаніи) было 727 тыс. итальянцевъ.

можность получать образованіе на своемъ родномъ языкѣ и не быть поставленной въ необходимость учиться чужому языку. Въ восточной Галиціи, гдѣ украинское (русинское) населеніе составляетъ около 70%, при 13% евреевъ и около 16% поляковъ, интересы украинскаго большинства коренного населенія имѣютъ преимущественное право на вниманіе, и мы вправѣ ожидать, что въ организаціи школьнаго дѣла они прежде всего будутъ приняты въ разсчетъ: къ услугамъ украинскаго населенія будутъ созданы школы всѣхъ типовъ, начиная отъ начальныхъ и кончая высшими, и ему будетъ предоставлена полная возможность просвѣщаться на своемъ родномъ языкѣ. Конечно, это его естественное право—только утверждаемое, а не создаваемое указаннымъ параграфомъ конституціи, его «національное право». Но увы— ни это «національное право», ни основной законъ не обезпечиваютъ этой возможности въ дѣйствительности, и эта дѣйствительность стоитъ въ полномъ контрастѣ съ признаннымъ закономъ правомъ украинскаго населенія на національную школу. Мы видѣли это на примѣрѣ университета—теперь увидимъ то же на примѣрѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Необходимость націонализаціи школы въ интересахъ культурнаго развитія украинскаго населенія Галиціи сознавалась при первомъ пробужденіи русинской народности, въ 1848 г., и сдѣланныя въ этомъ смыслѣ представленія правительству имѣли результатомъ извѣстное намъ министерское распоряженіе 4 дек. 1848 г., объявлявшее, что нѣмецкій языкъ въ преподаваніи гимназій русинскихъ частей Галиціи сохраняется временно, пока наличность преподавателей, владѣющихъ русинскимъ языкомъ, не дастъ возможности ввести преподаваніе на этомъ послѣднемъ. Однако и тутъ, какъ и въ университетскомъ вопросѣ, правительство само ничего не сдѣлало для приготовленія такихъ преподавателей и введенія русинскаго языка, и гимназіи сохранили свой нѣмецкій характеръ вплоть до самой конституціонной эры— до 1867 г., принесшаго вмѣстѣ съ признаніемъ права народностей націонализацію школы. Но, какъ мы знаемъ, отношенія въ Галиціи за это время успѣли радикально измѣниться сравни-

тельно съ 1848 годомъ, и правительство, склонное тогда поддерживать культурныя и національныя стремленія русинской народности, въ 1860-хъ годахъ признало вполнѣ гегемонію польской шляхты въ Галиціи. Въ результатѣ, при замѣнѣ нѣмецкаго преподаванія въ гимназіяхъ Галиціи «мѣстными языками», только *одна* гимназія—старая «академическая» гимназія Львова—получила преподаваніе на языкѣ русинскомъ, въ двухъ гимназіяхъ сохраненъ нѣмецкій языкъ (въ интересахъ, главнымъ образомъ, еврейскаго населенія), во всѣхъ остальныхъ введено преподаваніе на польскомъ языкѣ. Это пріобрѣтеніе польскіе владыки Галиціи поспѣшили закрѣпить за собою закономъ, принятымъ галицкимъ сеймомъ, не смотря на энергическую оппозицію русинскаго меньшинства (22 іюня 1867 г., § 7): на основаніи его введеніе на будущее время русинскаго языка въ преподаваніе какой либо гимназіи или реальнаго училища, или открытіе такого средняго учебнаго заведенія съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ могло состояться не иначе, какъ по особому постановленію галицкаго сейма, которому имѣетъ предшествовать еще благопріятный отзывъ мѣстной «повѣтовой рады» (уѣздной земской управы). Этотъ законъ остается до сихъ поръ единственнымъ и исключительнымъ: въ прочихъ провинціяхъ Австріи подобное ограниченіе совершенно неизвѣстно. Несмотря на свою исключительность, онъ, однако, благодаря всемогущему вліянію польскаго клуба, получилъ санкцію правительства и сохраняетъ силу до сихъ поръ; тенденція его очевидна: галицкій сеймъ, въ которомъ австрійская избирательная система обезпечиваетъ подавляющее большинство представителямъ польской народности, сдѣлался властнымъ блюстителемъ господства польскаго языка въ средней школѣ. Онъ могъ отнынѣ наложить veto на каждую попытку правительства сдѣлать что нибудь для русинской народности въ этой сферѣ. Законъ этотъ обезпечивалъ польской народности не только дальнѣйшее владѣніе средними школами восточной Галиціи, захваченное въ 1867 г., но и гарантировалъ, что ущербъ, причиненный этимъ русинской народности, не будетъ вознагражденъ открытіемъ новыхъ среднихъ учебныхъ за-

веденій съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ. Польское представительство края получило привилегію быть тормозомъ культурнаго развитія русинской народности. Съ этихъ поръ поляки могли быть спокойны относительно своего культурнаго преобладанія: ключъ къ культурному развитію русиновъ лежалъ въ ихъ рукахъ.

Изъ этихъ опасныхъ правъ, которыя давалъ имъ законъ 1867 г., польское общество и его сеймовые представители сдѣлали какъ нельзя болѣе рѣшительное употребленіе. Хотя среднія учебныя заведенія открываются правительствомъ на средства государственнаго казначейства (и поэтому всюду въ Австріи учреждаются просто министерствомъ безъ санкціи сеймовъ), поляки усвоили взглядъ, что каждое новое среднее учебное заведеніе съ русинскимъ языкомъ, учреждаемое въ Галиціи, является уступкою, великодушнымъ даромъ русинской народности съ ихъ стороны, и вообще существованіе такихъ школъ—одно великодушіе съ ихъ стороны. Съ другой стороны, держась такого взгляда, что каждое культурное пріобрѣтеніе русиновъ является ущербомъ для полнаго и нераздѣльнаго господства польской народности, они старались не выпускать изъ рукъ этихъ «великодушныхъ подарковъ» и давали свое согласіе на учрежденіе новыхъ русинскихъ учебныхъ заведеній только въ крайности, т. е. тогда, когда уже никакъ нельзя было не дать: когда центральное правительство производило съ своей стороны слишкомъ сильное давленіе въ этомъ направленіи, или нужно было дать какую нибудь подачку русинамъ—какъ вознагражденіе за уступки или потери, причиняемыя имъ какимъ нибудь новымъ смѣлымъ «завоеваніемъ» поляковъ въ жизни и устройствѣ края. При этомъ, однако, принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы такая новая русинская школа могла какъ можно меньше конкурировать съ школами польскими. Правда, за это уже въ сильной степени ручалась школьная администрація, находящаяся вполнѣ въ польскихъ рукахъ [1]), но кромѣ того принимались еще и другія мѣры

---

[1]) Г-нъ К. въ своей статьѣ также, очевидно, не допускаетъ возможности основанія русинской гимназіи иначе, какъ въ видѣ парал-

въ этомъ направленіи. Такъ польскія сферы, администрація и представительство, разъ навсегда приняли принципъ, что русинскія учебныя заведенія могутъ учреждаться только въ городахъ, гдѣ уже имѣются такія же польскія учебныя заведенія. Этотъ принципъ, совершенно нераціональный съ педагогической точки зрѣнія, такъ какъ создаетъ конкурирующія школы въ одной и той же мѣстности вмѣсто того, чтобы учреждать ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы, имѣетъ въ виду не допустить до того, чтобы поляки и евреи отдавали, за неимѣніемъ польскаго учебнаго заведенія, своихъ дѣтей въ русинское, гдѣ они были бы принуждены учиться по украински (русински) и подпадали бы ruszczeniu, какъ принуждены подпадать polszczeniu русинскія и еврейскія дѣти въ польскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). Русинскія среднія школы польскій сеймъ хотѣлъ допустить только въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, и въ такой формѣ допускалъ первую изъ разрѣшенныхъ имъ русинскихъ гимназій (въ Перемышлѣ). Министерство не нашло возможнымъ держаться вполнѣ этого требованія; но все-таки русинскія гимназіи учреждаются сначала въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ, часто въ весьма неудобныхъ, невозможныхъ даже, помѣщеніяхъ, имѣющихся при польской гимназіи, и остаются и позже pod jednym dachem съ польской, хотя и получаютъ, достигнувъ полнаго числа классовъ, самостоятельную организацію, и т. п.

Чтобы показать, какъ трудно достается русинамъ учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній съ русинскимъ языкомъ, я представлю вкратцѣ исторію основанія этихъ школъ и нѣсколько

лельной къ польской. Предпочитается оставить дѣтей, въ томъ числѣ и польскихъ, данной мѣстности, не имѣющей никакой гимназіи, вовсе безъ образованія, только бы они не имѣли соблазна поступить въ гимназію русинскую.

1) Средними и низшими учебными заведеніями завѣдываетъ «училищный совѣтъ края» (краєва шкільна рада, rada szkolna krajowa), состоящая изъ инспекторовъ и совѣтниковъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника Галиціи.

подробнѣе остановлюсь на весьма характерной исторіи послѣдней изъ нихъ.

Послѣ того, какъ поляки завладѣли всѣми средними школами въ 1867 г., оставя русинамъ только одну львовскую, русинамъ только въ 1880-хъ гг. удалось поставить на очередь дѣло объ учрежденіи новыхъ русинскихъ гимназій. Въ первую очередь былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи русинской гимназіи въ Перемышлѣ (самомъ большомъ центрѣ восточной Галиціи послѣ Львова), гдѣ къ этому времени число учениковъ-русиновъ, доходило до 200, а по австрійскимъ школьнымъ правиламъ двѣсти учениковъ представляютъ число достаточное для отдѣльной гимназіи. Министерство признавало справедливость этого требованія, но польское большинство сейма отказывало въ своемъ согласіи, прибѣгая ко всѣмъ, возможнымъ и невозможнымъ, аргументамъ начиная отъ недостаточнаго числа учениковъ и преподавателей-русиновъ и кончая соображеніемъ, что совмѣстное обученіе учениковъ русиновъ и поляковъ способствуетъ смягченію національнаго антагонизма (хотя принудительное обученіе русиновъ въ польскихъ школахъ съ польскимъ режимомъ, къ которому на практикѣ сводится эта теорія, именно усиливаетъ антагонизмъ, какъ показываетъ жизнь и какъ, впрочемъ, и по себѣ знаютъ это поляки, ратующіе противъ подобнаго школьнаго режима въ Россіи и Пруссіи). *Четыре* года (1884—1887) велась борьба въ сеймѣ за эту бѣдную перемышльскую гимназію, и наконецъ поляки, уступая внушеніямъ, исходившимъ отъ центральнаго правительства, дали согласіе на учрежденіе русинскихъ параллельныхъ классовъ при польской гимназіи, «по мѣрѣ того, какъ въ нихъ окажется потребность». Это рѣшеніе было однако нѣсколько модифицировано при сообщеніи ему правительственной санкціи, и въ принципѣ была рѣшена русинская гимназія: параллельные русинскіе классы пополнялись съ каждымъ годомъ и затѣмъ были сформированы въ отдѣльную гимназію, которая съ началомъ учебнаго 1903—4 года уже имѣла 579 учениковъ и продолжаетъ увеличиваться [1]).

---

[1]) Статистическія данныя черпаю изъ оффиціальныхъ отчетовъ (Sprawozdanie rady szkolnej krajowej; послѣдній вышедшій отчетъ за 1902—3 г.

Разрѣшеніе на двѣ слѣдующія гимназіи — коломыйскую и тернопольскую было дано при исключительныхъ обстоятельствахъ, и онѣ не проходили чрезъ столь долгія мытарства. Разрѣшеніе на открытіе русинской гимназіи въ Коломыѣ входило въ число тѣхъ «уступокъ», которыя должны были свидѣтельствовать о перемѣнѣ національнаго курса въ Галиціи, а за эту перемѣну должна была состояться такъ называемая ugoda, русинско-польское соглашеніе, заключавшееся въ томъ, что русинская національная партія (народовці), представлявшая большинство русинской интеллигенціи, должна была принять знамя австрійскаго легитимизма, подобно полякамъ, а въ дѣйствительности—сдѣлаться вѣрными друзьями или слугами польской правящей партіи и ея господства въ Галиціи. Такъ какъ русины такого характера соглашенія не предвидѣли и въ дѣйствительности перемѣны національнаго курса не усматривали, то эта «угода» просуществовала очень коротко, но оставила послѣ себя нѣкоторыя «концессіи» русинской народности, въ томъ числѣ и учрежденіе гимназіи въ Коломыѣ. Гимназія же въ Тернополѣ была учреждена по случаю 50-лѣтія правленія нынѣшняго императора; пользуясь этимъ случаемъ, поляки рѣшили достигнуть эвакуаціи стараго королевскаго замка въ Краковѣ, занятаго австрійскими казармами. Въ сеймѣ было проведено постановленіе—реставрировать этотъ замокъ на счетъ края, т. е. цѣною спеціальнаго увеличенія податей съ рабочихъ массъ, которыя должны были покрыть милліонные кредиты, вотированные на этотъ предметъ. Такъ какъ это предложеніе имѣло въ виду исключительно польскія національныя цѣли, то чувствовалась ощутительная надобность дать какую нибудь «концессію» и русинамъ, и такъ состоялось великодушное разрѣшеніе открыть въ Тернополѣ русинскую гимназію имени имп. Франца-Іосифа. Открытыя сначала также въ видѣ параллельныхъ классовъ при польскихъ гимназіяхъ, русинскія гимназіи, несмотря на крайне неудобныя, ставшія притчею во языцѣхъ помѣщенія и тяготѣвшую на нихъ руку школьной администраціи, развивались все-таки успѣшно, и въ началѣ школьнаго года 1903—4 коломыйская гимназія, ставшая полной въ 1899—900 г., имѣла

уже 485 учениковъ, а тернопольская, въ составѣ всего шести классовъ (полною она будетъ съ будущаго года)—497 учениковъ.

Если бы русины усвоили вполнѣ ту умѣренность въ требованіяхъ, которую усиленно имъ рекомендуютъ галицкіе поляки, а заодно съ ними и г. К., они, вѣроятно, для учрежденія еще одной гимназіи подождали бы слѣдующаго юбилея императора, и дѣло пошло бы, можетъ быть, глаже. Но будучи въ своихъ культурныхъ требованіяхъ очень прытки, они, едва успѣвъ получить великодушный даръ въ видѣ гимназіи въ Тернополѣ, начали хлопотать о новыхъ гимназіяхъ. На первый планъ выступилъ Станиславовъ, въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ сдѣлавшійся третьимъ (послѣ Львова и Перемышля) административнымъ центромъ восточной Галиціи. Число учениковъ-русиновъ было здѣсь весьма значительно—приближалось къ двумстамъ, не очень многимъ уступая числу поляковъ, и сначала родители учениковъ, затѣмъ и русинскія общества и институціи начали ходатайствовать передъ школьною администраціею объ открытіи въ Станиславовѣ русинской гимназіи. Послѣ разныхъ препонъ и мытарствъ, поглотившихъ нѣсколько лѣтъ, дѣло это вышло на торную дорогу галицкой рутины въ 1900—1 г.: повѣтовая рада поддержала ходатайство, училищный совѣтъ края и министерство признало его законность и основательность. Не доставало только согласія сейма. Но тутъ то и загвоздка! Большинство сейма рѣшительно не хотѣло согласиться на открытіе новой русинской гимназіи. Въ виду требованій русиновъ правительство приняло было ее уже въ свою смѣту, но польскій клубъ поставилъ рѣшительно свое veto, и вопросъ переданъ въ сеймъ, а этотъ послѣдній, точнѣе — его польское большинство рѣшительно не хотѣло дать благопріятное рѣшеніе вопросу. Положеніе становилось очень неловкимъ. Станиславовская гимназія выросла до значенія вопроса первостепенной важности, заинтересовавшаго политиковъ цѣлой Австріи. Самъ императоръ, пріѣхавъ въ Галицію осенью 1903 г., выражалъ съ рѣдкою въ русинскихъ дѣлахъ рѣшительностью свое желаніе, чтобы сеймъ рѣшилъ вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ. Но большинство постановило выдержать ха-

рактеръ: сеймъ, сначала отложивъ рѣшеніе вопроса до слѣдующей сессіи, въ концѣ концовъ отказалъ въ своемъ согласіи. Депутаты-русины сложили свои полномочія. Выбранные снова, они опять поставили вопросъ объ этой несчастной гимназіи. Положеніе дѣлъ на этотъ разъ было иное: Поляки проводили цѣлый рядъ очень существенныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью дальнѣйшее упроченіе ихъ господства въ Галиціи! во главѣ ихъ стоялъ законопроектъ о рентовыхъ хозяйствахъ, имѣвшихъ цѣлью раздачу сельскихъ участковъ на льготныхъ условіяхъ польскимъ крестьянамъ, для привлеченія такимъ образомъ польскихъ колонистовъ въ восточную Галицію, въ видахъ ея полонизаціи. Вотированный уже разъ, онъ не получилъ правительственной санкціи вслѣдствіе рѣзкой оппозиціи русиновъ, видѣвшихъ въ немъ ударъ, направленный противъ самого существованія русинской народности. Нужно было что нибудь дать русинамъ, и подъ конецъ сессіи было поставлено и вотировано учрежденіе станиславовской гимназіи, какъ своего рода вознагражденіе за очень сдержанную оппозицію депутатовъ-русиновъ. Обстоятельства, при которыхъ была сдѣлана польскимъ большинствомъ эта уступка, произвели гнетущее впечатлѣніе въ русинскомъ обществѣ и отравили всякое удовольствіе отъ этого пріобрѣтенія. Вдобавокъ, данная такой дорогой, эта новая русинская гимназія даже въ своемъ окончательномъ осуществленіи встрѣчается все съ новыми препятствіями; по послѣднимъ извѣстіямъ, открытіе гимназіи встрѣтилось съ непредвидѣнными трудностями относительно помѣщенія: подъ вліяніемъ антирусинской агитаціи разные домовладѣльцы отказываются отдать въ наемъ свои дома подъ русинскую гимназію...

Такова печальная исторія этой послѣдней гимназіи. Шесть лѣтъ пришлось ея добиваться русинамъ, какъ Богъ знаетъ какой благодати, и, несмотря на сочувствіе этому требованію центральнаго правительства, получить только въ видѣ унизительной подачки польскаго большинства при обстоятельствахъ, осквернившихъ это новое культурное пріобрѣтеніе. Подобная печальная перспектива предстоитъ, очевидно, и дальнѣйшимъ гимназіямъ,

ожидающимъ давно своей очереди. Изъ нихъ опять придется выбрать одну, отодвинувъ прочія на дальнѣйшую очередь; годами добиваться, обращаясь ко всѣмъ возможнымъ инстанціямъ, и ждать случая, когда полякамъ понадобится опять торговать русинскую душу, или русинскія кости...

А между тѣмъ, для преподаванія на польскомъ языкѣ, и такъ уже поставленнаго въ сравненіи съ русинскимъ въ чрезвычайно выгодныя условія, создаются все новыя и новыя школы; для этого не встрѣчается никакихъ препятствій, никакихъ мытарствъ. Съ горечью указываютъ русины на то обстоятельство, что пока они съ такими трудностями добивались и не могли добиться одной станиславовской гимназіи,—учреждено простыми административными распоряженіями *четырнадцать* новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ польскимъ преподаваніемъ [1]). Польская администрація и общество не перестаетъ очень настойчиво указывать на то, что Галиція, сравнительно съ своей территоріей и населеніемъ, имѣетъ среднихъ школъ гораздо меньше, чѣмъ другія провинціи Австріи, и требуетъ отъ правительства умноженія ихъ числа. Въ этомъ разсчетѣ фигурируетъ русинская (гораздо большая) половина Галиціи и русинское (также нѣсколько превосходящее польское) населеніе ея, и если кто имѣетъ право сравнительно съ другими провинціями и народностями Австріи на увеличеніе образовательныхъ средствъ, въ частности среднихъ школъ, то именно русины. Но польская администрація, польское правительство домогаются и получаютъ на основаніи этихъ разсчетовъ школы польскія, а русинскія школы—это ужъ «другое дѣло», со innego, какъ говорится обыкновенно. Вотъ и г-нъ К.,

---

[1]) Это обстоятельство послужитъ отвѣтомъ на разсужденія г. К. (или его источника) на тему, что вмѣсто учрежденія новыхъ русинскихъ гимназій лучше бы улучшить матеріальное положеніе учительскаго персонала. Когда учреждаются новыя польскія гимназіи, тогда объ этомъ нѣтъ и помину. А относительно русинскихъ гимназій всякій аргументъ бываетъ хорошъ, лишь бы препятствовалъ или оттягивалъ ихъ учрежденіе.

совершенно не стѣсняясь, заявляетъ, что русинскія среднія школы «представляются въ нѣкоторомъ родѣ роскошью и, благодаря русинскому преподавательскому языку, приносятъ весьма сомнительную пользу»; по его мнѣнію, даже увеличеніе числа русинскихъ гимназій влечетъ за собою «пониженіе уровня просвѣщенія». Такъ какъ среднія школы съ русинскимъ языкомъ подвѣдомственны тому же польскому школьному совѣту, обученіе происходитъ въ нихъ по учебникамъ, изданнымъ тѣмъ же совѣтомъ, преподавателями являются лица окончившія университетъ, который поляки такъ любятъ называть «польскимъ», испытанію подвергались въ экзаменаціонной комиссіи польской, то приходится придти къ заключенію, что, по мнѣнію г. К. и его единомышленниковъ, самъ русинскій (украинскій) языкъ этихъ школъ понижаетъ ихъ культурный уровень—какъ я отмѣтилъ это уже выше; убѣжденіе очень характерное для польско-украинскихъ національныхъ отношеній.

Насколько уже теперь поставлена въ привилегированныя условія польская школьная молодежь въ сравненіи съ русинскою въ Галиціи, покажутъ намъ нѣсколько цифръ [1]).

Съ началомъ учебнаго года 190$^3/_4$ было въ Галиціи 49 среднихъ учебныхъ заведеній (гимназій и реальныхъ училищъ [2]);

---

[1]) Къ сожалѣнію, галицкая статистика вообще, и школьная въ частности, питаетъ непреодолимое отвращеніе къ національнымъ рубрикамъ, и поэтому не даетъ возможности представить все значеніе и напряженность національной политики Галиціи. Учебные отчеты даютъ только двѣ таблички съ національными рубриками: школъ съ преподаваніемъ на томъ или другомъ языкѣ и учениковъ въ концѣ учебнаго года по религіи и національности. При этомъ и здѣсь категоріи національности нуждаются въ поправкахъ. Евреи обыкновенно фигурируютъ въ рубрикѣ поляковъ. Поэтому таблички учениковъ по національностямъ, приведенныя г. К., вовсе не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такъ напр. въ общемъ числѣ учениковъ гимназій 1897/8 г., данномъ имъ, въ число поляковъ включено ок. 2700 евреевъ, составляющихъ свыше 18% общаго числа учениковъ...

[2]) Въ эту цифру включены 3 филіальныя учебныя заведенія, т. е. параллельные классы, выдѣленные фактически въ отдѣльныя учебныя заведенія.

въ томъ числѣ съ польскимъ преподаваніемъ 43, съ русинскимъ 4, съ нѣмецкимъ 2 [1]). На восточную (русинскую) Галицію приходится въ томъ числѣ польскихъ школъ 25, русинскихъ 4, нѣмецкихъ 2. Итакъ, коренное русинское большинство восточной Галиціи, превосходящее число поляковъ въ четыре раза, имѣетъ среднихъ школъ съ русинскимъ языкомъ въ шесть разъ меньше, чѣмъ сколько имѣютъ поляки восточной Галиціи. Одна польская средняя школа приходится здѣсь приблизительно на 30 тыс. польскаго населенія, одна русинская—на 820 тыс. русинскаго населенія!..

Эта вопіющая неравномѣрность оказываетъ весьма существенное вліяпіе на культурные успѣхи украинской народности Галиціи. Шансы русинскаго населенія, принужденнаго посылать большинство своихъ дѣтей въ гимназіи и реальныя училища польскія, и шансы населенія польскаго, посылающаго своихъ дѣтей въ гимназіи почти исключительно польскія, совсѣмъ не равны. Перспектива прохожденія курса на языкѣ родномъ или чужомъ оказываетъ чрезвычайное вліяніе на количество дѣтей, пользующихся услугами средней школы. Передъ введеніемъ польскаго языка въ среднія школы число учениковъ-русиновъ въ восточной Галиціи превосходило число поляковъ. Нѣкоторыя цифры изъ этого времени кажутся теперь почти баснословными. Такъ, напр., въ гимназіи въ Самборѣ въ 1858 г. было 202 русина, 97 поляковъ. Въ Дрогобычѣ къ испытаніямъ зрѣлости въ 1870 г. (т. е. уже при польскомъ преподаваніи, но въ такомъ составѣ класса, какъ онъ сложился предъ введеніемъ польскаго языка) поступило 36 русиновъ и 5 поляковъ. Теперь, послѣ нѣсколькихъ энергическихъ «чистокъ», русины въ обѣихъ гимназіяхъ оказываются въ меньшинствѣ: по послѣднему отчету (190²/₃ г.) въ Самборѣ было 313 поляковъ, русиновъ 166, въ Дрогобычѣ 177 поляковъ, русиновъ 125, и вообще число русиновъ въ среднихъ школахъ

---

[1]) Изъ двухъ нѣмецкихъ гимназій одна—въ Бродахъ теперь также преобразовывается въ польскую.

восточной Галиціи значительно уступаетъ числу поляковъ: въ гимназіяхъ восточной Галиціи въ концѣ учебнаго года 190²/₃ (послѣднія опубликованныя цифры) было около 6.000 учениковъ поляковъ и около 4.000 русиновъ, а съ реальными школами около 7.000 поляковъ и свыше 4.000 русиновъ [1]). Переходъ школьнаго дѣла въ руки польской администраціи и введеніе польскаго преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи были причинами, приведшими къ такой перемѣнѣ. Учрежденіе русинскихъ школъ, гимназій и реальныхъ школъ во всѣхъ значительнѣйшихъ пунктахъ восточной Галиціи и созданіе отдѣльнаго управленія для русинскихъ школъ (этотъ постулатъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ національной программѣ галицкихъ русиновъ, но эти требованія «раздѣла училищнаго совѣта» остаются до сихъ поръ безплодными, разбиваясь о противодѣйствіе поляковъ) несомнѣнно очень скоро и сильно подняли бы число учениковъ русиновъ и радикально измѣнили бы процентное отношеніе учениковъ обѣихъ народностей.

Въ русинскихъ кругахъ не умолкаютъ жалобы на то, что школьное дѣло въ рукахъ польской администраціи, а особенно польскія школы служатъ ареною національной борьбы; что въ польскихъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ къ ученикамъ русинамъ относятся гораздо строже, чѣмъ къ полякамъ; что они подвергаются здѣсь очень усердной «чисткѣ» со стороны преподавателей и начальства, весьма усердно противодѣйствующихъ «перепроизводству» русинской интеллигенціи и энергически искореняющихъ среди русинской молодежи вольный духъ и національный антагонизмъ; что такіе факты и поступки, для которыхъ по отношенію къ польской молодежи находятъ оправданіе въ «юношеской горячности», «патріотическомъ увлеченіи»—по отношенію къ молодежи русинской караются очень строго и безпощадно... Нѣко-

---

[2]) Въ виду отмѣченныхъ выше свойствъ галицкой школьной статистики, цифры русиновъ и поляковъ могутъ быть выведены только приблизительно.

торые эпизоды получили широкую огласку. Таково, напр., недавнее дѣло о преслѣдованіи учениковъ-русиновъ въ бродской гимназіи; Дрогобычъ, извѣстный вообще своими избіеніями русинскихъ младенцевъ, подкосившими прежнее численное преобладаніе учениковъ-русиновъ въ этой гимназіи, недавно снова напомнилъ о себѣ довольно характернымъ эпизодомъ: антипольскій дебошъ, произведенный въ городѣ *неизвѣстными* людьми, далъ поводъ гимназическому начальству исключить рядъ учениковъ-русиновъ изъ гимназіи, вовсе безъ всякихъ уликъ, а на пріемныхъ экзаменахъ, происходившихъ чрезъ нѣсколько дней по упомянутомъ событіи, изъ 20 русиновъ, державшихъ экзаменъ, волею судебъ провалилось *семнадцать*.

Этими условіями—дѣйствіемъ предохранительнаго клапана, по мановенію руки освобождающаго учебное заведеніе отъ нежелательныхъ излишковъ [1]), объясняютъ сравнительную малочисленность русиновъ въ польскихъ школахъ и то обстоятельство, что имъ никогда не удается сравняться въ числѣ съ поляками. Напр., такой въ свое время опубликованный фактецъ. Въ самборской гимназіи въ $189^8/_9$ г. было въ VII классѣ 23 русина, 22 поляка и 6 евреевъ; изъ нихъ въ VIII классъ перешло 11 русиновъ, 21 полякъ и 6 евреевъ, провалилось 12 русиновъ, 1 полякъ и ни одного еврея,—равновѣсіе было возстановлено!

Въ силу подобныхъ эпизодовъ, въ русинскомъ населеніи установилась за польскими гимназіями довольно невеселая репутація. Независимо отъ нея, самое преподаваніе на польскомъ языкѣ и роль польскаго языка, какъ главнаго предмета въ преподаваніи, является немалымъ препятствіемъ къ успѣшному прохожденію курса русинами: польскій языкъ служитъ камнемъ преткновенія для русинскихъ дѣтей, особенно крестьянскихъ, уже

---

[1]) Фактъ не лишенный значенія, что директорами въ учебныхъ заведеніяхъ съ польскимъ языкомъ никогда не назначаются русины, исключая вполнѣ отказавшихся отъ своей національности, хотя между преподавателями этихъ учебныхъ заведеній русиновъ довольно много.

на порогѣ гимназіи и не перестаетъ для нихъ быть и впослѣдствіи. Поэтому, крестьяне, очень часто изъ послѣдняго тянущіеся, чтобы дать дѣтямъ образованіе, неохотно отдаютъ ихъ въ польскія гимназіи. При всѣхъ недостаткахъ гимназій русинскихъ, зависящихъ отчасти отъ общихъ условій школьнаго дѣла въ Австріи, отчасти отъ спеціальнаго вниманія, которымъ пользуются онѣ у польской администраціи, весьма тщательно подбирающей для нихъ составъ преподавателей,—все-таки преподаваніе на родномъ языкѣ очень сильно облегчаетъ прохожденіе въ нихъ курса русинскимъ дѣтямъ, и атмосфера въ нихъ несомнѣнно для нихъ легче—хотя, конечно, поблажки не дается тутъ. Наоборотъ, находясь подъ очень бдительнымъ надзоромъ администраціи, русинскія гимназіи относятся къ своимъ питомцамъ съ требовательностью несомнѣнно даже большею, чѣмъ та, какую встрѣчаютъ поляки въ польскихъ [1]). Напр., въ 1900/1 г. процентъ вышедшихъ до окончанія курса и не выдержавшихъ испытаній въ русинскихъ гимназіяхъ далъ 25%, въ польскихъ и нѣмецкихъ гимназіяхъ восточной Галиціи 22%, въ западной Галиціи, гдѣ ру-

---

[1]) Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что на громадномъ большинствѣ учениковъ русинскихъ гимназій лежитъ бремя почти невѣдомое ученикамъ-полякамъ: изученіе другого мѣстнаго языка. Въ польскихъ гимназіяхъ долженъ преподаваться украинскій (русинскій) языкъ, какъ необязательный предметъ, въ русинскихъ—польскій. Но украинскій языкъ преподается въ дѣйствительности далеко не во всѣхъ польскихъ гимназіяхъ, преподаваніе его происходитъ по программѣ очень сокращенной сравнительно съ польскимъ, и ведется обыкновенно спустя рукава, а учится ему очень мало учениковъ-поляковъ; польскій же языкъ въ русинскихъ гимназіяхъ поставленъ очень серьезно, и школьное начальство прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы это дѣло было поставлено какъ можно лучше, и ученики русины записывались на этотъ предметъ въ возможно большемъ числѣ. Поэтому ученики русинскихъ гимназій въ огромномъ большинствѣ учатся польскому языку не всегда даже добровольно. Заботливость о польскомъ языкѣ доходитъ иногда до курьезовъ; напр., при учрежденіи русинской гимназіи въ Коломыѣ, прежде всего былъ назначенъ въ эту гимназію преподаватель польскаго языка (необязательнаго предмета!)

синскій элементъ почти отсутствуетъ, около 19%. При пріемныхъ экзаменахъ того же года въ русинскихъ гимназіяхъ не выдержало испытаній 25%, въ прочихъ восточно-галицкихъ—23%, въ западныхъ—18, 8%. Несмотря на эту сравнительную строгость, все-таки, благодаря родному языку, положеніе русинской молодежи здѣсь много сноснѣе, и потому наплывъ ея въ эти гимназіи очень значителенъ.

Насколько русинское населеніе дорожитъ русинскими гимназіями, показываетъ уже одинъ тотъ фактъ, что въ четырехъ русинскихъ гимназіяхъ восточной Галиціи обучается почти половина всѣхъ учениковъ-русиновъ среднихъ школъ восточной Галиціи—въ 1902/3 г. около 48% Каждая изъ русинскихъ гимназій притягиваетъ учениковъ изъ очень большого района. Еще большую притягательную силу имѣетъ она для своей ближайшей окрестности. Несмотря на крайне стѣсненное матеріальное положеніе и всякіе расходы, еще больше затруднившіе доступъ въ среднюю школу неимущему люду въ послѣдніе годы [1]), крестьяне ближайшей окрестности тянутся изъ послѣднихъ силъ къ русинской школѣ: изъ ближайшихъ подгородныхъ селъ, за нѣсколько верстъ, дѣти ходятъ въ гимназіи пѣшкомъ; изъ болѣе дальнихъ крестьяне держатъ дѣтей въ городѣ на своихъ харчахъ у родныхъ, знакомыхъ и т. д. Такимъ образомъ, открытіе каждой новой русинской гимназіи создаетъ новый контингентъ учениковъ изъ русинскаго крестьянскаго бѣднаго городского населенія данной мѣстности, страстно рвущагося въ настоящее время къ образованію, къ свѣту, но не имѣющаго возможности посылать дѣтей въ болѣе отдаленныя русинскія гимназіи, и далеко не такъ охотно обращающагося къ гимназіямъ польскимъ, съ чужимъ языкомъ и чужимъ режимомъ. Этимъ объясняется быстрый ростъ

---

[1]) Такъ увеличена была очень значительно плата за ученіе, введена форменная одежда—нововведенія, тяжело легшія на неимущіе классы. Былъ ли тутъ умыселъ, какъ подозрѣвали, трудно сказать, но что эти мѣры утруднили и безъ того нелегкій доступъ къ средней школѣ неимущему русинскому населенію, это не подлежитъ сомнѣнію.

учениковъ-русиновъ въ городахъ, гдѣ появляется русинская гимназія. Такъ 15 лѣтъ тому назадъ, предъ учрежденіемъ русинской гимназіи въ Перемышлѣ было гимназистовъ-русиновъ 212, въ 1903 году ихъ тамъ было 546, а въ началѣ 1893—4 г. около 650. Въ Коломыѣ предъ открытіемъ русинской гимназіи, въ концѣ 1889—90 г. было русиновъ 168, въ концѣ 1902—3 г. 428, въ началѣ 1903—4 г. свыше 500. Въ Тернополѣ въ 1895—6 г. было русиновъ 151, въ концѣ 1902—3 г. 438, въ началѣ 1903—4 около 560 [1]). Можно себѣ представить, какой переворотъ въ статистикѣ учениковъ, какія перемѣны въ культурѣ края вызвало бы учрежденіе хотя бы приблизительно такого числа русинскихъ гимназій, какое слѣдовало бы украинской народности Галиціи по соображеніямъ «національной справедливости»—если бы они, превосходя числомъ поляковъ, получили хотя бы приблизительно такое число среднихъ школъ, сколько имѣется теперь школъ съ польскимъ языкомъ, если бы школы съ русинскимъ языкомъ появились во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ и городкахъ восточной Галиціи... [2])

Теперь посылать своихъ дѣтей въ русинскую гимназію, за десятки и сотни верстъ, для большинства является совершенно недоступною роскошью. Въ 1902—3 г. около 55% всѣхъ руси-

---

[1]) Цифры учениковъ при окончаніи школьнаго года вообще значительно ниже его начала; много бываетъ принуждено уйти послѣ первыхъ отмѣтокъ, такъ какъ одинъ плохой баллъ лишаетъ на право освобожденія отъ платы за ученіе, а эта довольно высокая плата для очень многихъ создаетъ непреодолимую преграду къ дальнѣйшему обученію. Интересно, что и въ этомъ отношеніи русины, кажется, поставлены въ худшія условія, чѣмъ поляки; на это указываетъ разница между восточною и западною Галиціею: въ послѣдней процентъ освобожденныхъ отъ платы выше. Напр. въ 1900—1902 г. въ гимназіяхъ восточной Галиціи было освобождено 65% учениковъ, въ гимназіяхъ западной—74%.

[2]) Малое число учениковъ-русиновъ въ реальныхъ школахъ несомнѣнно также объясняется отсутствіемъ реальныхъ школъ съ русинскимъ языкомъ: учрежденіе одной такой школы сразу бы подняло ихъ число.

новъ, учениковъ среднихъ школъ Галиціи, обучалось въ учебныхъ заведеніяхъ съ не-роднымъ языкомъ (главнымъ образомъ польскимъ), между тѣмъ какъ изъ числа учениковъ—поляковъ около 2% (*два!*) посѣщало среднія школы съ преподаваніемъ не на польскомъ языкѣ!..[1]) Еще одна маленькая, но краснорѣчивая цифра. .

При продолжающемся хроническомъ обѣднѣніи русинскаго населенія Галиціи, при тѣхъ трудностяхъ, которыя встрѣчаютъ русинскихъ дѣтей въ школѣ (онѣ въ суммѣ, несомнѣнно, гораздо выше, сравнительно съ условіями, въ которыхъ обучаются польскія дѣти), главнымъ образомъ русинскимъ гимназіямъ обязано русинское населеніе тѣмъ, что процентъ русинскихъ дѣтей въ общей суммѣ учащейся молодежи не только не падалъ, но даже понемногу увеличивался за это время. Все складывалось такъ, что онъ долженъ былъ падать: вѣдь польскія среднія школы за это время росли въ Галиціи, какъ грибы, сравнительно съ русинскими; всячески покровительствовалась польская школьная молодежь; въ огромномъ (сравнительно) числѣ двинулся въ среднія школы еврейскій пролетаріатъ, ища въ образованіи выходъ изъ своего также бѣдственнаго положенія; не хочу уже говорить о чисткахъ и всякихъ стѣсненіяхъ... Но несмотря на все это, процентъ учениковъ-русиновъ понемногу возросталъ: въ 1897 г. ученики-русины составляли 17,79% въ общей суммѣ учениковъ гимназій Галиціи (восточной и западной), въ 1898—18,29%, въ 1899 г.—19,01%, въ 1900—19,20%, въ 1901 г.—19,54%[2]).

Итакъ, украинская средняя школа является жгучей потребностью въ современной Галиціи, и учрежденіе новыхъ школъ съ украинскимъ языкомъ—неотложной вопіющей необходимостью. Такъ какъ польское большинство, конечно, не допускаетъ и мысли

---

[1]) Они посѣщали гимназіи съ нѣмецкимъ языкомъ; въ русинскихъ гимназіяхъ, благодаря указанной выше политикѣ польскихъ правящихъ сферъ, поляковъ нѣтъ *вовсе*.

[2]) За 1902 г. отчетъ даетъ процентъ невѣрный, потому его не привожу.

о преобразованіи какихъ-либо школъ съ польскимъ языкомъ въ школы русинскія (и сами русины не требуютъ этого), то значитъ—необходимо учредить новыя учебныя заведенія съ русинскимъ языкомъ. Польское большинство не допускаетъ существованія ихъ въ мѣстностяхъ, лишенныхъ вовсе средней школы—значитъ, необходимо учреждать параллельныя школы при существующихъ польскихъ. Если мы примемъ во вниманіе, въ какихъ стѣснительныхъ условіяхъ стоятъ русинскія дѣти въ польскихъ школахъ, то является совершенно очевиднымъ, что во всѣхъ городахъ, гдѣ, несмотря на эти неблагопріятныя условія—дѣйствіе предохранительныхъ клапановъ, недовѣріе къ польской школѣ среди русинскаго населенія и т. п.,—число учениковъ русиновъ достигаетъ все-таки сотни, тамъ уже вполнѣ назрѣла нужда и необходимость въ украинской гимназіи, а для нея имѣется уже полный контингентъ учениковъ. Опытъ показалъ уже на прежнихъ гимназіяхъ, что тамъ, гдѣ передъ учрежденіемъ русинской гимназіи было 150—200 русиновъ, по учрежденіи русинской гимназіи, когда она достигла полнаго числа классовъ, въ ней оказывалось до 400 и 500 учениковъ. Въ настоящее же время, когда стремленіе къ образованію въ русинскомъ населеніи все усиливается, каждая русинская гимназія имѣетъ въ будущемъ шансы развивать въ окрестномъ населеніи все большую притягательную силу.

Въ концѣ 1902—3 учебнаго года, не считая Станиславова, въ слѣдующихъ гимназіяхъ число учениковъ-русиновъ перешло за сто: Бережаны 213 русиновъ, Санокъ 171. Самборъ 166, Стрый 165, Золочивъ 139, Бучачъ 136, Броды 130, Дрогобычъ 125. Итого, не считая Станиславова, уже получившаго русинакую гимназію—in spe, было уже два года тому назадъ *восемь* такихъ пунктовъ. Въ этомъ году, вѣроятно, число ихъ достигло десятка. Въ каждомъ изъ нихъ русинская гимназія, если бы дошла до полнаго числа классовъ, несомнѣнно имѣла бы число учениковъ гораздо выше признаваемаго австрійскою школьною администраціею достаточнымъ числомъ—двухсотъ учениковъ.

Учрежденіе украинскихъ среднихъ школъ въ упомянутыхъ восьми мѣстностяхъ—это тотъ minimum, который долженъ бы быть данъ русинамъ безотлагательно теперь же, чтобы хотя отчасти смягчить ущербъ, причиненный русинской народности въ этой сферѣ. Но о такомъ требованіи русины не смѣютъ даже помышлять. Такъ трудно исполняются требованія даже одной гимназіи! Каждый разъ сначала съ польской стороны поднимается крикъ о томъ, что польскому stanu posiadania грозитъ ущербъ; что русины и безъ того занимаютъ привилегированное положеніе въ школьномъ дѣлѣ [1]); что русинскія гимназіи служатъ разсадникомъ .дурныхъ нравовъ и національнаго антагонизма (хотя въ русинскихъ гимназіяхъ, подъ усиленнымъ надзоромъ польской администраціи, школьной молодежи въ этомъ отношеніи предъявляются требованія гораздо болѣе строгія, чѣмъ какія предъявляются молодежи польской); что вмѣсто того, чтобы учреждать русинскія гимназіи для горсти учениковъ-русиновъ, слѣдуетъ позаботиться объ учрежденіи новыхъ польскихъ школъ во избѣжаніе ихъ переполненія [2]); что для русинскихъ гимназій не найдется преподавателей русиновъ, хотя ихъ въ дѣйствительности много преподаетъ въ польскихъ гимназіяхъ, а немало находится «въ заточеніи» въ школахъ западной Галиціи [3]), и т. п.

---

[1]) Такое утвержденіе, являющееся настоящею насмѣшкою надъ галицкой дѣйствительностью, находимъ и у г. К.; неосторожно также говоритъ онъ, что „учащійся русинъ обходится государству несравненно дороже учащагося поляка“. Въ интересахъ польской народности, давшей въ учебномъ году 1902/3 ок. 15.500 учениковъ, правительство содержало 40 среднихъ школъ съ польскимъ языкомъ; учениковъ-русиновъ было свыше 4000 при четырехъ школахъ русинскихъ; значитъ, въ интересахъ учениковъ-поляковъ правительство дѣлало почти въ три раза больше, чѣмъ для учениковъ-русиновъ, и приходится сказать, что именно ученикъ-полякъ дороже всего обходится ему.

[2]) И это соображоніе повторяетъ г. К. Въ общемъ, однако, русинскія гимназіи не менѣе людны, чѣмъ польскія, въ среднемъ насчитывая по 509—600 учениковъ.

[3]) Я могъ насчитать (статистики такой, конечно, нѣтъ) не менѣе 15 преподавателей русиновъ, занимающихъ, конечно, противъ

Этимъ утвержденіямъ и предположеніямъ едва ли вѣрятъ серьезно и тѣ господа, которые пускаютъ ихъ въ ходъ, когда заходитъ рѣчь о русинскихъ гимназіяхъ. Причина упорнаго сопротивленія, которое оказываютъ поляки учрежденію новыхъ русинскихъ гимназій (за счетъ государственнаго казначейства), лежитъ въ сознаніи ими того обстоятельства, которое заставляетъ русиновъ такъ упорно ихъ добиваться: что польскія школы задерживаютъ культурное развитіе русинскаго населенія, а распространеніе украинской средней школы послужило бы могущественнымъ средствомъ его культурнаго подъема. Стараясь всѣми средствами сохранить политическое и національное, экономическое и культурное господство и преобладаніе польской народности надъ русинскою, польскіе круги и представляющее ихъ большинство галицкаго сейма всѣми мѣрами противодѣйствуютъ всему, что можетъ содѣйствовать подъему и развитію русинской народности—политическому, національному или культурному.

IV.

Галицкій сеймъ, гдѣ полновластно царитъ вполнѣ солидарное въ національныхъ вопросахъ польское большинство, благодаря принятой избирательной системѣ и установившейся подъ польскимъ режимомъ практикѣ, составляющее около 90 проц. всего его состава—можетъ служить вообще хорошимъ показателемъ національныхъ отношеній Галиціи. Я не буду, однако, пускаться въ характеристику національной тактики сейма и господствующихъ въ немъ отношеній, а ограничусь краснорѣчивымъ языкомъ цифръ сеймовыхъ бюджетовъ—они дадутъ достаточно характерный образчикъ этихъ отношеній. При этомъ, хотя вся вообще земская организація, находящаяся въ завѣдываніи сейма и питаемая его бюджетомъ, имѣетъ сильно выраженный польскій

воли, по извѣстной уже намъ административной политикѣ, мѣста преподавателей въ среднихъ школахъ западной Галиціи.

характеръ, я ограничусь тѣми рубриками его бюджета, гдѣ въ самыхъ ассигнованіяхъ достаточно ясно указывается ихъ національный характеръ.

Итакъ, въ бюджетѣ на 1904 г.[1]) находимъ:

а) Въ отдѣлѣ ассигновокъ на частныя учебныя и воспитательныя учрежденія мы видимъ:

Субсидіи школамъ и учрежденіямъ польскимъ	74.830 кр.[2]).
Школамъ и учрежденіямъ русинскимъ. .	10.400 »
Гимнастическимъ обществамъ польскимъ .	4.600 »
Гимнаст. обществамъ польскимъ и русинскимъ	4.000 »

(Изъ этой суммы русинскія получаютъ лишь нѣсколько сотъ кронъ, остальное польскія).

б) Въ категоріи научныхъ и просвѣтительныхъ обществъ и изданій:

Польская академія наукъ въ Краковѣ . .	79.000 кронъ.

(Одновременно сеймъ ходатайствуетъ объ увеличеніи субсидіи государственнаго казначейства съ 40.000 на 50.000 кр.).

Для ученыхъ обществъ и изданій польскихъ	6.800 кронъ.
Русинскому Науковому товариству ім. Шевченка (объединяющему теперь всю научную дѣятельность галицкаго украинства и являющемуся единственнымъ русинскимъ научнымъ учрежденіемъ)	10.000 »

(Предъ правительствомъ въ его интересахъ сеймъ не считаетъ нужнымъ ходатайствовать).

---

[1]) Отчеты галицкаго тейма 1902—3 г.—Budżet krajowy na r. 1904 (послѣдній изъ опубликованныхъ).

[2]) Крона—полгульдена, почти равняется франку.

г) Польскимъ просвѣтительнымъ обществамъ и популярнымъ изданіямъ	20.100	кронъ.
Русинскимъ	9.400	»

(При нѣкоторыхъ русинскихъ изданіяхъ оговаривается, что субсидія имѣетъ быть выплачена только въ томъ случаѣ, если въ изданіяхъ не будетъ замѣчено ничего вреднаго).

На изданіе учебниковъ польскихъ субсидія.	3.000	кронъ.
На русинскіе	12.000	»
д) На театры польскіе	119.000	»
На театръ русинскій.	18.500	»
Польскимъ учрежденіямъ художественнымъ, музыкальнымъ и пр.	38.900	»
Русинскимъ—ничего.	—	
На пѣвческія общества.	3.000	»
На стипендіи	6.000	»

(Изъ послѣднихъ двухъ ассигнованій получаютъ кое что и русины).

е) Поддержаніе историческихъ памятниковъ (исключительно польскихъ)	48.220	кронъ.
Расходы администраціи (польской) архивовъ и охраны памятниковъ.	42.320	»
ж) Польскія сельско-хозяйственныя школы и общества	659.274	»
Русинскія (обществу Просьвіта). . . .	4.000	»
з) Ремесленныя школы (польскія, русинскихъ нѣтъ)	73.976	»
Практическіе курсы и учебныя мастерскія (съ польскимъ характеромъ)	191.888	»
Субсидіи для технич. училищъ (польскихъ).	30.332	»
Коммерческія училища (польскія) . . .	32.000	»
и) Благотворительныя учрежденія польскія.	45.000	»
Русинскія	1.800	»

Я оставлялъ въ сторонѣ тѣ ассигновки, изъ которыхъ могли получать кое-что и русины, или оговаривалъ эту возможность и старался отмѣтить все, что могло имѣть характеръ поддержки культуры или національности русинской. Въ общей сложности такихъ ассигновокъ не наберется и на сто тысячъ при милліонныхъ ассигновкахъ на цѣли польскія, на учрежденія съ польскимъ характеромъ. Ассигновки на русинскія цѣли являются ничтожнымъ исключеніемѣ изъ общаго правила: польское большинство смотритъ на нихъ, какъ на великодушную подачку отъ своихъ шляхетскихъ щедротъ; нужды нѣтъ, что средства на эти ассигновки даютъ народныя массы, въ которыхъ русины составляютъ неменьшій процентъ, чѣмъ поляки. Вся дѣятельность, развиваемая сеймомъ, его исполнительные органы, его учрежденія имѣютъ польскій характеръ, выражаемый не менѣе, а еще болѣе рѣзко, чѣмъ въ казенной польской администраціи, и вся «автономическая (земская) машина Галиціи представляетъ одинъ большой полонизирующій аппаратъ, бросающій только обрывки русинской народности и всѣми силами работающій для упроченія политическаго, культурнаго и національнаго господства польскаго элемента. Русинская народность, по своей слабости и обездоленности имѣющая право на особенное вниманіе мѣстнаго представительства, имѣетъ въ немъ, вѣрнѣе—въ его сеймовомъ большинствѣ, могучаго противника, пользующагося довольно значительнымъ бюджетомъ края (ок. 25 мил. кронъ) всецѣло для усиленія элемента польскаго. Принято за принципъ въ польскихъ кругахъ, что, внѣ субсидируемыхъ сеймомъ русинскихъ учрежденій и обществъ, всѣ учрежденія и институціи общаго характера должны имѣть характеръ польскій, одинаково въ польской (западной), какъ и въ русинской (восточной) Галиціи, хотя по всей справедливости въ этой послѣдней онѣ должны были бы имѣть характеръ русинскій. Но объ этомъ нечего и думать! Вѣдь польскій элементъ—господствующій, поддержаніе его является альфою и омегою сеймовой политики, и всякая ассигновка для русинскихъ учрежденій, русинскихъ обществъ разсматривается какъ

небезопасный ущербъ полнотѣ этого господства. Галицкій сеймъ не находитъ нужнымъ считаться съ нуждами русинской народности даже настолько, насколько считается съ ними центральное правительство—наоборотъ, какъ мы видѣли въ вопросѣ о гимназіяхъ, по мѣрѣ силъ онъ тормозитъ дѣйствія правительства, предпринимаемыя въ интересахъ русинскаго населеня.

Я не имѣю возможности продолжать далѣе этотъ обзоръ польско-украинскихъ отношеній Галиціи, хотя было бы очень поучительно присмотрѣться къ отношеніямъ въ политической сферѣ, къ условіямъ экономическимъ, созданнымъ польскимъ режимомъ Галиціи, къ организаціи народнаго образованія, къ практикѣ конституціонной жизни. Но и приведенныхъ мною фактовъ, я думаю, достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ національныхъ отношеній, и прочитавшему предшествующія главы этой статьи не покажутся, надѣюсь, голословными мои общія замѣчанія относительно того нравоученія, которое г. К. намѣревался извлечь изъ галицкихъ польско-украинскихъ отношеній для такихъ же отношеній Россіи, и которое я также хочу извлечь въ заключеніе моей статьи.

Галичина послужила пробнымъ камнемъ для польско-украинскихъ отношеній въ новыхъ условіяхъ конституціоннаго государства. Какъ сложились эти отношенія, мы видѣли. Пользуясь тѣми преимуществами, какія давало имъ крупное землевладѣніе, наличность нѣкоторыхъ (значительныхъ только въ сравненіи съ полнымъ отсутствіемъ ихъ у русиновъ) культурныхъ средствъ, нѣкоторой (также самой по себѣ очень небольшой) интеллигенціи, поляки, т. е. верхніе слои польской народности, захватили въ свои руки управленіе и представительство края и постарались использовать конституціонныя формы для утвержденія полнаго и прочнаго господства своего класса и своей народности, придавивъ совершенно народность украинскую и связавъ ее, вмѣсто прежнихъ цѣпей крѣпостныхъ, густою сѣтью болѣе тонкихъ, но прочныхъ узъ. И сдѣлала это не какая либо группа мрачныхъ крѣ-

постниковъ. Въ этой «органической работѣ» (praca organiczna), какъ называютъ ее поляки, видную роль сыграли выдающіеся представители польскаго общества, либералы и патріоты, «борцы за нашу и вашу вольность» [1]), умѣвшіе предъ тѣмъ смѣло и самоотверженно выступить въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ—австрійскимъ централизмомъ,—но не сумѣвшіе найти руководящей идеи справедливости и гуманности, когда пришлось установить отношеніе къ слабѣйшимъ—къ русинской народности, «за вольность» которой мнили они себя борцами... Въ этомъ станѣ господствующихъ оказалось много выходцевъ и изъ Россіи, участниковъ демократическихъ, свободолюбивыхъ движеній, которыхъ на первыхъ порахъ отношенія къ русинамъ шокировали иногда довольно сильно, но скоро они осваивались съ галицкими отношеніями, и теперь, напр., среди крайнихъ націоналистовъ, т. н. вшехполяковъ, также можно немало указать выходцевъ изъ Россіи—эти выходцы собственно и создали вшехпольское движеніе...

Эпизодъ достаточно поучительный и для россійской Украины. Западная часть—Подолье, Волынь, не говоря уже о Побужьѣ, (Холмщина и Подлясье)—долго жила въ однихъ условіяхъ съ Галичиною и очень сильно напоминаетъ теперь состояніе передъ конституціонной эрой Австріи. Все почти крупное землевладѣніе въ рукахъ поляковъ; они составляютъ верхній слой мѣстнаго населенія, они, главнымъ образомъ, представляютъ мѣстную интеллигенцію. Мѣстное украинское населеніе темно и безпомощно; при отсутствіи украинскихъ интеллигентныхъ силъ, оно стоитъ еще въ худшемъ положеніи сравнительно съ галицкимъ русинскимъ населеніемъ, благодаря отчужденію отъ народныхъ массъ мѣстнаго духовенства, составившаго въ Га-

---

[1]) Такъ называются участники польскихъ возстаній, старавшіеся привлечь къ участію также и русинское населеніе и называвшіе, а иногда и искренно считавшіе себя борцами за вольность не только польской, но и русинской народности Галиціи.

лиціи первые кадры (хотя и не высокаго качества) русинской интеллигенціи.

Какъ въ Галичинѣ, такъ и въ упомянутыхъ мѣстностяхъ Западной Украины, шансы коренного украинскаго населенія, несмотря на его полное численное преобладаніе, въ настоящее время несомнѣнно стоятъ хуже, чѣмъ мѣстной польской народности. Польское населеніе было ограничено до сихъ поръ въ своихъ гражданскихъ и имущественныхъ правахъ,—это правда. Но мѣстному украинскому населенію это никакого преимущества не давало; массы оставались и остаются въ экономической зависимости отъ польскаго владѣльческаго класса, а при сохраненіи существующихъ порядковъ въ будущемъ имъ грозятъ также и иныя категоріи зависимости. При всѣхъ стѣсненіяхъ, польская народность и теперь сравнительно съ украинской занимаетъ фактически привилегированное положеніе, благодаря имущественному преобладанію. Въ отношеніи культурномъ и національномъ польская народность была поставлена въ условія несравненно болѣе благопріятныя.

Статья г. К., поляка изъ юго-западнаго края, берущаго въ свою оборону польско-украинскія отношенія Галиціи и доказывающаго, что эти отношенія совершенно соотвѣтствуютъ «національной справедливости», являются довольно непріятнымъ симптомомъ—тѣмъ болѣе, что я не вижу, чтобы кто-нибудь изъ его ближайшихъ земляковъ заявилъ, въ какой-угодно мягкой формѣ, свою несолидарность съ такимъ пониманіемъ національной справедливости въ польско-украинскихъ отношеніяхъ. Серьезнымъ симптомомъ являются недавнія событія въ Холмщинѣ, гдѣ проблескомъ раскрѣпощенія мѣстныхъ отношеній польское общество воспользовалось далеко не въ духѣ «національной справедливости». Впродолженіе тридцати лѣтъ выступало оно въ роли защитника и покровителя насильственно упраздненной уніи, теперь же, когда указъ о вѣротерпимости открывалъ возможность возвращенія уніи и созданія народной украинской церкви, оно не только не поддержало стремленій къ возстановленію уніи, но отнеслось къ

нимъ даже враждебно: въ польскихъ органахъ и кругахъ открыто заявляли, что возстановленіе уніи было бы не въ интересахъ польской національности, и «общество покровительства уніи» въ своихъ циркулярахъ поручало бывшимъ уніатамъ, не упоминая объ уніи, требовать причисленія ихъ къ католичеству, а заявлять желанія о возстановленіи уніатской церкви рѣшительно отсовѣтывало. Нужно ли говорить, что въ основѣ этого привлеченія бывшаго уніатскаго украинскаго населенія къ католичеству лежали и лежатъ мотивы національные? Вмѣсто того, чтобы помочь украинскому населенію въ національномъ самоопредѣленіи, польское общество постаралось использовать представившійся моментъ для усиленія польской стихіи въ ущербъ украинской.

Я не сомнѣваюсь, что среди поляковъ юго-западнаго края и вообще среди поляковъ Россіи есть немало людей чуждыхъ стремленій «воинствующей Польши» - Poloniae militantis. Но они очень слабо себя проявляютъ. Я не встрѣтилъ указаній, чтобы съ этой стороны раздался трезвый предостерегающій голосъ по уніатскому вопросу. Не вижу, чтобы кто-нибудь указалъ на странный совершающійся теперь подмѣнъ понятія этнографической Польши Польшею 1815 года или такъ называемымъ Привислянскимъ краемъ, причемъ въ границахъ автономной Польши имѣли бы остаться украинскія, бѣлорусскія и литовскія территоріи нынѣшняго Привислянскаго края, совершенно случайно включенныя въ него. Не вижу, чтобы кто-нибудь обратилъ вниманіе на невозможность обойти интересы украинской или бѣлорусской народности, когда вводится въ школу или сельское дѣлопроизводство языкъ польскій, и т. п. Все это явленія, затрогивающія очень сильно вопросы національной справедливости, и мы вправѣ бы ожидать, что передовые элементы польскаго общества, заявляющіе о своемъ полномъ несочувствіи воинствующей Польшѣ, отзовутся на нихъ вполнѣ опредѣленно, чтобы не было основанія судить о полякахъ вообще по воинствующимъ ихъ представителямъ. Иначе сами эти элементы малоцѣнны. Въ Галиціи также

нѣтъ недостатка въ людяхъ, готовыхъ заявить въ частной бесѣдѣ, съ глазу на глазъ, свое сожалѣніе относительно проявленій польскаго шовинизма и свою надежду, что національныя отношенія со временемъ потеряютъ свою остроту. Но такія платоническія заявленія никакой цѣнности не имѣютъ, и такъ какъ ихъ носители обыкновенно ограничиваются такими платоническими чувствами, предоставляя вести національную политику представителямъ агрессивной, воинствующей Польши, то съ стремленіями и настроеніями этой послѣдней, а не тѣхъ «сочувствующихъ» элементовъ, и приходится поневолѣ намъ считаться въ Галиціи, и точно также—въ Россіи.

Несомнѣнно, огромное большинство украинской интеллигенціи въ Россіи относится къ полякамъ безъ всякой предвзятости и вражды. Даже болѣе. Установленіе modus vivendi въ раскрѣпощенныхъ отношеніяхъ представляется ей въ видѣ очень привлекательной національной гармоніи. Знаю это по себѣ и не сомнѣваюсь, что такое настроеніе довольно распространено и теперь. Выразителемъ его является нашъ поэтъ, протягивающій руку своимъ товарищамъ по изгнанію—полякамъ и приглашающій ихъ общими силами «возобновить тихій рай», забывъ историческій споръ, вызванный «несытыми ксендзами и магнатами»... Но намъ, младшимъ поколѣніямъ, на глазахъ которыхъ вмѣсто «тихаго рая» былъ аранжированъ съ благосклоннымъ участіемъ подобныхъ бывшихъ изгнанниковъ и узниковъ «за нашу и вашу вольность» настоящій зубоскрежещущій адъ на одной изъ частей украинской территоріи, въ Галиціи,—приходится смотрѣть трезвѣе на дѣйствительность и не скрывать отъ себя трудностей, лежащихъ на пути къ установленію желательныхъ національныхъ отношеній.

Историческія отношенія Польши и Украины сводятся къ тому, говоря безъ обиняковъ, что украинская народность была обобрана польскою: она завладѣла богатствами Украины—ея землями, она втянула въ себя въ теченіе вѣковъ все, что появлялось болѣе выдающагося въ украинской средѣ и низвела

украинскую народность до массы работниковъ, трудящихся на представителей польской народности и культуры. Это звучитъ непріятно, но нужно имѣть мужество, по крайней мѣрѣ, назвать по имени этотъ историческій процессъ, плодами котораго пользуется и теперь польская народность. Не возобновляя исторической тяжбы, нужно признать, однако, что національная справедливость налагаетъ на поляковъ освобожденной Россіи нелегкую, но благодарную задачу: воспользоваться тѣми матеріальными средствами, которыя собрали въ ихъ рукахъ предки—завоеватели и угнетатели, для возрожденія, экономическаго и культурнаго подъема тѣхъ народностей, на счетъ которыхъ создалась сила и значеніе и привилегированное положеніе народности польской: населенія украинскаго, бѣлорусскаго, литовскаго. Если поляки Украины, Бѣлоруссіи, Литвы станутъ на эту точку зрѣнія, если они почувствуютъ себя гражданами того края, привилегированное положеніе въ которомъ создала имъ исторія,—гражданами, призванными трудиться для блага его рабочихъ массъ безъ различія ихъ національности, для интересовъ края,—то желательный modus vivendi тѣмъ самымъ установится. Если же свои матеріальныя и культурныя преимущества, свое привилегированное положеніе они будутъ стараться использовать только для своихъ національныхъ цѣлей, если этими преимуществами и тѣми возможностями, какія открываетъ классамъ, національно и культурно лучше вооруженнымъ, конституціонное устройство, они будутъ пользоваться только для того, чтобы усилить польскій элементъ, расширить сферы его вліянія, создать ему превалирующее положеніе—то modus vivendi установить будетъ трудно. Дѣятельность ничего не забывшей и ничему не научившейся польской шляхты Галиціи въ такомъ націоналистическомъ направленіи только оживила вѣковой національный споръ. Если такую дѣятельность поляки россійской Украины или иного края примутъ за образецъ, за формулу національной справедливости, то о modus vivendi нечего и говорить..

Мои слова, вѣроятно, для многихъ зазвучатъ рѣзко и непріятно, и мнѣ самому тяжело говорить все это. Но я долженъ

былъ исполнить долгъ историка и гражданина того края, о которомъ идетъ рѣчь, въ рѣшительный моментъ его исторіи. И я хотѣлъ бы вѣрить, что мои слова найдутъ сочувственный откликъ въ тѣхъ элементахъ польскаго общества, чуждыхъ національнаго шовинизма и сознающихъ свои обязанности предъ воспитавшими ихъ народными массами, о которыхъ я говорилъ.

М. Грушевскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Халера. *Напысавъ по кныжкахъ дохторивъ Сычугова та Геллерта Дмытро Ивановычъ Эварницкій. Екатеринославъ. Тип. губ. Земства 1905.*

Про холеру и якъ видъ неи стерегтыся. *Напысавъ Я. Жарко Выдання «Комитета Екатеринод. Отдѣла Кубан. Попечит. о народ трезв.» № 1. Катерынодаръ. Зъ друкарни И. Бойко и К⁰. 1905 р Цина 1¹/₂ коп.*

Къ цѣлому ряду бѣдствій, внѣшнихъ и внутреннихъ, обрушившихся на Россію, готово присоединиться еще одно: надвигается холера.

И въ предстоящей, быть можетъ завтра, борьбѣ съ этимъ новымъ врагомъ паки и паки обнаружатся съ новой рельефностью наши «язвы»: пресловутая «неподготовленность», наболѣвшая полицейская опека надъ всякимъ, даже «холернымъ» проявленіемъ общественной самодѣятельности, недостатокъ врачей и денегъ, бѣдность и темнота сельскаго населенія.

И наши шансы на успѣхъ въ борьбѣ съ надвигающеюся холерою несравненно меньше теперь, чѣмъ были они 12 лѣтъ назадъ, въ холерную эпидемію 1892—3 г.г.

Въ самомъ дѣлѣ: въ тѣ годы руки земствъ были свободны, по крайней мѣрѣ, для борьбы съ эпидеміями — нынѣ онѣ связаны закономъ 11 августа 1903 г., наслѣдіемъ недоброй памяти системы «все подавленія», системы покойнаго Плеве.

Въ тѣ годы земства располагали достаточными средствами, получали еще пособія и ссуды отъ казны, да и само населеніе было за-

житочнѣе; нынѣ земскія кассы истощены, казна не только не дастъ ссуды, но сама накладываетъ на земства новыя тяготы, въ видѣ пособій семьямъ солдатъ; самообложеніе ограничено % нормой, да и облагать теперь нельзя: населеніе обнищало.

Въ тѣ годы свободныхъ врачей было много, были студенты-медики; нынѣ врачей не хватитъ: не только «свободныхъ», но и земскихъ забрали на войну, а студенты—медики... гдѣ ихъ взять, если въ университетахъ фактически почти три года нѣтъ ученія?

Въ тѣ годы темный, невѣжественный народъ встрѣчалъ врачей кольями, избивалъ ихъ, вѣря, будто они «сѣютъ холеру», разрушалъ и сжигалъ холерныя больницы. Сталъ-ли нашъ народъ просвѣщеннѣе за послѣдніе 12 лѣтъ?

Нѣтъ. Нынѣ народъ тоже будетъ разрушать холерныя больницы и избивать врачей, даже болѣе прежняго. Ибо, благодаря стараніямъ «истинныхъ патріотовъ» и «черныхъ сотенъ», онъ во врачахъ будетъ видѣть не только «сѣятелей холеры», но и «внутреннихъ враговъ», подкупленныхъ японцами. А если, не дай Богъ, врачъ окажется «жидъ» и вздумаетъ лѣчить холерныхъ больныхъ въ Кишиневѣ, Житомірѣ, Гомелѣ или Смѣлѣ?..

И если эти мрачныя условія, при которыхъ предстоитъ борьба съ надвигающимся народнымъ бѣдствіемъ, если эти условія считать общими для всей Россіи (а это несомнѣнно такъ, если не считать неизмѣримо выше просвѣщенную Финляндію), то для нашего края, для Украины положеніе надо признать еще болѣе мрачнымъ: въ Россіи есть хоть малая возможность разбивать народные предразсудки и суевѣрія путемъ популяризаціи здравыхъ научныхъ понятій въ народѣ при помощи чтеній, бесѣдъ и, главнымъ образомъ, распространенія популярныхъ брошюрокъ и листковъ о холерѣ.

Нашъ край лишенъ и этого оружія въ борьбѣ съ холерою и народною тьмой: донынѣ дѣйствующій законъ 1876 г. запрещаетъ изданіе популярно-научныхъ книгъ на родномъ и понятномъ для населенія украинскомъ языкѣ («малороссійскомъ нарѣчіи»).

Многочисленныя популярно-научныя книжки на этомъ языкѣ систематически запрещались цензурою, за единичными и крайне рѣдкими исключеніями, допущенными по «особымъ» сильнымъ ходатайствамъ и протекціямъ.

Поэтому украинцы должны привѣтствовать, какъ первыхъ весеннихъ ласточекъ, двѣ появившіяся недавно брошюрки о холерѣ. За

необходимость изданія такихъ брошюрокъ высказывались уже многія общественныя учрежденія нашего края, но надежды на ихъ появленіе, вѣроятно, ни у кого не было.

Обѣ книжечки имѣютъ очень много общаго между собою, поэтому и говорить можно объ обѣихъ сразу.

Изложены обѣ довольно сжато, яснымъ, толковымъ, хотя и не вполнѣ правильнымъ народнымъ языкомъ. Хорошо, полно и понятно изложены въ обѣихъ пути и способы распространенія заразы и вытекающія изъ этого предохранительныя мѣры. Жаль только, что въ обѣихъ книжечкахъ пропущена одна, очень важная мѣра предосторожности противъ разнесенія заразы: устройство общественныхъ «громадських» журавлей или воротовъ при колодцахъ съ прикованными къ нимъ бадьями или ведрами. Въ минувшую холерную эпидемію въ очень многихъ мѣстахъ общественные колодцы сдѣлались очагами заразы потому, что каждый обыватель погружалъ въ колодезь свое собственное ведро, стоявшее, быть можетъ, въ той-же хатѣ, гдѣ лежалъ больной.

Въ книжечкѣ Я. Жарка ничего не сказано о предохранительныхъ прививкахъ; это—важное упущеніе, особенно въ виду того, что въ былыя времена народъ запугивали тѣмъ, что врачи прививаютъ холеру (хотя именно тогда прививки еще не примѣнялись), и очень важно объяснить народу, что холеру, какъ и оспу, и дифтерію, можно «щепить».

Д. И. Эварницкій въ своей брошюркѣ далъ сообщеніе о прививкахъ, но такъ неудачно, что, пожалуй, лучше было-бы, если-бы онъ, подобно Я. Жарку, ничего не говорилъ о прививкахъ.

«Такожъ (какъ оспу и дифтерію) можна робыты щепу и супроты холеры. Тутъ такожъ, якъ и пры дифтеріи, набирають щепійный настій изъ пляшечкы у скляну прыскавку и вцыркують іи пидъ шкуру на руци, або на жыво*ту* (*-ті* ?), або-жъ на спыни, чы на *боку* (боці ?), а чы на грудяхъ, а хочъ и на ногахъ».

Къ чему перечислять чуть-ли не всѣ части тѣла, когда принято холерныя, какъ и дифтерійныя прививки, дѣлать подъ кожу туловища, вблизи лопатки?

«Перегодя зъ пивгодыны писля того, мисце, де було зроблено вцырканння (? де прыщеплено), розпухае, шкура робытся червоною и

дуже болисною (не дуже!) Але днивъ за тры (не вѣрно: реакціи иногда вовсе не бываетъ, а если бываетъ она, то меньше сутокъ) биль почынае переставаты, *краснота* (?) и опухъ *вбавляютця* (проходятъ, мынають?), а ще днивъ за два усе проходе».

Слишкомъ сгущены краски при описаніи реакціи на прививку, а это можетъ запугать не только недовѣрчиваго и подозрительнаго крестьянина, но и болѣе довѣрчивыхъ людей.

Такой недостатокъ въ изложеніи нельзя ставить въ вину Д. И. Эварницкому: онъ, кажется, не врачъ, и болѣе виноваты тѣ авторы, трудами которыхъ онъ пользовался для своей книжечки.

Этимъ и ограничиваются возраженія противъ содержанія разбираемыхъ книжечекъ. Во всемъ прочемъ онѣ изложены вѣрно, сжато и понятно, а это важное достоинство изданій, назначаемыхъ для малоразвитаго, а иногда даже для малограмотнаго читателя.

Нельзя умолчать о языкѣ брошюрокъ. Онѣ пестрятъ узкими провинціализмами лѣвобережной Украины, и потому многія выраженія въ нихъ покажутся странными, а подчасъ и непонятными жителю правобережному.

Въ виду того, что литературный украинскій языкъ еще не вполнѣ выработался, слѣдовало-бы тщательно избѣгать введенія въ книги узкихъ провинціализмовъ, а тѣмъ болѣе грамматическихъ неправильныхъ формъ и оборотовъ. А для народныхъ книгъ — тѣмъ болѣе. За образецъ языка слѣдовало-бы брать языкъ «Кобзаря», приднѣпровскій, какъ наиболѣе чистый: онъ одинаково понятенъ и близокъ и подолянину, и харьковцу.

Одинаково общи для обѣихъ разсматриваемыхъ брошюрокъ такія неправильныя глагольныя формы, какъ проходе, выходе, выличе, попросе, вступе и т. д.

Одинаково оба автора употребляютъ такіе провинціализмы («москализмы»), какъ *винбарчыкъ* (комора), одинаково любятъ узаконять въ печати неправильное народное произношеніе: *дохторъ*, *хвершалъ*, *хвамилія*, а Д. И. Эварницкій свою книжечку почему-то предпочелъ назвать *халера*, а не холера.

У Я. Жарка встрѣчаются такія выраженія: *родныкы и колодязи* (почему не сказать: жерела та крыныци?), *змазаты звесткою* (змастыты вапномъ?), даты звистку ликар*ю* або хверш*алу* (-еви, -ови).

Ужъ кому иному, а не Д. И. Эварницкому простятся такія выраженія: розносытся халера черезъ чоловичый (а не жиночый? може

людськый) калъ», «не коженъ *чоловикъ* (а баба кожна?) *хворае* на *хал*еру», «переходе въ холодну *душачу* (?) халеру», *«килька разъ замичалы»*, «теплого *времьяни»*, «ягиды», «головна *забота»*, «на жывот*у*, на бо*ку»*, «не слидъ въ халеру наидатысь до отягчення тлунка», «въ халерне *времья* треба берегты *отъ* простуды *свого жывота»* и т. д.

Указанные недостатки тѣмъ не менѣе не такъ велики, чтобы сдѣлать разбираемыя брошюрки непригодными для народа. Онѣ сослужатъ свою службу и принесутъ не малую пользу населенію, если получатъ широкое распространеніе. Авторы — не врачи, а потому могли-бы сказать: feci, quod potui, faciant meliora potentes. Но бѣда въ томъ, что potentes faciunt, да ихъ работа не можетъ увидѣть свѣта, благодаря злополучному закону 1876 г. Извѣстно нѣсколько брошюръ о холерѣ, написанныхъ свѣдущими людьми (врачами, фельдшерами), но имъ не повезло такъ, какъ повезло брошюркамъ Д. И. Эварницкаго и Я. Жарка.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать этихъ «первыхъ ласточекъ» въ популярной украинской литературѣ и пожелать имъ не быть послѣдними, а предвѣщать весну,—настоящую, не временную весну.

Врачъ.

С. А. Влонскій. Народныя школы съ малорусскимъ языкомъ. *Житоміръ, 1905. Стр. 22. Цѣна 10 коп.*

Петръ Ивановичъ Бобчинскій, который очень желалъ заявить себя во всеобщее свѣдѣніе и даже высокопоставленнымъ особамъ представиться, часто находитъ себѣ послѣдователей между пишущей братіей. Придетъ такому Петру Ивановичу, успѣвшему уже ознакомиться съ употребленіемъ письменнаго прибора, въ голову какая-нибудь, какъ ему кажется, блестящая идея,—и онъ спѣшитъ изложить ее на бумагѣ, предаетъ тисненію и, обозначивъ на обложкѣ свой полный адресъ, съ замираніемъ сердца ждетъ славы, почестей, доходовъ... Въ большинствѣ случаевъ Петръ Ивановичъ подвизается по части художественной литературы, но иногда пробуетъ себя и въ публицистикѣ...

Степанъ Александровичъ Блонскій, какъ намъ кажется, состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ Петромъ Ивановичемъ Бобчинскимъ,—по крайней мѣрѣ, изъ-за строкъ его брошюры намъ часто представ-

лялись черты знаменитаго гоголевскаго героя. Въ вопросѣ, который послужилъ темой для работы г. Блонскаго, ему несомнѣнно удалось сказать свое собственное—«э», и никакой Добчинскій на это «э» претендовать не смѣетъ. Судите, впрочемъ, сами.

Прежде всего г. Блонскій устанавливаетъ «желательный типъ школъ для народа», при чемъ исходитъ, разумѣется, изъ требованій самого же народа. По г. Блонскому, крестьянинъ «не утратилъ сознанія, что опредѣленный для него Промысломъ Божіимъ удѣлъ состоитъ въ томъ, чтобы на своей родной деревенской нивѣ, въ потѣ лица, ѣсть хлѣбъ свой»; въ согласіи съ народными взглядами, г. Блонскій пуще всего боится, чтобы «голова, обученная *читать, писать и считать* (курсивъ автора) не отуманилась высшими отвлеченными познаніями» (стр. 6); наконецъ, и то отъ нашего автора не укрылось, что «ужасающій ростъ пролетаріата есть прямое послѣдствіе насажденія для простого народа школъ не подходящаго типа» (стр. 7). Въ виду всего изложеннаго г. Блонскій предлагаетъ передать всѣ школы въ вѣдѣніе духовенства, обративъ ихъ въ школы грамоты существующаго типа, совершенно справедливо полагая, что головы, обученныя въ такихъ школахъ, будутъ надежно застрахованы отъ «высшихъ отвлеченныхъ познаній». Остановится ли при этомъ и «ужасающій ростъ пролетаріата—авторъ къ сожалѣнію не сообщаетъ; нужно думать, что и этотъ вопросъ рѣшается имъ въ положительномъ смыслѣ.

На этомъ не оканчивается «э», сказанное г. Блонскимъ. Далѣе онъ полагаетъ, что въ школахъ рекомендуемаго имъ типа обученіе должно производиться на малорусскомъ языкѣ, и при томъ не только у насъ, но и по всей Россіи, должно идти одновременное изученіе великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго языковъ. «При одновременномъ изученіи всѣхъ трехъ нарѣчій, — поясняетъ свою мысль авторъ, — неизбѣжно получится убѣжденіе въ дѣйствительномъ, а не предполагаемомъ (!) только, родствѣ этихъ трехъ народностей» (стр. 17); получатся и другія выгоды, которыя авторъ подкрѣпляетъ ссылкой на... извѣстнаго адмирала Шишкова!

Во избѣжаніе недоразумѣній спѣшимъ оговориться, что г. Блонскій защищаетъ именно *малорусскій* языкъ, но ни въ какомъ случаѣ не *украинскій*, такъ какъ о послѣднемъ онъ заявляетъ: «не было и быть не должно языка украинскаго» (стр. 12). Достаточно, кажется, категорично выражено. Но на той же страницѣ, не многимъ ранѣе, читаемъ, что «въ половинѣ минувшаго 19 столѣтія народилась такъ

называемая украйнофильская партія людей (sic), которые, стараясь доказать, что украинскій народъ не состоитъ (?) въ племенномъ родствѣ съ народомъ русскимъ, принялись проводить эту мысль въ разныхъ сочиненіяхъ *на малорусскомъ языкѣ, переименовавъ этотъ языкъ въ украинскій*" (стр. 12) и т. д. Итакъ, защищаемый г. Блонскимъ малорусскій языкъ, будучи переименованъ въ украинскій, не только лишается авторскаго благоволенія и покровительства, но даже права на существованіе. Почему такая немилость—это тайна нашего автора, проникнуть въ которую читателю не дано.

Много еще мудрыхъ и назидательныхъ мыслей можно бы извлечь изъ брошюры г. Блонскаго, но и сказаннаго, намъ кажется, довольно, чтобы съ несомнѣнностью установить два положенія. Во-первыхъ, Степанъ Александровичъ Блонскій приходится сродни Петру Ивановичу Бобчинскому, и во-вторыхъ, сказанное нашимъ авторомъ «э» принадлежитъ ему и только ему...

С. Е.

Въ защиту слова. Сборникъ. 2-е изданіе. *Спб., 1905 г. Стр. II+255. Цѣна 2 р.*

Первое изданіе сборника «Въ защиту слова» было въ буквальномъ смыслѣ слова расхватано публикой въ Петербургѣ, и въ провинціи совсѣмъ не поступало въ продажу; понадобилось сейчасъ же второе изданіе. Этотъ фактъ показываетъ, на сколько несомнѣнная сама по себѣ свобода печатнаго слова нуждается у насъ въ «защитѣ» и насколько такая «защита» популярна среди читающей публики. Въ цѣломъ рядѣ статей, замѣтокъ, этюдовъ и т. п. лучшіе русскіе писатели даютъ неопровержимыя доказательства необходимости свободы слова, сливающейся, по выраженію г. Пѣшехонова, со свободой народа и являющейся «предтечей народнаго счастья».

Изъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, двѣ имѣютъ для насъ и спеціальный интересъ, такъ какъ касаются ограниченій, тяготѣющихъ надъ украинскимъ словомъ. Статья г. Коробки «Вредныя буквы», въ связи съ запрещеніемъ (уже отмѣненнымъ) литовскаго алфавита, касается также вопроса о запрещеніи украинскаго правописанія, т. е. такъ называемой фонетики, отмѣчая тѣ вредныя послѣдствія, которыя явились плодомъ указаннаго запрещенія. Г-жа Русова въ

замѣткѣ «Шевченко» вновь поднимаетъ наболѣвшій вопросъ о невольныхъ искаженіяхъ и урѣзкахъ стихотвореній Шевченка въ подцензурныхъ изданіяхъ. «Можно, конечно, понять, — говоритъ почтенная писательница,—запрещеніе тѣхъ произведеній, которыя прямо высказываются противъ существующаго порядка вещей и открыто призываютъ къ борьбѣ съ нимъ, но совершенно непонятно, почему запрещены чисто-лирическія стихотворенія, выражающія настроенія и личныя чувства поэта, не направленныя ни противъ кого, но такъ выразительно обрисовывающія его душевное состояніе. Эти сокращенія и исключенія мѣшаютъ пониманію духовнаго образа поэта и являются лишней жестокостью къ памяти поэта, такъ много страдавшаго въ своей жизни».

Этими двумя статьями исчерпывается въ настоящемъ сборникѣ защита украинскаго слова. Къ сожалѣнію, мы здѣсь не находимъ спеціальной статьи, посвященной положенію украинскаго слова въ Россіи, а между тѣмъ такая статья могла бы представить любопытнѣйшія иллюстраціи къ положенію у насъ печатнаго слова вообще. Того, что претерпѣла и продолжаетъ претерпѣвать украинская литература, не испытало вѣдь никакое другое человѣческое слово. Политика воспрещеній, достигла здѣсь высшаго развитія и отсутствіе посвященной этому предмету спеціальной работы представляетъ поэтому замѣтный пробѣлъ.

С. Е.

Иванъ Франко. Збирныкъ творивъ. Томъ III. Бориславськи оповидання. *У Кыиви 1905, 1—273 (выдавныцтво Викъ, № 12).*

Въ третьемъ томѣ сочиненій Ивана Франка, выпущенномъ вновь въ Кіевѣ, всего пять разсказовъ: „Рипныкъ", „Наверненный гришныкъ", „Яць Зелепуга", „Полуйка" и „Вивчаръ".

Всѣ эти разсказы вновь выпущеннаго тома объединены общимъ заглавіемъ „Бориславськи оповидання" и посвящаются изображенію условій крестьянской жизни мѣстечка Борислава въ Галиціи.

Условія жизни крестьянина въ Бориславѣ носятъ не столько земледѣльческій, сколько промышленный характеръ, благодаря обилію нефти и такъ называемаго земляного воску, что и составляетъ особенность и вмѣстѣ съ тѣмъ богатство края. Но это богатство ничуть не улучшаетъ, а даже скорѣе портитъ и безъ того незавидную жизнь галицкаго крестьянина.

Франко во всѣхъ своихъ разсказахъ раскрываетъ передъ глазами читателя всѣ тѣ невзгоды, которыя посыпались на голову обитателей Борислава съ открытіемъ въ ихъ мѣстечкѣ нефтяныхъ источниковъ, по мѣстному „кыпячкы“.

Во-первыхъ, благодаря открытію нефти, явилась возможность быстрой и легкой наживы, что привлекло въ Бориславъ массу евреевъ спекулянтовъ, которые мало-по-малу захватили въ свои руки всю землю у крестьянъ.

«Жидова перлася у Бориславъ мовъ мухы до меду. Роямы цилымы воны глотылыся [1]) по селу, швендялы по полю, по хатахъ. До кожного газды [2]) прыставалы, мовъ реп'яхы до кожуха. „Продавай грунтъ, газдо, та продавай! Ось я тоби за частку стилькы... а я стилькы... а я ще бильше!.. Нетреба намъ усього—часткы зъ насъ буде!“ Выймають гроши, кладуть на руку, горилку ставлять и пидмовы не жалують. И не одного пидмовылы, не одного бидолаху заманулы». (Стр. 70). Правда, не всѣ крестьяне поддавались на уговоры, были и такіе, что любили свою землю и считали чуть ли не грѣхомъ отдавать ее въ еврейскія руки, справедливо разсуждая, что, если евреи богатѣютъ, добывая нефть, то и они могутъ заняться тѣмъ же прибыльнымъ дѣломъ, не бросая крестьянскаго хозяйства.

Васыль Пивторакъ въ разсказѣ „Наверненный гришныкъ“ даетъ такой совѣтъ своимъ односельчанамъ: „А що, панове газды, копають жыды кыпячку, копаймо й мы. Тыснуть воны гроши за кыпячку, будемо й мы тыснуты“.

Но увы, совѣтъ Васыля оказался гибельнымъ для большинства крестьянъ и въ томъ числѣ для него самого.

Дѣло въ томъ, что Васыль Пивторакъ, считаясь зажиточнымъ хозяиномъ, будучи отцомъ трехъ взрослыхъ сыновей, казалось, имѣлъ на своей сторонѣ всѣ шансы для добыванія нефти.

Но, благодаря полнѣйшему неумѣнію взяться за такое, повидимому, простое дѣло, какъ добываніе нефти, Васыль лишился двухъ сыновей: одного при копаньи засыпало пескомъ, другой задохся; къ довершенію несчастья жена Васыля, потерявъ двухъ сыновей, умерла съ горя, и вотъ онъ остался съ однимъ сыномъ, правда, разбогатѣвшій (ему таки удалось добыть нефть), но нравственно убитый.

---

[1]) Глотытыся—до купы збиратыся, тыснутыся.

[2]) Газда—господаръ, хазяинъ.

Богатство же, добытое цѣною такихъ жертвъ, оказалось не такъ велико, какъ думали: источникъ не далъ того количества нефти, на которое разсчитывали Васыль и Иванъ, продавая евреямъ „закипъ", вмѣсто 1000 кибливъ нефти смогли доставить только 800; чтобы добыть остальное, нужны были время и деньги, но денегъ не было, срокъ истекалъ, и этимъ обстоятельствомъ воспользовался „жидъ" Шмило, чтобы забрать источникъ въ свои руки за ничтожную плату.

Съ этого начался постепенный переходъ имущества Васыля Пивторака въ руки Шмила, который, отлично понявъ, что въ лицѣ Васыля имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, пришибленнымъ судьбою и потому безотвѣтнымъ, опуталъ его сѣтью всевозможныхъ обязательствъ. Наклонность къ пьянству, появившаяся у Васыля послѣ постигшихъ его несчастій, оттолкнула отъ него всѣхъ близкихъ, начиная съ сына Ивана, нанявшагося въ батраки, и кончая пріятелями—односельчанами, которыхъ „панъ отецъ" въ громовыхъ проповѣдяхъ убѣдилъ, что за общеніе съ такимъ грѣшникомъ, какъ Васыль Пивторакъ, придется дать отвѣтъ на томъ свѣтѣ. Благодаря такому всеобщему осужденію и отчужденію, Васыль сдѣлался окончательно жертвой Шмила, корчма котораго стала единственнымъ пріютомъ бѣдняка, гдѣ онъ и проводилъ цѣлые дни, пока Шмила не сталъ гнать его, увѣряя, что онъ не можетъ никого кормить и поить даромъ.

Впрочемъ, тотъ же Шмило не остался въ накладѣ, такъ какъ, воспользовавшись уходомъ Ивана въ батраки въ другое село, успѣлъ доказать, что Васыль ему задолжалъ, и за этотъ фиктивный долгъ все имущество Пивторака перешло въ руки Шмила, а Иванъ, единственный сынъ Васыля, остался съ пустыми руками.

Въ разсказѣ „Яць Зелепуга" Франко изображаетъ другого крестьянина, занявшагося тоже добываніемъ нефти и въ концѣ концовъ ставшаго тоже жертвою еврейскихъ происковъ, несмотря на удачу своего предпріятія.

Изъ этихъ двухъ разсказовъ читатель можетъ сдѣлать заключеніе, что при теперешнемъ положеніи крестьянина, благодаря его бѣдности, невѣжеству и беззащитности, самое богатство края, при наилучшихъ обстоятельствахъ, ведетъ его къ гибели въ буквальномъ смыслѣ этого слова: евреи болѣе воздержанные, болѣе свѣдущіе во всякаго рода предпріятіяхъ и, наконецъ, болѣе пронырливые въ своихъ сношеніяхъ съ чиновниками, разумѣется, всегда будутъ дѣйствовать

успѣшнѣе бѣднаго «хлибороба», тѣмъ болѣе, что въ средствахъ они не очень-то разборчивы и въ стремленіи къ наживѣ не останавливаются ни передъ чѣмъ. Шмило опаиваетъ Васыля Пивторака, Мендель поджигаетъ Яця Зелепугу, укравъ у него предварительно деньги, полученныя имъ за добытую съ гигантскими усиліями нефть; третій жидъ, чтобы завладѣть деньгами Ивана «рипныка», подсовываетъ ему «лынву», политую ветріолемъ, благодаря чему она переламывается при опусканіи Ивана въ яму, и нажитыя тяжелымъ трудомъ деньги остаются въ рукахъ жида.

Вообще евреи въ Бориславѣ стали ужасною язвой.

„Перекупства, споювання й шахрайства здеморализировалы урядъ громадськый и зробылы його слухнянымъ знарядомъ въ рукахъ багатшихъ жыдивъ". (Стр. 196).

Что народъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ „багатшихъ жыдивъ", это объясняется полнымъ отсутствіемъ какой-нибудь власти, которая взяла бы на себя охрану крестьянскихъ интересовъ. „Жыды робылы, що хотилы, а повитови уряды дрогобыцькы, мабуть, и рукою махнулы, почуваючы свою неспромогу завесты въ Борыслави якый-небудь трывкый порядокъ. Тымъ то й не бувъ нихто безпечнымъ що до свого добра и навить жыття. Части несчастя въ ямахъ мыналы властивцямъ безкарно, а до того въ рубрыкы „несчастя въ ямахъ" зачислювано дещо й таке, въ чимъ перелякани Борыславськи люде бачылы очевыдни злочынства й забійства". (Стр. 196).

Какъ на примѣръ такого „нещастя въ ями" можно указать далеко на неслучайную гибель Ивана «рипныка» въ разсказѣ „Рипныкъ".

Впрочемъ, не всегда въ злоключеніяхъ бориславцевъ можно обвинять евреевъ, которые вообще, несмотря на свою алчность, не были бы такъ страшны для крестьянъ, если бы крестьянская масса не была такъ бѣдна и въ матеріальномъ, и нравственномъ отношеніи, и если бы тѣ, которые имѣютъ право „кожного разу—прыйты видсудыты, або прысудыты", приходили бы и затѣмъ, чтобы научить и защитить.

Рабочіе на нефтяныхъ источникахъ „рипныкы", проработавъ всю недѣлю въ ямахъ, въ воскресеніе спускаютъ все пріобрѣтенное за недѣлю, теряя въ пьянствѣ и дикомъ разгулѣ всѣ тѣ хорошіе задатки, въ которыхъ природа не отказала крестьянину, и никто не идетъ къ нимъ со словомъ увѣщанія, когда же дурные инстинкты,

несдерживаемые никѣмъ и ничѣмъ, приводятъ къ преступленію, какъ это мы видимъ въ Ганнѣ, убившей соперницу Фрузя въ разсказѣ „Рипныкъ“ или въ швагрѣ Яця Зелепуги, убившаго сестру въ минуту запальчивости—являются паны судить; поневолѣ задаешь себѣ вопросъ вмѣстѣ съ Иваномъ Пивторакомъ: откуда они взяли это право судить и присуждать? (Стр. 70).

Вообще, тяжелое впечатлѣніе производитъ крестьянинъ, выведенный въ разсказахъ Ив. Франка: бѣдность, невѣжество, грубость и полная безполезность въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ врагомъ, такъ что при чтеніи этихъ разсказовъ невольно вспоминается стихотвореніе г. Чернявскаго, характеризирующее положеніе тѣхъ же крестьянъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Ныво не орана, ныво не сіяна,
Всимы покынута, всимы забутая,
Ныво кривавымы слизмы полывана,
Ныво туманамы-млою окутая,—
Де твои ратаи, де твои сіячи?“

Глядя на полную заброшенность крестьянъ со стороны тѣхъ, кто могъ бы быть имъ полезенъ, нужно удивляться не тому, что крестьянинъ пьянствуетъ и подъ вліяніемъ алкоголя теряетъ обликъ человѣческій, а тому, что у него являются минуты просвѣтлѣнія, и эта жизнь на промыслахъ становится для него невыносимой, какъ это было съ Иваномъ „рипныкомъ“, уразумѣвшимъ, что „Бориславське жыття, правда, вильне, але жъ хиба се людське, господарське жыття? Та й яке вильне? Тильки твоеи й воли, що въ недилю, та въ свята! А въ будный день ты робочый вилъ, ни-гирше! Ты повный невольныкъ жыда властытеля ямы, або його кассыра. Пидъ землею ты кожнои хвыли небезпечный свого жыття, а поверхъ земли кожнои хвыли лайка, потуркованя, понукования. И вично той сморидъ, той брудъ, та духота, та піятыка, той одуръ“.

Такъ вѣрно сознать свое положеніе, почувствовать такое глубокое отвращеніе къ нему и, наконецъ, такъ работать, какъ работалъ Иванъ, чтобы уйти изъ той опротивѣвшей ему жизни, можетъ только нравственно здоровая натура, какая и была у Ивана, временно только поддавшагося тому угару, среди котораго проходитъ обычно жизнь рабочихъ на промыслахъ.

Много нравственной силы и у Яця Зелепуги, который „бувъ хлопъ ледащо“, однако нужно было этому „ледащому хлопу“, немного протрезвившись, оглянуться на окружающую его жизнь и увидѣть, что почти вся земля его односельчанъ находится въ рукахъ жидовъ, богатѣющихъ, добывая изъ нея нефть, а также почувствовать, что онъ, считавшій себя со дня смерти жены никому и ни на что ненужнымъ, можетъ быть полезнымъ для семьи своего пьяницы-швагра, и въ душѣ его происходитъ быстрый переворотъ. „Видколы выяснылась йому циль життя, то бачылось, що разомъ прыбуло йому й сылы и енергіи, та смилосты“. (Стр. 192).

Яць Зелепуга такъ же, какъ и Иванъ, сталъ работать съ гигантской энергіей, чтобы достигнуть своей цѣли, но нѣтъ счастья для обездоленныхъ, и оба они, достигнувъ своей цѣли (Иванъ—собравъ деньги, Яць—добывъ нефть), гибнутъ жертвами жидовскихъ происковъ, какъ уже сказано нами выше. И это счастливцы: «кыпячка» далась имъ въ руки, а вѣдь такихъ 6 или 7 на 100. Что же касается остальныхъ, то они, разорившись, продаютъ свою землю евреямъ и затѣмъ копаютъ на ней ямы, но уже не для себя.

Тутъ-то и кончается навѣки жизнь крестьянина, полная глубокаго смысла и нелишенная поэзіи, доступной всякой простой душѣ.

Допустимъ, что иной „рипныкъ“ затоскуетъ за своей землей, начнетъ стремиться, чтобъ выкупить „батькивщину“ и зажить опять хозяиномъ на селѣ, какъ это мы видимъ у Ивана,—смотришь деньги, нажитыя такимъ тяжелымъ трудомъ, привлекутъ вниманіе Менделей, Шмилъ и т. д.,—и тогда прощай не только мечта о волѣ, но и самая жизнь.

Такимъ образомъ, получается заколдованный кругъ: или подъяремная жизнь „рипныка“, или при малѣйшей удачѣ — гибель.

Заключеніе тѣмъ болѣе прискорбное, что ужъ-кого, кого, а Ив. Франка заподозрить въ преувеличеніи или сгущеніи красокъ невозможно, и лица, выведенныя въ его произведеніяхъ, чуждыхъ и тѣни сентиментальности, стоятъ живымъ укоромъ передъ глазами читателя, и хотя авторъ никого не упрекаетъ, но невольно чувствуешь себя отвѣтственнымъ и за Ивана, и за Васыля Пивторака, и за Яця Зелепугу, однимъ словомъ «за всихъ убогыхъ, нещаслывыхъ людей, занедбанныхъ, малыхъ“.

И дай Боже, чтобы это чувство отвѣтственности передъ бѣднымъ и темнымъ людомъ, которое пробуждается въ душѣ читателя при чтеніи произведеній Ив. Франка, не было минутнымъ впечатлѣніемъ, а переходило бы и въ жизнь.

Вообще, относительно разбираемой нами книги можно сказать, что правдивые и чуждые сентиментальности разсказы дѣлаютъ книгу достойной самаго широкаго распространенія. Цѣна книги весьма доступна—65 коп., на кращому папери 85 коп.

Внѣшній видъ книги не заставляетъ желать ничего лучшаго.

Л. Жигмайло.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 5; 2) Русская Старина № 5 и 6; 3) Историческій Вѣстникъ, № 5 и 6; 4) Всемірный Вѣстникъ, № 5 и 6; 5) Русскій Вѣстникъ, № 1—6; 6) Русская Мысль, № 1—5; 7) Журн. Мин. Народн. Пр., № 1—6; 8) Міръ Божій, № 4—6; 9) Вѣстникъ Европы, № 5 и 6; 10) Літературно-Науковый Вістныкъ, № 1—5; 11) Научно-литературный сборникъ, Т. VI, кн. 1; 12) Варшав. Унив. Изв., № 2; 13) Ученыя Записки Юрьевскаго Университета, № 2; 14) Этнографическое Обозрѣніе 1904 г. № 3 и 4; 15) Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и Словесн. Импер. Акад. Наукъ, Т. X, кн. 1.

Русскій Архивъ, № 5.

Воспоминанія И. М. Снѣгирева (№ 5, стр. 10—56). Въ этихъ малоинтересныхъ воспоминаніяхъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Троицко-Сергіевой лаврѣ, одна страничка посвящена указанію той розни, какая существовала въ 18 вѣкѣ въ Лаврѣ между монахами великороссами и малороссами. «Въ лаврѣ одна половина монашествующихъ были великороссіяне, другая—малороссіяне. Отъ этого составилось двѣ партіи, между собою враждебныя, что обнаруживалось въ разныхъ столкновеніяхъ. Однажды монахъ-москаль сказывалъ въ Троицкомъ соборѣ поученіе, а гробовымъ тогда былъ инокъ изъ малороссіянъ, неблагорасположенный къ первому. Проповѣдникъ, подражая голосу гробоваго, въ словѣ своемъ замѣтилъ, что нѣкоторые,

имуще образъ благочестія и силы его отвергшіеся, гробовымъ голосомъ повторяютъ: «Боже, милостивъ будь мнѣ грѣшному», а подъ языкомъ у нихъ трудъ и болѣзнь, сердце ихъ полно злобы и лукавства, а карманы серебра и золота". Гробовой, принявъ это на свой счетъ, тотчасъ пошелъ въ алтарь жаловаться архимандриту, своему земляку. Проповѣдникъ за обличеніе поставленъ на поклонъ въ трапезѣ, которой былъ лишенъ въ тотъ день. Но вотъ какой случай обнаружилъ передъ набожною императрицею Елизаветою Петровною враждебное племенное раздѣленіе во святой обители Сергіевой. Архимандриту изъ малороссіянъ дано было знать, что императрица прибудетъ туда на богомолье. Призвавъ къ себѣ своихъ земляковъ, онъ сказалъ имъ: «ея императорское величество изволитъ прибыть въ святую нашу Лавру; а какъ ей извѣстно, что св. обитель благословенна богатствомъ по молитвамъ преподобнаго отца нашего Сергія, и какъ она любитъ велелѣпіе, то постарайтесь, братія, явиться предъ лицемъ ея величества въ лучшихъ одеждахъ». Москалямъ онъ присовѣтовалъ представитъся въ худшихъ одеждахъ, чтобы не обнаружить роскоши и показать смиреніе. Такъ и было сдѣлано, какъ приказано. Императрица, замѣтивъ такое рѣзкое различіе, спросила у архимандрита: «вѣдь Лавра всѣмъ изобилуетъ; отчего же одни монахи одѣты весьма прилично и хорошо, а другіе худо, какъ нищіе?»—«Оттого, ваше величество, что первые—малороссіяне, люди трезвые, благоприличные, а другіе—москали, люди невоздержаные и нерадивые о себѣ. Въ такомъ мнѣніи государыня оставалась до тѣхъ поръ, пока не разсказала она объ этомъ любимому своему истопнику, съ которымъ она привыкла говорить въ свободные часы, а у этого истопника былъ монахомъ въ монастырѣ братъ его родной. Тотъ откровенно объяснилъ ей продѣлку настоятеля-малороссіянина. Вотъ что было причиною, что не только въ Троицкую лавру, но и въ Св. Синодъ прегражденъ былъ доступъ малороссіянамъ» (стр. 23—24).

Слишкомъ маловѣроятнымъ является такое объясненіе факта отстраненія малороссіянъ отъ высшихъ духовныхъ должностей.

М. Корецкій. Старина о Базилевскихъ (изъ народныхъ устъ) (№ 5, стр. 105—122). Маленькая замѣтка г. Корецкаго говоритъ объ извѣстномъ уже въ печати фактѣ убійства крестьянами всей семьи Базилевскихъ, факта, разсказаннаго г-жею А. Ефименко на страницахъ нашего журнала въ статьѣ «Турбаевская катастрофа» (см. 1891 г. № 3). Очевидно, автору замѣтки не извѣстна эта статья,

равно какъ и нѣкоторыя дополнительныя замѣтки къ ней [1]), такъ нигдѣ даже не сдѣлано ссылки на нихъ. Народная пѣсня, сложившая по поводу этого событія, приведена почему то въ русскомъ переводѣ, да еще и очень слабомъ.

Письма И. В. Кирѣевскаго (№ 5, стр. 113—173). Среди этихъ писемъ есть одно изъ Кіева, писанное къ матери (А. П. Елагиной). 20 окт. 1835 г. Въ этомъ письмѣ между прочимъ читаемъ: «Кіевъ мы покуда очень мало могли разсмотрѣть, потому что насъ уже съ давняго времени мочилъ почти безпрерывный дождь, который превратилъ всѣ кіевскія улицы въ совершенныя болота, а нынче, послѣ долгаго отсутствія, въ 1-ый разъ наконецъ проглянуло солнце. Мы уже третій день живемъ у Максимовича, который перевезъ насъ къ себѣ тотчасъ послѣ отъѣзда Княжевича и вообще къ намъ очень любезенъ. Онъ не перемѣнился ни капли, кромѣ того, что ректорство его по необходимости сдѣлало дѣятельнѣе; впрочемъ, это ему не по нутру, и черезъ недѣлю онъ подаетъ въ отставку отъ ректорства. Къ этому письму есть приписка М. Погодина: «Что за Кіевъ, прелесть! а погода *карабоска*. Нынѣ выѣзжаемъ. А у меня есть огромный мраморный отломокъ изъ Десятинной церкви и первая монета русскаго времени отца *Донскаго»*. стр. 151).

Историческій Вѣстникъ, № 5 и 6.

П. А. Антроповъ. Харьковскій погромъ въ 1872 г. (№ 5, стр. 462—476). Статья эта, написанная очевидцемъ, передаетъ картину народнаго бунта, происшедшаго въ Харьковѣ на Пасху въ 1872 году. Главнымъ виновникомъ разгорѣвшихся народныхъ страстей авторъ считаетъ пристава Шмелева, своимъ безтактнымъ поведеніемъ вызвавшаго такъ рѣзко проявившееся народное движеніе.

Юбилей Д. Л. Мордовцева (№ 5, стр. 944—951). Въ этой краткой замѣткѣ дается описаніе того юбилейнаго обѣда, который состоялся въ Петербургѣ 24 апрѣля 1905 года по поводу пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Д. Л. Мордовцева.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* данъ отзывъ о слѣдующихъ книгахъ: 1) Труды Подольскаго церковно-археологическаго общества (бывшаго историко-статистическаго комитета). Вып. 10-ый, подъ редакц. прот. Е. Сѣцинскаго и Н. Яворовскаго. Кам.-Под. 1904 г. (№ 5, стр. 679—681); 2) Акты и документы, относящіеся къ исторіи

---

[1]) Тамъ-же, 1891 г. № 4, 5 и 9.

Кіевской Академіи. Отд. II (1721—1795 гг.). Т. 1-ый, част. 1 и 2-я и приложенія. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова (№ 6, стр. 1005—1006).

Всемірный Вѣстникъ, № 5 и 6.

Въ отдѣлѣ «Библіографіи» помѣщенъ отзывъ о книгѣ *А. Ефименко* «Южная Русь» Т. I. (№ 6, стр. 157—159).

Русскій Вѣстникъ, № 1—6.

Въ «Современной Лѣтописи» (№ 6, стр. 758—663) Н. Энгельгардтъ, затронувъ мимоходомъ вопросъ о «малороссійской независимости», обѣщаетъ въ будущемъ подробно остановиться на немъ, когда ознакомится съ достаточнымъ количествомъ матеріаловъ; теперь же онъ ограничивается почти исключительно выдержками нѣкоторыхъ данныхъ изъ „Гражданина“, прибавляя, что «Гражданинъ» постарался такъ собрать цитаты чтобы выдвинуть смѣшныя преувеличенія украинофильства. «Просимъ читателей замѣтить. что это не *нашъ* тонъ»—оговаривается Н. Энгельгардтъ. Подождемъ, пока услышимъ *его собственный тонъ*, хотя, признаемся, что мало возлагаемъ надеждъ на что-нибудь приличное, такъ какъ и данный обзоръ всѣхъ разсмотрѣнныхъ авторомъ резолюцій разныхъ съѣздовъ заканчивается вотъ какимъ милымъ восклицаніемъ: «Автономія областей, сеймы, хартіи для каждой народности, упраздненіе государственнаго законодательства и языка, столпотвореніе вавилонское! Дальше идти уже некуда. Остается только учрежденіе демократической республики или босяцкой подвально-кабацкой анархіи».

Русская Мысль, № 1—5.

Ник. Фабрикантъ. Краткій очеркъ изъ исторіи отношеній русскихъ цензурныхъ законовъ къ украинской литературѣ. (№ 3, стр. 127—146). Очеркъ этотъ, представляя переработку статьи «Не было, нѣтъ и быть не можетъ никакой малороссійской литературы», помѣщенной въ «Литературно-Науков. Вистныку», излагаетъ исторію тѣхъ цензурныхъ мѣропріятій, которыя начали примѣняться къ южно-рус-

ской литературѣ еще въ 17 вѣкѣ. Изложивъ вкратцѣ цензурныя стѣсненія до 19-го вѣка, авторъ съ большею подробностью останавливается на второй половинѣ 19 вѣка, когда, начиная съ исторіи Кирилло-Меѳодіевскаго общества въ Кіевѣ въ 1847 г., стѣсненія по отношенію къ малорусскому слову стали обозначаться съ особенною рѣзкостью, достигнувъ высшаго предѣла сначала въ 1863 году, а затѣмъ въ 1876 году.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ даются рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Проф. М. С. Грушевскій.* Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904 г. (№ 2, стр. 57—59); 2) *А. Ефименко.* Южная Русь. Т. I, Спб. 1905 г. (№ 3, стр. 94); 3) *Кобзарь Т. Шевченка* въ переводѣ русскихъ поэтовъ подъ редакц. Н. В. Гербеля. Изд. 4-ое, Москва, 1905 г. (№ 5, стр. 153—154).

Журн. Мин. Народн. Просв., № 1—6.

А. И. Соболевскій. Древняя передѣлка начальной лѣтописи (№ 3, стр. 100—105). Въ этой коротенькой замѣткѣ авторъ устанавливаетъ фактъ, что составитель 1-ой Новгородской лѣтописи въ началѣ ея воспользовался начальной лѣтописью, допустивъ нѣкоторыя стилистическія видоизмѣненія, иногда не вполнѣ удачныя, такъ что только сличеніе двухъ текстовъ—изъ Новгородской лѣтописи и Начальной—помогаетъ установить точный смыслъ въ ней.

М. Довнаръ-Запольскій. Крестьянская реформа въ литовско-русскомъ государствѣ въ половинѣ XVI вѣка (№ 3, стр. 137—187, № 4, стр. 221—277). Авторъ настоящаго изслѣдованія, разсмотрѣвъ въ раньше изданномъ имъ трудѣ «Государственное хозяйство вел. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ» значеніе финансовой стороны реформъ, касавшихся измѣненія въ организаціи раскладки и взиманія податей и повинностей въ литовско-русскомъ государствѣ въ половинѣ 16 столѣтія, въ своей новой работѣ задается другой цѣлью—выяснить техническую сторону этихъ реформъ и тотъ порядокъ новой администраціи, который установился для управленія финансами.

В. Ляскоронскій. Къ вопросу о переяславльскихъ торкахъ (№ 4, стр. 278—302). Настоящая статья, главнымъ образомъ, вызвана трудомъ А. В. Стороженка «Очерки Переяславльской Старины», въ которой авторъ сдѣлалъ попытку опредѣлить мѣстожительство пере-

яславльскихъ торковъ и ихъ значеніе въ исторіи южно-русской жизни. Не будучи согласенъ съ выводами, сдѣланными А. В. Стороженкомъ по этому вопросу, В. Ляскоронскій подвергаетъ въ началѣ своей статьи критическому разбору трудъ А. В. Стороженка, а затѣмъ высказываетъ рядъ своихъ соображеній по тому же вопросу.

Г. Тельбергъ. Нѣсколько замѣчаній о междукняжескихъ снемахъ въ древней Руси. (№ 6, стр. 332—338). Княжескіе съѣзды или *снемы* (отъ слова *сниматься*) толкуются въ наукѣ двояко: одни считаютъ ихъ *учрежденіями*, авторитетъ которыхъ былъ обязателенъ для князей всей территоріи (проф. В. Ключевскій); другіе видятъ въ нихъ лишь *средство заключенія договоровъ* (проф. Сергѣевичъ). Авторъ настоящей замѣтки, соглашаясь съ послѣднимъ мнѣніемъ, даетъ нѣсколько дополнительныхъ толкованій юридическаго значенія княжескихъ *снемовъ*, указывая отличіе ихъ отъ иныхъ собраній князей.

Въ отдѣлѣ *„Критика и библіографія“* помѣщенъ разборъ труда Проф. *М. Грушевскаго* „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. Рецензія принадлежитъ перу Н. Чечулина (№ 4, стр. 393—399).

Вѣстникъ Европы, № 5 и 6.

Ек. Юнге. Изъ моихъ воспоминаній 1843—1860 г. (№ 5, стр. 256—291). Въ этой книгѣ помѣщено окончаніе воспоминаній Ек. Юнге, обнимающее главы XV—XIX. Эти главы представляютъ особенный интересъ, такъ-какъ въ нихъ воспоминанія касаются главнымъ образомъ личности Н. И. Костомарова.

Літературно-Науковий Вістник. 1905 р., кн. I—V.

Книжка I.

М. Грушевський. Що-ж далі? (В справі руських гимназий) (стр. 1—5).

Отмѣтивъ, какого труда стоила галичанамъ станіславіська гімназія, авторъ говоритъ, что она тѣмъ не менѣе является польской подачкой. Такимъ образомъ и другія казенныя гимназіи будутъ стоить такихъ-же усилій, такъ какъ для открытія гимназіи въ Станиславовѣ потребовалось цѣлыхъ шесть лѣтъ. Поэтому авторъ совѣтуетъ оставить въ покоѣ имперскихъ министровъ и заняться устройствомъ учебныхъ заведеній. На это, по его мнѣнію, хватитъ средствъ вполнѣ. Между тѣмъ

такія гимназіи необходимы во многихъ мѣстахъ Галиціи, такъ какъ помогутъ сохранить украинскую народность отъ поглощенія ея другими націями, располагающими своими школами. Авторъ совѣтуетъ употребить на это деньги, собранныя на постройку театра во Львовѣ.

М. Лозинський. Гльосси про міжпартійні відносини галицькихъ Украінців (стр. 19—35). Въ настоящей книжкѣ помѣщено только начало статьи г. М. Лозинскаго, написанной по поводу книги Юліяна Бачинського «Гльосси. У Львові. 1904. Накладом редакциі «Іскри». Стор. 142. Ціна 2 кор.» Какъ извѣстно, г. Ю. Бачинський написалъ раньше книгу «Украіна Irredenta», выдержавшую два изданія. Какъ и первое произведеніе г. Бачинського. «Гльосси» посвящены общественному вопросу въ Украинѣ, при чемъ авторъ ихъ является ревностнымъ послѣдователемъ матеріалистическаго міровоззрѣнія, поддерживаемаго теперь сторонниками научнаго соціализма. Исходя изъ этой точки зрѣнія, г. Бачинський дѣлитъ украинское общество на четыре класса: 1) пролетаріатъ, 2) крестьянство, 3) духовенство, 4) свѣтская городская интеллигенція. Свое соціальное міровоззрѣніе г. Бачинський излагаетъ въ упомянутомъ выше произведеніи, при чемъ оно въ сильной степени тождественно съ первой его работой. Настоящая замѣтка г. Лозинського имѣетъ цѣлью разобрать мнѣнія г. Бачинського на взаимныя отношенія украинскихъ партій, такъ какъ первый далеко не всегда согласенъ съ авторомъ «Гльосс».

І. Франко. Ювилей Івана Левицького (Нечуя) (стр. 36—42). Авторъ указываетъ, что празднованіе юбилея опоздало на цѣлыхъ 10 лѣтъ. Еще въ 1895 году минуло 25 лѣтъ литературной дѣятельности знаменитаго украинскаго писателя, но тогда «Украіна стогнала під тяжким тиском». Въ сущности и теперь обстоятельства не измѣнились къ лучшему, но какимъ-то чудомъ удалось вздохнуть немного легче, и «Украина згадала свій старий довг і сьвяткуе 35-літній ювилей літературноі діяльности Ів. Левицького. Въ дальнѣйшемъ авторъ даетъ характеристику юбиляра, какъ писателя, и приводитъ отрывокъ изъ своихъ воспоминаній о посѣщеніи послѣдняго. Въ общемъ характеристика знаменитаго писателя сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: онъ не былъ публицистомъ, не былъ борцомъ или полемистомъ, не былъ партійнымъ человѣкомъ, сторонникомъ той или иной политической доктрины или программы,—онъ былъ украинцемъ и украинскимъ писателемъ, и обладалъ всегда художественнымъ чувствомъ. Для выясненія своихъ положеній авторъ сравниваетъ юбиляра съ другими

писателями, какъ украинскими, такъ и россійскими. Къ статьѣ приложенъ портретъ юбиляра.

Ст. Томашівський. Нова книжка—нові часи (стр. 43—53). Настоящая статья вызвана появленіемъ въ печати книги проф. М. Грушевскаго. «Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1904». Авторъ останавливается сначала на значеніи этой книги для россійскихъ украинцевъ, а потомъ переходитъ къ характеристикѣ большого труда проф. М. Грушевскаго «Істория Україні-Руси», сокращеніемъ которой является данная книга. Авторъ отмѣчаетъ важное научное значеніе и чисто національный характеръ «Історіі Украіни Русі», даетъ краткій обзоръ «Очерка исторіи украинскаго народа» и заканчиваетъ свою статью словами по адресу проф. М. Грущевського: «Вірний син нации».

В. Гнатюк. Новий русько-німецький словарь (стр. 54—59). Настоящая замѣтка представляетъ рецензію на «Руско-німецкий словар» Омеляна Поповича в Чернівцях (320 стр., 8°), недавно появившійся въ продажѣ.

О. Іванчук. В справі піднесеня домашнього промыслу (стр. 60—66). Авторъ посвятилъ свою статью кустарнымъ промысламъ и указываетъ на необходимость оказать поддержку галицкимъ кустарямъ. При этомъ онъ останавливается особенно на Гуцульщинѣ, гдѣ народные промыслы, какъ извѣстно, достигли высокой художественности. Поддержка кустарямъ должна опираться на чисто экономическую основу.

Въ отдѣлѣ «*Хроніка і бібліографія*» помѣщены только небольшія замѣтки, но нѣкоторыя изъ нихъ мы отмѣтимъ здѣсь:

І. Кр. Новий вірш Маркіяна Шашкевича (стр. 67). Въ виду интереса этой замѣтки для украинскихъ читателей приводимъ ее въ переложеніи, при чемъ въ стихотвореніи М. Шашкевича сохраняемъ правописаніе подлинника. «Въ рукописномъ отдѣлѣ библіотеки Народного Дому» во Львовѣ хранится подъ ч. 350 листокъ сѣрой бумаги въ шестнадцатую долю, подаренный сюда вмѣстѣ съ другими бумагами Яковомъ Головацькимъ. На этомъ кускѣ бумаги написано слѣдующее стихотвореніе:

По за тихий за Дунай
Де мій сокол пробувайе
Лети чадко в гожий край
Де го туга обґортайе.

Неси душу[1]) там мойу
Легкокрилий вытриньку
Руску пысньу несы му
Щчиру брата пысоньку:
Тужно тужно тамъ тобы
Милий брате рідненькій
Но по студенній зимы
Вытрец дихне тепленькій.
Середъ луга край води
Зацвила калына
Будь веселий шчаслыв ти
То шчаслыва й родина.

Подъ стихотвореніемъ рукою Якова Головацького написано: М. Шашкевичъ. Автографъ съ 1833 г. Характеръ письма тождественъ съ характеромъ прочихъ рукописей Маркіяна Шашкевича. Трудно сказать, дѣйствительно ли стихотвореніе относится къ тому году, который указываетъ Головацький. Посылая рукописи въ 1881 г. изъ Вильна, онъ очень легко могъ ошибиться. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это стихотвореніе написано рукою М. Шашкевича».

Дальши пробі (стр. 67—68). Приводятся свѣдѣнія о ходатайствахъ, которыя возбуждены разными лицами, желающими издавать журналы и газеты на украинскомъ языкѣ.

В. Новий „очаг“ москвофільський (стр. 68). Сообщается, что завѣщанный капиталъ нѣкогда М. Качковськимъ перешелъ теперь къ «Народному Дому» во Львовѣ.

В. Дивачний проект (стр. 68—69). Авторъ высмѣиваетъ проэктъ устроить памятникъ М. Шашкевичу за 14000 кр. на горѣ, около Пидліся.

Книга II.

Ганна Барвінок. Сьвяте Різдво на хуторі (стр. 77—84). Авторъ описываетъ празднованіе Святокъ въ селахъ и приводитъ тексты колядокъ и щедрівокъ.

Г. Ф. Сухий пень (стр. 85-97). Авторъ описываетъ сначала въ общихъ чертахъ отношеніе россійскаго правительства къ украинскому

---

[1]) Сбоку перечеркнуто: пысньу.

языку и письменности въ періодъ съ 1876 по 1904 годъ, при чемъ указывается замѣчательное «постоянство» правительственной политики въ этомъ вопросѣ. Затѣмъ онъ приводитъ въ подлинникѣ записки кіевскаго генералъ-губернатора кн. Дондукова-Корсакова по вопросу объ украинскомъ языкѣ. Конечно, содержаніе и выводы этой записки тутъ не стоитъ повторять, такъ какъ все это говорится и пишется по сей день «истинно-русскими людьми».

М. Лозинський. Гльосси про міжпартійні відносини галицьких Українців (стр. 98—105). Въ настоящей книжкѣ напечатано окончаніе статьи, начатой печатаніемъ въ I книжкѣ «Л.-Н. Вістника». Разсмотрѣвъ положенія г. Бачинського, авторъ вноситъ въ нихъ кое-какія поправки, возражаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ противъ тѣхъ или другихъ выводовъ перваго, напримѣръ, о москофильствѣ. Въ заключеніе онъ отмѣчаетъ, что г. Бачинський постоянно путаетъ термины: «руський» и «український».

І. Кревецький. Корифей російськоі критики і украïнськое письменство (стр. 106—121). Въ этой книжкѣ помѣщено лишь начало весьма интересной статьи г. Кревецького. Въ первой части своей статьи авторъ отмѣчаетъ, что самые выдающіеся россійскіе дѣятели на поприщѣ литературы и общественности, сталкиваясь съ украинскимъ вопросомъ, обнаруживали не только непониманіе народа, его быта и его особенностей, но даже проявляли какую то антипатію къ тѣмъ или другимъ проявленіямъ украинской жизни. Онъ полагаетъ, что въ этомъ виноваты болѣе или менѣе обѣ стороны. Между тѣмъ сама жизнь постоянно наталкивала россійскихъ писателей и публицистовъ на тѣ или другія явленія въ жизни Украины и заставляла ихъ высказываться по этому вопросу. Отмѣтивъ мнѣнія Хомякова, Герцена, Чернышевскаго, Тургенева и Короленка, авторъ переходитъ къ корифею россійской критики—В. Бѣлинскому. Въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ мнѣнія Бѣлинскаго по украинскому вопросу, насколько они выразились въ его рецензіяхъ на сочиненія Квітки-Основяненка и Гребінки. Конечно, Украинѣ не особенно посчастливилось въ отзывахъ извѣстнаго россійскаго критика.

І. Франко. Львівський театр і нардня честь (стр. 122 - 132). Авторъ указываетъ, что Галичину теперь сильно волнуетъ вопросъ о постройкѣ театра во Львовѣ. Уже куплено мѣсто, и заключенъ контрактъ съ одной вѣнской фирмой относительно постройки. О театрѣ много пишутъ и говорятъ, при чемъ въ періодической печати появ-

ляются не только мнѣнія по этому вопросу отдѣльныхъ лицъ, но и коллективныя заявленія. Такъ, въ ч. 7 «Діла» напечатано подобное заявленіе, при чемъ авторы его возражаютъ противъ предложенія проф. М. Грушевського употребить на устройство частныхъ учебныхъ заведеній деньги, собранныя на постройку театра во Львовѣ, и заявляютъ, что въ театральномъ вопросѣ «заангажована наша народна честь». Авторъ выступилъ въ отвѣтъ на это со своей статьей. Сначала онъ даетъ исторію театральнаго вопроса въ Галичинѣ, а затѣмъ разсматриваетъ со всѣхъ точекъ зрѣнія какъ современное положеніе этого дѣла, такъ и значеніе для страны постояннаго театра во Львовѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣчаетъ, что настоящая театральная затѣя не сулитъ блестящихъ перспективъ для украинскаго драматическаго искусства, при чемъ основываетъ свое мнѣніе на чисто практическихъ соображеніяхъ, съ которыми слѣдуетъ посчитаться лицамъ, задумавшимъ построить театръ во Львовѣ.

І. Кр. Бібліотека „Народного Дому" у Львові (стр. 133—137). Авторъ излагаетъ сначала исторію «Народного Дому» во Львовѣ, а затѣмъ приводитъ данныя о современномъ состояніи библіотеки этого учрежденія. Библіотека раздѣляется теперь на два отдѣла: отдѣлъ «Народного Дому» въ 80000 томовъ и отдѣлъ о. Петрушевича больше чѣмъ въ 20000 томовъ. Но библіотека содержится не въ особенномъ порядкѣ, составъ ея не отличается полнотой, и читальный залъ требуетъ большаго благоустройства. При библіотекѣ имѣются археологическій музей съ нумизматическимъ отдѣломъ и естественно-историческій кабинетъ, но они еще не открыты для публики.

Въ отдѣлѣ *„Хроніка і бібліографія"* отмѣтимъ слѣдующія небольшія замѣтки:

В. Заходи коло знесеня указу з 1876 р. (стр. 138)—относительно кіевской, одесской и др. петицій украинцевъ въ Россіи.

В. Хто піддержує москвофільство? (стр. 138—140)—о коммиссіи, распоряжающейся фондомъ М. Качковського.

Книга III.

Новий документ до старого „спору" (стр. 153—159). Подъ этимъ заглавіемъ редакція «Л.-Н. Вістника» опубликовываетъ въ переложеніи на украинскій языкъ докладную записку одесскихъ украинцевъ въ комитетъ министровъ, при чемъ предпосылаетъ ей коротенькое введеніе, въ которомъ разъясняетъ истинный характеръ этого «спора» между украинцами и ихъ угнетателями.

І. Франко. Михайло Павлик (стр. 160—186). Авторъ написалъ свою статью «замісь ювилейноі сильветки». Михайло Павлик—одинъ изъ весьма замѣтныхъ общественныхъ дѣятелей и игралъ извѣстную роль въ послѣднія 30 лѣтъ. Хотя юбилей его 30-лѣтней дѣятельности и отпразднованъ съ большою торжественностью въ Львовѣ (д. 20 падолиста 1904 р.) и вызвалъ свыше 170 адресовъ и другихъ привѣтствій изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ украинцы, но др. І. Франко находитъ, что почитатели М. Павлика относили свои симпатіи больше къ особѣ послѣдняго и далеко не выразили яснаго пониманія идей, руководящихъ его дѣятельностью. Лишь въ 5 привѣтствіяхъ «виявляе яснійше розуміне провідних ідей Павликовоі діяльности». Авторъ находитъ, что необходимо прежде всего позаботиться, чтобы личность и дѣятельность не были представлены въ невѣрномъ освѣщеніи и не были окружены легендами. «Обовязокъ мій,—говоритъ онъ,—одного з сучасників і близьких сьвідників Павликовоі діяльности висловити тут декілька увагъ, що причинять ся може до поясненя правди». Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ разбираетъ очеркъ личности М. Павлика, помѣщенный М. Лозинськимъ въ книгѣ «Ювилей 30-літноі діяльности Михайла Павлика (1874—1904). З портретами ювилята і рідні. У Львові, 1905», и сообщаетъ цѣлый рядъ фактовъ частью на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, частью по документамъ. Между прочимъ онъ касается тутъ и столкновенія М. Павлика съ Наук. «Товариством ім. Шевченка» какъ изъ-за библіотеки, которою онъ завѣдывалъ, такъ и по вопросу о печатаніи его статей въ изданіяхъ «Товариства». Авторъ здѣсь взваливаетъ всю вину на юбиляра и осыпаетъ его рядомъ упрековъ. Но еще больше достается М. Павлику, когда авторъ доходитъ до характеристики произведеній послѣдняго. Вообще, статья отличается большой страстностью тона и часто личнымъ характеромъ, хотя авторъ и увѣряетъ въ противномъ.

С. Ефремов. Бонавентура в украінській литературі (стр. 187—202). Настоящая статья посвящена украинскимъ драматургамъ и ихъ творчеству. Въ первой главѣ авторъ даетъ общую характеристику драматической литературы, при чемъ сравниваетъ состояніе послѣдней съ дѣятельностью извѣстнаго Бонавентуры изъ комедіи Карпенка-Карого. При этомъ въ послѣдующихъ главахъ онъ собирается перебрать украинскихъ драматурговъ, начиная отъ наименѣе замѣтныхъ величинъ и кончая самыми крупными именами. Дѣйствительно, во II главѣ разобраны слѣдующіе произведенія: 1) „Въ кого серце щире, той въ не-

щастяхъ гыне", опера на 4 дії Х. Бойця К. 1904; 2) „Корінь", народна драма на 5 дій Писаренка. Х. 1094; 3) „Борці за мрії", драма на 5 дій Тогобочного. Х. 1904; 4) „Въ каламутній воді" („Орися"), комедія Володського. К. 1904. Всѣмъ этимъ произведеніямъ и ихъ творцамъ отъ автора сильно достается, и въ заключеніе онъ заявляетъ: „се-ж не література, а Бонавентура". Статья въ настоящей книжкѣ „Л.-Н. Вістника" не закончена [1]).

О. Вишневській. На переломі (стр. 203—210). Настоящая статья излагаетъ современныя событія въ Россіи и положеніе страны съ соціалъ-демократической точки зрѣнія. Въ этой книжкѣ помѣщено только начало статьи.

М. Грушевський. В справі руських шкіл і руського театру (стр. 211—220). Настоящая статья является продолженіемъ той полемики о школахъ и театрѣ, которой посвящены отмѣченныя выше статьи М. Грушевскаго (кн. I) и І. Франко (кн. II). Авторъ старается отстоять свое мнѣніе, что украинскія школы важнѣе для Галичины, чѣмъ театръ.

І. Франко. Замісь діскусії—цьвітки полєміки (стр. 221—237). Настоящая статья относится къ тому же вопросу, что и предыдущая, и полемизируетъ съ мнѣніями, находящими себѣ пріютъ на столбцахъ газеты „Діло".

Ст. Чарнецький. Гостына театру „Руськоі Бесіди" у Львові стр. 238—248). Авторъ даетъ рефератъ о представленіяхъ труппы „Руськоі Бесіди" во Львовѣ въ 1905 году. Въ общемъ онъ вынесъ самое отрицательное впечатлѣніе и о репертуарѣ, въ которомъ многаго недоставало, а безъ другого можно было обойтись, и объ исполнителяхъ, которые не всегда стояли на должной высотѣ.

Р. Братковський. Перша вистава укр. штуки і промислу у Львові (стр. 241 — 256). Настоящая статья написана по просьбѣ редакціи „Л.-Н. Вістника". Давъ общій хвалебный отзывъ объ этой выставкѣ, авторъ затѣмъ переходитъ къ отдѣльнымъ экспонентамъ, начиная съ удостоившихся наградъ. Сначала онъ отмѣчаетъ инкрустаторовъ Миколу, Василя и Федя Шкрибляків, сыновей Юра Шкрибляка изъ Яворова, косьвського повіта—всѣ 3 брата выставили рядъ типичныхъ гуцульскихъ издѣлій, при чемъ первые двое получили золотую медаль, а третій похвальный листъ. Остальные гуцульскіе мастера, выставившіе здѣсь свои работы, уступаютъ назван-

[1]) Эта-же статья была напечатана въ „Кіев. Стар."

нымъ выше. Изъ живописцевъ авторъ особенно восхищается картинами Івана Труша, а затѣмъ переходитъ къ Ф. Красіцькому изъ Кіева, одна изъ картинъ котораго „Гість із Запорожа" куплена „Наук. Тов. ім. Шевченка, при чемъ снимокъ ея приложенъ къ настоящей книжкѣ. Изъ другихъ живописцевъ авторъ отмѣчаетъ І. Макушенка, изъ Петербурга, І. Бурачка, В. Масляникова изъ Кіева, Юліана Панкевича изъ Львова, Сосенка, М. Жука изъ Кіева, Михайла Бойчука изъ Львова и Л. Драгоманову изъ Кіева, а объ остальныхъ только упоминаетъ вскользь.

Книга IV.

М. Грушевський. Українство і питання дня в Россії (стр. 1—10). Въ настоящей статьѣ авторъ говоритъ о положеніи украинцевъ въ Россіи, а потомъ характеризуетъ современное украинское движеніе и указываетъ, какія задачи оно должно преслѣдовать, къ какой цѣли слѣдуетъ стремиться. Вопросъ разсматривается авторомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ освободительное движеніе, охватившее всю Россію, застало украинцевъ совершенно неподготовленными. Поэтому необходима со стороны послѣднихъ особенно энергичная дѣятельность, чтобы достигнуть завѣтнаго идеала и стать полноправной націей, а не паріями среди другихъ народностей. Многое должны сдѣлать сами украинцы, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ на другихъ не слѣдуетъ полагаться.

І. Франко. Отвертий лист до гал. української молодіжи (стр. 11—19). Авторъ выясняетъ важное значеніе современнаго освободительнаго движенія въ Россіи для украинскаго народа, указываетъ будущую роль галичанъ въ судьбахъ ихъ россійскихъ земляковъ и опредѣляетъ тѣ обязанности и задачи, которыя лежатъ теперь на первыхъ въ отношеніи ихъ соплеменниковъ, и которыя предстоитъ выполнить въ будущемъ. Статья дышетъ хорошимъ, теплымъ чувствомъ украинца, любящаго свою родину и народъ, и проникнута такимъ оптимизмомъ, о которомъ мы, живущіе въ Россіи, пока не можемъ думать.

О. Вишневський. На переломі (стр. 21—38). Въ продолженіи интересной статьи о современномъ положеніи въ Россіи авторъ выясняетъ состояніе россійской торговли и промышленности и указываетъ, какое вліяніе это имѣло на бытъ рабочихъ, какъ способствовало это все возникновенію рабочаго вопроса. Авторъ описываетъ также первыя стадіи рабочаго движенія.

І. Кревецький. Корифей російської критики і українське письменство (стр. 39—55). Въ настоящей книжкѣ помѣщено окончаніе статьи, начатой печатаніемъ во II книжкѣ «Л.-Н. Вістника», при чемъ тутъ напечатаны конецъ I главы и II глава. Сначала авторъ знакомитъ насъ съ отзывами Бѣлинскаго о Шевченкѣ, при чемъ критикъ здѣсь обнаружилъ не только полное непониманіе великаго украинскаго писателя, но также страшную ненависть ко всей украинской письменности. Во II главѣ авторъ старается выяснить причины, которыми вызывается это враждебное отношеніе ко всему украинскому какъ у Бѣлинскаго, такъ и у другихъ россіянъ. Свою статью онъ заключаетъ словами: «Знанем Украіни Росія ніколи не грішила!»

Ст. Чарнецький. Де що про теперішній стан галицько-руського театру (стр. 56—64). Авторъ сначала разсматриваетъ вопросъ о театрѣ съ общей точки зрѣнія, а потомъ переходитъ къ современному состоянію украинскаго театра въ Галичинѣ. Поэтому вся остальная, большая часть статьи посвящена единственному театральному товариществу въ Галичинѣ«—Руська Бесіда» во Львовѣ. Постановка дѣла въ этомъ товариществѣ далеко не удовлетворительна и требуетъ настоятельно коренной реформы. Въ сущности единственнымъ вершителемъ судебъ галицкаго театра является И. Губчакъ, который творитъ множество злоупотребленій.

Із сучасних фактів (стр. 65—79). Подъ этимъ заголовкомъ опубликованы четыре совершенно самостоятельныхъ вещи, при чемъ всѣ онѣ переложены на украинскій языкъ: 1) Петиція кіевскихъ украинцевъ министру внутреннихъ дѣлъ о нуждахъ украинскаго слова; 2) Записка ихъ-же о необходимости украинской школы; 3) Открытое письмо молодежи Т. Флоринскому; 4) Кілька слів про будовку чеських театрів.

Др. Е. Олесницький. Кілька слів фактычного спростовання (стр. 80—86). Подъ этимъ заголовкомъ опубликовано письмо др. Е. Олесницького и двѣ замѣтки др. І. Франка. Въ своемъ письмѣ др. Е. Олесницький говоритъ о проектѣ построить украинскій театръ во Львовѣ и возражаетъ противъ тѣхъ обвиненій, которыя взвелъ на него др. І. Франко въ отмѣченной выше своей статьѣ по тому-же вопросу. Это письмо сопровождается полемической замѣткой др. І. Франка. Въ ней послѣдній представляетъ свои возраженія на слова др. Е. Олесницького. Послѣ этого др. І. Франко напечаталъ также «Postscriptum», въ которомъ возражаетъ проф. В. Шухевичу, напечатавшему

статейку по тому же театральному вопросу въ газетѣ «Діло». Вторая замѣтка отличается чрезвычайной горячностью тона.

Книжка V.

І. Франко. Щиристь тону і щирість переконань (стр 101—112) Настоящая статейка написана по поводу замѣтки др. Ів. Копача «Згосини у других», напечатана въ № 16 газеты „Діло". Др. Копачъ въ своей замѣткѣ описываетъ юбилейный концертъ москофильскаго студенческаго общества «Другъ» и касается при этомъ случаѣ новаго направленія, наблюдаемаго въ средѣ москвофильской молодежи. Въ отвѣтъ на это др. І. Франко характеризуетъ современное москвофильство въ Галичинѣ и даетъ ему надлежащую оцѣнку.

О. Вишневський. На переломі (стр. 113—131). Въ настоящей книжкѣ напечатано продолженіе интересной статьи О. Вишневського, первыя части которой помѣщены въ III и IV книжкѣ. Въ этой книжкѣ авторъ говоритъ о россійскомъ законодательствѣ по фабричному дѣлу и рабочему вопросу, а также излагаетъ въ связи съ этимъ исторію рабочаго движенія съ точки зрѣнія соціалъ-демократовъ.

М. Грушевський. Фрази і факти (стр. 132—137). Настоящая статья написана для газеты „Сынъ Отечества" и имѣетъ цѣлью опровергнуть увѣреніе „Гражданина" (№ 22), будто „не нужно свободы украинскому языку".

М. Лозинський. Українська Народня Партія (стр. 145—160). Настоящая статья даетъ характеристику дѣятельности и задачъ этой партіи, при чемъ авторъ относится къ вопросу критически и отмѣчаетъ тѣ стремленія партіи, которыя отличаются неясностью или не способны вызвать сочувствіе среди украинцевъ, такъ какъ проникнуты духомъ чрезмѣрной національной нетерпимости. Статья представляетъ большой интересъ для южно-руссовъ и сообщаетъ нѣкоторые такіе факты изъ нашей жизни, о которыхъ россійской прессѣ пришлось умолчать.

М. Грушевський. Меморіял Петербурської Академії (стр. 160—163). Авторъ сначала излагаетъ содержаніе записки Императорской Академіи Наукъ „объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова" (Спб. 1905, ст. III+96), а потомъ даетъ оцѣнку ея, при чемъ признаетъ чрезвычайную важность этого документа.

Реферат Комісиі у справі знесеня заборон українського друкованого слова (стр. 164—174). Подъ этимъ заглавіемъ начата печатаніемъ

упомянутая выше записка Имп. Академіи Наукъ. Записка печатается въ переложеніи на украинскій языкъ; переложилъ ее В. Гнатюкъ.

Історична записка К. А. Военского (стр. 175—185). Настоящая записка подана К. А. Военскимъ въ 1900 году начальнику Главнаго управленія по дѣламъ науки. Въ ней авторъ доказываетъ, что необходимо уравнять въ правахъ украинскій языкъ съ россійскимъ. Записка напечатана здѣсь въ переложеніи на украинскійи языкъ, переложилъ ее І. Франко.

Научно-литературный сборникъ, т. IV, кн. I.

Ф. И. Свистунъ. Митрополитъ Спиридонъ Литвиновичъ и о. Иванъ Наумовичъ въ 1864 г. (стр. 57—65). Подъ этимъ заглавіемъ опубликована записка о. Наумовича по поводу лишенія его прихода митрополитомъ Спиридономъ Литвиновичемъ. Въ видѣ вступленія къ этой запискѣ г. Свистунъ описываетъ по своему тѣ причины, которыя заставили митрополита рѣшиться на такую мѣру.

„Галицко-русская матица“ (стр. 66—72). Подъ этимъ заголовкомъ опубликована переписка этого москвофильскаго общества съ митрополитомъ Андреемъ Шептицкимъ, который, въ качествѣ покровителя, воспротивился затѣянной перемѣнѣ устава „Г.-Р. Матицы“.

Б. А. Дѣдицкій. Открытое письмо къ митрополиту Андрею Шептицкому (стр. 73—92). Письмо относится къ тому-же вопросу объ уставѣ „Г.-р. мктицы“ и представляетъ дѣло съ точки зрѣнія воротилъ этого сообщества.

О. А. Мончаловскій. Къ юбилею В. И. Ламанскаго (стр. 93—100). Авторъ даетъ характеристику извѣстнаго слависта и приводитъ тексты нѣкоторыхъ адресовъ, при чемъ старается провести свои излюбленныя тенденціи. Къ статьѣ приложенъ весьма плохой портретъ.

Въ отдѣлѣ *„Библіографія“* даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ; 1) *А. С. Крыловскій.* Львовское Ставропигіальное Братство. К. 1904 (стр. 101—105); 2) Архивъ Юго-Западной Россіи, т. X—XI (стр. 105—106); 3) *Ю. А. Яворскій.* Очерки по исторіи русской народной словесности. II. К. 1905 (стр. 106—107).

Д-ръ И. С. Свѣнцицкій. Рукописи библіотеки „Народнаго Дома" во Львовѣ (стр. 108--149). Въ настоящей книжкѣ авторъ оканчиваетъ свое описаніе рукописей на иностранныхъ языкахъ изъ собранія „Народнаго Дома". Нѣкоторыя рукописи изданы въ приложеніи. Описаніе сопровождается указателями фамилій, рукописей по содержанію и учрежденій.

Этнографическое Обозрѣніе, 1904 г., № 3—4.

Въ этихъ двухъ книжкахъ, вышедшихъ съ сильнымъ опозданіемъ, помѣщены въ отдѣлѣ *„Критика и Библіографія"* отзывы *Е. Н. Е--ой* о слѣдующихъ книгахъ: 1) *въ № 3*—о книгѣ *Нарбекова* „Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в.в. (стр. 98); 2) *въ № 4*—о книгѣ *Лисенка* „Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи (стр. 188).

Извѣстія Отдѣл. Рус. яз. и Словесн. Имп. Ак. Наукъ, т. X, кн. I.

В. Н. Перетцъ. Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра (стр. 51—104). Настоящая статья посвящена памяти А. Н. Пыпина. Авторъ даетъ разборъ нѣсколькихъ интермедій XVII—XVIII столѣтій по рукописнымъ метеріаламъ. Статья представляетъ важное значеніе для исторіи украинскаго театра и драматической литературы. Она является первой въ серіи другихъ статей по тому-же вопросу, намѣченныхъ авторомъ.

Н. В. Державинъ. Замѣтка о болгарскомъ говорѣ с. Терновки Мелитопольскаго у. Таврической г. (стр. 136—146). Авторъ даетъ краткую характеристику фонетическихъ и этимологическихъ особенностей этого говора и даетъ матеріалы для словаря.

Г. П. Георгіевскій. Двѣ драмы Петровскаго времени I—III (стр. 185--307). Настоящая статья посвящена дѣйствіямъ о князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и о Есѳири. Обѣ пьесы представляютъ примѣръ того вліянія, которое имѣли кіевскіе ученые на развитіе школьной драмы Москвы. Въ ихъ языкѣ много слѣдовъ украинскаго языка.

А. И. Соболевскій. Древне-кіевскій говоръ I—III (стр. 308—323). Настоящая статья представляетъ въ сущности повтореніе ряда статей автора, въ которыхъ онъ доказывалъ, что древніе кіевляне говоромъ бѣлорусско-великорусскаго типа, а украинскій языкъ появился въ Кіевщинѣ не раньше Руины. Статья въ сущности не даетъ почти ничего новаго. Не ново также наименованіе ученыхъ противниковъ автора украинофилами.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Что стоилъ Андрею Полетикѣ процессъ за с. Аксютинцы (роменскаго уѣзда). Родоначальникомъ Полетикъ былъ полтавскій житель Андрей Павловъ, который впослѣдствіи сталъ роменскимъ войтомъ (1727—28) и принялъ фамилію Полетикъ. Это былъ очень ловкій человѣкъ. Женясь на внучкѣ лубенскаго полковника Илляшенка, Полетика послѣ долгихъ усилій овладѣлъ роменскимъ селомъ Коровинцами [1]), право на которое у него оспаривали Полуботки, а затѣмъ купилъ у дочерей Якова Гречанаго, Настасьи, Авдотьи и Маріи, село Аксютинцы, тоже въ роменской сотнѣ. Купчая на это село была совершена весною 1748 года, но скоро послѣ этого право на Аксютинцы стали оспаривать у Полетики бунчуковый товарищъ Туранскій и черниговскій полковой судья Василій Каневскій, и Полетикѣ пришлось вновь начинать долгій и требующій большихъ денежныхъ затратъ процессъ. Въ общемъ исторія села Аксютинецъ, насколько можно видѣть изъ данныхъ, находящихся въ доказательствахъ, представленныхъ обѣими спорящими сторонами въ Сенатъ, была такова. При Самойловичѣ этимъ селомъ владѣлъ полковой лубенскій писарь (1672—1684) Ѳедоръ Васильевичъ Билимъ, по смерти котораго оно было отдано брату гетмана, роменскому протопопу Мартирію Самойловичу. Затѣмъ, послѣ событій на Коломакѣ, село это было отдано Мазепой „войсковому товарищу“ Степану Прокофьевичу Гречаному по универсалу 10 марта 1689 г., вопреки листу полковника лубенскаго

[1]) Кіев. Стар. 1891 г., апр. стр. 99.

Свѣчки, отдавшаго въ 1688 г. Аксютинцы черниговскому протопопу Синдаровскому. Гречаный въ свое время былъ замѣтнымъ человѣкомъ въ „войскѣ“, чѣмъ и объясняется фактъ дачи Мазепой цѣлаго села безъурядному человѣку. Такъ, еще въ 1649 г. Стефанъ Гречаный былъ записанъ реестровымъ козакомъ сотни Костенковой, Корсунскаго полка, причемъ онъ написанъ въ реестрахъ рядомъ съ сотникомъ [1]),—но въ 1662—65 годахъ онъ былъ уже генеральнымъ писаремъ и гетманъ Брюховецкій бралъ его съ собой въ 1665 году въ Москву [2]). Здѣсь Гречаный, въ числѣ прочихъ, былъ пожалованъ въ дворяне, но въ 1667 году онъ уже не занималъ никакого уряда, когда вмѣстѣ съ генеральнымъ судьей Петромъ Забѣлой и лубенскимъ полковникомъ Богданомъ Щербакомъ производилъ, по порученію Брюховецкаго, розыскъ по тяжбѣ монаховъ Мгарскаго монастыря съ мѣщанами лубенскими за „бернардинскіе грунта, въ урочищѣ Тернахъ лежачіе“ [3])...

Въ 1676 г. Степанъ Гречаный былъ полковымъ судьей Гадяцкаго полка и получилъ, въ числѣ прочей старшины, государева жалованья по случаю царскаго вѣнчанія двѣ пары соболей [4]). Вотъ этому-то Гречаному Мазепа и далъ въ 1689 году Аксютинцы, и оно было за нимъ въ слѣдующемъ году утверждено и царскою грамотою. По смерти Степ. Гречаного, Аксютинцы были отобраны Мазепой отъ его сыновей Якова и Ѳедора и отданы бунчуковому товарищу Василію Громѣкѣ, который въ актахъ именуется племянникомъ Мазепы, но затѣмъ на Аксютинцы выхлопоталъ въ 1709 году царскую грамоту протопопъ Синдаровскій, представивъ, вѣроятно, при доказательствѣ своихъ правъ на это село универсалъ полковника Свѣчки и объяснивъ, что „измѣнникъ“ Мазепа отобралъ отъ него это село для отдачи своему родственнику. Событіями шведской руины воспользовались многіе „вѣрные престолу монаршему“ малороссіяне, не упускавшіе удобныхъ случаевъ ходатайствовать о надѣленіи ихъ „измѣнничьими“ маетностями... Такимъ образомъ на одно и то же село имѣлось двѣ подтвердительныхъ царскихъ грамоты, данныя разнымъ лицамъ. Выходъ изъ этого затруднительнаго положенія найденъ былъ тотъ, что Аксютинцы не были отданы ни Синдаровскому, ни Гречанымъ, а ге-

---

[1]) Реестра 1649 г., стр. 93.

[2]) Книги разрядныя, II, 981, 997, 999; А. Ю. и З. Р., т. VI, стр. 4.

[3]) Акты Мгарскаго монастыря, рукоп., л. 256—7.

[4]) А. Ю. и З. Р., т. XIII, ст. 55

неральному судьѣ Туранскому „на рангъ“. Въ 1716 году Туранскій умеръ, причемъ въ своемъ завѣщаніи отдалъ Аксютинцы своему меньшему сыну Демьяну, но при этомъ оговорилъ, что уступаетъ сыну это село только „до ласки ясневелможного“. Туранскій сомнѣвался въ томъ, что ранговая маетность будетъ оставлена за его сыномъ, тѣмъ болѣе, что преемникомъ его по должности генеральнаго судьи былъ зоркій Иванъ Чарнышъ, но на всякій случай пытался передать ее своимъ дѣтямъ.. [1]) Чарнышъ, конечно, не могъ допустить и мысли о томъ, чтобы цѣлое село, данное его предшественнику на урядъ генеральнаго судейства, какимъ либо путемъ миновало его рукъ. Это было-бы совершенно невѣроятнымъ событіемъ, и 31-го іюля 1716 года Чарнышъ получилъ универсалъ отъ Скоропадскаго, по которому ему были даны „села Аксютинцы съ Пустовойтовкою и съ млинами, подъ Аксютинцами будучими, и инними грунтами и угодіями, ко вспоможенію домовственному, что онъ при боку его гетманскому будетъ жити“ (намекъ на то, что Чарнышъ долженъ былъ, послѣ смѣщенія съ гадяцкаго полковничества, жить въ Глуховѣ, при гетманѣ)... Въ 1718 году Аксютинцы были утверждены за Чарнышемъ тоже царской грамотой, являющейся уже третьей по числу выданныхъ на одно и то же село, но разнымъ лицамъ... [2]). Въ 1724 гооу Чарнышъ былъ въ Москвѣ и сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости по дѣлу Полуботка... Этимъ моментомъ и воспользовались Яковъ и Ѳедоръ Гречаные, оттягавъ отъ Чарныша Аксютинцы, хотя онъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на ихъ родной сестрѣ Еленѣ Степановнѣ Гречаной, умершей еще до 1710 года. Вторая дочь Степана Гречаного—Евдокія была замужемъ за товарищемъ Лубенскаго полка Григоріемъ Рубаномъ-Яненкомъ (1709), который, вѣроятно, тоже принималъ участіе въ тяжбѣ своихъ шурьевъ за Аксютинцы. Такимъ образомъ, Аксютинцы временно возвратились во владѣніе Гречаныхъ. Пробыли они у нихъ, однако, недолго, такъ какъ оба брата Гречаныхъ были людьми малозамѣтными: Ѳедоръ не занималъ никакого уряда, числясь лишь „значнымъ войсковымъ товарищемъ, а Яковъ былъ Гадяцкимъ полковымъ есауломъ (1712 г.). Поэтому Михаилу Забѣлѣ, ставшему съ 1729 г. генераль-

---

[1]) А. Лазаревскій. Опис. Стар. Малор., II, 917—19.

[2]) Кіев. Стар. 1904 г., мартъ, стр. 347; апр. стр. ?4; Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка, изд. Н. П. Василенкомъ, стр. 267—280.

нымъ судьей на мѣсто Чарныша, не трудно было выпросить это село на томъ основаніи, что оно. когда-то принадлежало генеральному судьѣ на рангъ. Но тутъ предъявили свое право на Аксютинцы: черниговскій полковой судья (1728—32) Василій Каневскій, какъ зять протопопа Синдаровского, и бунчуковый товарищъ Туранскій, который, кажется, тоже былъ женатъ на дочери Синдаровскаго. Каневскій началъ искъ за Аксютинцы и въ 1731 году подавалъ челобитную на имя императрицы[1]), но дѣло его, кажется, не имѣло успѣха и Аксютинцы находились во владѣніи Забѣлы, по смерти котораго на село предъявили свои права Гречаные и Каневскій съ Туранскимъ. Въ это время на Аксютинцы и обратилъ свое вниманіе Андрей Пелетик , уже перешедшій изъ роменскихъ войтовъ въ ряды значковыхъ товарищей Лубенскаго полка и владѣвшій кое-чѣмъ подъ Аксютинцами. Еще въ 1715 году имъ была куплена здѣсь мельница о двухъ колахъ отъ сотника бѣлопольскаго (Сумскаго полка) Ѳедора Яснопольскаго; получивъ на мельницу въ 1735 году универсалъ генеральной канцеляріи, Полетика въ 1740 году купилъ у своего дяди, смѣлянскаго городового атамана Ивана Громѣки, два амбара на той же мельницѣ, а затѣмъ все это утвердилъ за собою царскою грамотой 1744 года вмѣстѣ съ другими своими имѣніями. Затѣмъ, ознакомясь съ правами Гречаныхъ на Аксютинцы, Полетика рѣшился на смѣлый шагъ и въ началѣ 1748 года купилъ у дочерей умершаго Якова Гречанаго, Анастасіи, Евдокіи и Маріи, все село цѣликомъ... Дѣло въ томъ, что Полетика въ то время, когда покупалъ спорныя Аксютинцы, заканчивалъ очень успѣшно почти аналогичный процессъ за село Коровинцы, на которое претенденты предъявляли тоже нѣсколько грамотъ, выданныхъ разнымъ лицамъ. Поэтому, покупая село Аксютинцы у тѣхъ лицъ, въ родъ коихъ оно было дано царской грамотой раньше другихъ, Полетика могъ разсчитывать, что ему вполнѣ удастся выиграть процессъ и здѣсь. И онъ не ошибся: дѣло объ Аксютинцахъ хотя и долго тянулось, но рѣшено было въ Сенатѣ въ 1767 году въ его пользу... На Коровинцы Полетика издержалъ около 1500 р., а на Аксютинцы—около 1300 рублей, но онъ понималъ, что владѣніе этими селами скоро возвратитъ ему убытки, понесенные при тяжбѣ за

[1]) Генер. слѣдствіе о маетностяхъ Черниговск. полка, изд. А. М. Лазаревскимъ, стр. 195—196.

нихъ... Аксютинцы перешли, затѣмъ, къ сыну Андрея Полетики, извѣстному Григорію Андреевичу, бывшему инспекторомъ Морского Корпуса, а затѣмъ—депутатомъ отъ Лубенскаго шляхетства въ Комиссію о Новомъ Уложеніи 1767 года.

Прилагаемый реестръ показываетъ размѣры тратъ Полетики и тѣ судебныя мытарства, при которыхъ неизбѣжно приходилось раскошеливаться всякому просителю...

„Реестръ, сколко именно вытратилъ денегъ и на что в Глуховѣ, нижей сего явствуетъ, 1748 году, ноябра 20 дня, добиваючись села Аксютинецъ.

Купилъ сахару шесть головъ, за которіе дано 5 рублей; такожъ на всякіе харчи вытратилъ денегъ два рубли разними часи. Еще пойшло на харчъ рубль; еще купилъ пять головъ сахару, за которіе далъ 5 рублей; еще пошло на харчъ рубль; еще 2 рубли; на сахаръ рубль. Руновскому 2 рубли; на харчъ рубль; еще купилъ сахару голову, далъ рубль; еще выйшло на харчъ рубль. Далъ Константиновичу 15 рублей; еще на харчъ рубль пойшолъ. Подполковнику Семенову—50 рублей. Пану бунчучному далъ 30 рублей. Далъ протоколѣсту 5 рублей. Далъ Петру Прокоповичу 2 рубли. За кватиру далъ рубль; еще на харчъ выйшло 4 рубли. Далъ Стефану на прогони 2 рубли; протоколѣстѣ—полтину; канцеляристѣ Базилевичу—полтину; еще на харчъ рублей 2. Войсковому канциляристѣ Василю Высоцкому далъ готовихъ денегъ 40 рублей, а панциръ—в 30 рублей, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вина и вышневки и протчихъ харчей чрезъ всю Пилиповку.

1749 году реестръ, что вытратилъ в Глуховѣ за другою февраля 15 дня поиздкою о селѣ Аксютинцахъ.

Первимъ разомъ вытратилъ на разніе потребы и на харчи, на себе и на конѣ, 4 рубли с полтиною Еще вытратилъ 2 рубли съ полтиною; вытратилъ 2 рубли, что дѣло перенесено з суда генералного в верхнюю апеляцію. Еще на харчъ рубль далъ; іскопиеванне челобитной — рубль; еще стратилъ на харчи, на конѣ и на себе, 2 рубли. Далъ канцеляристамъ судовимъ 2 рубли; еще выйшло на харчъ 3 рубли; молодикамъ за двома поиздками далъ 3 рубли, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протчого чрезъ целой постъ великій.

1749 году, априля 10 дня, реестръ, что вытратилъ за третою поиздкою в Глуховъ. Первимъ разомъ, на дорозѣ, на конѣ и на себе,

и в Глуховѣ на всякіе росходи и на поклонъ господамъ и канцеляристамъ за челобитніе и за ископиеванне свѣдителнихъ документовъ—6 рублей, кромѣ домашнихъ харчей, водки, вышневки и протъчего. Еще на харчъ вытратилъ рубль; еще вытратилъ на харчъ 2 рублѣ; еще на харчъ выйшло 2 рубли. Вербовскому—3 рубли; за кватиру далъ рубль; на харчи выйшло разніе рубль.

1750 году, марта 1 дня, вытратилъ в Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, якъ представленіе выправилъ в Иностранную Колегію,—127 рублей, безъ домашнихъ харчей.

1749 году, февраля 21 дня, послалъ в Москву до сина Григорія Полѣтики чрезъ пана Якова Искру, канцеляриста войскового, червонихъ нѣмецкихъ 100 ровно.

1750 году за двома поездками в Глуховѣ вытратилъ денегъ 40 рублей.

1751 году, ноября 30 дня, будучи в Глуховѣ по дѣлу Аксютинскому, стратилъ 16 рублей.

Въ 1757 году, у трохъ поездкахъ до Глухова: в маи—чрезъ три неделѣ, в іюнѣ и іюлѣ—чрезъ три жъ неделѣ, да в ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ—чрезъ три жъ неделѣ,—издержалъ денегъ 32 рубли кромѣ домашнихъ разнихъ харчей.

Въ 1758 году, февраля мѣсяца, чрезъ двѣ неделѣ, ожидаючи вислушанія дѣла, издержалъ денегъ 25 рублей.

1767 года, марта, за полученіемъ указа з Сената, отослалъ Григорію, что онъ своихъ здержалъ на Аксютинцѣ,—279 рублей. Далъ возному повѣтовому Зубковскому 10 рублей. В судѣ земскомъ канцеляристу Gepgелю далъ рубль..." *(Изъ бумагъ А. М. Лазаревскаго, съ подлинника).*

В. Модзалевскій.

Зѣньковскій полковникъ Василій Шиманъ и его потомство. Зѣньковскій полкъ былъ образованъ въ 1661 или 1662 году, при чемъ въ составъ его вошли нѣкоторыя сотни Полтавскаго и Миргородскаго полковъ, а также числившееся до тѣхъ поръ ранговымъ гетманскимъ имѣніемъ Гадяцкое староство, заключавшее въ себѣ г. Гадячъ съ округомъ. Неизвѣстно, почему центромъ новаго полка былъ сдѣланъ первоначально Зѣньковъ, а не Гадячъ, куда при Многогрѣшномъ и было перемѣщено полковничество съ переименованіемъ и са-

мого полка Гадяцкимъ, а не Зѣньковскимъ. Единственный извѣстный изъ полковниковъ зѣньковскихъ былъ Василій Симоновичъ Шиманъ, упоминаемый на этомъ урядѣ съ іюня 1662 года по 1665 годъ. Это былъ простой, неграмотный человѣкъ, но тѣмъ не менѣе игравшій кое-какую роль въ событіяхъ «Руины»... Сперва Шиманъ держался Сомка, но послѣ его казни явился ревностнымъ слугою Брюховецкаго, по порученію котораго ѣздилъ вмѣстѣ съ Степаномъ Шубою въ началѣ 1665 года въ Москву съ челобитной и грамотою [1]). Фактъ, что Брюховецкій оставилъ его на прежнемъ полковничьемъ урядѣ, а не смѣстилъ, какъ это случилось со многими полковниками въ то время, указываетъ на то, что Шиманъ былъ довольно ловкимъ человѣкомъ.

Мѣстожительствомъ Шимана была, повидимому, Грунь Черкаская сотенное мѣстечко его полка. Здѣсь онъ построилъ въ 1663 г. церковь Николая; на Ворсклѣ у него былъ цѣлый рядъ млиновъ, изъ которыхъ одинъ онъ продалъ въ апрѣлѣ 1665 года Преображенскому Скельскому монастырю. Вотъ его продажная запись: «Се азъ Василей Шиманъ, полковъникъ вѣрного войска его цар(ского) прес(вѣтлого) вел(ичества) Запорозкого Зѣнковский, явъно чиню симъ моимъ доброволнимъ писмомъ при стар(шинѣ) город овой) грунъской, меновите: при Стефану Безжономъ - сотнику Грунѣ Черкаской, Семен(у) Пол...,—атаман(у) гор(одовому) грунскихъ, Иван(у) Костенку и при мелникох Скелских... и инъшихъ людей добрих и вѣри годних притомъ було немало, іжъ я вишписанний полковъникъ даю сей мой записъ з доброй волѣ в обитель Святого Спаса, рекомий манастиръ Скелский, іжъ млинокъ на сазѣ, в томъ лузѣ стоячой, Ворскляной, идучей от Лутицѣ (?), збудованый коштомъ моимъ, которий то млинокъ отдаю на святую обител вѣчними часы»... При этомъ была, однако, сдѣлана слѣдующая оговорка: «Упоминаю при людехъ зацныхъ вишписанных, абы оние черноризцѣ, мешкаючи в обители святого Спаса, контентовались тоею сагою, узявъши... границѣ, ажъ до устя, не чинячи прешкоди жадной мѣской греблѣ и не псуючи береговъ, которие... (берега?) *мѣское посполство все гатитъ* и остерегаетъ мѣской греблѣ, аби не било и тихъ млиновыхъ перешкодъ, идучихъ на скарбъ войсковий»—Самъ Шиманъ былъ неграмотенъ, а потому этотъ «записъ»

---

[1]) А. Ю. и З. Р., V, 115, 236.

былъ выданъ при его печати и съ подписомъ руки писарской». «Дѣялося» все это «у Черкаской Грунѣ, априля 2, 1665 року. Устне упрошоний панъ Григорей Василевичъ о подписъ руки своей, що и подписавъ» [1]).

Упоминаемый въ концѣ документа Григорій Васильевичъ—не кто иной, какъ одинъ изъ сыновей Василія Шимана, подписавшійся за отца и на статьяхъ Брюховецкаго (Московскихъ). Послѣдующихъ упоминаній о Шиманѣ намъ не встрѣтилось, но въ октябрѣ 1665 года, когда Брюховецкій былъ въ Москвѣ, Шиманъ еще былъ зѣньковскимъ полковникомъ.

По смерти Василія Шимана, вдова его вышла замужъ за какого-то Забузкого, который впослѣдствіи былъ монахомъ Скельскаго монастыря. Кромѣ сына Григорія, у нея былъ еще другой сынъ—Иванъ Шимановичъ, бывшій священникомъ въ Груни, и дочь, вышедшая замужъ за какого-то Паска Гавриленка. О потомствѣ Григорія Шиманенка намъ ничего неизвѣстно, но отъ брата его Ивана остались дѣти, по крайней мѣрѣ—былъ сынъ Иванъ. О двухъ послѣднихъ лицахъ мы узнаемъ изъ документа 1690 года. 22 октября этого года предъ урядъ Груни Черкаской, въ составъ котораго входили: сотникъ Филиппъ Ивановичъ, атаманъ—Григорій Донецъ, Яхно Уманецъ—войтъ, Остапъ Рибалка — бурмистръ, при нихъ же былъ «честный отецъ Назарий Яновский, презвитеръ свято-воскресенский грунский ринъковий, и иныхъ особъ зацнихъ не мало», — явилась «Меланка» попадя, жона отца Івана Шимановича, сполне з Иваномъ Івановичемъ, синомъ своимъ», и «протестовали свою рѣчь в тую цели (?) мовячи: «Панове урядъ і всѣ при немъ будучие особи честние! Чинимъ явне, ясне и доброволне оповедъ симъ нашимъ писмомъ... іжъ з доброй волѣ нашой, нѣ откого не примушоние, обще зо всѣми пріятелми нашими слушне порадившися, на подпору господарства нашого, продалисмо млинъ свой власний, нѣкому нѣ в чомъ не заведений і не пенний, стоячий на рецѣ Ворсклѣ под монастиремъ Скелскимъ, з хатою, стоячою там-же, нижей млиновъ; которого млина славной памяти небожчикъ Василий Шиманъ, свекоръ мой, а дѣдусь Івана, сина моего, мѣлъ собѣ в поссесию за певную сумму отъ Якова Котляренька, древними часи; от которого Якова на тотъ млинъ писмо

---

[1]) Съ подлинника.

даньное і теперъ остаетъ у Паска Гавриленка [1]), зятя Шиманова, тилько жъ безъ всѣхъ тихъ належитостей, якъ в томъ писмѣ виражено к млину, от насъ одейшлихъ; але власний вireченний млинъ з хатою продали, не менуючи болшъ нѣчого к нему, в Бозѣ превелебному его милости іеромонаху отцу Вениямину, ігумену святия обители Всемилостивого Спаса Скелскому, з братиею, за певную сумму готовихъ грошей доброй монети лѣчбы полской за золотихъ восѣмъ сотъ. А одебравши виреченную сумму, ми, вишъменование, своими руками от превелебного отца ігумена і при немъ будучого брата монаха Аврамия Забузкого, бившаго второго мужа свекрухи моей Шиманихи, за млинъ, на насъ спадаючий, от которого южъ отдаляемъ самихъ себе і потомковъ нашихъ і пріятелей, близкихъ і далекихъ, вѣчними часи.—Тутъ же докладаемъ; хтоби мѣвъ въ томъ млинѣ, нами проданомъ, превелебному отцу ігумену і братии якие прикрости і втиски чинити з приятелей нашихъ і отъ кого колвекъ, где би мѣвъ отецъ ігуменъ зъ братиею за тотъ млинъ, копою іли осмакомъ прилоложитися,—въ томъ совито нагорожати повинни.— К сему запису я Иванъ Ивановичъ Шиманъ, вмѣсто матки своей, по еи веленю руку приложивъ». Кромѣ того, здѣсь же росписались и всѣ члены мѣскаго уряда, въ томъ числѣ и городовой писарь Стефанъ Стеблина, а также и Петръ Кириловичъ, іерей святовасилевский грун(скій") [2]).

Продажа этого млина, сдѣланная по словамъ попадьи „Мелашки" ради „подпоры господарства", тѣмъ не менѣе въ конецъ, вѣроятно, разорила потомковъ полковника Шимана. Впрочемъ, начало обѣдненія его семьи положилъ, вѣроятно, еще сынъ его Иванъ, который не могъ добраться до какого-либо уряда въ войскѣ, а надѣлъ священническую рясу... Сынъ послѣдняго и внукъ полковника, Иванъ Ивановичъ Шиманъ, былъ тоже священникомъ въ Груни; священствовали здѣсь же его потомки, называвшіеся уже Шимановскими (довольно многочи-

---

[1]) Вѣроятно, жена его имѣла тоже млины на Ворсклѣ. Михаилъ Богуцкій (бывшій къ 1692 г. сотникомъ грунскимъ), продавая въ 1714 г. Скельскому монастырю млинъ, „стоячій на Ворсклѣ на греблѣ Скельской въ трехъ колахъ (два мучнихъ камени, а третое—ступное"), и двѣ при немъ хаты съ дворомъ, садомъ и двумя лѣсами за 1700 золотыхъ,— говоритъ, что млинъ этотъ былъ купленъ имъ отъ „Шимановни".

[2]) Съ подлинника.

сленные) и въ концѣ XVIII вѣка, причемъ нѣкоторые члены этого рода были войсковыми канцеляристами и сотенными атаманами. Въ доказательство того, что предокъ ихъ былъ зеньковскимъ полковникомъ, Шимановскіе представили въ дворянскую комиссію свидѣтельство, выданное въ 1782 году изъ духовнаго правленія Грунскаго намѣстничества сотенному атаману Якову Шимановскому, въ которомъ между прочимъ удостовѣрялся и такой фактъ, что при выходѣ въ Грунскую Николаевскую церковь, «на входныхъ въ оную одвѣркахъ написано такъ: «Року 1663, мѣсяца маія 9 дня, рабъ Божій Василій Шиманъ, полковникъ войска его царского Величества Запорожского Зѣньковскій, создалъ домъ сей святый своимъ коштомъ и накладомъ въ честь славному Богу и святителю Христову Николаю за отпущеніе грѣховъ своихъ». Интересно было бы знать, сохранились ли и донынѣ въ Грунской Николаевской церкви эти «одвѣрки» съ означенною надписью?

В. Модзалевскій.

Грамота кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго на утвержденіе скита близъ м. Моровска, основаннаго игуменомъ Лебединскаго монастыря Серапіономъ, 1714 г. Настоящій документъ можетъ служить точнымъ указаніемъ относительно происхожденія Онуфріевскаго Моровскаго скита, просуществовавшаго до 1786 г., т. е. до закрытія импер. Екатериной II излишнихъ монастырей въ Малороссіи. Печатается онъ по копіи 1750—1760-хъ годовъ, находящейся въ томѣ Румянцевской Описи Малороссіи, заключающемъ дѣла Моровской сотни. О земельныхъ владѣніяхъ кіевской митрополіи (которой принадлежалъ и Моровскъ) см. у митр. Евгенія «Описаніе Кіево-Соф. собора», стр. 175 - 190, прибавленія.

„*Іосафъ Кроковскій*, божіею милостію православній архиепископъ митрополитъ кіевскій, Галицкій і всея Малия Россіи.

Всѣмъ обще, кому колвекъ вѣдати надлежитъ, симъ нашимъ писаніемъ извѣствуемъ, ижъ превелебній в Богу отецъ *Серапіонъ* ігуменъ Лебединскій, ради неспокоенія и тривог частих перенесшіся от своего монастира на тот бокъ Днепра, ізбралъ мѣстце удобное поблизу мѣстечка Моровска и скитокъ устроилъ ради хотящих безмолвно жителствовати, при которомъ озеро, сѣножать и млинокъ з ступникомъ (з

какого двѣ части на насъ належнихъ по любови нашей тому мѣсцю даровалисмо) обрѣтаются, а понеже еще не имѣлъ на потвержденіе листу нашего архипастирского, превелебній отецъ *Серапіонъ* о видання оного з катедри нашей просил насъ. Ми, любящи умноженіе обителей божіихъ и не возбраняющи хотящимъ на томъ мѣстцу іночествовати, в посту и молитвах работати Господеви, даемъ сей листъ нашъ на утвержденіе превелебному отцу *Серапіону* скита того новозачинающагося и при немъ будучой сѣножатѣ, озера и двох частій млина і ступника и третой аще умершого поссесора подданого....... суксессорове доброволне схотятъ продати. Приказуемъ такъ отцемъ городничимъ, по близу тамъ в маетностяхъ наших будучимъ, іако і людемъ подданнимъ нашимъ, жадной нечинити мѣстцу тому пакостей і живущим в немъ, ниже в кгрунтахъ вишшереченыих, до его прилежащихъ, кривди і препятія, но паче вспомогати, помоществовати, щедробливостію посѣщати. Ми же архипастирско молим всея твари Создателя, да мѣсто тое благословитъ, малое сущее да распространитъ во великое, яко жъ инія святія обытели от малих во великія благодатію своею претворил, во еже бы о немъ імя Господне благословенно было всегда усердствуем. Данъ з Кіева, априля 9, 1714. Звышь именованній митрополитъ Кіевскій рукою власною".

Сообщ. **В. Перетцъ.**

Платье и бѣлье малорусской паніи XVIII ст. *Реестръ, сколко в сундукъ положено платя покойной паней, ниже сего значи(тся).* Кунтушъ помаранцевой старой, кунтушъ бѣлоносевой дикой, кунтушъ штофной по темной землѣ разноцвѣтной, з сѣткою сребреною, кунтущъ полуканавацовой помаранцовой з сѣткою золотою; кунтушъ штофовой зеленой з сѣткою золотою, з сребромъ; кунтушъ штофовой жолтой, под сѣбѣрками чорними, з сѣткою сребреною; кунтушъ штуфовой жолтой, под сѣбѣрками сѣрими, з сѣткою серебреною, приношеной; сподниця атласная красна, з сѣткою сребреною; сподниця жолта табаковая с квѣтками з сѣткою сребреною; запаска парчевая по бѣлой землѣ з золотими квѣтами разними цвѣтами; запаска штофовая по бѣлой землѣ з разними цвѣтами з сѣткою золотою; запаска темного штофу з цветами разними, з сѣткою золотою; запаска штофовая по жолтой землѣ, разними цвѣтами, з сѣткою золотою; запаска оберная жолтая; запаска красна оберна, приношена; шнурувка парчева сре-

бреная; шнурувка по собери жолтой, шитая сребромъ; шнурувка штофная темная, з сѣткою серебреною; шнурувка штофна красная, з сѣткою золотою; шуба штофова квѣтчастая, лисями подбыта; кгрезету зеленого на два портища; штофу голубого на портище; атласу китайского вишневого штучка; рубку (?) штучка; чулки шолкови синѣи, с стрѣлками белими; завѣси на постѣль полосастіи, тафтяніи, вершокъ на шайку, по золотой денцѣ шитой сребромъ.

Сундуки два и в онихъ рубашки. Рубашокъ иляниихъ тонкихъ додѣлнихъ двадцять восѣмъ; рубашокъ московскихъ десять; рубашокъ ровнѣйшихъ десять с подточками; селфетокъ канчатихъ дванадцять; скатертей канчатнихъ тонка една; постѣль шитая золотомъ и шолкомъ краснимъ; простира шитая една; наволочокъ пять; полотна иляного три штучки; скатертей простихъ три куска; передниковъ шитихъ три, гладкихъ три; простинь кгаланскихъ двѣ, держанихъ; кисей квѣтчастихъ аршинъ десять; рубку квѣтчастого на двѣ пари рукавовъ; лиштва кужелная една простирная; простиръ пасистихъ болшихъ три, держанихъ.

Характеръ и содержаніе приведеннаго „реестра" заставляютъ отнести его ко времени „старой Малороссіи", во всякомъ случаѣ, не позже XVIII столѣтія. Подлинникъ его, писанный на листѣ сѣрой, побурѣвшей бумаги, находится въ историческомъ музеѣ им. В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ.

Сообщ. **Н. К. В—ый.**

О землетрясеніи въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ въ 1838 г. Первое землетрясеніе въ прошломъ столѣтіи въ полтавской губерніи было въ 1802 г.[1]) Повторилось оно въ 1838 году. Вотъ донесеніе на высочайшее имя полтавскаго губернатора П. Могилянского. «Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что сего января 11 числа, съ полдня, въ $9^1/_2$ часовъ послѣдовало здѣсь землетрясеніе. Явленіе сіе не сопровождалось ни подземными выстрѣлами, ни гуломъ—трескомъ, но колебаніе земли, продолжавшееся около двухъ минутъ, было довольно сильно и ощутительно до того, что въ домахъ люстры качались и стѣнные часы останавли-

---

[1]) См. нашу замѣтку. Кіев. Старина 1904. Январь.

вались, а въ нѣкоторыхъ деревянныхъ домахъ стѣны и крыши трещали, а многіе люди, особо слабаго здоровья, чувствовали головокруженіе Впрочемъ отъ происшествія сего никакихъ примѣчательныхъ поврежденій не произошло и состоитъ во всемъ благополучно».

Въ частности, есть донесенія о землетрясеніи уѣздныхъ властей. Въ Кременчугѣ, какъ доноситъ кременчугскій полицеймейстеръ «слышанъ былъ самопроизвольный ударъ колокола» на колокольнѣ церкви Преображенія Господня.

Въ Кобелякахъ былъ слышанъ подземный ударъ и сотрясеніе почвы. отчего свалилась труба «на казенномъ корпусѣ присутственныхъ мѣстъ». Въ Золотоношѣ, какъ увѣдомляетъ полиція, землетрясеніе продолжалось 7 минутъ, дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. П. Масюковъ, богатый помѣщикъ Гадячскаго уѣзда, жившій въ Веприкѣ. прислалъ генералъ-губернатору письмо, гдѣ такъ описываетъ землетрясеніе (рѣдкое явленіе въ природѣ, какъ выразился онъ): «Вечеромъ, по захожденіи солнца въ 9 часовъ и 36 минутъ, при 8 градусахъ мороза, ощущаемо было довольно сильное землетрясеніе, продолжавшееся, по моему замѣчанію, отъ 7 — 10 секундъ, такъ что въ домѣ моемъ, въ нижнемъ этажѣ, колебались диваны, стулья и шкапы съ посудою, а на верху гораздо сильнѣе шатались столы и кровати до того, что дочь моя старшая (10 лѣтъ) проснулась отъ испугу, полагая, что за ножку ея кровати кто-то тянулъ или нарочито шаталъ. По наблюденію и замѣчанію моему, землетрясеніе имѣло направленіе отъ сѣверо-востока къ западу».

Болѣе донесеній въ дѣлѣ нѣтъ; быть можетъ, оно и ограничивалось только этими мѣстами; въ противномъ случаѣ, мѣстныя власти сочли бы долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія начальника края.

Есть донесенія изъ черниговской губерніи; такъ, землетрясеніе было въ Стародубѣ, Нѣжинѣ, гдѣ образовались на стѣнахъ каменныхъ зданій трещины. въ Черниговѣ, гдѣ у «купца 3 гильдіи Вангейгейма часы, остававшіеся отъ поврежденія болѣе двухъ лѣтъ безъ дѣйствія, гирями и маятникомъ били объ стѣну».

Въ тотъ же день было ощущаемо землетрясеніе въ Ахтыркѣ, о чемъ счелъ должнымъ донести ахтырскій городничій. Оно продолжалось не болѣе двухъ минутъ «Въ нѣкоторыхъ домахъ стоявшія вещи и висѣвшія на стѣнахъ картины пришли въ сильное колебаніе, потрясеніе было ощутительно тѣмъ, кои уже были въ кроватяхъ; отъ землетрясенія поврежденія никакого не было, кромѣ въ тюремномъ замкѣ,

вѣроятно по ветхости онаго строенія, въ печи сводъ и бокъ обрушились, а съ наружи присьба отвалилась». (Архивъ Полт, губ правленія 1838, по описи № 19).

Сообщ. И. Фр. Павловскій.

И. П. Котляревскій — ученикъ Екатеринославской семинаріи. [1]) Въ архивѣ св. синода, въ дѣлѣ 1790 г. № 344, въ составляющей части этого дѣла «Вѣдомости о ученикахъ Екатеринославской семинаріи за истекшій 1789 годъ», я случайно нашелъ нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи И. П. Котляревскаго, знаменитаго автора перелицованной «Энеиды» и «Наталки-Полтавки», въ Екатеринославской семинаріи въ качествѣ ученика. Въ числѣ 9 учениковъ богословскаго класса Екатеринославской семинаріи значится въ вѣдомости и «Иванъ Котляревскій, полтавскаго уѣзда, сынъ умершаго канцеляриста города Полтавы Петра Котляревскаго, 21 годъ» [2]). Отмѣчено, что въ Екатеринославскую семинарію И. П. Котляревскій поступилъ 13 февраля 1780 г. (между тѣмъ какъ большинство его товарищей начали обучаться въ семинаріи съ сентября того-же 1780 г.); пробылъ здѣсь онъ до лѣтнихъ каникулъ 1789 г. (т. е. свыше 9 лѣтъ). Вышедши изъ богословскаго класса лѣтомъ 1789 года, Котляревскій сюда уже не возвращался и такимъ образомъ полнаго семинарскаго курса не окончилъ. Въ спискѣ учениковъ богословскаго класса за 1790 г. (см. Арх. Свят. Син. д. 1790 г., № 361) онъ уже не значится, между тѣмъ какъ всѣ товарищи его, какіе имѣются въ спискѣ 1789 г., помѣщены и въ спискѣ 1790 г.

Изъ находящейся въ томъ-же дѣлѣ вѣдомости объ учителяхъ Екатеринославской семинаріи получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ учителяхъ Котляревскаго. Вопервыхъ, протопопъ Іоаннъ Башинскій, малороссъ изъ г. Славянска, получившій образованіе въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Въ Екатеринославской семинаріи онъ преподавалъ съ 24 апрѣля 1784 г. по январь 1786 г. риторику и піитику, а съ 21 января 1786 г., когда открытъ былъ въ этой семинаріи богослов-

---

[1]) Екатеринослав. семинарія, именовавшаяся такъ оффиціально, находилась въ г. Полтавѣ.

[2]) Онъ былъ младшимъ по возрасту среди своихъ соучениковъ, одинъ изъ которыхъ былъ даже 31 года.

скій классъ, онъ сталъ учителемъ богословія и префектомъ, въ каковыхъ должностяхъ оставался и въ 1790 г. Такимъ образомъ, протопопъ Башинскій былъ около 3 лѣтъ префектомъ (какъ-бы инспекторомъ) семинаріи при Котляревскомъ и преподавалъ ему богословіе и (вѣроятно) риторику и піитику. Другой педагогъ, обучавшій Котляревскаго, «философіи учитель Яковъ Артемовъ, малороссіанинъ, сынъ мѣщанина Федора Артемова». Этотъ образованіе получилъ въ Кіевской Академіи. Философію въ Екатеринославской семинаріи онъ преподавалъ съ декабря 1784 г. и такимъ образомъ былъ учителемъ Котляревскаго во все время пребыванія послѣдняго въ классѣ философіи.

Кромѣ этихъ двухъ, бывшихъ несомнѣнно преподавателями Котляревскаго, слѣдуетъ упомянуть еще архимандрита Гавріила, съ небольшимъ годъ (съ 4 марта 1788 г.) состоявшаго при Котляревскомъ ректоромъ семинаріи, выходца изъ семиградской области, получившаго образованіе у себя на родинѣ въ гимназіи и въ греческихъ школахъ, да еще священника Іоанна Станиславскаго—малоросса, сына протопопа изъ Полтавы, который, по всей вѣроятности, тоже училъ Котляревскаго (съ октября 1783 г. по сентябрь 1786 г. онъ обучалъ екатеринославскихъ семинаристовъ «латинской поэзіи», а затѣмъ состоялъ въ той-же семинаріи учителемъ риторики и поэтики латинской и россійской).

Болѣе полныхъ свѣдѣній о пребываніи И. П. Котляревскаго въ Екатеринославской семинаріи и объ его учителяхъ по этой семинаріи намъ, къ сожалѣнію, отыскать не удалось.

Вл. П—ко.

О тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава [1]). Среди городовъ полтавской губ., вообще не могущихъ похвалиться древностью своего историческаго существованія, есть одинъ, время основанія котораго затеряно во мракѣ вѣковъ: это городъ Переяславъ. Городу съ такой неопредѣленной метрикой мудрено справлять свой юбилей. Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить срокъ юбилея, когда неизвѣстенъ не то что годъ, но даже вѣкъ возникновенія города. Однако, нашлись празднолюбцы, давно уже затѣявшіе въ печати разговоры о юбилеѣ г. Пе-

[1]) Перепечатывается изъ газ. „Полтавщина" №№ 144 и 145.

реяслава. Сколько извѣстно, первымъ заговорилъ въ Петербургѣ какой-то генералъ-лейтенантъ Савельевъ. Празднуя въ февралѣ 1894 г. собственный служебный юбилей, онъ въ застольной бесѣдѣ попрекнулъ своихъ почитателей, что вотъ, дескать, его генеральскій юбилей, почтили вниманіемъ, а юбилей г. Переяслава прозѣвали, между тѣмъ ему доподлинно извѣстно, что истекшій 1893 г. «долженъ быть отмѣченъ, какъ 900-лѣтній юбилей г. Переяслава, полтав. губ., и онъ объ этомъ напомнитъ въ печати». Лишь только въ «Нов. Вр.» появилась замѣтка объ этой застольной бесѣдѣ, на нее тотчасъ отозвался бывшій предсѣдатель переяславской уѣздн. земской управы А. В. Стороженко обширной статьей подъ заглавіемъ: «Какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславъ?» [2]) Обладая большой эрудиціей и спеціальными свѣдѣніями по древне-русской исторіи, г. Стороженко безъ труда опровергаетъ ссылку генералъ-лейтенанта Савельева на извѣстное лѣтописное сказаніе о заложеніи якобы св. Владиміромъ въ 993 г. Переяслава на мѣстѣ, гдѣ Янъ Усмошвецъ одолѣлъ въ единоборствѣ печенѣжскаго богатыря и тѣмъ «перея славу» у печенѣговъ, доказалъ, что это сказаніе, по суду ученыхъ историковъ, давно признано народной легендой, не заключающей въ себѣ ничего достовѣрно историческаго, затѣмъ обстоятельно разобралъ всѣ мѣста древней лѣтописи, упоминающія о Переяславѣ, начиная съ 907 года, и пришелъ къ правильному заключенію, что городъ этотъ существовалъ уже раньше X в. и время его основанія не можетъ быть опредѣлено хотя бы съ приблизительною точностью. Но, связанный съ Переяславомъ продолжительною въ немъ жизнью и дѣятельностью, нашъ ученый не могъ сдержать порывовъ уѣзднаго патріотизма и не рѣшился отказать родному городу въ удовольствіи отпраздновать-таки юбилей—если не сейчасъ, то въ ближайшемъ будущемъ: по его мнѣнію, «г. Переяславъ въ 1907 г. имѣетъ право отпраздновать тысячелѣтній юбилей своей культурной, торговой и промышленной жизни». На какомъ же основаніи? На томъ, что это будто-бы—«тысячный годъ со времени вступленія Переяслава на поприще исторической жизни». А что же особенно важное случилось въ Переяславѣ въ 907 году? Въ Переяславѣ—ничего, но въ этомъ году, видите ли, Олегъ будто бы ходилъ походомъ на Царьградъ и заключилъ съ греками мирный договоръ, по

---

[1]) Кіев. Стар. 1894, № 4.

условіямъ котораго послѣдніе обязывались платить опредѣленную сумму «на Русскыя грады: на Кіевъ, на Черниговъ, на *Переяславъ,* на Полтѣскъ, на Ростовъ, на Любечь и на прочія грады», и русскіе купцы изъ этихъ городовъ, пріѣзжая въ Царьградъ по торговымъ дѣламъ, имѣли право получать содержаніе отъ византійскаго правительства. Но гдѣ же здѣсь «первое вступленіе Переяслава на поприще исторической жизни»? Этого г. Стороженко не разъясняетъ. Ему такъ хочется устроить въ родномъ городѣ юбилейное торжество, что онъ, не потрудившись опровергуть мнѣнія ученыхъ историковъ, признающихъ лѣтописное сказаніе о походѣ Олега въ 907 г. сказкой, спѣшитъ перейти къ рѣшенію болѣе детальнаго вопроса: «къ какому дню слѣдуетъ пріурочить празднованіе этого юбилея въ 1907 году»? Такъ какъ по его соображеніямъ, русскія рати первыхъ князей отправлялись обыкновенно въ Византію со вскрытіемъ рѣкъ и возвращались домой поздно осенью, примѣрно къ ноябрю, то тысячелѣтній юбилей Переяслава приличнѣе всего было бы устроить 1-го ноября 1907 г. Но вспомнивъ, какая непролазная грязь и распутица обыкновенно бываетъ въ эту пору въ его родномъ городѣ, г. Ст-ко милостиво разрѣшаетъ перенести празднество на 15-е августа, т. е. на престольный праздникъ мѣстнаго соборнаго храма; а что этотъ день не совпадетъ вполнѣ со временемъ возвращенія изъ Византіи побѣдоносныхъ переяславцевъ въ 907 г. и бывшаго по сему поводу торжественнаго пира»—такъ это не бѣда: «упрежденіе дѣйствительнаго срока на какихъ-нибудь $2^1/_2$ мѣсяца не имѣетъ никакого значенія, когда дѣло идетъ объ истекшемъ тысячелѣтіи».

Такимъ образомъ, 11 лѣтъ еще назадъ категорически былъ рѣшенъ вопросъ о тысячелѣтнемъ юбилеѣ г. Переяслава. Но почему-то это рѣшеніе не удовлетворило полтавскую ученую архивную комиссію, и лишь только она успѣла организоваться, какъ въ числѣ первыхъ задачъ своихъ стала дебатировать вопросъ: когда же именно надо праздновать тысячелѣтній переяславскій юбилей? Не знаемъ, какъ тамъ шли дебаты по этому нетерпящему отлагательства вопросу, но въ концѣ-концовъ молодая комиссія призналась въ своемъ безсиліи рѣшить его и смиренно обратилась къ старшему собрату, кіевскому историч. обществу Нестора-лѣтописца, съ просьбою о помощи. Это было ровно годъ тому назадъ, въ іюнѣ 1904 года. Правду сказать, общество Нестора слабо заинтересовалось вопросомъ, столь живо волновавшимъ полтавскую комиссію: оно не сдѣлало его предметомъ об-

сужденія въ своихъ засѣданіяхъ, а лишь поручило тремъ своимъ сочленамъ, спеціалистамъ, представить свои соображенія. Спеціалисты тоже не очень торопились: двое изъ нихъ и до сихъ поръ ничего не представили, и только одинъ проф. Голубовскій составилъ небольшую записку, которая и была доложена обществу въ послѣднемъ его засѣданіи 22 мая. Въ виду заслуженной авторитетности ученыхъ мнѣній проф. Голубовскаго и того несомнѣннаго интереса, какой должна представлять для полтавцевъ точная начальная исторія г. Переяслава, приведемъ существенное содержаніе означенной записки.

Г. Голубовскій подвергаетъ критическому анализу извѣстія древней лѣтописи, впервые упоминающія о Переяславѣ. Вопреки мнѣнію г. Стороженко, походъ Олега 907 г. на Царьградъ не можетъ считаться фактомъ несомнѣннымъ, такъ какъ о немъ говоритъ лишь наша лѣтопись, при общемъ молчаніи византійскихъ источниковъ. Иное дѣло договоръ Олега съ греками 907 г., давно уже признанный въ русской исторической наукѣ за несомнѣнный документъ; но его правильнѣе считать *торговымъ трактатомъ*, а не мирнымъ договоромъ. Если даже предполагать, что онъ явился результатомъ войны, то и въ такомъ случаѣ мы не можемъ сказать, ограничились ли военныя дѣйствія однимъ походомъ, или они состояли изъ цѣлаго ряда военныхъ предпріятій русскаго князя противъ Византіи, а потому говорить о походѣ въ опредѣленномъ году у насъ нѣтъ достаточнаго основанія. Важно одно, что въ договорѣ 907 г. впервые упоминается Переяславъ, какъ одинъ изъ важныхъ политическихъ и торговыхъ центровъ древней Руси, занимающій третье мѣсто послѣ Кіева и Чернигова. Упоминая о выговоренной дачѣ греками опредѣленной суммы въ годъ на эти (и другіе) города, лѣтопись поясняетъ: «по тѣмъ бо городомъ седяху велиции князи подъ Олгомъ суще». Переяславскіе купцы, наравнѣ съ кіевскими и черниговскими, пріѣзжая въ Царьградъ, имѣли право, по договору, на безмездное продовольствіе со стороны византійскаго правительства. Итакъ, Переяславъ въ самомъ началѣ X вѣка является уже давно населеннымъ торговымъ городомъ, въ которомъ правитъ племенной сѣверянскій князь, признающій верховную власть кіевскаго великаго князя.

Какъ же относиться къ разсказу лѣтописи подъ 993 годомъ о заложеніи кн. Владиміромъ г. Переяслава «на Трубежи, на броду»? Очевидно, городъ, существовавшій какъ политическій, племенной и торговый центръ въ 907 г., не могъ быть основанъ въ 993 г. По-

добныхъ анахронистическихъ сказаній много въ исторіи; для примѣра возьмемъ г. Москву. По письменнымъ сказаніямъ, этотъ городъ заложенъ Юріемъ Долгорукимъ въ половинѣ XII ст., а мѣстныя археологическія изысканія свидѣтельствуютъ, что онъ существовалъ, какъ поселеніе, еще въ X столѣтіи. Въ Переяславѣ также найдены греческія монеты VI—X вѣковъ, слѣдовательно, какъ поселеніе, Переяславъ могъ уже существовать въ VI—IX вв. Владиміръ же святой въ 993 г. возвелъ лишь укрѣпленія вокругъ Переяслава, какъ важнаго поселенія на р. Трубежѣ. Такъ и о кіевскихъ укрѣпленіяхъ, сооруженныхъ Ярославомъ Мудрымъ, лѣтопись выражается: *«заложи* Ярославъ городъ великій Кыевъ», но никому же не придетъ въ голову утверждать, что городъ Кіевъ основанъ Ярославомъ.

Подводя итогъ всему сказанному, проф. Голубовскій устанавливаетъ слѣдующія хронологическія даты для начальной исторіи г. Переяслава:

1) Переяславъ, весьма возможно, существовалъ въ VI—IX вв.

2) Переяславъ, какъ торговый пунктъ и мѣстопребываніе племенныхъ князей, существовалъ несомнѣнно въ самомъ началѣ X в

3) Переяславъ, какъ городъ съ политическимъ и торговымъ значеніемъ, впервые выступаетъ на историческую сцену въ несомнѣнномъ документѣ въ 907.

и 4) Въ Переяславѣ были возведены укрѣпленія кн. Владиміромъ въ 993 г.

На этомъ почтенный профессоръ могъ бы и остановиться. Но вѣдь полт. архивная комиссія настойчиво спрашиваетъ: въ какомъ именно году? Проф. Голубовскій рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: монетная дата по своей неопредѣленности но можетъ служить исходной точкой для лѣтосчисленія; 993 годъ тоже не годится, потому что городъ существовалъ задолго до этого; слѣдовательно, остается дата 907 г. Но чѣмъ же этотъ годъ такъ знаменателенъ для Переяслава? По убѣжденію г. Стороженко, переяславцы ходили въ этомъ году съ Олегомъ на Царьградъ и помогали ему прибить свой щитъ на воротахъ греческой столицы, но г. Голубовскій считаетъ все это сказкой. Такъ въ чемъ же, по его мнѣнію, выразилось въ 907 г. «выступленіе Переяслава на историческую сцену»? А вотъ будто бы въ чемъ. Изъ текста второго договора Олега съ греками въ 912 г. мы узнаемъ, что посланные въ Царьградъ для заключенія договора русскіе послы считали себя уполномоченными не отъ одного только кіевскаго князя,

но «и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь», въ томъ числѣ, значитъ, и отъ князя переяславскаго. «Слѣдовательно, заключаетъ г. Голубовскій, въ 907 г. Переяславъ впервые (?) выступаетъ, какъ дѣйствующее лицо на аренѣ исторіи: его князь оказываетъ большее или меньшее вліяніе на условія мира съ греками (откуда это видно? и какого *мира*, когда не было войны, а былъ лишь торговый договоръ?), его купцы впервые получаютъ опредѣленныя торговыя привилегіи заграницей, его торговля впервые (?) закрѣпляется и регулируется государственнымъ актомъ». На основаніи этихъ, какъ видитъ читатель, довольно шаткихъ соображеній, проф. Голубовскій приходитъ къ выводу, что «1907-й годъ есть лучшій и самый законный моментъ для празднованія юбилея тысячелѣтней дѣятельности г. Переяслава на исторической сценѣ».

Конечно, если переяславцы найдутъ эти историческія соображенія убѣдительными и устроятъ въ 1907 г. юбилейное празднество,—пусть празднуютъ; худого въ этомъ ничего не будетъ. Но пусть они вѣдаютъ, что за тысячу лѣтъ до этого года ничего другого не произошло, какъ только то, что въ 907 г. кіевскій князь Олегъ заключилъ съ греками торговый договоръ, въ которомъ упоминается г. Переяславъ и его купцы, торговавшіе съ Византіей. Дѣло простого случая, что до насъ не дошли другіе, столь же несомнѣнные, но болѣе ранніе историческіе документы съ упоминаніемъ о Переяславѣ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что ихъ не могло и быть и что только въ 907 г. Переяславъ «впервые выступаетъ какъ дѣйствующее лицо на историческую сцену и его торговля впервые закрѣпляется и регулируется государственнымъ актомъ».

О. Л.

Екатеринославскій областной музей имени А. Н. Поля. Новороссійскій край, арена передвиженія безчисленныхъ народовъ, начиная съ самыхъ раннихъ періодовъ исторіи, представляетъ изъ себя неисчерпаемый архивъ, или, лучше сказать, богатую сокровищницу археологическихъ памятниковъ, до сихъ поръ еще весьма мало затронутую изслѣдованіями.

Начало послѣднимъ положено, собственно говоря, предыдущимъ XII археологическимъ съѣздомъ, когда устройство его въ Харьковѣ потребовало изученія окрестной «половецкой степи», значительную

часть которой составляетъ и Екатеринославская губернія; но еще и раньше производились раскопки отдѣльныхъ кургановъ, и многими любителями собирались коллекціи различныхъ предметовъ старины, обратившія на себя вниманіе археологическаго міра своимъ богатствомъ и разнообразіемъ.

Этими качествами въ особенности отличается коллекція А. Н. Поля, представлявшая въ свое время едва ли не единственное собраніе мѣстныхъ древностей, по которому можно было судить объ изобиліи ихъ въ нашемъ краѣ, такъ какъ остальныя коллекціи, существовавшія одновременно или вскорѣ послѣ нея, остались неопубликованными и вслѣдствіе этого—неизвѣстными большинству археологовъ.

Указанныя условія вызвали потребность въ устройствѣ общественнаго учрежденія, въ которомъ природныя богатства нашего края могли бы собираться, сохраняться, систематизироваться и дѣлаться достояніемъ широкой публики, вмѣсто тѣснаго круга избранныхъ, и, такимъ образомъ возникъ екатеринославскій областной музей, которому благодарное потомство присвоило названіе иниціатора научнаго и промышленнаго развитія края, А. Н. Поля.

Идея устройства музея принадлежитъ екатеринославскому научному обществу, а осуществленіе ея—щедрости екатеринославскаго земства.

Музей въ настоящее время уже почти достроенъ и представляетъ изъ себя одно изъ красивѣйшихъ зданій гор. Екатеринослава; всѣ четыре фасада его выходятъ на Соборную площадь и украшены различнымъ лѣпнымъ орнаментомъ, произведеннымъ съ большимъ вкусомъ.

Еще въ декабрѣ прошлаго года сюда были привезены принадлежащія музею коллекціи, помѣщавшіяся до сихъ поръ въ одной изъ залъ Потемкинскаго дворца, и съ января настоящаго года началась разборка и систематизація ихъ, подвигавшаяся по мѣрѣ внутренняго устройства самаго зданія.

Въ настоящее время работа эта, вмѣстѣ съ составленіемъ каталога, уже закончена, и, такимъ образомъ, является возможность привести точныя свѣдѣнія о содержаніи наиболѣе обильнаго его отдѣла,—историко-археологическаго (отдѣлы естественный и минералогическій, состоящіе въ вѣдѣніи научнаго обществa, еще не приведены въ извѣстность).

Несмотря на кратковременное существованіе музея, составляющія его коллекціи настолько разнообразны, что, естественно, распадаются на многочисленные отдѣлы, количество предметовъ которыхъ до настоящаго времени можетъ быть выражено слѣдующими цифрами: 1) *отдѣлъ первобытныхъ древностей* (палеонтологія)—74 №№; 2) *неолитъ* (каменныя орудія и керамическія издѣлія)—318 №№; 3) *начало эпохи металла* (погребенія скорченныхъ окрашенныхъ скелетовъ)—176 №№; 4) *бронзовый вѣкъ*—19 №№; 5) *греко-скифская эпоха*—217 №№; 6) *древности классическія*—100 №№; 7) varia (древности египетскія, мусульманскаго востока и т. п.)—29 №№; 8) *древности славянскія* (IX—XIII в.)—104 №№; 9) *предметы изъ погребеній кочевниковъ* (XIV в.)—725 №№; 10) *древности историческія* (XVIII—XIX в.)—94 №№; 11) *древности запорожскія*—486 №№; 12) *древности церковныя*—86 №№;[1]) 14) *нумизматика* и *сфрагистика*—1728 №№ (не считая дубликатовъ), и 15) *библіотека* музея, распадающаяся въ свою очередь на слѣдующіе подъотдѣлы: 1) *рукописи*—17 №№; *архивъ*—117 №№, *старопечатныя книги*—126; №№, *исторія*—59 №№; *нумизматика*—15 №№; *археологія*—53 №№; *этнографія*—110 №№; 7) *статистика, географія и областной отдѣлъ* (книги, касающіяся исключительно г. Екатеринослава и Екатеринославской губ.)—28 №№; 8) *беллетристика*—61 №№; 9) *научно-популярный отдѣлъ*—27 №№; 10) *карты и планы*—28 №№ и 11) *фотографіи и рисунки*—83 №№; всего—720 №№; а въ общей сложности около 6,000 №№.

Всѣ эти предметы происходятъ: 1) изъ раскопокъ, 2) изъ случайныхъ находокъ и пожертвованій и 3) изъ пріобрѣтеній музея.

Относительно раскопокъ первое мѣсто принадлежитъ, какъ извѣстно, неутомимому и энергичному дѣятелю въ сферѣ изученія прошедшаго нашей мѣстности, проф. Д. И. Эварницкому, собравшему въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ богатый матеріалъ, который даетъ возможность освѣтить многіе изъ неразъясненныхъ и даже еще не затронутыхъ данныхъ.

Въ настоящее время безполезно разъяснять тотъ общеизвѣстный фактъ, что для всесторонняго ознакомленія съ древней жизнью данной мѣстности значеніе можетъ имѣть только добросовѣстное изученіе

---

[1]) Исключаемъ неразобранный еще отдѣлъ № 13—Этнографія, для котораго свѣдѣнія будутъ доставлены позже.

содержащагося въ ея почвѣ матеріала путемъ систематическихъ раскопокъ,—медленное, постепенное, руководимое указаніями исторіи и регулируемое строгой научной критикой, гарантирующей отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній и выводовъ, стоящихъ не на почвѣ фактовъ; безъ этого, безъ точнаго обозначенія происхожденія предмета и условій, при которыхъ онъ добытъ изъ земли, значеніе его для характеристики извѣстной эпохи и для провѣрки того или другого научнаго явленія неполно, если не совсѣмъ ничтожно, и собираніе предметовъ, добытыхъ какъ попало и, по выраженію археологовъ, «безпаспортныхъ», давно уже отошло въ область преданія въ научномъ мірѣ.

Музей, въ которомъ были бы только такіе предметы, заслуживалъ бы названія собранія раритетовъ, но не могъ бы быть названъ научнымъ учрежденіемъ, и, возбуждая любопытство толпы, не далъ бы ей никакихъ основательныхъ свѣдѣній, хотя бы въ смыслѣ подтвержденія извѣстныхъ уже каждому школьнику историческихъ фактовъ, тогда какъ музей, поставленный на прочную научную почву, какъ въ смыслѣ добытаго метеріала, такъ и въ смыслѣ систематизаціи и группировки предметовъ, всегда будетъ имѣть важное воспитательное и образовательное значеніе.

Въ этомъ смыслѣ екатеринославскому музею, начавшему формироваться при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ будущій XIII археологическій съѣздъ, изслѣдованія для котораго начаты и продолжаются уже Д. И. Эварницкимъ, В. А. Городцовымъ и гг. Воронцомъ и Харламовымъ, предстоитъ весьма отрадное будущее; благодаря имъ, онъ сразу станетъ на прочномъ фундаментѣ добытыхъ фактовъ, и дальнѣйшее развитіе его пойдетъ нормальнымъ и послѣдовательнымъ путемъ.

Въ пользу этого говорятъ уже и теперь незначительные по количеству, но рѣзко намѣченные отдѣлы его, служащіе продолженіемъ и дополненіемъ другъ друга.

Разумѣется, пробѣловъ еще чрезвычайно много, да это и не удивительно при его кратковременномъ существованіи, но bonum initium—demidium facti,—говоритъ пословица,—и мы вправѣ ожидать отъ нашего музея, что въ недалекомъ будущемъ онъ станетъ лучшимъ украшеніемъ Екатеринослава не только съ внѣшней, но и съ внутренней своей стороны.

Придавая раскопкамъ подобающее имъ первенствующее значеніе, мы не можемъ также умолчать о многочисленныхъ пожертвованіяхъ, краснорѣчиво говорящихъ въ пользу общаго участія и интереса, внушаемаго музеемъ; съ нихъ, собственно говоря, и началось его фактическое существованіе, и имъ онъ обязанъ значительной частью своихъ коллекцій.

Если онѣ, за немногими исключеніями, и не представляютъ существеннаго научнаго интереса, главнымъ образомъ, благодаря отсутствію свѣдѣній о мѣстѣ и условіяхъ ихъ находки, то, тѣмъ не менѣе, онѣ служатъ залогомъ единенія общества съ его учрежденіемъ, и, какъ таковой, заслуживаютъ благодарнаго упоминанія; тѣ же изъ нихъ, которыя относятся къ отдѣлу историческихъ древностей и вообще къ близкимъ намъ эпохамъ, вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію и потому имѣютъ самостоятельную цѣнность.

То же слѣдуетъ сказать и о пріобрѣтеніяхъ музея, дѣлаемыхъ, впрочемъ, въ послѣднее время съ большимъ выборомъ и въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Несмотря на незаконченную еще вполнѣ отдѣлку внутреннихъ помѣщеній, препятствующую окончательной разстановкѣ коллекцій, музей охотно посѣщается публикой, въ особенности—группами воспитанниковъ различныхъ учебныхъ заведеній г. Екатеринослава.

Интересъ парализуется нѣсколько отсутствіемъ каталога, который въ настоящее время еще только начатъ печатаніемъ и выйдетъ, вѣроятно, не ранѣе 1—$1^1/_2$ мѣсяца.

Кромѣ собственныхъ коллекцій, въ музей поступаютъ въ послѣднее время частныя, предназначенныя для будущей выставки съѣзда.

Приготовленія къ послѣдней вызовутъ, вѣроятно, временное закрытіе музея для публики въ теченіе 1—2 недѣль, предшествующихъ съѣзду, такъ какъ понадобится усиленная и сосредоточенная работа въ теченіе многихъ дней, но за то выставка представитъ интересъ новизны и, безъ сомнѣнія, удовлетворитъ какъ научнымъ, такъ и эстетическимъ требованіямъ большинства посѣтителей.

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать интересующимся, что подробные ежемѣсячные отчеты о новыхъ поступленіяхъ музея печатаются въ «Вѣстникѣ Екатеринославскаго Земства».

Тѣсные предѣлы газетной замѣтки не позволяютъ намъ распространяться детально объ особенностяхъ и наиболѣе интеретныхъ экземплярахъ музейныхъ коллекцій; мы надѣемся сдѣлать это въ другой разъ, довольствуясь въ настоящее время ознакомленіемъ читателей съ его общимъ характеромъ. (Приднѣпр. Край, №. 2519).

Хранитель музея **А. Скриленко**.

Текущія извѣстія.

Къ украинскому вопросу. Рѣшеніе вопроса объ украинской литературѣ и вообще о положеніи украинскаго слова что-то опять очень замедлилось, не смотря на то, что еще въ началѣ февраля одно высокопоставленное лицо въ Петербургѣ, при пріемѣ украинской депутаціи, сказало: „потерпите мѣсяца два-три—вѣдь вы больше терпѣли“. Терпѣть, положимъ, намъ не привыкать стать, но выиграетъ-ли отъ этого дѣло? А между тѣмъ въ печати нѣтъ-нѣтъ да и появится опять какой-нибудь доморощенный филологъ, который съ упрямствомъ, достойнымъ лучшей участи, опять заговоритъ на тему, что молъ, малорусскаго языка нѣтъ, что это тотъ-же россійскій языкъ, только испорченный подъ вліяніемъ польскаго и т. п. Такъ, въ „Полтав. Вѣстн.“ (№ 785) выступилъ одинъ изъ таковыхъ филологовъ, не считающій даже нужнымъ справиться съ мнѣніемъ нашихъ академиковъ, и выступилъ по поводу ходатайства полтавской городской управы о разрѣшеніи вести въ школѣ имени И. П. Котляревскаго преподаваніе на малорусскомъ языкѣ. Вотъ образчикъ его разсужденія.

«Мнѣ кажется, что особаго малорусскаго языка у насъ не существуетъ, а есть въ южной Россіи нѣсколько иной говоръ, сравнительно съ русскимъ, изъ котораго, если выбросить нѣкоторыя польскія слова, употребляемыя г. Чикаленко, напримѣръ въ своихъ книжечкахъ, то особый говоръ этотъ или нарѣчіе мало будетъ отличаться отъ языка общерусскаго; да и польскія слова эти народомъ забыты и почти ему не понятны. Г. Чикаленко очень хорошо сдѣлаетъ, если на будущее время въ своихъ книжкахъ по сельскому хозяйству,—замѣчу, между прочимъ, очень полезныхъ,—не будетъ употреблять такихъ словъ; они только затрудняютъ нашего малорусскаго читателя. Я думаю, что Котляревскій, такъ любившій свою родину, теперь-бы самъ пожалѣлъ полтавскихъ дѣтей, которымъ, вмѣсто

того, чтобы дать возможность пользоваться богатой уже литераурой, созданной общерусскими силамя, стали преподавать мѣстный языкъ, не имѣющій ни грамматики, ни литературы, ни учебниковъ. Кто создастъ все это и когда? Кто выработаетъ общій малорусскій языкъ, который въ каждой губерніи, даже въ различныхъ уѣздахъ, имѣетъ свои особенности. Хорошо сдѣлалъ Н. В. Гоголь, что предпочелъ русскій языкъ, хотя онъ и очень любилъ свою родину. Да и что могъ-бы онъ выразить на этомъ нелитературномъ языкѣ? Писать на немъ было-бы для него такъ-же трудно, какъ великому музыканту сыграть сонату Бетховена на грошовой малороссійской балалайкѣ (?!). Противъ преподаванія малорусскаго языка въ нашихъ школахъ я скажу еще, что народъ нашъ замѣтно старается говорить по русски, т. е. языкомъ образованнаго человѣка, а свой мѣстный говоръ онъ избѣгаетъ также, какъ избѣгаетъ и своей національной свитки, охотно мѣняя ее на пиджакъ".

Возражать на подобныя разсужденія, конечно, мы не станемъ, а приведемъ лучше перепечатку изъ „Рус. Вѣд." статьи С. Моравскаго, посвящённой вопросу о безправіи украинскаго народа, называемаго авторомъ „забытымъ народомъ".

„Какъ это ни странно, но забытымъ народомъ въ настоящее время оказываются не юкагиры какіе-нибудь или жители Новой Земли, а многомилліонное населеніе Малороссіи; забыто оно при «пересмотрѣ дѣйствующихъ постановленій, ограничивающихъ права инородцевъ, уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи».

Черезъ полгода послѣ того, какъ этотъ пересмотръ былъ возвѣщенъ съ высоты Престола, комитетъ министровъ опубликовалъ, наконецъ, свои положенія по этому вопросу, среди которыхъ есть, между прочимъ, и признаніе, что «средствомъ къ первоначальному обученію каждой изъ проживающихъ въ Восточной Россіи иноплеменныхъ народностей должно быть ея народное нарѣчіе».

Малороссовъ нельзя причислить къ иноплеменникамъ Восточной Россіи, ни къ населенію трехъ прибалтійскихъ губерній, о которыхъ говорится раньше въ положеніи комитета министровъ, а потому они и теперь, послѣ Высочайшаго утвержденія этого положенія, по-прежнему, остаются лишенными права учить своихъ дѣтей на родномъ языкѣ; печатаніе же малорусскихъ книгъ, особенно для народа, по прежнему обставлено такими стѣснительными условіями, въ сравненіи съ кототорыми даже положеніе многострадальной русской народной литературы должно представляться недосягаемымъ идеаломъ благополучія.

Національный вопросъ и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о религіозной терпимости—одинъ изъ самыхъ „проклятыхъ" вопросовъ нашей общественной жизни.

Трудно измѣрить всю ту массу зла, которую породило неправильное рѣшеніе его, легшее въ основу административной практики послѣднихъ десятилѣтій: оно не только держало чуть не половину населенія имперіи въ положеніи тяжкихъ преступниковъ, лишенныхъ гражданскихъ правъ,—оно развратило русское общество, пріучило его къ мысли, что во имя какихъ-то высшихъ государственныхъ интересовъ за людьми, платящими подати и налоги и несущими всѣ государственныя повинности, можно не признавать самыхъ элементарныхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ,—права передвигаться въ предѣлахъ своего государства, права учиться, права пользоваться своимъ роднымъ языкомъ, права пріобрѣтать имущество.

И деморализація эта сказалась не только въ дѣйствіяхъ темныхъ людей, производящихъ еврейскіе и иные погромы или пишущихъ человѣконенавистническія статьи въ «охранительныхъ» газетахъ и журналахъ,—язва проникла гораздо глубже, и еще недавно можно было встрѣтить просвѣщенныхъ, гуманныхъ и либеральныхъ россійскихъ интеллигентовъ, далеко небезукоризненныхъ въ своемъ отношеніи къ національному вопросу.

Теперь, надо думать, это время прошло, и русское общество,—по крайней мѣрѣ передовая часть его,—прозрѣло въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; но бюрократія наша, даже послѣ указа 12-го декабря, все еще не хочетъ отказаться отъ своего основного принципа: вмѣсто того, чтобы разъ навсегда признать полное равноправіе всѣхъ національностей и всѣхъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ нашемъ государствѣ, по своему этнографическому составу чуть не самомъ пестромъ изъ всѣхъ государствъ земного шара,—вмѣсто этого, комитетъ министровъ постановляетъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ или народнаго просвѣщенія пересмотрѣть тѣ или другія детали національнаго вопроса и результатъ этого пересмотра внести на обсужденіе государственнаго совѣта.

Можно ли послѣ этого удивляться, что такое рѣшеніе дѣйствительно наболѣвшаго вопроса мало кого удовлетворяетъ?

Но если даже затронутыя положеніемъ комитета министровъ народности почувствуютъ нѣкоторое разочарованіе, то что же сказать о такомъ, совсѣмъ ужъ «забытомъ народѣ, какъ малороссы?

Бѣда въ томъ, что украинское населеніе среди многочисленныхъ объектовъ націоналистической политики нашей бюрократіи занимаетъ совершенно особое, исключительное положеніе.

Единственнымъ доступнымъ ей признакомъ для зачисленія той или другой народности въ разрядъ гонимыхъ козлищъ являлось, и до сихъ поръ является, вѣроисповѣданіе: полякъ, котораго надо лишить права поступить на службу при извѣстныхъ условіяхъ,—это человѣкъ, исповѣдующій католичество («польскую вѣру», какъ у насъ и теперь многіе выражаются); еврей, которому необходимо запретить жительство въ Москвѣ,—это существо іудейскаго вѣроисповѣданія (принявъ православіе, онъ уже дѣлается «русскимъ»). Но при этомъ никто не додумался до того, чтобы не признавать поляка полякомъ, еврея евреемъ.

Малороссы исповѣдуютъ «русскую» вѣру, и этого совершенно достаточно, чтобы россійскіе администраторы пришли къ выводу, что малорусскаго народа нѣтъ и что малороссійскій вопросъ—не что иное, какъ праздная и вредная выдумка кучки украинофиловъ, съ которыми можно, конечно, справиться «домашними средствами».

Было объявлено, что малорусскій языкъ—не языкъ, а нарѣчіе, чуть не испорченный русскій языкъ, а малорусской литературы «не было, нѣтъ и быть не можетъ».

И вотъ, если евреевъ и поляковъ преслѣдовали за то, что они имѣютъ національную самобытность, вредную и опасную съ точки зрѣнія интересовъ государства и русской національности, то малороссы оказались лишенными правъ потому, что за ними не захотѣли признать національной самобытности; и въ результатѣ вотъ уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, какъ несчастные малороссійскіе ребята вынуждены обучаться на малопонятномъ имъ русскомъ языкѣ, а весь украинскій народъ почти совершенно лишенъ книгъ: за десять лѣтъ (отъ 1863 до 1872 г.) была пропущена только одна брошюрка; правда, теперешнюю цензуру нельзя уже назвать прямо запретительной, но и въ послѣднее время, по свидѣтельству проф. Сумцова («Русск. Вѣд», № 73-ій), не разрѣшенъ былъ цѣлый рядъ самыхъ невинныхъ книгъ объ оспѣ, о горахъ, о жизни св. Кирилла и Меѳодія и др.

А вѣдь просвѣщеніе народное нужно, и даже наши г.г. чиновники должны теперь признать, что оно нужно не только для распространенія вредныхъ идей въ народѣ, но и для развитія сельскаго хозяйства, и для подъема отечественной промышленности, и даже, какъ утверждаютъ нѣкоторые, для удачнаго веденія войнъ.

А что народное просвѣщеніе, которымъ вообще Россія похвастаться не можетъ, въ Малороссіи находится въ особенно плачевномъ состояніи,—объ этомъ на основаніи фактовъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ близко стоящіе къ мѣстной жизни и въ особенности—къ дѣлу народнаго образованія.

Вотъ что, напримѣръ, говорятъ объ этомъ 500 кіевлянъ, собравшихся 26-го февраля для обычнаго чествованія памяти Г. Т. Шевченка:

«Мы, нижеподписавшіеся, соединяясь въ чувствѣ величайшей боли, которую вызываетъ въ насъ тяжелое положеніе народа, давшаго намъ великаго нашего поэта, и находя, что одной изъ главныхъ причинъ такого положенія являются царящіе среди народныхъ массъ мракъ и невѣжество, пришли послѣ обсужденія къ слѣдующимъ выводамъ: существующая для украинскаго народа народная школа совершенно не отвѣчаетъ требованіямъ просвѣщенія ни по языку, ни по содержанію преподаваемаго.

Родной языкъ народа изгнанъ изъ школы, нашихъ дѣтей учатъ презирать его, какъ грубый и недостойный употребленія жаргонъ; преподаваніе ведется на языкѣ чужомъ, малопонятномъ, вслѣдствіе чего дѣти не могутъ усвоить даже простой грамотности.

Почти все учебное время въ школѣ уходитъ на заучиваніе непонятныхъ словъ, что дѣйствуетъ угнетающе на дѣтскій умъ, притупляетъ его пытливость и часто порождаетъ даже отвращеніе къ книгѣ.

Поэтому нѣтъ возможности пріобрѣтать какія-либо полезныя знанія, тѣмъ болѣе, что само учебное начальство умышленно ограничиваетъ кругъ этихъ знаній.

О нашемъ родномъ краѣ въ школѣ или совсѣмъ умалчиваютъ, или даютъ извращенныя свѣдѣнія.

Вслѣдствіе этого *у насъ въ дѣйствительности нѣтъ народнаго образованія.*

На тяжелое положеніе народной литературы въ Малороссіи указываетъ и докладная записка въ комитетъ министровъ, составленная представителями украинской интеллигенціи въ Одессѣ (напечатана въ одномъ изъ февральскихъ нумеровъ «Полтавщины»): «Результатомъ гоненія на малорусское слово —читаемъ мы въ этой запискѣ,—было то, что у насъ въ Россіи переводныя, научныя и духовныя произведенія на малорусскомъ языкѣ появиться въ печатномъ видѣ не могутъ;

всѣ ходатайства о разрѣшеніи издавать на малорусскомъ языкѣ газеты, журналы, брошюры, учебники и т. д. постигла печальная участь запрещенія».

Что касается затрудненій, испытываемыхъ учениками народныхъ школъ въ Малороссіи, то весьма интересные факты указываетъ по этому поводу г. Гр. Сѣгобочный въ своей статьѣ «Тоже на очереди», напечатанной въ нумерѣ 6-мъ „Южныхъ Записокъ“ (цитируемъ по «Кіевскимъ Откликамъ» отъ 3-го мая текущаго года).

Производя анализъ учебниковъ, употребляемыхъ въ томъ школьномъ раіонѣ, который наблюдалъ авторъ, онъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ «Букварѣ» Бунакова первые пять уроковъ содержатъ въ себѣ 64 слова, изъ которыхъ 17 малорусскому дитяти совсѣмъ не понятны; четыре представляютъ собой омонимы, имѣющіе на малорусскомъ языкѣ иное значеніе, чѣмъ на русскомъ; напримѣръ, кули́ (ребенокъ прочтетъ ку́ли, что значитъ по-малорусски: пули), сила (сѣла); восемь словъ есть и въ украинскомъ языкѣ, но читаются иначе (вусъ вм. усъ, китъ вм. котъ); наконецъ семь словъ отличаются лишь произношеніемъ: итого болѣе половины словъ такихъ, которыя затруднятъ ученика, и почти четверть совсѣмъ незнакомыхъ! Въ шестомъ урокѣ изъ 14-ти словъ—совсѣмъ незнакомыхъ 7, въ сѐдьмомъ—9 изъ 18-ти и т. д. Въ «Букварѣ» Тихомирова на первыхъ же трехъ страницахъ—половина словъ непонятныхъ.

Въ результатѣ получается то, что ученики (какъ это выяснилось при опросѣ одной изъ школъ Екатеринославской губ.) слово «пенька́» смѣшиваютъ съ пенькомъ (пень), «прибыль» переводятъ словомъ прибыли (пріѣхали), «колоколъ» производятъ отъ слова (колоть), «лучи» переводятъ «тамъ, гдѣ лучше», «улитку» считаютъ женскимъ именемъ, а въ тетради, по своему понимая «русскую мо́ву» учителя, записываютъ, что «слива--плотоядное дерево», «дыня--огородная насѣкомая».

Еще худшій оборотъ принимаетъ дѣло, когда школьники переходятъ къ изученію церковно-славянскаго языка: здѣсь имъ приходится производить совсѣмъ уже странныя съ точки зрѣнія здравой педагогіи манипуляціи,—переводить непонятныя церковно-славянскія слова при помощи столь же непонятныхъ великорусскихъ словъ! Неудивительно поэтому, что народная школа въ Малороссіи почти ничего не даетъ своимъ ученикамъ, такъ какъ $^2/_3$ учебнаго времени уходитъ на то, чтобы овладѣть самимъ орудіемъ обученія—русскимъ языкомъ, да и этотъ результатъ,—умѣніе съ грѣхомъ пополамъ понять, что гово-

ритъ учитель и что напечатано въ учебникѣ,—достигается контрабандой: выбившись изъ силъ, учитель волей-неволей прибѣгаетъ къ употребленію запрещеннаго и даже «несуществующаго» въ глазахъ начальства малорусскаго языка. Не проще ли прямо разрѣшить малороссамъ наравнѣ съ „инородцами, населяющими восточную Россію", невозбранно употреблять свой родной языкъ, а съ его помощью изучить какъ государственный русскій языкъ, такъ и все то, что полагается усвоить въ начальной народной школѣ?

Пора, давно пора приступить къ радикальному рѣшенію вопроса о національной и религіозной терпимости, отъ отсутствія которой страдаютъ въ настоящее время насущнѣйшіе интересы громаднаго большинства неселенія Россійской имперіи.

Особенно необходимо сдѣлать это именно теперь, когда все усиливающееся недовольство существующими порядками и взаимное раздраженіе сталкивающихся общественныхъ группъ и безъ того грозятъ разразиться страшною катастрофой.

Въ этомъ дѣлѣ, болѣе. чѣмъ въ какомъ бы то то ни было другомъ, опасно ограничиваться полумѣрами, робкими попытками и неисполненными обѣщаніями.

Хочетъ ли украинскій народъ учиться на своемъ языкѣ? 5-го марта с. г. лубенскій отдѣлъ полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества принялъ слѣдующую резолюцію: «Ожидая, что свобода печати повліяетъ самымъ благотворнымъ образомъ на развитіе сельскаго хозяйства, въ виду этнографическихъ особенностей края, луб. отд. с.-х. общ. находитъ необходимымъ, чтобы такая свобода была распространена на украинскій языкъ». Вслѣдствіе этой резолюціи, состоялось постановленіе ходатайствовать о разрѣшеніи устраивать чтенія по сельскому хозяйству на украинскомъ языкѣ, съ правомъ разъясненія прочитаннаго также по украински. Это ходатайство было препровождено въ губернское сельско-хозяйственное общество для дальнѣйшаго движенія его въ министерство. Въ двухъ общихъ засѣданіяхъ полтав. с.-х. общества вышеизложенное ходатайство обсуждалось. Выяснилась необходимость не только чтеній по сельскому хозяйству на мѣстномъ языкѣ, но и преподаванія въ начальныхъ школахъ на немъ. Подавляющее большинство членовъ общества было согласно съ этимъ положеніемъ, но все-таки были слышны единичныя

возраженія; слышались сомнѣнія въ томъ, что русскій языкъ мало понятенъ украинскому народу, что народъ желаетъ учиться на своемъ языкѣ. Между прочимъ. почему-то возникъ вопросъ и объ укр. сепаратизмѣ, давно уже разоблаченный, какъ миѳъ, которымъ «охранители» пользуются въ смыслѣ «жупела», лишь только зайдетъ рѣчь о необходимости самобытнаго развитія украинскаго народа... Почему онъ возникъ—это неясно въ газетныхъ отчетахъ о засѣданіи и не видна связь его съ обсуждаемымъ предметомъ.

Какъ-бы въ отвѣтъ на выраженныя сомнѣнія объ отношеніи народа къ своему языку, ученіи на нёмъ и чтеніи, мы прочитали въ 72 № «Сына Отечества» интересное изслѣдованіе, сдѣланное въ Золотоношкомъ уѣздѣ, которое приводимъ цѣликомъ:

«Мы задались цѣлью собрать кое какія, не лишенныя интереса, свѣдѣнія объ отношеніи нашего золотоношскаго крестьянина къ вопросу о малорусской рѣчи. Приступили мы къ дѣлу безъ всякой предвзятой мысли и старались ничѣмъ не насиловать мысли опрашиваемыхъ; не дѣлали при опросѣ искусственнаго подбора. Среди 378 опрошенныхъ были людп въ возрастѣ отъ 16—65 лѣтъ, бѣдные и богатые, не выѣзжавшіе изъ своей деревни и исколесившіе въ качествѣ грабарей половину Россіи. Изъ опрошенныхъ—145 грамотныхъ, 108 полуграмотныхъ, 125 безграмотныхъ. Мы поставили слѣдующіе три вопроса: 1) На какомъ языкѣ, малорусскомъ или русскомъ, предпочтительнѣе преподаваніе въ школѣ? 2) Малорусскія или русскія книги они охотнѣе слушаютъ и читаютъ? 3) Достаточно ли въ школахъ изучить чтеніе и письмо по-малорусски, или необходимо по-русски читать и писать? Отвѣты получились слѣдующіе: по первому пункту 324 высказались за малорусское преподаваніе, 46 отнеслись безразлично, 8 стояли за русское преподаваніе (всѣ—богатые мужики). По второму пункту 198 стояли за малорусскія книги, особенно по естествознанію и исторіи, 78 стояли за русскія книги, остальные отнеслись безразлично, особенно безграмотные. По третьему пункту 118 находили достаточнымъ изученіе малорусскаго чтенія и письма, 214 находили необходимымъ читать и писать «по-панськи», «по-ученому». Интересно, что безъ нашего вопроса 221 высказали желаніе имѣть газеты на малорусскомъ языкѣ «по карбованьцю въ годъ, або по полтынныку». 46 человѣкъ изъ бывалыхъ высказали, что «гарно, якъ бы ти комедіи, що по нашому представляютъ, прыихалы бъ и въ

села». Особенно хотѣлось имъ, видѣвшимъ, показать своему селу «Наталку-Полтавку», „По ревизіи", „Сорочинскій ярмарокъ".

Итакъ, изъ 378 опрошенныхъ, 324 высказались за преподаваніе въ школахъ на ихъ родномъ языкѣ. Не краснорѣчивы ли эти цифры, и не способны ли онѣ разсѣять сомнѣнія въ томъ, что всякій человѣкъ хочетъ говорить, учиться и читать на своемъ языкѣ? Вѣдь самый этотъ вопросъ, беря его безотносительно, прямо-таки—неестественный, праздный, а вотъ подите же!.. Надо еще убѣждать въ законности желаній народа, и что удивительнѣе всего—убѣждать людей образованныхъ. Вотъ къ чему привела наша оторванность отъ своего народа, наша культура, чуждая своей народности... (Полтавщина, № 128).

Л. Ж.

Объ изданіи книгъ св. писанія на украинскомъ языкѣ. Въ настоящее время, когда, наконецъ, снято съ св. писанія на украинскомъ языкѣ столько лѣтъ тяготѣвшее надъ нимъ запрещеніе, мнѣ кажется, нужно прежде всего позаботиться, чтобы первыя изданія переводовъ были настолько хороши, чтобы не было надобности впослѣдствіи издавать вторыя, взамѣнъ первыхъ негодныхъ.

Достигнуть этого нужно путемъ приведенія въ извѣстность всѣхъ тѣхъ переводовъ св. писанія, которыя дѣлались украинскими писателями въ періодъ тяготѣвшаго запрещенія. Всѣмъ, конечно, извѣстны труды покойнаго П. А. Кулиша по переводу св. писанія, однако, и переводами Кулиша (приспособленными при содѣйствіи д-ра Пулюя для галичанъ) нѣкоторые, украинскіе же, писатели были недовольны. Такъ, покойный А. П. Стороженко, въ опубликованной перепискѣ, предпочитаетъ переводъ евангелія на украинскій языкъ, сдѣланный Морачевскимъ, переводу Кулиша. Кромѣ этихъ переводовъ, извѣстныхъ по печатнымъ свѣдѣніямъ, есть, навѣрно, еще много переводовъ, сдѣланныхъ украинскими писателями, о которыхъ въ печати или вовсе не было говорено, или же говорено давно, и то въ летучихъ замѣткахъ.

Я хочу напомнить объ одномъ такомъ переводчикѣ: покойный украинскій писатель д-ръ В. С. Александровъ († 1893), желая перевести весь ветхій завѣтъ на украинскій языкъ,—чтобы лучше перевести его,—изучилъ (на 53 г. жизни) древне-еврейскій языкъ и, пе-

реводя съ этого языка, сличалъ свой переводъ, какъ съ изданіемъ св. Синода, такъ и съ Берлинскимъ—Мандельштама, и поэтому, по свидѣтельству одного изъ его біографовъ, далъ дѣйствительно замѣчательные переводы. Однако, работа эта, по обыкновенію, къ изданію не была разрѣшена. Мнѣ извѣстно, что имъ переведены кн. Бытія, Исхода, Іова и Товита. Рукописи эти хранились у сына покойнаго—В. В. Александрова и, кажется, переданы имъ харьковскому историко-филологическому обществу при университетѣ,—по крайней мѣрѣ, туда они были обѣщаны. Неудача издать эти переводы заставила пок. А-ва заняться переводомъ псалтыря уже въ формѣ стихотворной (хотя и возможно близкой къ подлиннику передачѣ), и часть этихъ переводовъ издана имъ подъ заглавіемъ: «Тихомовні співи на св. мотіви» (Хар. 1883), а послѣдніе такіе же переводы были имъ помѣщаемы въ галицкихъ изданіяхъ.

Если бы каждый подѣлился свѣдѣніями объ извѣстныхъ ему переводахъ св. писанія на украинскій языкъ, то, собравши всѣ эти переводы и сравнивши ихъ, только тогда, мнѣ кажется, и можно было издать лучшій изъ переводовъ,—потому что издавать переводъ такой важной вещи, какъ св. писаніе, нужно очень осмотрительно, чтобы не нужно послѣ, по выраженію одного изъ персонажей Квитки:—«Для хохловъ и такой богъ сбряде». (Полтавщина, № 123).

М. Оленинъ.

Холмская Русь и причины отпаденія отъ православія. Подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ «Спб. Вѣд. (№ 129) статья Н. Дурново, въ которой авторъ даетъ справку о положеніи бывшей уніатской церкви въ Холмщинѣ, справку настолько интересную ввиду частыхъ сѣтованій русской печати объ отпаденіи отъ православія многихъ тысячъ украинцевъ, что мы считаемъ нужнымъ перепечатать ее цѣликомъ.

Въ 1596 г. Холмская епархія отпала въ унію и, такимъ образомъ, признала надъ собою власть Римскаго папы. Римъ, принявъ въ свое вѣдѣніе церковь, а Польша—русскій народъ, не дремали и съ тѣхъ поръ занялись первый—окатоличеніемъ, а послѣдняя—ополяченіемъ украинцевъ. Первое время, конечно, успѣховъ было ждать нельзя и, когда въ 1620 году въ Кіевѣ возстановлена была митрополія, то и въ Холмѣ явились православные епископы, которые 35 лѣтъ упра-

вляли епархіей. Окончательно Холмская епархія отпала въ унію въ 1655 г. и пребывала въ ней до 1875 г. т. е. ровно 220 лѣтъ. За это время не только укрѣпилась унія, но и много малорусскаго народа было ополячено.

Никто изъ дѣятелей Холмской Руси не станетъ отрицать, что въ 1874 и 1875 г. многіе уніаты добровольно возвратились въ вѣру своихъ предковъ: нѣкоторые безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, послѣдовали ихъ примѣру,—прочіе же, за оффиціальнымъ уничтоженіемъ уніи, зачислены въ православіе.

Воинствующій римскій католицизмъ силенъ тамъ, гдѣ пастыри далеки отъ пасомыхъ, мало бодрствуютъ. Что же сдѣлало наше духовное вѣдомство ради торжества православія въ Холмской Руси?

1 мая 1875 послѣдовало окончательное возсоединеніе Холмской епархіи и тогда же она была закрыта и подчинена Варшавскому архіепископу. Главный виновникъ возсоединенія Хомской Руси, бывшій администраторъ епархіи, ученый о. протоіерей Маркеллъ Попель, былъ посвященъ 8 іюня того же года во епископа Люблинскаго и сдѣланъ викаріемъ архіепископа Варшавскаго, иначе сказать лишенъ самостоятельности. Онъ зналъ свою паству, какъ и она знала его; онъ умѣлъ съ ней говорить, объясняться, считался человѣкомъ добрымъ, доступнымъ, и ему паписты не были страшны; его перемѣстили въ Каменецъ-Подольскъ, затѣмъ въ Полоцкъ, а въ 1889 г. уволили на покой и вызвали въ Петербургъ, для присутствованія въ Синодѣ. 14 лѣтъ епископъ прожилъ безъ дѣлъ въ Петербургѣ. Если бы преосв. Маркеллъ оставался до своей кончины 29 сентября 1903 г. въ Холмѣ, т. е. 28 лѣтъ, то православіе настолько укрѣпилось бы въ Холмской Руси, что о кризисѣ въ ней—православной церкви—не пришлось бы говорить. Преемникомъ епископа Маркелла былъ преосв. Модестъ Стрѣльбицкій, съ 1878 по 1885 годъ; онъ былъ уроженцемъ Подоліи, объяснялся съ паствою на малорусскомъ языкѣ. Назначеніе его было какъ бы уступкой Холмскимъ малоруссамъ. Но послѣ него епископы въ Холмѣ не засиживались; къ тому же, будучи великоруссами (Флавіанъ Городецкій съ 1885 — 1891 г., Гедеонъ Покровскій съ 1892 — 1896, Тихонъ Бѣлавинъ съ 1897—1898, Германъ Ивановъ съ 1898—1902 и Евлогій Георгіевскій съ 1903 г.), они были совершенно чужды своей паствѣ по языку, незнакомы съ духомъ латинской пропаганды, религіоз-

ными обычаями паствы, говорили проповѣди на великорусскомъ языкѣ. Что же дѣлало священство? Пока оно было малорусское, оно знало свою паству, жило ею и для нея. Возсоединивъ холмскихъ уніатовъ, духовное вѣдомство выхлопотало у правительства содержаніе священникамъ по 1,000 р., оставивъ за ними и церковную землю, и платы за требы. Прельстившись такимъ значительнымъ содержаніемъ, многіе изъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ священниковъ поспѣшили бросить свою паству и отправились въ Холмщину искать хлѣбныхъ мѣстъ, съ занятіемъ которыхъ можно прожить и безъ паствы. Болѣе 50 пастырей долженъ былъ удалить изъ Холмщины высокопреосв. Леонтій, впослѣдствіи Московскій митрополитъ, но отъ этого дѣло православія не было выиграно. Наемники и чиновники каждый шагъ или каждую требу цѣнили на вѣсъ золота. Интересующіеся могутъ прочесть объ этомъ въ газ. «Востокъ» 1882 г.—статья высокопреосв. Леонтія (въ то время авторъ не былъ названъ). Несмотря на значительное содержаніе священникамъ, Варшавская консисторія ко многимъ церквамъ не опредѣляла священниковъ и оставляла ихъ приходы приписными, ради, конечно, прибытка излюбленнымъ ею пастырямъ.

Въ настоящее время въ Холмскомъ уѣздѣ имѣется 5 приписныхъ церквей, въ Замостскомъ 3, въ Бѣлгорайскомъ 1, въ Грубешовскомъ 18, Томашевскомъ 36 (на 30 самостоятельныхъ), въ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, приписныхъ — 9 церквей.

Всего православнаго населенія (безъ войскъ) было въ 1904 году въ Холмскомъ уѣздѣ около 50 тыс., Грубешовскомъ до 55 т., въ Томашевскомъ до 45 т., въ Бѣлгорайскомъ до $32^1/_2$ т., въ Замостскомъ до 25 т. и въ Красноставскомъ до 10 т. Всего въ южной части Холмской Руси—около 220 т. Въ Подляшьѣ, т. е. въ Западной части Сѣдлецкой губерніи, въ уѣздахъ: Влодавскомъ—болѣе 55 т., въ Бѣльскомъ— 40 т., Константиновскомъ—32 т., Радинскомъ—30 т., всего—около 160 т. Въ Сувалкской губерніи возсоединенныхъ уніатовъ считалось до 20 тыс. и около 5 тыс. въ прочихъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

Надо полагать, что духовное вѣдомство великорусскихъ пастырей, лишившихся паствы, оставитъ на прежнихъ мѣстахъ, съ содержаніемъ изъ государственнаго казначейства, предоставивъ имъ въ тоже время занятіе сельскимъ хозяйствомъ; впослѣдствіи нѣкоторые приходы можно приписать, что, безъ сомнѣнія, увеличитъ прибытокъ па-

стыря. Если сейчасъ въ Холмской Руси есть по два приписныхъ прихода,—то почему же не быть въ будущемъ и по пяти и болѣе.

Духовное вѣдомство преподнесло Риму такой подарокъ, который онъ никогда не могъ бы ожидать отъ православной, свободной іерархіи, не закрѣпощенной вѣдомству. То, что россійское духовное вѣдомство посѣяло въ Холмской Руси, то оно пожинаетъ на радость Риму и на печаль православной церкви и русской земли.

Въ настоящее время слѣдовало бы принять слѣдующія мѣры: 1) Возстановить Холмскую епархію въ предѣлахъ малорусской народности и назначить епископомъ іерарха, уроженца Волыни или Подоліи, а еще лучше Холмщины (какъ преосв. Амвросія Гудко, изъ крестьянъ Томашевскаго уѣзда; 2) удалить всѣхъ великорусскихъ пастырей, возродить при всѣхъ церквахъ Холмской Руси церковныя братства и предоставить самой паствѣ избрать себѣ пастырей, а въ случаѣ если паства не найдетъ достойныхъ и знающихъ свящ. писаніе лицъ, которыя могли бы быть священниками, то таковыхъ пригласить изъ Галиціи и Угорской Руси, а еще лучше изъ Буковины. Во всякомъ случаѣ пастыри Холмской Руси должны быть изъ малоруссовъ. Жалованье должно быть пожизненно сохранено тѣмъ пастырямъ, которые съумѣютъ уберечь свою паству отъ расхищенія, но на будущее время желательно, чтобы самъ приходъ опредѣлилъ содержаніе своему пастырю, ибо это составляетъ его нравственный долгъ и обязанность, такъ какъ пастырь служитъ паствѣ, но не государству, которое можетъ быть даже враждебнымъ церкви. Надо укрѣплять связь паствы со своимъ пастыремъ, духовное вѣдомство же дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ».

Къ этимъ заключительнымъ словамъ автора можно бы прибавить, что было бы еще справедливѣе, въ видахъ сохраненія принцина свободы совѣсти, предоставить право желающимъ имѣть свою уніатскую церковь и выборное духовенство.

Духовный органъ и украинскій вопросъ. Послѣ долгаго молчанія объ украинскомъ вопросѣ заговорила наконецъ и русская духовная пресса. Въ № 23 органа С.-Петербургской духовной академіи „Церковный Вѣстникъ“ находимъ статью „Доброе начало“, привѣт-

ствующую извѣстное постановленіе комитета министровъ, которымъ отмѣнено запрещеніе украинскаго перевода евангелія. Органъ петербургской академіи идетъ дальше и высказывается за то, чтобы воспользоваться украинскимъ языкомъ не только въ проповѣди, но и въ печати для распространенія религіозно-нравственныхъ воззрѣній среди украинскаго населенія, при чемъ возлагаетъ надежду на то, что редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ „не откажутся дать мѣсто на своихъ страницахъ религіозно-нравственнымъ статьямъ на малороссійскомъ языкѣ“. Къ сожалѣнію, при этомъ упущено изъ виду, что въ послѣднее время большинство „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, вмѣстѣ со всевозможными „Губернскими Вѣдомостями“, сдѣлались главными органами реакціи и черносотенныхъ заявленій, и если онѣ начнуть помѣщать въ такомъ же духѣ (а въ иномъ ожидать трудно) статьи и на украинскомъ языкѣ, то народное просвѣщеніе не только не будетъ въ выигрышѣ, но несомнѣнно потерпитъ значительный уронъ. Проповѣдь фанатизма, изувѣрства и нетерпимости тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе понятна массамъ...

Отмѣтимъ кстати одну чисто фактическую ошибку „Церковныхъ Вѣдомостей“. Напрасно онѣ полагаютъ, что народу предлагается „въ читальняхъ *множество* самыхъ дешевыхъ и доступныхъ беллетристическихъ, историческихъ, медицинскихъ, сельско-хозяйственныхъ и другихъ книгъ и брошюръ на малороссійскомъ языкѣ“ и что только религіозно нравственныя произведенія составляютъ исключеніе. Не только въ читальняхъ никакого множества такихъ книгъ не находимъ, но украинская книжка до сихъ поръ въ народной читальнѣ—запретный плодъ, и всѣ усилія измѣнить такой порядокъ вещей до сихъ поръ разбивались о незыблемую устойчивость и твердость министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, а также и конкуррирующаго съ ними въ этомъ отношеніи вѣдомства православнаго исповѣданія..

Предстоящее изданіе малорусскаго евангелія. Какъ извѣстно, 25 февраля Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о дозволеніи изданія священнаго писанія на украинскій языкъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы такое изданіе происходило всякій разъ съ благословенія св. синода. Разрѣшеніе это состоялось по ходатайству академіи наукъ, причемъ ею былъ рекомендованъ готовый

уже переводъ четвероевангелія, сдѣланный еще въ 1860 г. Морачевскимъ и дважды одобренный академіею. Съ тѣхъ поръ слухи о дальнѣйшемъ движеніи этого дѣла замолкли. Въ настоящее время мы имѣемъ совершенно точныя свѣдѣнія о томъ, что дѣло это не заглохло и уже близится къ благополучному окончанію. Синодъ поручилъ разсмотрѣть переводъ Морачевскаго преосвященному Парѳенію, епископу подольскому и брацлавскому, который далъ о немъ благопріятный отзывъ, послѣ чего тому же преосвященному было предложено сдѣлать въ переводѣ Морачевскаго необходимыя исправленія и вообще взять на себя редакцію этого изданія. Преосв. Парѳеній, самъ природный малороссіянинъ, оказался вполнѣ на высотѣ возложеннаго на него святого и великаго дѣла. Онъ и лично посвящаетъ ему много времени и труда, и сверхъ того умѣлъ привлечь къ нему усердныхъ сотрудниковъ изъ среды подольскаго духовенства. Главный процессъ работы состоитъ въ томъ, что каждый стихъ перевода Морачевскаго подвергается тщательному сличенію съ греческимъ, славянскимъ и другими текстами, причемъ имѣется въ виду, чтобы переводъ вполнѣ соотвѣтствовалъ точному смыслу и духу подлинниковъ, а съ другой стороны, чтобы онъ въ такой же степени соотвѣтствовалъ характеру малорусскаго языка, и чтобы такимъ образомъ не повторить ошибки, допущенной нѣкогда при переводѣ евангелія на русскій языкъ, когда въ жертву буквализму была принесена живая, свободная русская рѣчь. Какъ ни трудна сама по себѣ двойная задача, мы полагаемъ, однако, что она въ значительной степени облегчается достоинствами перевода Морачевскаго. Насколько мы можемъ судить по непосредственному знакомству съ его трудомъ (списокъ его перевода имѣется и въ Кіевѣ), Морачевскій является великимъ мастеромъ и знатокомъ родного слова и въ то же время трудъ его глубоко проникнутъ евангельскимъ настроеніемъ. Въ настоящее время исправленіе евангелія отъ Матѳея уже окончено, и можно надѣяться, что въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ будутъ исправлены и остальныя евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось уже распоряженіе синода о томъ, чтобы переводъ, по мѣрѣ его окончательнаго просмотра и исправленія, передавался въ синодальную типографію для немедленнаго напечатанія въ двухъ параллельныхъ текстахъ, церковно-славянскомъ и малорусскомъ. Такимъ образомъ, близокъ уже день, когда исполнятся, наконецъ, вѣковыя чаянія милліоновъ украинскаго народа—читать и слышать Христово ученіе на родномъ языкѣ. (Кіевск. Откл., № 165).

Отъ Правленія Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ въ Петербургѣ. Петербургское Благотворительное Общество изданія книгъ на украинскомъ языкѣ, въ виду того, что ожидается государственное преобразованіе нашей Имперіи и введеніе на тѣхъ или иныхъ началахъ представительнаго образа правленія, признало необходимымъ ознакомить и украинскій народъ съ основными принципами конституціоннаго государственнаго строя. Съ этою цѣлью Правленіе названнаго Общества рѣшило издать рядъ брошюръ на украинскомъ языкѣ, въ которыхъ была бы изложена сущность представительнаго правленія, а также исторія введенія его въ жизнь въ западно-европейскихъ государствахъ. Однимъ изъ сотрудниковъ Общества уже составлена первая брошюра такого рода объ избирательномъ правѣ. Если въ силу состоявшагося уже 31 мая разсмотрѣнія въ комитетѣ министровъ вопроса объ уничтоженіи стѣсненій для печатнаго украинскаго слова эта брошюра будетъ одобрена цензурой наравнѣ съ книжками того же содержанія на великорусскомъ языкѣ, то можно надѣяться, что и другіе сотрудники Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ отзовутся на его начинаніе составленіемъ книгъ о государственномъ строѣ разныхъ странъ, съ указаніемъ, какими средствами законодательства обезпечена въ нихъ областная автономія и національная равноправность. Рукописи просятъ направлять Предсѣдателю Общества А. А. Русову (С.-Петербургъ, Офицерская, д. № 47, кв. 12).

Къ тридцатипятилѣтію профессорской дѣятельности В. Б. Антоновича. Въ 1870 году В. Б. Антоновичъ защитилъ въ кіевскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра русской исторіи и въ сентябрѣ того же года сталъ читать лекціи въ качествѣ доцента. Осенью этого года исполняется, такимъ образомъ, тридцать пять лѣтъ съ начала профессорской дѣятельности почтеннаго профессора, имя котораго съ большимъ уваженіемъ произносится всѣми его учениками. Среди учениковъ и почитателей В. Б. Антоновича возникла мысль издать научный сборникъ, посвященный В. Б. Антоновичу, какъ вѣрному „сыну Украины". Недавно, происходило въ помѣщеніи редакціи „Кіевскихъ Откликовъ" общее собраніе учениковъ и почитателей В. Б. Антоновича. Избранъ редакціонный комитетъ, въ составѣ проф. Н. П. Дашкевича, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, проф. А. М.

Лободы, О. И. Левицкаго, В. И. Щербины и И. М. Каманина. На этомъ собраніи постановлено, между прочимъ, обратиться къ ученикамъ и почитателямъ В. Б. Антоновича, живущимъ внѣ Кіева, съ приглашеніемъ къ матеріальной и литературной поддержкѣ сборника. За свѣдѣніями о сборникѣ слѣдуетъ обращаться и всю переписку по поводу него направлять въ Кіевъ, Университетъ. Центральный Архивъ Ивану Михайловичу Каманину для редакціи сборника въ честь В. Б. Антоновича.

Кіевское историческое общество Нестора лѣтописца, однимъ изъ основателей и затѣмъ предсѣдателей котораго былъ В. Б. Антоновичъ, также рѣшило ознаменовать тридцатипятилѣтіе его профессорской дѣятельности учрежденіемъ при обществѣ научной преміи имени В. Б. Антоновича за труды по южно-русской археологіи и исторіи. Для дальнѣйшей разработки и осуществленія этого вопроса въ засѣданіи общества 22 мая избрана особая комиссія изъ почетнаго члена общества проф. Н. П. Дашкевича и дѣйствительныхъ членовъ: проф. С. Т. Голубева, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, проф. Г. Г. Павлуцкаго, проф. А. М. Лободы; Н. П. Василенка, О. И. Левицкаго, В. П. Науменка, И. М. Каманина и проф. львовскаго университета М. С. Грушевскаго. В. Б. Антоновичу въ настоящее время 71 годъ. Чтеніе лекцій въ университетѣ онъ прекратилъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ какъ здоровье его не позволяло ему зимой оставаться въ Кіевѣ. Онъ уѣзжалъ, поэтому, въ Италію. Въ послѣднее время здоровье В. Б. Антоновича настолько оправилось, что послѣднюю зиму онъ прожилъ безвыѣздно въ Кіевѣ. Вслѣдствіе слабости здоровья, жизнь онъ ведетъ замкнутую; ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ и собраніяхъ за послѣднее время онъ обыкновенно участія не принимаетъ. (Кіевск. Откл. № 145).

Характерное заявленіе. «Приднѣпровскій Край» приводитъ слѣдующее любопытное письмо въ редакцію, характеризующее до извѣстной степени настроеніе украинской деревни: «Покорнѣйше прошу напечатать въ вашей уважаемой газетѣ, что я, крестьянинъ Кузьменко (изъ малороссовъ), знаю, какъ многіе крестьяны-малороссы хотятъ, шобъ була малороссійска газета «Запорозька Січъ». Можетъ найдутся

богатые и образованные люди, которые испросятъ разрѣшеніе издавать такую газету. Крестьянинъ новомосковскаго уѣзда *Романъ Кузьменко*». («Кіевск. Газ.», № 181).

Къ сожалѣнію, осуществленіе мысли г. Кузьменка менѣе всего зависитъ отъ «богатыхъ и образованныхъ людей»,—иначе мы давно бы уже имѣли украинскую прессу.

Украинскій народный хоръ. Кромѣ хорошо извѣстнаго въ нашемъ краѣ *Охматовскаго* крестьянскаго хора, организованнаго докторомъ П. Д. Демуцкимъ, существуетъ у насъ въ Украинѣ еще нѣсколько такихъ же хоровъ, меньшихъ по количеству и менѣе распространившихъ о себѣ извѣстій. Такъ, теперь намъ только стало извѣстнымъ, что въ с. Чуковѣ, брацлавск. у., подольск. губ., уже около 20 лѣтъ назадъ образовался крестьянскій хоръ, состоящій въ настоящее время изъ 40 душъ обоего пола. Руководитъ этимъ хоромъ сельскій учитель К. Г. Лукашевичъ, который недавно рѣшилъ предпринять маленькую экскурсію и познакомить съ результатами своихъ трудовъ болѣе широкую публику. Изъ „Елисаветградск. Новостей" (№ 499) узнаемъ, что въ Елисаветградѣ состоялись два концерта этого хора. Репертуаръ состоитъ изъ народныхъ пѣсенъ, произведеній Н. В. Лисенка и нѣкоторыхъ другихъ композиторовъ.

Письмо по поводу критич. замѣтки о брошюрѣ „Нелюдымъ". Въ майской книжкѣ „Кіевской Старины" въ отдѣлѣ Библіографіи сдѣланъ г. Поточнымъ рѣзко порицательный отзывъ о брошюрѣ „Нелюдымъ", изданной Харьковскимъ Изд. Комитетомъ Общества Грамотности. Хотя я не стояла во главѣ Комитета въ то время, когда издавалась эта брошюра, но, въ качествѣ члена Комитета, готова взять на себя всю тяжесть предъявляемыхъ къ Комитету обвиненій.

Г. Поточный такъ излагаетъ содержаніе брошюры: „Авторъ сдѣлалъ необычайное открытіе, что причиной бѣдности крестьянъ являются плотники, печники, портные и прочіе ремесленники, къ услугамъ которыхъ онъ совѣтуетъ крестьянамъ не обращаться ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ эти враги матеріальнаго благополучія крестьянъ только отбираютъ у нихъ деньги".

Нѣтъ, г. Поточный, это не совсѣмъ то, что говорится въ брошюрѣ, и даже—совсѣмъ не то. Авторъ брошюры — г. Калениченко,

настоящій крестьянинъ, „хліборобъ“ сумскаго у., харьковской губ., извѣстный Комитету. Въ брошюрѣ онъ излагаетъ живо и образно, въ видѣ личныхъ переживаній, свои соображенія о томъ, какъ можетъ крестьянинъ использовать свое свободное время для улучшенія своего матеріальнаго положенія. Онъ совѣтуетъ крестьянамъ—не поддаваться тому господствующему настроенію, которое побуждаетъ крестьянина при всякой потребности въ спеціальномъ видѣ ремесленнаго труда обращаться къ спеціальному ремесленнику, а совѣтуетъ по мѣрѣ возможности замѣнять этотъ покупной трудъ собственнымъ, домашнимъ, подкрѣпляя свои совѣты практическими указаніями и ясными цифровыми разсчетами. Такимъ образомъ брошюра его имѣетъ цѣлью развитіе самодѣятельности въ сферѣ опредѣленныхъ отношеній крестьянской хозяйственной жизни.

Вотъ все не хитрое содержаніе этой брошюры, и однако же оно заставило Комитетъ глубоко задуматься. Конечно, не трудно было поставить себя на готовые рельсы шаблонныхъ разсужденій въ родѣ того, что: „патріархальная деревня разлагается, приходитъ естественная дифференціація труда, противъ которой ретроградно выступаетъ авторъ“ и т. н., вплоть до конца, т. е. до отсылки рукописи автору „за непригодностью“.

Но Комитетъ иначе взглянулъ на это. Онъ задался прежде всего вопросомъ: „дѣйствительно-ли брошюра эта есть плодъ личнаго опыта ея составителя, или она сочинена имъ на предвзятую тему?“ И только тогда, когда на объективныхъ данныхъ былъ утвержденъ отвѣтъ, что брошюра дѣйствительно излагаетъ результаты личнаго опыта и наблюденій умнаго и добросовѣстнаго человѣка, Комитетъ пришелъ къ рѣшенію, что брошюру необходимо напечатать, такъ какъ она можетъ быть полезной какой-то части нашего крестьянства, хотя Комитетъ и не рѣшается ближе опредѣлить размѣръ этой полезности. Подкрѣпленіе своему рѣшенію Комитетъ нашелъ въ языкѣ брошюры—въ томъ языкѣ, неподражаемомъ въ своей наивной простотѣ, какимъ умѣетъ говорить только народъ и иногда геніальный художникъ.

Какъ видно изъ предыдущаго, брошюра появилась не въ силу „непредусмотрѣннаго стеченія обстоятельствъ“, какъ предполагаетъ критикъ. „Будемъ надѣяться, что почтенная фирма впредь будетъ строже относиться къ выбору матеріала для изданій“, внушаетъ онъ Комитету. Нѣтъ, надѣяться нечего: строже отнестись къ своимъ за-

дачамъ Комитетъ не въ силахъ. А если онъ въ данномъ случаѣ ошибся, то errare humanum est.

Предсѣдательница Издательск. Комитета Харьк. Общества Грамотности. *Александра Ефименко.*

Письмо въ редакцію. Милостивый Государь, Господинъ Редакторъ. Желая почтить память моего дѣда, покойнаго малорусскаго поэта Петра Петровича Артемовскаго-Гулака изданіемъ ко дню чествованія столѣтняго юбилея Императорскаго Харьковскаго Университета, профессоромъ и ректоромъ котораго онъ состоялъ, по возможности полнаго собранія его сочиненій и писемъ, и тѣмъ спасти отъ забвенія тѣ изъ его произведеній, которыя могутъ представлять нѣкоторый литературный интересъ,—обращаюсь черезъ посредство Вашего журнала ко всѣмъ лицамъ, располагающимъ печатными или рукописными сочиненіями П. П. Артемовскаго-Гулака и письмами его, имѣющими общественное значеніе, съ просьбою не отказать въ присылкѣ мнѣ этихъ документовъ для включенія въ предпринятое мною изданіе.

Подлинники, по снятіи съ нихъ копій, будутъ мною возвращены собственникамъ съ глубокою признательностью, или, по желанію ихъ, направлены въ Харьковскій Университетъ, основавшій особый отдѣлъ для собиранія и разработки матеріаловъ, относящихся до дѣятелей Университета.

Редактированіе предположеннаго мною изданія сочиненій П. П. Артемовскаго-Гулака принялъ на себя съ полною готовностью профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета Дмитрій Ивановичъ Багалѣй.

Съ совершеннымъ уваженіемъ *Б. Гулакъ-Артемовскій.*

Адресъ: Г. Курскъ, 204 пѣхотный Обоянскій полкъ. Борису Іосифовичу Гулакъ-Артемовскому.

Украинское слово и искусство. «Артыстычный Вістныкъ». 1905 г. Подъ такимъ заглавіемъ начало выходить въ Галиціи, ежемѣсячное изданіе, посвященное музыкѣ, живописи и театру. Изданіе принадлежитъ союзу львовскихъ музыкальныхъ «товарыствъ», редактируютъ его Филаретъ Колесса и Дометъ Людкевичъ, при чемъ бли-

жайшее участіе въ сотрудничествѣ принимаетъ также художникъ Трушь. Въ выпускахъ «А. Вістн.», появившихся до сихъ поръ,—помѣщены, между прочимъ, статьи о духовной музыкѣ, о записываніи и гармонизаціи народныхъ пѣсенъ (съ письмами по этому поводу Н. В. Лисенка), характеристика молодыхъ украинскихъ художниковъ, статья о театрѣ и разныя мелкія замѣтки.

Выпуски журнала имѣютъ нотныя приложенія и снабжены очень хорошими иллюстраціями, которыя не представляютъ собою наборъ случайно попавшихся клише (какъ это часто бываетъ въ начинающихъ,—да и нѣкоторыхъ старыхъ,—изданіяхъ), а изготовляются нарочно, соотвѣтственно тексту «Артыст. Вістныка», причемъ клише заказываются въ Прагѣ, а печатаются во Львовѣ, подъ наблюденіемъ художника Труша. До сихъ поръ въ «Арт. Вістн.» помѣщены очень хорошо исполненные снимки съ картинъ и рѣзныхъ работъ, бывшихъ на недавней украинской художественной выставкѣ во Львовѣ, а также разные другіе снимки.

Такимъ образомъ, помимо того, что «Арт. Вістныкъ», является первымъ украинскимъ изданіемъ этого рода,—самъ по себѣ журналъ, по своему содержанію, заслуживаетъ полнаго вниманія интересующихся украинскимъ искусствомъ. Въ виду того, что навѣрное у насъ найдутся «прыхыльныкы» журнала, которые пожелаютъ поддержать его, какъ сотрудничествомъ, такъ и выпиской, сообщаемъ адресъ «Арт. Вістныка» и условія подписки на него: «Артыстычный Вістныкъ» выходитъ во Львовѣ,—улица Вірменська, № 2,—стоитъ 10 кронъ на годъ, съ пересылкою (для Россіи—5 руб.). («Полтавщина», № 183).

О. П.

Осторога проты холеры. Подъ такимъ заглавіемъ изданъ Кременецкой уѣздной управой по дѣламъ земскаго хозяйства листокъ на украинскомъ языкѣ, съ рядомъ наставленій, какъ слѣдуетъ оберегать себя отъ холеры и какъ бороться съ нею. Отъ всего сердца привѣтствуемъ этотъ хорошій починъ Кременецкой земской управы и надѣемся, что ему послѣдуютъ и другія земства, не только по поводу пугающей насъ нежеланной гостьи, но и по поводу безконечнаго ряда вопросовъ жизни, требующихъ свѣта и знаній въ нашихъ селахъ.

Къ расширенію городского музея въ Харьковѣ. Комиссія, завѣдующая городскимъ художественно-промышленнымъ музеемъ, въ настоящее время озабочена пополненіемъ его коллекцій. Предсѣдатель комиссіи проф. Д И. Багалѣй представилъ планъ систематическаго расширенія его художественно-промышленнаго отдѣла, имѣя въ виду придать ему современемъ характеръ и облостнаго хранилища, на подобіе всѣхъ лучшихъ провинціальныхъ музеевъ. Императорская академія художествъ прислала недавно нѣсколько прекрасныхъ акварелей и типичныхъ русскихъ гравюръ. Возбуждены ходатайства и передъ другими учрежденіями о пожертвованіи памятниковъ. Было-бы желательно, чтобы и мѣстное харьковское общество пришло на помощь городскому музею своими пожертвованіями—картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ, а также предметовъ художественной промышленности, въ особенности имѣющихъ какое либо отношеніе къ Харьковской губерніи и Малороссіи вообще (виды Харькова, портреты мѣстныхъ дѣятелей). Съ другой стороны, рѣшено пріобрѣтать и за деньги памятники искусства, преимущественно русскаго, сѣвернаго и южнаго, относящіеся къ области живописи, архитектуры и т. п.; интересны издѣлія художественной промышленности, преимущественно старой, и все то, что имѣетъ историческій интересъ; наконецъ, этнографическіе предметы, носящіе на себѣ печать искусства (конечно, относительно). Обращаться съ предложеніями слѣдуетъ въ городской художественно-промышленный музей или къ предсѣдателю музейной комиссіи. («Южный Край» № 8450).

Украинскій декламаторъ. Издатель русскаго «Чтеца Декламатора», вышедшаго уже пятымъ изданіемъ, И. И. Самоненко (Кіевъ, Крещатикъ № 39) издаетъ украинскій декламаторъ «Розвага», составленный О. Коваленкомъ. Уже оканчивается печатаніе этого сборника и онъ на дняхъ поступитъ въ продажу. Въ сборникъ вошли лучшія произведенія всѣхъ корифеевъ украинской литературы, а также молодыхъ писателей и поэтовъ Украины Россійской, Галиціи, Буковины и Америки. Всего помѣщено произведеній болѣе 100 авторовъ съ 50 портретами поэтовъ, писателей и артистовъ. Сборникъ вмѣщаетъ въ себѣ 520 страницъ, текстъ украшенъ стильными орнаментами въраскахъ, видами и художественными украинскими закладками. Цѣна книги 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р. 75 коп.

Подписка принимается въ Кіевѣ: въ книж. магазинахъ—Леона Идзиковскаго, Крещатикъ, № 29; Иванова и К°, Фундуклеевская, № 2, и у издателя.

Полтавской архивной комиссіей изданъ первый выпускъ ея трудовъ; онъ заключаетъ въ себѣ около 25 печатныхъ листовъ. Комиссія уже разослала ихъ въ уѣздныя управы тѣхъ уѣздныхъ земствъ, которыя ассигновали ей пособія. Всѣхъ разослано 319 экземпляровъ Помимо этого разослано по экземпляру всѣмъ губернскимъ гласнымъ и въ библіотеки всѣхъ уѣздныхъ управъ. Въ послѣднія разослано, помимо этого, по два экземпляра брошюры «О межеваніи въ полтавской губерніи», изданной комиссіей. («Полт. Вѣд.» № 777).

Къ XIII екатеринославскому археологическому съѣзду. Московскій предварительный комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ, при помощи вспомогательныхъ комитетовъ, существующихъ при харьковскомъ и одесскомъ университетахъ, при обществѣ Нестора лѣтописца въ Кіевѣ, при нѣжинскомъ лицеѣ, при новочеркасскомъ музеѣ, при полтавской, черниговской, курской, воронежской, таврической и херсонской архивныхъ комиссіяхъ, при обществѣ любителей изученія кубанской области, дѣятельно готовится къ съѣзду, который, какъ извѣстно, созывается въ этомъ году съ 15-го по 26-ое августа.

Каждый изъ предварительныхъ комитетовъ работаетъ, производитъ раскопки и предпринимаетъ разныя изслѣдованія въ своемъ раіонѣ: одесскій комитетъ производитъ изслѣдованія въ Бессарабіи, подготовляетъ огромный трудъ проф. Фонъ-Штерна по части новооткрытыхъ могильниковъ, долженствующихъ связать находки Хвойко въ Трипольи и другихъ мѣстностяхъ кіевской губ. съ до-микенскою культурою; Кіевскій—печатаетъ интересный трудъ по изслѣдованію украинскихъ древностей, производитъ раскопки въ сѣверныхъ предѣлахъ екатеринославской губ., съ цѣлью выясненія городищъ, служившихъ нѣкогда охраной и защитой по р. Орели, Сулѣ и проч., и представилъ цѣлый рядъ лицъ, посланныхъ для изученія и разработки архивовъ на Волыни, Подоліи и въ Екатеринославѣ.

Харьковскій комитетъ производилъ раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ губерніи, командировалъ одного изъ своихъ членовъ на р. Кальміусъ и готовитъ къ съѣзду интересный сборникъ матеріаловъ.

Комитеты въ Нѣжинѣ, Полтавѣ, Черниговѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Екатеринодарѣ, Симферополѣ и Херсонѣ собираютъ свѣдѣнія по мѣстнымъ памятникамъ старины, каменнымъ бабамъ, архивамъ, частнымъ коллекціямъ и подготовляютъ для выставки этнографическій матеріалъ.

Москва руководитъ всѣми этими работами, даетъ средства на болѣе значительныя поѣздки и раскопки, заканчиваетъ печатаніе трехъ томовъ трудовъ харьковскаго съѣзда, готовитъ интересный трудъ по Херсонесу, который предполагается посѣтить подъ конецъ съѣзда.

Не мало потрудился также надъ устройствомъ съѣзда мѣстный екатеринославскій комитетъ: Д. И. Эварницкимъ произведенъ рядъ удачныхъ раскопокъ, въ городѣ спѣшно заканчивается музей имени Поля, готовится выставка, которая размѣстится какъ въ музеѣ, такъ и въ Потемкинскомъ дворцѣ, готовятся помѣщенія для съѣзда и его членовъ, подготовляются раскопки и поѣздки на пороги до Никополя и пр. и пр. («Приднѣпр. Край» № 2464).

Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія въ Галичинѣ. По уровню народнаго образованія Галичина занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ Западной Европѣ. Какъ показываетъ отчетъ галицкой «Ради шкільноі», въ 1902—3 г.г. на 6240 сельскихъ обществъ 2214 не имѣли правильныхъ школъ (изъ нихъ 981 не имѣли школъ вовсе, т. е. цѣлая треть Галичины не можетъ удовлетворять потребностей даже въ низшемъ образованіи. Если взять спеціально русинскую печать Галичины, то это отношеніе окажется еще болѣе неблагопріятнымъ, такъ какъ даже существующія школы, благодаря недостатку учителей-русиновъ, не могутъ выполнять свои функціи болѣе или менѣе правильно. Изъ учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ лишь $^1/_4$ (900 изъ 2686) принадлежитъ къ русинамъ, и, разумѣется, это число оказывается далеко недостаточнымъ для удовлетворенія нуждъ Галиціи въ учительскихъ силахъ.

Такое положеніе дѣлъ зависитъ отъ общаго состоянія школьнаго дѣла въ Галичинѣ, отъ того фактическаго преобладанія, какое принадлежитъ тамъ польскому элементу. Оставивъ надежды на улучшеніе

этого положенія путемъ государственной организаціи образованія, русины начинаютъ придавать все большее значеніе частной иниціативѣ. Первымъ средствомъ къ этому служитъ подготовка учителей-русинъ, и недавно коломыйская филія «товариства педагогичного» обратилась съ воззваніемъ къ галицкому обществу о сборѣ пожертвованій на открытіе учительской семинаріи въ Коломыѣ («Діло», № 125). Коломыя избрана, какъ одинъ изъ болѣе значительныхъ русинскихъ центровъ, обладающій уже полной украинской гимназіей, что облегчитъ возможность открытія и семинаріи, такъ какъ на мѣстѣ имѣются готовыя уже преподавательскія силы въ лицѣ учительскаго персонала гимназіи. Если сборъ пожертвованій пойдетъ успѣшно, то въ началѣ 1906—7 уч. года семинарія будетъ уже открыта.

Воззваніе коломыйской филіи горячо поддерживаетъ въ іюльской книжкѣ «Л.-Н. Вістника» проф. Грушевскій. Редакціей названнаго журнала открытъ сборъ пожертвованій на указанную цѣль, и нужно надѣяться, что наши галицкіе земляки съ полнымъ сочувствіемъ и отзывчивостью отнесутся къ этому въ высшей степени важному предпріятію.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ХС.

1905 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ III.